
Тёмное Фэнтези

Обречённые Души

Книга II
Паутина Интриг

Манвэдэит Ум Ёфнум Анси
У всех имеется цена

Сергей Шипов

16+

Сергей Сергеевич Шипов

Обречённые души:

Книга II. Паутина Интриг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49575349

SelfPub; 2020

Аннотация

Среди людей царит разлад. Назревает война. Король северного королевства Сноуглэйд Форас Фрост набирает войско и собирается выступить на Форлианд через Вэтфэльд. Король Северного Форлианда скончался, не оставив наследника. Начинается борьба за престол, претендентов разрывают разногласия, а некогда связанные союзными хартиями с Вэйтстоуном герцогства отрекаются от подданства и начинают свою политическую игру. Каждый плетёт паутину интриг, чтобы обеспечить себе место под солнцем, но никому нет дела до сторонних мистических сил. Духи магического микромира Аркдэн неотступно бьются за обладание внешним миром, используя в качестве своего орудия сверхъестественных существ, чьи судьбы тесно сплетены.

Пролог.

Есть вещи, кои испокон веков не меняются и не исчезают. Они являются неотъемлемой частью круговорота жизни и смерти. Одной из этих вещей, как бы печально это не звучало, является война. Едва зазвучав на устах, это слово повергает в ужас и заставляет душу трепетать, особенно у тех, кто вкусил ядовитые плоды этого бушующего кошмара, увечащего отчаянием рассудок и лишаящего частичек человечности.

К великому несчастью, войны, точно неутомимые и ненасытные всадники смерти не переставали преследовать Эридэн с тех самых пор, как на нём была сотворена жизнь. Так последняя кровопролитнейшая война в истории, потрясшая вторую эпоху, закончилась триста пятьдесят лет назад на Обсидиановых пустошах близ вулкана Тадос (в дальнейшем именуемые «Тадосские Клыки» из-за изогнутых, как зубы хищников, обсидиановых шпилей). Арклы (на Тардэне наречённые людьми «Демоны»), вновь были запечатаны в своём мире, и какое-то время потусторонние силы не вмешивались в круговерть времени Эридэна.

Изгнанные с Фальдэна ликирианские эльфы (или серокожие, а в народе «тёмные») по вине их жадного властолюбивого правителя Каагрэла, завладевшего силой Драконьих доспехов (некогда принадлежавших Дэрэгруссу – могуществен-

ному богу войны) и мечом «Сокрушителем Драконов» (ранее известный, как «Алый Крушитель»), были вынуждены искать приют по соседству с людьми и акари. Ненавистная и презираемая и теми и другими, раса основала поселения, а впоследствии города в западной части Обсидиановых пустошей, на южной окраине Черной Пустыни и на северной, в Степных землях Альтис-Нуир, с незапамятных времён принадлежавших племенам Зверолюдей(Варийцев). Через какое-то время непримиримая вражда к ликирианцам ослабла, и на новых землях эльфы продолжили развивать своё ремесло, в коем им не было равных, и преподносить его другим народам. А ремеслом их было – убийство. А поскольку череда распрей между людьми не покидала Ардор, это стало отличной почвой, для процветания этого тёмного дорогостоящего искусства.

Вскоре погиб последний потомок прославленного императора Эмиуса Ардора, долгое время не только объединявшего воюющие земли людей, но и примирявшего их с эльфами, избегая ненужных кровавых раздоров.

В конце концов, Ардор – некогда великая независимая империя, занимавшая большую часть материка и контролировавшая междоусобицы акари и ликирианцев, раскололась на два огромных королевства с новыми строгими порядками и законами: Южное – Альвибнию и Северное – Тавринию. Вскоре внутренние противоречия в новых государствах раздробили их ещё на несколько самостоятельных держав. Аль-

вионию на – Альтэрос и Тэмерон или Тамеркрос, а Тавринию – на Фбрлианд, Вэтфэльд, Вудвельд и Сноуглэйд.

Единовластный правитель Форлианда Томад Тронэр скончался, и его место должны занять его супруга Фаретра и его племянник Кромат Тронэр, к которому вдова всем сердцем питает отвращение и презрение. Как выяснилось, на похоронах короля Томада всех правителей северных и южных земель заботит лишь одно – престол в Вэйтстоун. Больше всего это волнует правителя Фивисвэйла Нокта Бэллуса, чей город был столицей до тех пор, пока не окончилась война с Безумным Фростом, из-за чьей паранойи, порождённой алчностью и властолюбием, Тавриния была разорвана, точно лоскут ткани, на четыре крупных державы. Сын этого спятившего императора – король с бунтарским нравом Дэриан Фрост, правитель Сноуглэйд – северных земель Ардора, изрезанных горами и скованных мерзлотой, отказался уплачивать дань Альвионии – победителям в войне. За это Форлианд и союзный с ним, но обычно находящийся в тени, Вэтфэльд отказались знаться с непокорным надменным севером. Форас Фрост – правнук Дэриана Фроста, видя упадок своей державы и предчувствуя её скорую гибель, начинает всё чаще размышлять о военной компании. Он узнает от своего старого друга Ролана Глэйда – генерала Старстоуна, намерения Фаргоса Брогура – короля Вэтфэльда (тот желает расширить свои северные границы, завоевав южные плодородные земли Сноуглэйда), и сомнений в решении короля севе-

ра остаётся всё меньше. Фрост, к своей удаче, не так давно отыскал гробницу великого воина Кальтэр Колда, победившего ужасного ледяного дракона мечом титана Тандриэла, по легенде выкованным из молний. Как оказалось, клинок «Тандэрколд» покоился с останками его второго владельца. Отыскав это магическое оружие и показав его Ролану Глэйду, король Сноуглэйд решает выступить войной на своих южных соседей, заручившись поддержкой Кальхейма – страны на западе, известной в истории нападением пиратов на торговые суда и грабежами на незащищённые поселения Ардора. Тем временем, его друг генерал Ролан Глэйд пребывает в Старстоун – столицу Вэтфэльда, где у него происходит конфликт с его правителем. Сын Фаргоса Брогура – самовлюблённый юноша Бахорн, получив отказ от Флёр Тронэр и пригрозивший войной её мачехе Фаретре, подслушал разговор отца с Глэйдом и решает объединиться с генералом. Заносчивый злопамятный принц обещает Глэйду военную помощь армии Фроста, взамен на возмездие и на помощь свергнуть отца с престола. Фаргос Брогур находит смерть на охоте от лап медведицы, не без помощи сына, конечно же. После этого Бахорн полноправно восседает на трон, начиная, тем самым, развязывать клубок войны.

Тем временем, в столице Южного Форлианда, в городе Сильвербридж, охотник Тайрис находит мешочек с изумрудами, за которыми давно охотятся знатный купец Биеруш и капитан городской стражи Дэкрий. Тайрис, защищая честь

своей возлюбленной, опрометчиво нападает на купца Биеруша, что едва не привело его к смерти, если бы, не его старшая сестра Сибэль. Однако всех троих ловит стража, и их обвиняют в разбойном нападении. Дэкрий шантажом заставляет Тайрису принести ему изумруды на блюдечке. Биеруш отправляет одного из своих громил проследить за Тайрисом и выбить информацию о драгоценных камнях. Однако мужчина из секретной гильдии, знававший отца Тайрису и охранявший эти изумруды, помог охотнику убить бандита и посоветовал ни при каких обстоятельствах не отдавать их. Этот же таинственный незнакомец ссорит Дэкрю и Биеруша, теперь кровавых распрей в Сильвербридж не избежать.

Однако миру грозит большая беда, ширящаяся как ночная чернота и поглощающая весь свет на своём пути. Правда, людям опасность эта неведома, ведь их заботят свои междоусобицы. Но есть у Эридэна бесстрашный заступник, тайно борющийся с тёмными силами. Имя ему Дэрд Альдиэро Кальтстэрий в кругах демонов известного, как Дэрдшэлд, сын Колдшэлда – единственного демона сумевшего нарушить запретные границы вселенных и явиться в мир живых существ. Некогда отрёкшийся от своего истинного имени, полудемон получеловек Даридий, долгое время бродил по миру, уничтожая самых разнообразных существ и защищая нуждающихся. И вот путь приводит его в Вилдфорт, где он встречается со своим давним заклятым врагом, давно считавшего поверженным. Теперь, известный как некро-

мант Ликтэрий, тёмный чародей, из-за чьих козней погибла любовь Даридия, сколачивает небольшую армию «мертвяков» – мертвецов-марионеток во главе с несколькими големами, надеясь получить от полудемона его чудодейственную кровь. В тяжёлой схватке Даридий освобождает свою демоническую сущность, что так упорно сдерживал всю свою жизнь, в итоге это помогает одолеть Ликтэрия и нарушить его планы, однако вырвавшееся облако тьмы из груди поверженного врага лишает победителя чувств. Неделию Даридий пролежал в кленовом лесу без чувств, а в Вилдфорте его уже посчитали мёртвым, но страшный сон вернул полудемона к жизни. Пробуждённая древняя сила демонов начинает всячески рваться наружу и овладевать разумом Даридия. Она заставила владельца нарушить его клятву – во чтобы то не стало не убивать людей. Сначала Даридий убивает стражников, стремившихся изнасиловать деревенскую девушку. Потом полудемон является в замок барона Нумериса – правителя Вилдфорта, и, узнав то, что он был в сговоре с Ликтэрием, в порывах неудержимой ярости перерезает ему горло, а после убийце приходится пробиваться через заслон стражи, дабы покинуть поместье феодала. Как только Вилдфорт остаётся за спиной, Даридий направляет своего вороного коня на юго-запад к хребтам Кханто, через которые тянулись ленты нескольких небольших речушек. Выехав из поселения на запад в сторону Риверглейд, полудемон попадает в волшебную долину, куда его привлекли очаровы-

вающие сияния ночных бабочек и странный голос, внезапно зазвучавший в его сознании. Древний могущественный артефакт, водружённый на высокий узорчатый камень, утерянный несколько десятков сотен лет назад, хорошо охранялся. Могущественный костяной страж изрубил бы Даридия на куски, если бы, точно материализовавшись из ночной темноты, не появился его старший брат Ашэлд, бесследно пропавший после раскола Тавринии. Между братьями состоялся разговор, в котором выяснилось, что Ашэлд собирается уничтожить привычный мир, вновь выпустив демонов и их несметные легионы наружу. Даридий же никоим образом не оправдывает бессердечное варварство своего кровного родственника, обвиняя его в безумии. Ашэлд в ярости взлетает с места и исчезает в ночи, а его брат находит таинственный артефакт, в пылу сражения закатившийся под груды тлена. Это был серый сферический булыжник, на котором едва заметно поблёскивали сизым и изумрудным светом руны. Даридий отыскал среди костей и камней старую потрёпанную сумку, в которую и положил необычный шар. Гудящий демонический голос повелел принести сферу к озеру Таухсэт в полдень. И больше полудемон ничего не слышал. Тогда он выбрался из долины, вскочил на своего коня и последовал словам этой странной магии, каким-то непонятным образом вторгшейся в сознание.

Глава 1

Была обычная капризная осенняя пора. Несмолкаемый ливень с заката и до самого рассвета заливал восточные земли Форлианда. Всю ночь неугомонный бешеный ветер, то отчаянно метался среди исполинских вековых дубов, то старательно гнул тонкие кленовые ветви, при этом ломая старые и отсырелые. К утру стихнувший ураган лишь шаловливо пробегал по верхушкам пожухлой травы и обрывал листья с промозгой кроны дремучих широколиственных лесов, охранявших подножие гор Кальдэр. Цепочкой каменных сабель они вздымались к непроницаемой для солнца плотной седой вуали, заслонявшей небосвод. Время от времени, пепельно-свинцовые ленты мрака, сгущаясь, наползали на эту белую пелену, а вскоре растворялись, оставляя от себя отравляющую темноту.

К полудню утомительный гомон ливня переменялся на кроткий шёпот. В это время по размытой дороге, обрамлявшей кленовую чащу, подгоняемая темноволосым всадником, стремительно мчалась лошадь, цвета вороного крыла. Изпод её копыт навстречу развевавшемуся чёрному плащу наездника вырывались комья грязи.

Наконец освободившись от назойливых колких капель дождя, мужчина свернул в сторону леса и остановил уставшего коня на отвесной круче, в сырой дернине которой увяза-

ли ноги. Даридий внимательно осмотрелся вокруг: под обрывом расстилался песчаный берег, возле которого бурливым мутным потоком извивалась река Кельви. За ней возвышалась, с прижатыми густыми травами, крутая опушка, плавно поднимавшаяся к стене пушистого ельника, из густых зарослей которого, изливался шумный речной поток. Заприметив место для подъёма, мужчина подошёл к коню и принялся развязывать седельный мешок. Выложив из него потрёпанную замшевую сумку, лук с колчаном стрел и меч, надёжно завёрнутый в серую ткань, Даридий быстро перекусил небольшим куском сушеного мяса и парой ржаных сухарей, размоченных водой из фляжки. Затем охотник покормил коня последними запасами еды и завязал опустевший мешок. Перекинув сумку через плечо и взяв в левую руку свёрток с мечом и луком, он заботливо погладил своего скакуна по гриве, после чего начал торопливо спускаться с обрыва к воде.

Приток Кельви заманчиво уводил Даридия в глубь мрачного глухого ельника, который вскоре начал сменяться душистым кленовником. Мужчина осторожно поднимался по скользкой глинистой лесной тропинке. Наконец, добравшись до того места, откуда сбегал к подножию склона бурный поток, Дэрд остановился, изумлённый красотой этих мест. Перед ним, словно хрустальный щит, блистало тихое озеро Таусхэт. На его зеркально-чистой глади отчетливо прослеживались солнечные переливы, как будто бы лучи восходили

со дна. Над прозрачной водой склонили свои зелёные руки огромные папоротники. Даридий аккуратно наступал на сырую дернину, пробираясь через заслон кустарников к озеру. Вдруг по ветвям клёна, сорвав с листьев капли дождя, просвистел ветер. За ним последовал странный еле различимый призрачный шёпот. Даридий, обеспокоенный подобным явлением, сбросил с головы капюшон и пристально осмотрелся по сторонам.

– Не пытайся отыскать меня! – грозно прозвучал притуплённый мистическим металлическим гулом демонический голос.

– Кто ты такой, покажись! – потребовал Дэрд, продолжая крутиться на месте в тщетном поиске незнакомца. В ответ мужчина услышал нарастающий надменный смех, плавно растворяющийся в оглушающем металлическом шуме.

– Прекрати! – рассерженно крикнул Даридий, устремив раздражённый взгляд на озеро.

– Твои попытки тщетны, Дэрд Альдиэро! Не пытайся найти то, что скрыто от твоих глаз, – ответил призрачный голос.

– Откуда тебе известно моё имя? Что тебе нужно от меня?! – поинтересовался мужчина.

– От тебя? – прозвучал задорный демонический смешок. – А разве не тебе ли нужна помощь?

– Помощь?! Сначала скажи кто ты такой, почему прячешься и так подозрительно бросаешься словами о помощи! – требовательным тоном произнёс Даридий.

– Слишком много вопросов! – сердито прогремел голос. Дэрд скорчил в болезненной муке лицо, схватившись обеими руками за виски. Через некоторое время странная боль, неожиданно возникшая из неоткуда, так же неожиданно исчезла.

– Если ты ещё не понял, я готов оказать тебе услугу, но, в свою очередь, ты должен будешь помочь мне, – соблазнительно предложил голос.

– А откуда мне знать, что ты меня не дуришь?! – возмутился Даридий. – Слишком уж странна наша встреча, – промелькнуло у него в голове.

– Один ты не в силах совладать с мощью своего брата! Ашэлд погубит всё живое в этом мире, если ты не освободишь меня из заточения!

– Уже требуешь освободить тебя?! – потрясённо переспросил Дэрд, продолжая перескакивать взглядом с кроны на крону в надежде отыскать проказника.

– Полудемон! – будто раскат грома, прозвучал демонический рёв, отчего мужчину перекорило. Дэрд схватился обеими руками за голову, терпя ноющую невыносимую боль в висках. В ушах звук перемешивался с призрачными шепотами, голосами и криками, сводящими с ума.

– Хорошенько подумай, что стоит на кону? – озадачил Даридия призрачный голос, горя нетерпением. Даридий тут же переменялся в настроении. Губы его содрогнулись, и полудемон в течении нескольких томительных минут искал от-

вет, ретиво перебирая все нити мыслей. Наконец, мужчина, оценив свои шансы в грядущей войне, осознал ценность заманчивого предложения и решил рискнуть, до последнего не веря в эту нелепую сделку с непонятно чем.

– Услуга за услугу, значит, ... так и быть, предположим, я готов освободить тебя? – неохотно согласился Дэрд.

– На дне этого озера находится сундук, в котором запечатаны скрижали, способные вернуть меня в этот мир, – пояснил призрачный голос.

– Только посмей меня обмануть! – угрожающе предупредил Даридий, но к этому времени мистический собеседник уже прервал мысленную связь.

Даридий сбросил на землю сумку, ножны, плащ, стальной наплечник и наручи, рубаху и теснившие ноги сапоги. Однако, после некоторого времени раздумий, вызванных точащими душу сомнениями, с кинжалами расставаться Дэрд не решился, а потому надёжно припрятал их за пояс.

– «Наверное, я обезумел, коль подчиняюсь просьбам непонятно чего», – неспешно ступая по мягкому песчаному дну, размышлял полудемон. – «Стоит быть начеку, это явно какая-то хитроумная уловка, не случайно этот шёпот явился в той долине. И тот страж не просто так там оказался, магический столб, таинственная сфера, всё это слишком подозрительно».

Оказавшись по пояс в воде, мужчина прервал поток раздумий и поплыл к центру озера, где, задержав дыхание, ныр-

нул. Сначала Даридий подумал, что глаза его обманывают, ведь вместо песчаного дна перед ним открылась мрачная пучина. Зеркально-чистая вода неожиданно стала мутной и солёной. Дна не было видно, как не было видно вообще ничего, кроме незыблемой темноты. Соль резала глаза и покалывала кожу, а мрак давал пищу сомнениям. Но это не позволяло поселиться трепету в душе Дэрда и сбить его с пути. Он погружался всё глубже и глубже. И вот свет за спиной окончательно померк – полудемона поглотила непроглядная мгла. Вода становилась всё грязнее, а ноздри теребил навязчивый запах тлена. Какое-то время Даридий безуспешно пытался достичь дна. И когда надежда начала его покидать, он неожиданно для самого себя нащупал руками донные камни. Крупицы песка, словно по волшебству, поднимались со дна и зависали в воздухе.

– Не нравится мне всё это, – подумал про себя Даридий, переплывая от камня к камню. Неожиданно полудемон наткнулся ладонью на какой-то странный предмет, похожий на обломанную кость. Кровь лёгкой исчезающей дымкой взвилась в мерклой воде. Другой рукой Дэрд нащупал человеческий череп. Внезапные находки насторожили мужчину. Тогда он отпрянул от камней и, закрыв разъедаемые солью глаза, начал всплывать. Однако неожиданно слух Даридия приковал странный мелодичный девичий голос, издаваемый со всех сторон невидимыми существами. Они стремительно приближались. Полудемон чувствовал их, но оставался на

месте, очарованный изумительной успокаивающей мелодией. Вскоре охотник ощутил прикосновение нежных рук, которое заставило впустить в душу умиротворение. Желание поднять веки не возникало, как и желания освободиться от коварных пут чародейской музыки. Ледяные губы коснулись шеи мужчины, а таинственный напев был так чудесен, что вскоре безмятежность, в которой пребывал Даридий, окончательно сковала его сердце. Мускулы немели. Тело, будто бы налитое свинцом, медленно опускалось на дно, а вокруг кружились прекрасные рыжеволосые русалки. Они ласкали холодными прикосновениями дланей и губ парализованную грудь своей жертвы. Дэрд не замечал уже того, что вокруг него тихо ступает смерть, а озёрное дно становится его могилой. Он пребывал в незыблемой тюрьме беспрестанного удовольствия. Девы-русалки кружились над своей добычей и неугомонно тянули свою сладкую смертоносную мелодию, упоённо разбавляемую кокетливым смехом. Однако неожиданно среди пустот разума Даридия прозвучал далёкий эфемерный крик. Он, точно луч света, пронзил затуманенный рассудок. Глаза полудемона задёргались. Следом прозвучал едва разборчивый тревожный голос:

– Очнись! Очнись немедленно! – звучал призыв. Дэрд шевельнул рукой. Парализованное тело неспешно оживало. Русалки заволновались. И когда их жертва открыла глаза, они, как стая голодных гиен, набросились на неё. Охотник испытывал жуткую боль всякий раз, когда пилоподобные зу-

бы жадно вонзались в размягчённую плоть. Очаровательные русалки оказались всего лишь иллюзией. Их истинный облик внушал трепетный ужас. Длинные волосы были схожи со щупальцами медуз, впалые перламутровые глаза, словно населённые туманом, вселяли пронзающий душу страх. По горбатой, покрытой чешуёй, спине от шеи до рыбьего хвоста тянулись костяные шипы. Возле сморщенной обвисшей груди, под сухими костяными руками, зияли крупные жаберные щели, точно раны, оставленные секирой. На оттопыренных локтях шевелились плавники.

Корявые когти на длинных перепончатых пальцах разрывали мясо, образуя щиплющие от соли раны. Чудовища проворно извивались и глумились над Даридием, озлобленно шипя, как змеи. Языком, похожим на кисточку, безгубые существа упоённо слизывали вытекавшую из порезов и ран кровь. Дикий надломленный шипящий рёв невыносимо резал слух. Дэрд изо всех сил сдерживал себя, чтобы не раскрыть рта и закричать от мучительной боли. Силы покидали изнеможённое изрезанное когтями и искусанное зубами тело. Одно из чудовищ прильнуло к своей жертве и своим мерзким длинным языком, мерцающим желчно-зелёным светом, пыталось проникнуть Дэردу в рот. Полудемон всячески отбивался и качал головой из стороны в сторону, стараясь увернуться от юркой, будто бы живой, кисточки. В ответ чудовище яростно вцепилось пилоподобными зубами жертве в шею. С каждой секундой хватка становилась всё крепче

и крепче. Мужчина начал задыхаться, но по-прежнему плотно смыкал челюсти. Тогда все остальные чудовища вонзили зубы в израненное кровоточащее тело жертвы.

– Уничтожь их! – грозно прозвучал отдалённый фантомный голос в глубинах сознания.

Внезапно глаза Даридия запылали огнём. Полудемон яростно зарычал и кинул разъярённый взгляд на кровожадных чудовищ. Мгновение – и от тела Дэрда во все стороны с неистовой силой распространилась волна обжигающего кипятка. Чудовищ отбросило в стороны, покрыв их нежную слизистую кожу язвенными ожогами. Не теряя времени, мужчина начал всплывать с мрачного дна. Однако у шипевших и вопивших монстров волна кипятка не отбила стремления насытиться кровью, и они бешено ринулись за ускользающей добычей. Настигнув её, чудовища вновь принялись вонзать когти и зубы в тело Даридия, стараясь тем самым утянуть на дно. Тогда полудемон, едва освободив руку из мерзких объятий, выхватил из-за пояса кинжал и хладнокровно вонзил его в горло одной из озёрных тварей. Чёрная, как чернила, кровь брызнула из смертельной раны, образовав непроглядное мрачное облако. Чудовища тут же отпустили Дэрда и алчно вцепились в перерезанное горло озёрной ведьмы. Ужасный вопль, раздираемой на части добычи, казалось, вышел из вод Таусхэт и достиг крон деревьев. Когда кровожадные монстры полакомились и опомнились, Даридий был уже далеко, но одна из озёрных ведьм решила

рискнуть. Ведь сладкая кровь демона придавала сил, дурманила, вызывала безрассудство. Как только тварь догнала полудемона и ухватила его за ногу, тот, не колеблясь, всадил кинжалы опрометчивому чудовищу в череп по самые рукояти. Труп плавно пошёл ко дну, где его с нетерпением ждали прожорливые сородичи.

Даридий облегчённо вздохнул, вынырнув из опасного озера. Даже будучи полудемоном и имея возможность надолго задерживать дыхание, он рисковал сгинуть в толще воды. Достигнув берега, мужчина измученно упал на песок и обессилено пополз под огромный папоротник. Неглубокие раны на теле уже затянулись, а самые жестокие настырно продолжали противиться заживлению. Сил стоять на ногах не хватало. Тогда Дэрд закрыл глаза, чтобы сосредоточиться на восстановлении, но знакомый демонический голос снова вломился в его сознание:

– Сундук! Ты добыл его?

На этот раз Даридий не стал торопиться с ответом. Он полностью расслабился, освободил свой разум от всех мыслей и продолжил исцеляться. Затем полудемон неспешно поднялся с земли и, ведомый природным чутьём, пошёл туда, откуда изливались, как ему казалось, иллюзорные шёпоты.

– Немедленно отвечай или сделке не бывать?! – сердито прогремел голос, усердно стараясь пробить магический барьер, мешавший ему проникнуть в разум охотника на

нечисть. Но Дэрд не реагировал на возмущение призрака, приглушённо звучавшего где-то далеко в его сознании. Полудемон всецело был погружен в нарастающий металлический звон. Когда шум превратился в раздражающий звенящий писк, взор Даридия упал на замшевую сумку. Мужчина быстро схватил её и вытряс на траву таинственный шар, пульсирующий едко-бирюзовым светом. Внутри него извивалась и кружилась чёрная дымка.

– Вот ты и попался, коварный врачеватель обмана! – не сдерживая торжества и гнева, воскликнул полудемон, сдавив сферу ладонями. Подобной силы запросто хватило бы завязать жестяной прутком узлом, но стекло даже не треснуло.

– Руки прочь! – встревожено прозвучал демонический голос, оглушительным звоном режа слух. После этого загадочный предмет мгновенно охладел настолько, что пальцы Даридия обратились в ледяные кристаллы. Шар рухнул на землю и, источая голубые языки сковывающего холода, покатился к озеру. Всё, с чем соприкасалась таинственная сфера, неминуемо обращалось в хрупкий ледяной хрусталь. Дэрд пошёл следом за магическим предметом, как только горячая демоническая кровь оживила кисти его рук.

– Зачем тебе понадобилась моя смерть? Отвечай! – требовал ответа мужчина у катящегося к озеру шара, не намереваясь схватить его.

– Прочь, полудемон, прочь! – огрызнулся демонический голос.

– Без ответов я не уйду! – гневно настоял Даридий.

На какое-то время молчание преследовало сферу, которая уже катилась по озеру, оставляя за собой крепкую ледяную тропинку.

– Остановись, или я уничтожу тебя! – угрожающе предупредил полудемон, ступая по трескающемуся льду. Но мысленная связь уже была разорвана. Тогда Дэрд стремительно побежал к своей цели. Чувствуя, что лёд под ногами вот-вот развалится, мужчина оттолкнулся от хрупкой поверхности, прокрутил в воздухе сальто и, выхватив из-за пояса кинжалы, приземлился, вонзив их полулунные серебряные лезвия в твёрдую оболочку сферы. Но как только оружие коснулось стекла, колоссальной силы выброс матово-зелёной энергии вырвался из бесконечно переливавшейся, то синим, то салатным цветом полости шара. Кинжалы тут же выскочили из рук Даридия, а его самого отбросило нарастающим взрывом к близстоящим деревьям. Дыхание перехватило, грудь сдавило; на миг мужчине показалось, что его сейчас разорвёт изнутри. Однако когда он с глухим хрустом ударился спиной о ствол клёна и рухнул на землю, энергетическая волна в мгновение ока вернулась туда, откуда появилась. Дэрд ошеломлённо посмотрел на таинственный шар, который неподвижно оставался на месте и испускал белоснежно-голубые языки сковывающего холода. Вдруг лёд вокруг шара начал трескаться, а ещё не замёрзшая вода близ него дрожать. Полудемон насторожился, не спуская с магического предмета

обескураженного взгляда. В следующее мгновение от сферы во все стороны, величиной не менее чем с палец, полетели ледяные осколки. Охотник едва успел заслониться от приближающихся игл. Когда он убрал руку, истыканную мелкими сосульками, шар уже погрузился в толщу воды. Мужчина ослаблено поднялся с земли и прижался плечом к мокрому веявшему сыростью стволу клёна.

– Проклятье! – с досадой изругался полудемон, аккуратно вынимая из тела, глубоко застрявшие крупные ледяные колючки.

Едва Даридий отдышался и исцелился, как его острый слух побеспокоил протяжный глухой басистый рёв, донёсшийся со дна озера. Через короткое время звук повторился снова, но уже более отчётливо, как будто что-то гигантское неумолимо поднималось из глубин таинственного водоёма. Дэрд с тревогой смотрел на озёрную гладь, сморщенную усиливающимися колебаниями воды. Полудемон не стал мешкать. Он на пределе сил помчался к своим вещам, опоясался мечом, надел колчан со стрелами и, вложив в правую руку лук, стал ждать. Узоры – руны демонических надписей, слабо пульсировали вишнёво-красным светом на тетиве и отрогах чёрного, как ночь, лука. Заклятья, что были вложены в эти загадочные слова, свечением отражали агрессию, исходившую извне. Рёв становился всё пронзительнее и свирепее, а озёрная гладь дрожала от этого жуткого, пробирающего страхом душу, звука. Узоры, светясь пунцовым огнём, что

случалось сравнительно редко, предупреждали об огромной опасности.

Вскоре раздался оглушительный всплеск воды и из мрачных глубин, вздымаясь под кроны деревьев, в наряде из тины и ила, вырвалось огромное омерзительное змееподобное чудовище. На его чешуйчатой осклизшей морде не было глаз. На голове маячил кожистый бледно-жёлтый гребень, который поднимался всякий раз, когда ужасный зверь раскрывал свои четырёхлопастные челюсти, усеянные хитиновыми зубцами-крючьями. На каждом сегменте угольно-серого чешуйчатого тела от позвоночника на гибких хрящах, располагалось по паре подрагивающих щупалец, обнимавших брюхо. По бокам туловища были сложены кожистые плавники, а по спине тянулся сизый плёнчатый гребень.

Даридий, пронизанный беспокойством, невольно отступил от озёра, уже приготовив стрелу. Чудовище тихо горланно рычало и ошетинилось, стараясь уловить хоть какой-нибудь звук. И тут полудемон наступил на старую сухую ветвь сосны, стрела выскользнула из рук. Громкий хруст древесины привёл озёрного зверя в бешенство. С оглушительным рёвом он раскрыл перед Даридием свою ужасную зловонную пасть, изрыгая вязкие смрадные сгустки слюны и прелые кости жертв. Огромный слизистый язык с бугорками вынырнул из зубастой глотки, из которой тянуло смертью. На каждом сегменте тела загорелся яркий фиолетовый глазок.

– Что же ты за тварь такая, – с омерзением протянул Да-

ридий, вытерев лицо. Зверь медленно сомкнул зубастые челюсти и, дрожа всем телом, зашипел, угрожающе расправив гребни на голове и спине. Полудемон недвижимо стоял на месте, крепко держа в руках лук, казалось, утративший свой чёрный цвет в ярко-красном огне. Чудовище, застывшее на месте от обескураживающей тишины, изливало из горла тихое рычание, шевеля жаберными складками в области шеи, из которых то и дело сочилась вода. Дэрд осторожно вытянул отравленную стрелу из колчана с жёстким сиреневым оперением и приложил её к тетиве. Звук натягиваемой гибкой высохшей жилы дракона привлёк чуткий слух озёрного зверя. Он слегка приоткрыл челюсти и, испуская смрад из пасти, приблизил морду к полудемону. Охотник уже был готов выпустить стрелу в чудовище, но всё же продолжал ждать более подходящего момента (яд, используемый для этих стрел, принадлежал крайне редкому пещерному существу – вексару, а потому был безмерно ценен). Монстр начал неспешно убирать щупальца с колыхавшимися обжигающими волосками от мягкого слизистого брюха.

Немеющая от усталости рука задрожала, и Дэрд невольно скрипнул зубами – он из последних сил старался удержать стрелу, дабы не потратить зря. Зверь уловил этот звук и начал медленно раскрывать свою ужасную пасть. На сегментах тела загорелся фиолетовый глазок, а на брюхе сапфировое свечение проявило кровеносные сосуды. Чудовище с приоткрытой пастью дышало зловонием в сторону своей жертвы,

но высовывать язык не желало, будто предчувствовала намерения врага. С внутренней стороны распахнутых челюстей мышцы, образовывавшие складки, отделились и вытянулись в усеянные ядовитыми жгутами змеевидные трубки с зубастыми округлыми ртами. Пробудившиеся щупальца потянулись к жертве. Тогда полудемон рискованно топнул ногой по сломанной ветке и зверь, пронзительно заревев, тут же выбросил язык из зубастой глотки навстречу деревянному треску. В этот момент пальцы Даридия отпустили стрелу. Зазубренный наконечник, смазанный опасным ядом, намертво впился в мякоть языка. Чудовище надломлено зашипело и завопило, мотая онемевающим языком из стороны в сторону. Резко отпрянув от своей цели, оно отчаянно начало колотить щупальцами по воде, раздражая при этом свой тонкий слух. Дэрд знал, что время действия яда на такого огромного монстра ничтожно мало, но убегать у него в мыслях не было, ведь где-то на дне этого озера укрылся таинственный шар, а может быть, теперь он даже внутри этого чудовища. Полудемон спешно, но внимательно, осмотрел исполинского озёрного змея, стараясь отыскать уязвимые места. Взор пал на жаберные щели. Мужчина встревожился, действие яда ослабевало – зверь волновался всё меньше, медлить непозволительно!

И вот тетива уже натянута, рука держит стрелу, губы шепчут заклинание – охотник тянет время, которого почти не осталось. Сердце бьётся чаще, ошибаться нельзя! Наконец,

сверкнув рубиновым блеском, стрела, со свистом разрезала воздух и крепко вонзилась в мягкие мускулы. Зазубренный наконечник разорвал их, точно нож мякоть яблока. Зверь протяжно душераздирающе завопил – заклятье многократно усилило ущерб. Из жаберной щели вперемешку с водой по горлу начала стекать тёмно-синяя кровь. Даридий отбросил лук в сторону и резко вытянул меч из ножен, издав звонкий металлический лязг. Зверь, забыв про кровоточащую рану, уверенно нацелился на своего врага. Полудемон бросил ножны в валун, лежавший от него в шагах пятнадцати. Заслышав шум, чудовище пронзительно заревело и, яростно раскрыв пасть, накинулось на камень. Дэрд стремительно подскочил к обманутой озёрной твари и по рукоять вонзил клинок в чешуйчатую дубовую плоть, скрепив коротким заговором, точно нитью, плоть и демоническую сталь. Зверь шипел и качал головой во все стороны, пытаясь избавиться от холодного металла у себя в щеке. Даридий же, что есть сил, цеплялся за рукоять, чтобы не рухнуть в воды озера. Острое лезвие, разрывая мускулы, грозило выпасть из кровоточащей раны, несмотря на заклинание.

– Прыгать? – думал охотник, перебирая путающиеся в голове мысли. – Но куда? Кроме озёрной пучины пути нет, но там меня однозначно ждёт неудача, а я не могу сейчас проиграть, не могу, покуда мой злосчастный брат не окажется в могиле. Неужели, остаётся только один выход? Ведь с этим монстром сравниться по силе только демону, – с опаской ре-

шил Дэрд, напряжённо закрыв глаза и уже предчувствуя грядущее поражение.

– Значит, пришла пора отправить это злобное чучело на дно! – вдруг надменно усмехнулся демоническим голосом Даридий, приподняв веки и обнажив полыхавшие неистовым пламенем очи. Вены чёрными ветвями проступили на покрасневших мускулистых руках. В момент, когда меч готовился вот-вот выпасть из раны, демон успел ухватиться когтями за кровавую синюю мякоть разреза. Чудовище вновь подняло свирепый пронзительный рёв, по-прежнему продолжая бешено хлестать щупальцами по воде и мотать головой по сторонам. Незамедлительно Дэрд снова вонзил меч в твёрдую скользкую чешую, чуть выше кровотокащего ранения. Потом охотник нанёс ещё одну глубокую рану, вонзив перед этим когти в предыдущую. Таким образом, Даридий карабкался по разрезам к затылочному гребню чудовища. Душераздирающий вопль озёрного зверя резал слух, скользкая чешуя и дубовые напряжённые мускулы сопротивлялись лезвию меча, а вязкая жидкая кровь мешала цепляться за тело. Из-за постоянных резких движений головой монстра Дэрд то и дело срывался, но успевал вовремя крепко ухватиться за разорванные мышцы когтями. Чудовище ощущало жестокую боль, но никак не могло сориентироваться из-за шума воды и собственного безудержного рёва.

И вот до заветного гребня подать рукой, но меч настолько залип в синей вязкой крови, что уже не мог пробить че-

шую. Тогда Даридий вновь пошёл на риск. Пробудившаяся сила росла с каждым биением сердца, как и жажда крови. Дикая злоба всё больше овладевали полудемоном, дьявольским пламенем изжигая драгоценную человечность. Кровь чудовища на руках Даридия начала стремительно стекаться к узорчатой гарде клинка. Призрачная бледно-огненная буря вырвалась из дланей Дэрда и окутала «Душегуб» – меч с ужасной кровавой историей. Кровь чернела и плавилась как масло, облегая клинок и нарастая плотными жирными слоями, подобно тающему воску. Когда Даридий вырвал меч из плоти озёрного зверя, то «Душегуб» стал в два раза больше, а его металл – чёрный, как обсидиан, отливал странным заманчивым блеском. Изловчившись, демон ухватился за кожистый гребень и взобрался чудовищу на затылок. Не мешкая, Дэрд вогнал по рукоять раскалённый клинок зверю в череп. Раздался хруст пробитой кости, и из раны вырвался фонтан крови. Зверь разъярённо зашипел и резко дёрнул головой. Лезвие выскочило из черепа, а демон грохнулся спиной на скользкую окровавленную чешую и, не упуская меча из рук, начал скатываться по изогнутому позвоночнику чудовища в воду. Дэрд свирепо зарычал, хватаясь за сизый гребень. Напряжённой рукой он сдвинул плавник так, что когти разорвали его толстую плёнку. В следующий момент раздался глухой скрежет и треск гибких хитиново-костных хрящей – демон вонзил раскалённый клинок чудовищу в позвоночник и с трудом провернул его в ране. Озёрный зверь пронзительно

заревел. В сторону Даридия устремились щупальца. Однако охотник ловко увернулся от них, оттянув на себя рвущуюся кожу гребня. Одно из щупалец наскочило прямо меч. Лезвие пронзило гибкий хрящ и порезало нервы. Тело зверя пробила дрожь. Сначала слабая, затем она становилась всё сильнее и сильнее. Раны, нанесённые «Душегубом» пожирали саму душу чудовища. Оно безвозвратно слабело. Немошь обуревала истязаемое кровотокающими глубокими порезами тело. Зверь начал медленно погружаться на дно.

– Но уж нет, ты от меня не скроешься! – кровожадно заявил Дэрд, яростно вонзив когти зверю в обожженное мясо и с остервенением разрывая его. Нащупав в плоти рукоять клинка, демон вытащил его, а после вновь заглубил. Снова и снова охотник пронзал раскалённым лезвием тело зверя, пока не перерубил ему позвоночный столб. Обессилено горланно завыв, оно рухнуло, как спиленное дерево наземь, судорожно подёргивая щупальцами.

Благополучно оказавшись на земле, демон пошёл к израненной голове ослабевшего чудовища. Зверь вздрагивал и угрожающе шипел. Полюбовавшись своей работой, Дэрд рубанул мечом по складкам жабр и издевательски посмеялся, не поскупившись ещё на пару колотых ран. Чудовище извергло из глубин глотки протяжный рёв, примешивая к нему угрожающее шипение. Но демона это лишь забавляло и наполняло восторгом его пламенное жестокое сердце. Но внезапно окровавленная пасть зверя раскрылась и четыре змее-

видных щупальца вонзили свои зубастые округлые рты в тело жертвы. Они жадно впивались своими челюстями в горячую плоть, а ядовитые жгуты, усеивавшие их пасти, жгли кожу. Дэрд пытался отделаться от назойливых щупалец, но те, точно удавы, крепко обвилились вокруг его рук и ног. До оцепенения сдавив мускулы, они неминуемо притягивали жертву к зловонной мерзкой пасти. Демон разъярённо прорычал какое-то короткое запутанное заклятие. Его глаза запылали ещё большей свирепостью, а тело начало источать пламя. Щупальца тут же ринулись от раскалённой плоти обратно в пасть озёрного зверя, но Дэрд успел схватить две змеевидных кровожадных трубки. Иступлённо мешая рык и хохот, демон сдавил их, вонзив в их слизистые морщинистые покровы раскалённые когти. Мгновение – Даридий изверг вспышку пламени из огненных глаз и разорвал щупальца, отбросив в сторону их дико вопящие захлёбывающиеся кровью глотки. Тогда чудовище отчаянно раскрыло зловонную зубастую пасть и попыталось схватить своего врага языком. Но Демон изловчился и отрубил край мягкой мясистой плоти. Озёрный зверь поднял истошный пронзительный рёв, медленно волоча раненый обожженный язык обратно в горло. Дэрд, не мешкая, бросил меч следом. Раскалённое лезвие приковало язык к нижнему нёбу. Чудовище в бешенстве задёргалось, тщетно пытаясь освободиться от выкачивающего силы меча демона, который с нескрываемым восторгом наслаждался страданиями умирающего зверя. Тогда щупальца вновь на-

бросились на Даридия; ухватив его за ноги, они поволокли его в глотку. Но демон даже не стал сопротивляться. Он спокойно дождался, когда обожженные визгливые щупальца подтянут его к дергающемуся языку, чтобы запустить снап огненных искр в раскрытую глотку.

Прогремел оглушительный взрыв, вызвав дождь из вязких сгустков синей крови, кусков хрящей и шматов разорванных тканей пищевода и мышц. Поднявшись на ноги, демон начал ходить вокруг поверженного зверя, ища в его останках таинственный шар. Всмотревшись в тёмную глубину разорванного пищевода, охотник заметил едва уловимое изумрудно-бирюзовое мерцание. Тогда Дэрд вырвал «Душегуб» из языка чудовища и уверенно подошёл к тому месту туши, где она уходила в воды озера. В следующий момент раскалённое лезвие с противным шипением проникло в слизистое гладкое брюхо поверженного зверя. Из раны вывалилось содержимое желудка, от которого по ноздрям бил едкий запах укуса. Мерзкая водянистая жижа окутывала мерцавшую сферу. Охотник рассерженно пнул шар подальше от воды, а после, готовый к новым фокусам, осторожно взял его в руки и коварно улыбнулся.

– Теперь тебе никуда не деться! – победно заявил Дэрд, безжалостно царапая когтём стекло. Против демонической силы все чары этого загадочного предмета оказались бессильны. Вдруг ослепительный яркий свет вырвался из чёрных глубин сферы, но демон лишь слегка прищурился.

– Эти трюки больше не пройдут! – заявил Даридий и сдал ладонями шар, принявшийся отчаянно испускать сковывающий холод. Стекло лопнуло. Из трещин начала просачиваться густая вязкая чёрная жидкость с изумрудными переливами, то и дело прерываемая фиолетовыми волнами. Тогда Дэрд разбил о камень уже хрупкий, как фарфор, шар. Чёрная субстанция принялась медленно стекать в одну точку и непрерывно расти. Демона это странная материя настрожила, и он сделал несколько шагов назад. Вскоре загадочная жидкость обрела формы человеческого тела, затвердела и неспешно шагнула навстречу своему освободителю. В этот момент угольно-серая зола осыпалась с «Душегуба», возвращая ему прежний вид, а тело полудемона неторопливо обретало присущую ему внешность.

– Что ты такое? – прорычал Даридий. Странная безликая фигура молчала. Её плоть походила на сплошной матовый мрак, изливавший эфемерные языки тьмы. По телу плыли фиолетовые переливы и проворно извивались тонкие призрачные багровые змейки. Неожиданно безмолвная фигура резко открыла рубиновые глаза, источавшие расплывающиеся языки красного света.

– Ах, это сладкое чувство свободы! – восторженно произнесло существо жутким надломленным голосом, утопающим в приглушённом металлическом эхе.

– Стой на месте! – приказал демон, сжимая рукоятку меча.

– Убери меч, Дэрдшэлд... это ни к чему, – невозмутимо прохрипел собеседник, отмахнувшись рукой, от которой во все стороны хаотично разлетелись матово-чёрные капли, неспешно растворяющиеся в воздухе.

– Откуда тебе известно это имя? – Даридия перекоробило. – Ты из Аркдэна, да? Ну же, отвечай! – угрожающе размахивая «Душегубом», требовал ответа демон.

– Сколько же в тебе нетерпения, – прикрыл возмущение усмешкой собеседник. – Хм, знакомый клинок, откуда он у тебя?

– Нашёл.

– Мне много где довелось побывать... такие вещи просто так не находятся, – сердито парировала фигура, шагнув к демону.

– Тебе-то что? – возразил полудемон, выставив навстречу неизвестному существу острие меча.

– Подобное оружие таит немало опасностей и сулит ужасные невзгоды, – Пояснил загадочный собеседник. – Чтобы ты знал, я Морк – существо, созданное магией. Когда-то эльфы, гномы и люди соткали меня из сотен исковерканных жестокостью, безумием и злобой душ, дабы очистить этот мир от грязной заразы Аркдэна.

– *Тлена?*

– Именно! – кивнуло существо. – Но когда борьба с *Тленом* окончилась, фалдорианские волшебники и саэри заключили меня в этот проклятый шар, где время течёт, так мед-

ленно, что страшно даже об этом говорить.

– Наверняка была причина заключить тебя туда? – с подозрением спросил Даридий, наконец, опустив клинок.

– Они боялись моей силы. В конечном итоге, я, как и *Тлен*, стал вытягивать энергию из всего живого. Ты освободил меня из томительной темницы, поэтому, теперь я у тебя в неоплатном долгу.

– Помнится, не так давно ты хотел, чтобы я издох на дне этого озера, затем пытался сбежать от меня, а теперь предлагаешь помощь, – каждое слово Дэрда резало недовольством.

– Видишь ли, на шар было положено заклятье, из-за которого моё сознание предельно нарушилось.

– Не оправдывайся! То к чему я питаю неприязнь, страшно меня раздражает, а ты, признаться, попал в этот список! – предупредил полудемон, приправив свою недоброжелательность язвительной усмешкой.

– Мне чужда твоя враждебность, больше всего меня заботит то, как ты собираешься решить назревшую проблему, – спокойным тоном протянуло существо.

– С чего бы вдруг тебе беспокоиться?

– Это многообещающий спектакль. Он полон боли, страданий и отчаянья, – усмехнулся Морк.

– Откуда мне знать, что твоя помощь вновь не обернётся для меня погибелью? Что если, подобно *Тлену*, ты пожнёшь мои силы? – стоял на своём Дэрд.

– Тебе явно не ведомо могущество этого клинка, – грустно

усмехнулся Морк, указав на Душегуб. – Пока ты с ним связан – тебе ничего не грозит. По крайней мере, от таких как я.

– Уж что-то мне не нравится твоя излишняя искренность, в чем подвох? – до последнего сомневался Даридий.

– Честно говоря, этот мир убивает меня,... заточение сильно исказило моё естество, моя душа и плоть слились воедино, породив эту хрупкую материю.

– Выходит, хочешь спасти себя, слившись со мной? Ну, уж нет, я не...

Даридий не успел договорить, Морк оборвал его, повысив тон, словно пытался задушить высвобождающуюся горячность собеседника.

– Ты нарочно смешишь меня своей невежественностью? То, что создано из *Тлена*, ему неподвластно! Твой клинок – оружие Аркдэна, он не просто поглощает души, открою тебе маленький секрет, он дарует над ними полную власть и, если потребуется, я помогу тебе раскрыть его потенциал. Подумай хорошенько, ты спасёшь меня от гибели, а взамен получишь небывалую мощь, которой даже твой брат позавидует.

– Хм, звучит заманчиво, но, зверь в глубинах моей души подсказывает мне, что лучше не соглашаться на твоё предложение, – с издёвкой ответил полудемон, надеясь, что это отобьёт у духа желание сомнительного союза. Но тот оказался непреклонен.

– Ха-ха-ха, да брось, никакого зверя нет и в помине, ты просто боишься, – поддразнил Дэрда Морк.

– Может и так, и что с того? – вызывающе ответил полудемон.

– А то, что Ашэлд готов на всё, чтобы следовать своей цели и добиться желаемого, а ты испытываешь страх, просто потому, что не веришь в собственные силы. С таким настроем, как не упорствуешь, кроме отчаяния, вытекающего из неудач и ведущего к поражению, ты не добьёшься ничего! – твёрдо заявил Морк.

Тут Даридий окунулся в пламенеющую пучину своих мыслей, спутанных липкой паутиной сомнений. – «Доверять явно этому существу не стоит, это ни к чему путному не приведёт, но отвергнуть его – значит, отказаться от попытки победить заклятого врага, один я ведь с ним и вправду не совладаю. Возможно, Морк, как бы он опасен не был, частичка надежды на победу. Придётся рискнуть, боязнь тут неуместна, теперь уже не имеет смысла, погибну я сейчас или потом, успев увидеть гибель мира. Аркдэн его поглотит, как бы я ни пытался противиться его словам, он остаётся прав», – удручённо признался Даридий, поникнув головой.

– И так, что ты решил, Дэрдшэлд? Поспешит, времени остаётся у меня мало, – поторопил Морк своего собеседника. Какое-то время полудемон и дух в напряжённом молчании не сводили друг с друга взгляда.

– Я должен остановить своего брата – нарушил безмолвие Даридий.

– Дай мне свою руку, – умело скрыв триумф, невольно

возникший в голосе, сказал дух. – Учти, моей силой крайне сложно научиться управлять, – предупредил он, подступая к полудемону.

Даридий кивнул, беспрекословно протягивая ладонь. Как только дух коснулся тёплой плоти, холодные вязкие капли матовой черноты начали собираться в жилки и расплзаться по всему телу. Даридий ощутил неприятное сдавливание всех мускулов. Но как только дух отпустил руку охотника, чёрные жилки начали медленно исчезать, источая призрачные языки свинцового цвета.

– Главное помни, – напутствовал собеседник. – Главный враг – это ты сам, победишь ты или подчинишься решать лишь тебе, – пояснил дух, чьё тело начало иссыхать и трескаться.

– Но с чего мне начать? – оторопел Дэрд.

– Все ответы внутри тебя! – погибающее ответил собеседник. Вскоре его тело, испуская языки серого дыма, обратилось в уголь, а потом и вовсе исчезло, не оставив и следа. Полудемон с досадой смотрел на смерть этого загадочного существа. После этого охотник собрал все свои вещи и вернулся к своему верному скакуну, который терпеливо ожидал его на берегу реки Кельви. Завидев своего хозяина, конь тут же избавился от гнетущей его апатии, заржал и встал на дыбы.

– Ну вот, дружище, я и вернулся, – поглаживая скакуна по холке, улыбнувшись, произнёс Даридий. В ответ конь бар-

хатными губами обласкал долгожданного хозяина, как будто бы расцеловал после долгой разлуки.

– Не мешало бы теперь всё обдумать и пополнить припасы – зевнув, устало протянул охотник, запрыгивая в седло. – А пока отправимся как мы с тобой в ближайший городок и как следует отдохнём. – После этих слов, конь сорвался с места и помчал своего хозяина через промозглые поля в крупное графское поселение на севере, именуемое Марквильд.

Глава 2

Ночь. Неугомонный дождь неистово барабанил по крышам, лишая сна и без того терзаемую горем королеву-вдову. Внезапно окно с грохотом распахнулось, и в утопшую во мраке комнату ворвался свирепый ветер, резвясь с алыми занавесями. Фаретра неохотно поднялась с постели и направилась к развевавшимся в дыхании непогоды шторам. И тут её взгляд приковали к себе чёрные, как уголь, застилающие ночное небо грозовые тучи. Влажными туманными руками они тянулись к горам, протянув через пустынные тёмные улицы Форлианда полосатую занавесь дождя, колышимую порывами ветра. Холодные капли коснулись лица вдовы, её волос, шеи, груди. Затворив окно, Фаретра ладонями стряхнула со щёк дождевую воду и, сопровождаемая раскатом грома, вновь отправилась в кровать. Но только женщина хотела опуститься на мягкие перины, как в дверь внезапно постучали. Сначала вдова подумала, что ей это грезиться, но вскоре шум повторился. С недовольством королева подошла к двери.

– Кхе, кхе... Ваше Величество, прошу простить меня за визит в столь позднее время, но, полагаю, вам кое-что необходимо знать, – раздался знакомый противно-лукавый голос.

– Ах, советник – это вы, – безрадостно произнесла королева, неохотно отворив дверь. За ней в тёмном камзоле с се-

ребряными пуговицами стоял советник Бромар, сопровождаемый двумя стражниками с подсвечниками в руках.

– У меня для вас не самые лучшие новости, – начал суетливо мужчина, нырнув в комнату.

– Что случилось? говорите быстрее, я хочу спать, – с наигранной апатией потребовала Фаретра.

– Вы знали, что вашего мужа отравили?

– Что... этого не может быть!?! – ошеломлённо произнесла вдова, – Как это отравили?

– Лекарь нашёл в чаше для питья очень редкий яд. Доза даже для взрослого крепкого мужчины смертельна, – пояснил Бромар.

– Кто это сделал? Вы нашли его? Ну же, отвечайте! – разволновалась королева, с трудом подбирая слова.

– Ну, как вам сказать, – потирая затылок, замялся советник.

– Не тяните же! – приказала сердито женщина.

– К несчастью, вы были последней, с кем его покойное Величество провёл последние часы жизни, – с притворным сочувствием ответил Бромар. Он прятал взгляд, ибо ехидство улыбалось в глазах.

– Что это значит?! Вы пытаетесь обвинить меня в убийстве собственного мужа?! – возмутилась Фаретра.

– К чаше кроме вас никто более не притрагивался. Утром будет суд, а пока я... мы вынуждены вас взять под арест и доставить в западное крыло замка, – пояснил Бромар.

Но Фаретра не услышала последних слов собеседника. В её голове начали хаотично сталкиваться мысли. Женщина пошатнулась, в надежде найти опору схватила воздух, и потеряла сознание. Советник успел подхватить падающее тело королевы. Так он сберёг её голову от, возможно, смертельного удара о спинку кровати.

Придя в чувство, вдова приподнялась с постели. Гром всё ещё бушевал, а молнии озаряли мертвецки-спокойное лицо Бромара. Фаретра с ужасом посмотрела на незваных гостей, которые терпеливо ждали её в двёрном проёме.

– Я этого не делала и никуда с вами не пойду! – категорично заявила Фаретра.

– Ваше Величество, не нужно упрямства, я верю вам, но порядку обязаны следовать все без исключений, – учтиво сообщил Бромар, протягивая королеве руку.

– Ваша вежливость так же фальшива, как и ваши обвинения, убирайтесь, пока я не приказала страже вышвырнуть вас! – пригрозила королева.

– Хорошо, приказывайте, – вызывающе ответил Бромар, скрестив руки у груди.

– Стража! – позвала королева, но в ответ ей откликнулась лишь тишина.

Тогда советник наклонился к вдове и с желчной усмешкой прошептал:

– Стража подчиняется только тем, кто ей платит. К несчастью для вас, я плачу ей куда больше.

В ответ Фаретра отвесила звонкую пощёчину дерзкому советнику. Взгляд женщины тут же наполнился съедающей ненавистью. Бромар более не посмел кичиться, он холодно посмотрел на вдову и коротко отдал приказ:

– В западную башню её!

– Пустите меня, пустите немедленно! – кричала рассерженно королева, пытаясь вырваться из рук стражников. Но тёмная ночь и пустые коридоры не в силах были ей помочь.

– Эх, какая сильная настойчивая женщина, – с ноткой ложного восхищения усмехнулся Бромар, подходя к трельяжу. – Даже жалко её немного, – коварно заулыбался советник, взяв в руки изумрудный кулон на золотой цепочке. Надёжно спрятав украшение во внутреннем кармане камзола, мужчина спешно вышел из комнаты и закрыл её на ключ.

Для Фаретры утро пришло неожиданно. Всё ещё тёплый свет солнца, грустно напоминавший об уходящем лете, лился через небольшое решётчатое окошечко, расположенное почти под потолком, где раскинулись заросли паутины. Женщина неохотно открыла заплаканные глаза и перевернулась на другой бок. В комнате с голыми каменными стенами было мало уюта. Дряхлая кровать грозилась вот-вот развалиться, а по дощатому полу, дыры которого тщетно прикрывал изорванный грязный серый коврик, безбоязненно шныряли докучливые мыши. Вдова, одетая в льняную ночную рубаху, подергивалась от холода, не решившись укрываться старым

потрепанным одеялом, уже давно ставшим домом для вшей.

Обласканная прикосновениями солнца, Фаретра долго лежала с открытыми глазами в умиротворяющей тишине, руками обняв себя за плечи. Ей не хватало объятий любимого больше, чем свободы. Женщине всё больше казалось, что с кончиной Томада её душу заключили в клетку, из которой выбраться ей уже не суждено. А эти серые бездушные стены, наполненные спокойствием, больше охраняли от тех печалей и невзгод, что поселились внутри Фаретры, нежели давили на неё. Вдруг гармонию нарушило предательское цоканье каблучков в конце коридора. Женщина знала – это идут за ней. Вскоре зазвенели ключи, загрохотала старая замочная скважина, и тяжёлая металлическая дверь медленно отворилась. В комнату, поскрипывая сапогами, важной походкой влетел Бромар, а следом за ним две служанки. У одной в руках были аккуратно сложены красное платье, расчёска, гребень для волос, туфли. У другой – небольшой поднос с парой варёных куриных яиц, тарелкой манной каши и кружкой молока.

– Позавтракайте, переоденьтесь, а потом вас проводят в главный зал, – скоро сообщил Бромар. – Ах да, и ещё, не тяните, суд не любит, когда его заставляют ждать, даже если вы королева, – не упустил момента для желчной улыбочки советник. Вдова с режущей, точно нож, безучастностью взглянула на мужчину. После того, как их глаза встретились, Бромар не стал задерживаться и в спешке покинул комнату.

Фаретра медленно поднялась с постели и опустошённо посмотрела на служанок.

– Ты свободна, – сказала королева служанке с подносом.

– Ваше Величество, но...

– Не заставляй повторять дважды! – сердито процедила вдова. Служанка выбежала из комнаты.

– А ты помоги мне одеться, жду не дождусь, когда всё это кончится, – проворчала Фаретра, расстёгивая пуговицы на вороте рубашки. Служанка, стараясь не испытывать терпение королевы, как можно скорее помогла ей сменить наряд, затем расчесала её волосы и гребнем аккуратно скрепила их на затылке. Когда Фаретра приготовилась выходить, к ней в комнату зашёл капитан стражи – кудрявый блондин среднего роста с озорными серыми глазами и шрамом на левой щеке. Стальные латы с золотой окантовкой изливали ослепительный блеск в солнечных лучах, на наплечниках и наручах отливал чернотой рисунок в виде облиственных лоз. На плаще красовался восстающий коронованный золотой грифон.

– Итак, вы готовы? – равнодушно спросил Рбвук, точно эта фраза звучала как утверждение, нежели вопрос.

– Не будем тянуть время, – с нетерпением бросила Фаретра и направилась к выходу, но звонкий голос капитана остановил её.

– Не забывайте, порядок есть порядок, – сказал глумливо стражник и покачал кандалами.

– Что? – возмутилась королева, – да куда мне бежать от-

сюда?

– Будьте так добры, руки, Ваше Величество, – настоял Ровук.

Женщине ничего не оставалось, как повиноваться и терпеть выпавшее на её долю унижение.

И вот, позвякивая оскорбительными цепями кандалов, в душный зал, переполненный суетливым недовольным людом, вслед за горделиво поднявшим голову капитаном стражи Ровуком вошла Фаретра. Лицо королевы выглядело каменным от усердно сдерживаемого возмущения, выдававшего себя только в сдвинутых бровях и напряжённых желваках. Глаза по-прежнему горели бесстрашием и уверенностью, а высоко поднятый волевой подбородок даже в обременяющем позоре цепей, придавал этой женщине величественный вид. В сторону Фаретры тут же начали оглядываться, кто-то с удивлением, кто-то с укором, некоторые с огорчением и сочувствием. На женщину указывали пальцем, кричали, а то и вовсе смело бросались проклятьями и осуждениями.

Ровук подвёл обвиняемую к трибуне и снял сдавливавшие запястья кандалы. Вдова оглянулась. У дверей в охране стоял её сын Торальд, на чьём лице читалось смирение, смешанное с безразличием ко всему. Напротив – изогнутый, как вопросительный знак, седобородый лекарь. Над ним возвышался, задрав нос, напыщенный капитан стражи. По левую руку от него, с осторожностью хищника, беззаботно улыбал-

ся Кромат. За его спиной скрывалась скованная изводящими тревогами и сомнениями Флёр, а советник Бромар, потирая бородку, стоял подле неё и угрюмым предупреждающим взглядом руководил бурей чувств девушки.

То ли от шума и гама, то ли от голода у Фаретры кружилась голова, мысли, словно сосульки, застывали в холодных чертогах сознания. А может, виной этому – растягиваемые в раздражительной ухмылке губы Кромата. Он будто нарочно улыбался в сторону королевы; надсмехался над её ущемлённой свободой и гордостью.

Гомон и суэта улеглась в тот момент, когда в залу вошёл статный темнобородый мужчина. Чёрные пружинки его волос бились о плечи в такт спешному шагу. Риза цвета вороного крыла чуть ли не стелилась по полу. Взгляд был полон беспристрастия. Отец Малиос – важный представитель правящей верхушки совета Святого Нэраэля, сын одного из основоположников Нэрафизма. Все присутствующие резко замолчали и поторопились подняться со своих мест. Едва Отец Малиос подступил к трону, раздался грохот падающего засова – служители Нэраэля, облачённые в синие и чёрные плащи, на время судебного разбирательства сменили стражу. Они обеспечивали не только неприкосновенность Отцу Малиосу, но и контролировали абсолютный порядок и представляли собой надёжную защиту от магов, что жили в беззаконии. Нэрафизм – новоиспечённая строгая религия, накрывшая Форлианд, точно огромная грозовая туча, хоть

и прижилась, но встречена был весьма враждебно, а потому продолжала разжигать в сердцах недоброжелателей жгучую ненависть и неповиновение, порой перераставшее в открытые восстания и нападения исподтишка. Опустившись на трон (со временем власть служителей Нэраэля стала под стать королевской, в некоторых случаях даже много больше), Отец Малиос заботливо погладил бороду, будто это его любимый питомец, и пристально осмотрел присутствующих господ в первых рядах.

– Гм, гм, итак, начнём разбирательство, – с серьёзным лицом начал судья, ударив дубовым молоточком по столу. Присутствующие в зале медленно опустили на свои места, стараясь не издать ни звука. Воцарилась мёртвая тишина. Грозный голос судьи звучал как гром, отлетая гулким эхом от стен замка.

– Мы собрались здесь, чтобы разобраться в смерти его Величества – Томада Тронэра. Все мы до сегодняшнего момента были уверены в том, что ужасная неизвестная болезнь повинна в этом, но, как оказалось, сердце нашего короля остановилось отнюдь не по вине недуга. Кому-то была выгодна его смерть, ибо в деле не обошлось без яда. – Зал содрогнулся; подобно ветру, качающего верхушки деревьев, пронеслась волна тревожного удивления. Люди начали перешёптываться между собой и с осуждающим презрением оглядываться на Фаретру. Малиос постучал молоточком несколько раз и, дождавшись тишины, продолжил:

– Обвиняемая в убийстве Томада Тронэра – его супруга Фаретра. Имеется свидетель, который видел её в момент смерти нашего короля. Советник Бромар, расскажите, что вы видели в тот роковой день? – попросил судья.

– Спасибо, Ваша Честь, – подойдя к трибуне, сказал свидетель. – В день смерти моего короля я проходил мимо его комнаты и услышал женский плач. Сначала я не решался войти, но потом, вопреки правилам, всё же осмелился.

– И что же вы там узрели? – поинтересовался Малиос.

– Обвиняемая обнимала тело Его Величества и рыдала. По одному только выражению её лица можно было понять, что произошла ужасная трагедия.

– А видели ли вы чашу, из которой пил покойный? – потребовал ответа судья.

– Да, конечно же. Золотая, с гравировкой, она стояла на столе, – уверенно ответил Бромар. В следующий момент Малиос из глубин своей ризы вытянул злополучный золотой кубок и поставил его на стол.

– Узнаёте? – спросил судья.

– Без сомнений, это тот самый кубок, – внимательно осмотрев предмет, заверил советник.

– А как вы считаете, у обвиняемой был мотив для убийства мужа?

– Был ли мотив? – задумался свидетель, – знаете, кажется, нет. Зачем убивать того, кто сам скоро умрёт. Это глупо. Но было одно «но», которое для Фаретры очень многое значило.

– И какое же «но»? – взгляд судьи воспылал нетерпением.

– Вопрос о престолонаследии. Сын короля, как известно, отрёкся от власти, а от женщины без мужчины ничего не зависит. А роднить себя с тем, кого ненавидишь – разве это возможно? Обвиняемая лучше предпочтёт смерть, чем ляжет на одно ложе с ним!

– Подождите-ка, а о ком вы сейчас ведёте речь? – заинтересовался судья.

– О племяннике покойного короля – Кромате, – развеял неясность Бромар.

– Значит, судя по вашим словам, чаша с ядом предназначалась не для короля, а для его племянника, и как мы слышали из ваших уст, обвиняемая питает неискоренимую ненависть к нему, – сделал умозаключение Малиос.

– Так и есть. Ведь после смерти его Величества, Кромат имел все права на престол не меньше, чем Фаретра. Им пришлось бы править вместе, как того требует закон, – попыток Бромар.

– Благодарю, свидетель, присаживайтесь. А теперь, я желал бы услышать подтверждение или протест последних слов. Лорд Кромат, вы можете на них что-нибудь ответить? – спросил Малиос, жая взглядом.

– Эти слова абсолютная правда, Ваша Честь, – подтвердил утверждения Бромара Кромат. Оживленный походкой он подошёл к трибуне и начал свой небольшой рассказ:

– Понимаете, у нас всегда были натянутые отношения с

обвиняемой. Я всегда хотел быть ближе к ней, но она постоянно отталкивала меня. Вскоре её неприязнь переросла в ненависть. Мы часто ссорились, бывало даже, обвиняемая бросалась не только оскорблениями, но и угрозами. А она слов на ветер не бросает, уж поверьте, – ядовито посмотрев в сторону Фаретры и отпустив едва уловимую колкую улыбочку, сказал Кромат.

– А есть из присутствующих в зале тот, кто может подтвердить горячность и злопамятность обвиняемой? – обратился к залу судья.

– Ваша Честь, я могу это подтвердить, – вступил в разговор капитан стражи Ровук.

– Замечательно, – улыбнулся Малиос, – продолжайте.

– Как-то раз у меня с обвиняемой произошёл конфликт. Так дело дошло до того, что она пригрозила мне моим социальным положением. Как ясный день, помню её слова: «попробуешь мне хамить и со всеми своими причиндалами отпавишься на рудники!» – с тех пор, мне приходилось, чуть ли не прятаться при виде её, – пояснил капитан, заботливо прочесав на висках густые пряди волос.

– А расскажите, что это был у вас за конфликт с обвиняемой? – поинтересовался судья.

– Кто-то разбил дорогую для неё вазу, а я попался под горячую руку. А ведь я просто сказал, что ничем помочь не могу, ведь в мои обязанности не входят подобные дела, на что обвиняемая от злости ударила меня перстнем по голо-

ве, – бусины пота часто срывались со лба капитана и падали на редкие брови. Он тотчас вытирал чело, поглаживал волосы, нервно потирал ладони.

– А давно ли случился этот конфликт? – не отступал судья.

– Где-то пару лет назад, – задумчиво протянул Ровук, вновь притронувшись к своим локонам.

– Благодарю вас за показания, присаживайтесь, а к вам, Лорд Кромат, у меня будет ещё один немаловажный вопрос, – сообщил судья.

– Безусловно, Ваша Честь, – патетично ответил свидетель, положив взгляд на свой золотой перстень с чёрным жемчугом.

– Был ли у обвиняемой мотив, чтобы отравить вас?

– Конечно же! – выпалил Кромат. – Обвиняемая желала заполучить власть, не деля её со мной. Понятное дело, ей было выгодно расправиться со мной, ведь я единственный, кому достаётся трон по праву в первую очередь, в виду того, что сын обвиняемой отрёкся и поклялся посвятить свою жизнь служению ордену Нэраэля. Однажды, обвиняемая прямым текстом сказала мне, что трон я ни за что не получу.

– Ага,... значит, угроза всё-таки была? – переспросил отец Малиос.

– Да, – коротко ответил Кромат.

– Хорошо, присаживайтесь, – протянул безразлично су-

дья, устремив прищуренный взор в мозаичное окно, через которое лился ослепительный солнечный свет. После полуминутного молчания отец Малиос глубоко вздохнул и чёрным платком вытер с лица пот.

– В этой чаше, – продолжил судья, указывая на блиставший золотом кубок, который стоял на столе, – придворным лекарем была обнаружена смертельная доза яда, – договорил судья, бросив вопросительный взор на седого старика. Фásiус медленно поднялся со скамьи и, апатично посмотрев на присутствующих, прихрамывая, направился к трибуне.

– Свидетель, внимательно посмотрите на эту чашу, вы где-нибудь видели её? – требовательным тоном спросил отец Малиос, подвигая кубок к краю стола. Лекарь неспешно надел очки в золотой оправе и начал пристально рассматривать предмет, безуданно теребя его в руках.

– Да, это та самая чаша, в которой был яд... – прохрипел Фасиус, постукивая указательным пальцем по краю кубка – осторожнее с ним, Ваша Честь, здесь ещё остались его следы.

– Обвиняемая хотя бы раз интересовалась ядами? – задал вопрос судья.

– Эмм... – задумался лекарь, – припоминаю... было как-то раз, – посмотрев бессовестными ехидными глазами на Фаретру, погружённую в неясное смятение, ответил Фасиус. – Где-то пару месяцев назад, у обвиняемой были проблемы... с женским здоровьем, она вызвала меня к себе и приказала ей помочь. Когда же я принёс ей средство от недуга, она, к

моему удивлению, стала расспрашивать о лекарственных и ядовитых травах.

– Ага, интересовалась, значит, – промямлил про себя отец Малиос, после чего сделал паузу, потупив взор и приложив перстень к губам. После минутного молчания судья посмотрел на свидетеля, а потом на обвиняемую.

– А кто-то из слуг мог бы позволить себе приобрести подобный яд? – прозвучал вопрос.

– Это очень редкий яд, его чрезвычайно сложно получить! – уверенно заявил лекарь, – Такой яд сильно ударил бы по кошельку простолюдина, что уж говорить про слуг.

– Замечательно, – улыбнулся отец Малиос. – Больше вопросов у меня к вам не имеется, а обвиняемую прошу высказать свою точку зрения. Прежде всего, вы признаёте себя виновной, согласны ли с мнением свидетелей?

– Я? Себя виновной? – возмущённо начала Фаретра. – В чём, скажите мне, в чём виновной, когда я понятия не имею, ни о каком яде! Мой муж умер у меня на руках и совсем не от яда, Ваша Честь, а эти люди наглým образом наговаривают на меня, потому что никогда меня не любили и не признавали, как королеву, я им чужда была всё это время, понимаете? А Лорд Кромат, который так умело и бесцеремонно врёт вам, не раз домогался до меня, но, к счастью, у него ничего не вышло! – пояснила обвиняемая. Взгляд толпы медленно пал на Кромата. Тот даже не смутился, напротив, он невозмутимо принял слова Фаретры, будто бы гордился

собой, даже во взгляде его не было ни капли сожаления. Королева продолжила:

– А капитан стражи, который предстал пред вами таким гордым и самоуверенным, на самом деле обиженный тщеславный невежа, мечтающий всеми потакать. Я часто замечала его наглую подвыпившую физиономию, когда он стоял на посту, из-за этого он часто лишался жалования и, заметьте, по моей инициативе. Он всегда желал отомстить мне, не так ли? – посмотрев с язвенным укором на Ровука, спросила Фаретра.

– Ваша Честь, это полнейшая чушь! – неустанно глядя свою шевелюру, ответил оскорблено капитан стражи, сторонясь корящего взгляда обвиняемой.

– Хорошо, а что вы скажите на слова лекаря? Он тоже, по вашему, лжёт? – потребовал ответа судья.

– Да у меня и проблем-то никогда не было с женским здоровьем! Томад просто не желал детей, объясняя это соперничеством между сыновьями и не всегда счастливой судьбой дочерей. Томад планировал передать узды правления Торальду, но, к несчастью, он не оправдал надежд. А этот жадный старик преподносит безобразные выдумки! – заявила Фаретра.

– Ничего я вовсе и не выдумываю! Было же такое, было! – настоял на своём лекарь, взбудоражено вскочив со скамью и размахивая руками.

– Свидетель, сохраняйте спокойствие! – предупредил

отец Малиос, взглянув на Фасиуса исподлобья.

– Прощу прощения, Ваша Честь, но мне клеветать незачем! – сердито высказался старик и, дыша недовольством, уселся на место.

– Пусть будет так, – хладнокровно заявил судья и вытянул из внутреннего кармана ризы изумрудный кулон на золотой цепочке. Повертев его в руке, а затем, подняв над головой, он задал вопрос:

– Эта вещица кому-нибудь знакома?

Фаретра начала нервозно ощупывать шею и грудь.

– Так знакома или нет? – настойчиво повторил отец Малиос, удерживая кулон так, чтобы все его видели.

– Это подарок моего мужа, – сухо ответила обвиняемая, потупив взор.

– А можете ли вы объяснить, как этот кулон оказался в комнате Лорда Кромата?

– Теперь ты не отвертись, – подумал про себя коварный племянник, бросив надменную ядовитую ухмылку в сторону обвиняемой.

– Я... я не знаю! – ошеломлённо ответила Фаретра, – я только сегодня ночью его клала на комод, не может быть такого, никак не может!

– Кто-нибудь к вам сегодня ночью заходил? – спросил судья.

– Советник Бромар... – не задумываясь, бросила в ответ обвиняемая, затем её удивление стремительно переросло в

гнев: – Ах, ты... да как ты вообще посмел притронуться к нему!

– Ваша Честь, уверяю вас, сегодня всю ночь я провёл в гостях у капитана Ровука, он может это подтвердить, – соврал в оправдание Бромар, сохраняя непроницаемое хладнокровие.

– Лжец! Наглый лжец! Это ты его взял! Больше некому было! – настаивала на своём Фаретра, разрывая взглядом советника.

– Ваша Честь, советник Бромар говорит правду, – поддержал обманщика капитан стражи.

– Обвиняемая, успокойтесь! – приказал судья, ударив молоточком по столу. – Надеюсь, вы понимаете, что это очень весомая улика? – произнёс отец Малиос, строгим взором впиваясь в Фаретру.

– Понимаю... – растворив свой гнев в смирении, ответила обвиняемая.

– Найдётся ли из присутствующих тот, кто сможет подтвердить, что до сегодняшней ночи, кулон был на её обладательнице? – обратился к залу судья. Возникло напряжение, разбавляемое перешёптыванием горожан.

– Твой выход, девочка, – угрожающим желчным шёпотом повелел Бромар, одёрнув за руку Флёр, застывшую от тревог.

– Ваша Честь, – раздался дрожащий голос молодой девушки. Флёр подошла к трибуне, виновато склонив голову и сцепив пальцы рук, опущенных к бёдрам. Распущенные тёмные

волосы девушки струились, точно чёрный водопад, скрывая её отравленное беспокойством лицо.

– Слушаю вас, – отозвался отец Малиос, не упуская из рук золотой цепочки злополучного украшения.

– Этот кулон, на самом деле мой, я потеряла его неделю назад. Вернее, я думала, что его потеряла, а оказалось, его взяла моя мачеха, – с набегаящими слезами проямлила Флёр.

– Говорите громче! – потребовал судья.

– Это мой кулон... Неделю назад моя мачеха незаметно забрала его у меня, – сказала девушка, не поднимая глаз.

– Что же ты такое говоришь?! – вскричала одновременно удивлённо и возмущённо Фаретра, – как твой язык вообще поворачивается такое говорить?!

– Обвиняемая, прекратите себя так вести! – призвал к благоразумию королеву отец Малиос. – А вы, девушка, вспомните, ваша мачеха не грозила убить лорда Кромата?

Едва сдерживая слёзы, Флёр уверенно ответила:

– Этого я, к сожалению, не помню, но точно знаю то, что этого человека она ненавидела.

– А насколько ваша мачеха страшный человек? – спросил судья.

– Не меньше, чем про неё говорят, – чёрство бросила в ответ девушка, испуганно посмотрев на сердитое лицо Бромара.

– Ага, из всего этого может вытекать только одно, – задум-

чиво поглаживая бороду, пробурчал себе под нос Малиос.

– Я не могу в это поверить, – покачала головой Фаретра, с трудом выталкивая слова из онемевшего от изумления рта. Злость и обида запылали в глазах мачехи. – Я же любила тебя как родную, старалась для твоего счастья, до последнего защищала тебя от всех невзгод, а как ты поступаешь со мной? За что ты так поступаешь со мной, Флёр? За что?! – бриллианты слёз сверкнули на ресницах Фаретры, потрясение когтями разочарования полосонуло сердце, боль сдавила дыхание. Толпа оживилась, вызывая волны шёпота, но стук молоточка судьи – вестник не только его воли, но рвущейся нити его терпения, заставил присутствующих присмиреть. И только королева не подчинилась – она продолжала что-то неистово бормотать себе под нос, закрыв лицо ладонями. Показать свои слёзы, означало сломаться, Фаретра не могла себе подобного позволить, а простить тем более. Малиос насупился, раздражённо взглянул на обвиняемую, но поборов в себе возмущение тяжелым вздохом, он безоговорочно огласил:

– От имени отца нашего небесного – Нэраэля, по законам предков наших и всего Форлианда, Фаретра Тронэр обвиняется в покушении на убийство знатного лица по королевской линии из корыстных побуждений, и приговор за это – пожизненное заключение! Стража, в темницу её! – распорядился судья, ударив молоточком по столу.

Мужчины в латах надели на руки осуждённой кандалы,

и повели её к выходу. Алмазные ручейки слёз струились по щекам Фаретры, что-то горестно и неразборчиво твердившей про себя дрожащими губами, тогда как Флёр безропотно и опустошённо стояла у трибуны, походя на безжизненную чугунную статую. Дикий гомон восторженной толпы наполнил залу, но девушка, казалась, не слышала его. Люди неспешно расходились, следуя за стражей, сопровождавшей Фаретру в темницу, и брюзжали. Но осуждённая не замечала этой надоедливой бессмысленной суеты. В эти минуты её мир был утоплен в беспросветной ледяной пучине отчаяния. Погружённая в молчание, она пустым взглядом смотрела в пол, роняя тут же разбивающиеся прозрачные перлы слёз. Бромар с довольной улыбкой медленно подошёл к Флёр и нежно обнял её за плечо:

– Это жизнь, девочка, желаешь красиво жить – приноси жертвы, – сказал мужчина. Его голос жалил, как жало скорпиона. Каждое слово, казалось, облито ядом.

Девушка вырвалась из объятий коварного советника и побежала к двери. «От себя она всё равно не убежит», – ехидно улыбнулся Бромар и надменной походкой направился следом.

Как только Флёр выбежала за дверь, какой-то светло-русый коротко-стриженный широкоплечий мужчина в буром камзоле крепко прижал её к стене и, приложив руку к горлу, ожесточено посмотрел ей в испуганные глаза.

– Отпусти меня, – каким-то измученным негромким го-

лосом произнесла Флёр, даже не пытаясь вырваться.

– Как же ты могла так поступить? – точно через сито изливал свой гнев и презрение мужчина сердитым басом. Девушка молчала.

– Ты же сгубила жизнь невинному человеку и ради чего, ответь ради чего?! – гневался придворный рыцарь, сильнее сдавливая рукой горло.

– Убери от неё руки, Люксимур, и иди в таверну заливать своё горе элем, – приказным тоном сказал Бромар, кривя губы в глумливой усмешке.

– Твои похороны были бы отличным поводом для этого, – яростно парировал мужчина. – А тебе это вернётся, можешь не сомневаться, – хладнокровно пообещал Люксимур, освобождая горло Флёр.

– Мы потом договорим с тобой, – предупредил Люксимура Бромар, не поскупившись на скрытую угрозу.

– Я так не думаю, советник, – с омерзением выпалил в ответ придворный рыцарь и, оттолкнув плечом преграждавшего путь Бромара, убрался прочь.

– Бесцеремонный наглец, – возмутился Бромар. – Ничего, он поплатится за свою дерзость! – выругался советник, медленно поднимаясь по лестнице. Когда его шаги поглотила тишина, Флёр сползла спиной по стене, обхватила руками колени и, обессилено уронив на них голову, заплакала так, как никогда раньше себе не позволяла.

Глава 3

Фивисвэйл... при одном только произношении этого слова граждан Тавринии передёргивало так, точно их колотил озноб. С этим городом были связаны самые мрачные и кровавые события, запечатлённые на страницах истории. некогда могущественный город, прославленный героями войн, архитекторами, ювелирами и мастерами по корабельному делу запятнал себя разразившимся, как неискоренимая болезнь, рабством. С тех пор главным объектом торговли на рынке стали человеческие жизни, продаваемые знатным мужам порой чуть ли не за бесценок. Дорогими были лишь куртизанки публичных домов и бойцы арен; к слову, гладиаторские состязания изначально были традиционными в Альвионии, но, не вытесняя рыцарских турниров, они прижились в Фивисвэйле.

Однако к достоояниям Фивисвэйла, помимо флота и омрачившего город своей грозной пугающей тенью работоторговли, относились элитная пехота и стрелецкие полки. Прославленный своим бессердечием и непревзойденным искусством вести войну легендарный легион «Чёрных Псов» обрёл бессмертие не только в детских страшилках и летописях. По сей день Фивисвэйл не брезговал прибегать ко многим методам этих выдающихся жестоких солдат. На подготовку войск и их содержание правительство затрачивало колоссальные

суммы. Мало кто осмелился бы оспаривать тот факт, что по военной мощи Фивийсвэйл превосходил все города в Форлианде, упорно соперничая лишь со столицей Вэтфэлда.

Морепродукты, икра и соль ежегодно пополняли казну этого мрачного грозного города. Высочайшим спросом за границей пользовались не только рабы и корабли, но и драгоценные и поделочные камни, обмениваемые на специи, дорогие шёлка и заказные изделия из слоновой кости. Знатные горожане верили, чуть ли не до фанатизма, что подобные фигурки обладают мистической силой и позволяют связываться с богами и действуют как мощные обереги от тёмных сил.

Построенный на берегу моря и обнесённый толстой желтоватой стеной с оборонительными зубчатыми башнями по побережью, Фивисвэйл напоминал клык, сужавшийся от севера к югу. Город тянулся по окраине каменистого полуострова Фúвирбэл, к ребристым породам которого вклинивались лестницы, ниспадавшие ко второму по величине порту с множеством верфей и пришвартованных к ним кораблей, отличавшихся пестротой парусов, диковинной резьбой мачт и узорчатой росписью бортов.

Север Фивисвэйла, возвышаясь над морем Фóрлос, точно грозный государь над своими вассалами, состоял из тесных улочек, где высокие узкие серокаменные здания с чёрной или бурой черепицей окружали замок, будто кольцо воинов своего командира. Занимая центральное место на ска-

ле, замок Ноктборг, построенный из чёрного отполированного гладкого камня, величественно вздымался к небесному куполу изящными черепичными крышами трёх башен с закрученными бордовыми шпилями. На многие мили виднелись игривые солнечные зайчики, отражавшиеся от прямоугольных окон из алого стекла и восседавшего на пике донжона тёмно-красного яшмового дракона, украшенного поразительными узорами цвета рубина.

В просторном замке правителя Фивисвэйла царил безгласный полумрак. Стены тёмно-серых коридоров украшали оружие и росписи из переплетающихся меж собой чёрных и красных узоров, сильно напоминавших языки огня. Холодный мраморный пол устилали бархатные ковры цвета яркого кармина. Полупрозрачные чёрные занавеси колыхались в дыхании морского ветра едва ли не в каждой комнате этого мрачного места. Суровое убранство замка нагоняло тревогу и страх на пребывавших здесь гостей.

Тронный зал освещали узкие прямоугольные окошечки в виде щелей и окаймлённые пиками по краям чугунные чаши, с клокотавшим в них пламенем. Они были подвешены на цепях к когтям огромного железного дракона, затаившегося на сводах потолка. Пол, выложенный дорогим чёрным мрамором, по центру пересекала, будто струя огня, дорожка, сшитая из шкур весьма ценных рыжих альвионских лисиц. Она тянулась от самых ворот зала до гранитного трона, напоминавшего своими формами зазубренный кусок скалы,

украшенный ребристыми пиками обсидиана и чёрного оникса. Окончания подлокотников были выполнены в виде ящерицных голов с разинутыми пастьми.

Льющийся через окошечки алый свет заката холодно касался дорогого бордового платья, окаймлённого на вороте, длинных рукавах и подоле завитками чёрного бархата. Лучи осеннего солнца, прокрадываясь через густые каштановые пряди волос герцога Нокта Бэллуса, озаряли его немолодое лицо, расчерченное морщинами. Пышная чёрная борода опускалась мужчине на грудь, под серыми глубоко посаженными глазами, напоминавшими грязные кусочки льда, пролегли фиолетовые круги. С самого утра Нокта Бэллуса осаждала апатия, вызванная жалобами надоедливых горожан. Правитель, опершись левым виском на кулак, изнурённо восседал на троне и отрешённо слушал, как двое зажиточных мужчин вели яростный спор между собой, каждый упорно доказывая ему свою правоту.

– Ваше Сиятельство, этот бессовестный наглец, требует, чтобы я отдал ему свою лавку на центральной торговой площади, и ладно, если бы просто требовал, так он незаконно заграбастал её и не подумывает даже отдавать её мне! – Возмущённо заявлял одетый в расшитое золотом огнисто-рыжее платье тучный мужчина. Множество звенящих цепочек и браслетов из драгоценных металлов, явно говорили о его состоятельности.

– Ваше Сиятельство, уверяю вас, ничью лавку я не отбирал, торговец, что владел ей, сам же мне и подписал на неё права, – защищался высокий темноволосый мужчина в бордовом платье, украшенном чёрными узорами. Ответчик вёл себя совершенно спокойно. Он был сдержан и уверен в своей правоте, в отличие от своего соперника, покрасневшего от злости и изливавшего негодование своими пламенными громкими речами.

– Зачем ты врёшь, пёс окаянный! – возражал тучный купец, осуждающе размахивая рукой в сторону ответчика. – Торговец этот – змей подколодный, не имел ни малейшего права распоряжаться чуждым ему имуществом, а ты выиграл у него мою лавку в карты, когда он к тому же ещё и пьян был!

– Ну и что с того, что он пьян был?! – усмехнулся темноволосый мужчина. – Ваше Сиятельство, торговец выдал мне расписку, где чёрным по белому указал, что в случае проигрыша отдаёт мне свою лавку, вот, собственно, эта самая бумага, – объяснил ответчик, передавая пергамент облачённому в доспехи стражнику, спустившемуся со ступенек, ведущих к трону.

– А лавочник этот где? – тяжело вздохнув, устало произнёс герцог Бэллус, мрачно поглядывая на ссорящихся купцов из-под своих кустистых чёрных бровей.

– За дверью ожидает, Ваше Сиятельство, – сообщил стражник, предъявив правителю бумагу ответчика.

– Приведите его, – принявшись с трудом разбирать ужас-

ный почерк, приказал государь, потирая виски пальцами правой руки. В этот момент стражники ввели в тронную залу лавочника, ещё не успевшего как следует протрезветь с недавней гулянки.

– Ах ты, пьянь проклятая! – взревел от злости тучный купец, с превеликим трудом воздерживаясь от того, чтобы не задушить провинившегося торговца. Сдерживал его, по сути, грозный пронизывающий взгляд стражника с алебардой.

– Тебе эти люди знакомы? – требовательным тоном спросил Нокт Бэллус, сердито посмотрев на лавочника.

– Да, Ваше Сиятельство, – уверенно ответил торговец, виновато потупив взгляд.

– Кто справа от тебя, а кто слева? говори, не гневи правителя, не видишь, устал он от подобных, ... – буркнул стражник, проглотив возмущение, вертевшееся на языке.

– Слева который, нанял меня в лавке торговать, гроши платил, а ещё брат двоюродный называется, – колючее огорчение прозвучало в голосе лавочника.

– Да какой ты мне после этакого позора родственник?! – насупился купец, свирепым взглядом разрывая виноватого торговца. Герцог раздражённо покачал головой в стороны, явно не в силах уже слушать гневные вопли толстяка.

– А справа... – сделал паузу лавочник, – человек, которому я крупно задолжал, – его голос зазвучал робко.

– И ты проиграл ему лавку своего двоюродного брата в карты? – задал вопрос Нокт Бэллус.

– Да, – тихо и совсем несмело вытолкнул это слово торговец.

– Узнаешь? Твоей рукой подписано? – спросил герцог, показывая бумагу, которую ему предоставил темноволосый мужчина. Лавочник покорно кивнул.

– Вам есть, что противопоставить этой бумаге? – вдруг спросил правитель тучного купца, хмуря брови.

– А что я обязан предоставить, подтверждение о том, что лавка моя? – удивился толстяк. – Вот оно, – довольно заявил он, достав из-за пазухи скрученный в трубку пергамент.

– Вообще-то, договор, в котором разрешается управлять лавкой посреднику, – уточнил герцог, переводя взгляд на ответчика.

– И он у меня при себе, но ведь там, ни слова о том, что он может продать мою лавку? – взволнованно ответил купец, вынув из-за роскошного платья второй пергамент.

– А вы его внимательно перечитайте! – повелел правитель.

В следующий момент от напряжения и тревоги морщины на лбу купца изогнулись, чуть ли не дугой.

– Если бы вы его читали, то вам, наверняка, было бы известно, что торговец, нанятый вами, имеет частичные права на вашу лавку, – объяснял герцог. – Он так же может сдать её в аренду или продать, пока вы в отъезде, но деньги обязан всё равно отдать вам, так что, сетуйте на родственника, а не на этого гражданина, – подытожил Нокт Бэллус. Ответчик победно заулыбался, отчего купца чуть не вывернуло на-

изнанку. Разочарованный и ввергнутый в омут ярости, он разорвал свои пергаменты и, крепко схватив своего брата за плечо, с силой поволок к выходу.

– Благодарю, Ваше Сиятельство, за справедливый приговор, – раболепно произнёс темноволосый мужчина, приклонив колено и утайкой сунув кошель с золотом под дорожку из лисьих шкур. После чего он быстро покинул тронный зал. Едва двери затворились, как утомлённый правитель расправил плечи и расслабленно вжался в спинку трона, обшитую мягким соболиным мехом.

– Порой слушать их невыносимая пытка, – признался герцог, не скрывая презрения и раздражения. Закрыв веки, Бэллус неожиданно провалился в нежные успокаивающие объятия дремоты. И вдруг голос стражника разорвал эти сладостные мгновения, подобно мечу рассекающему плоть. Сердце Бэллуса яростно забилось, а в глазах заискрился гнев.

– Ваше Сиятельство, к вам советник со срочными донесениями! – оповестил охранник.

– А до завтра он подождать не в силах?! – огрызнулся герцог. Морщины от возмущения так и заиграли на его лице, будто гребни волн в дуновении ветра. Видя мрачность своего государя, стражник, с осторожностью присущей мыши, категорично покачал головой.

– Пусть заходит, – недовольно буркнул Бэллус, безнадежно махнув рукой. Едва ворота отворились, в залу торопливой походкой влетел, подобно соколу, пикирующему за добычей,

охваченный какой-то странной тревогой мужчина средних лет в дорогом атласном платье, цвета тёмного шоколада. Советник спешно поклонился, после чего в несколько прыжков, минуя дорожку из лисьих шкур, подскочил к герцогу и прошептал ему на ухо свои важные донесения. Лицо Бэллуса тут же исказилось пламенной злостью, глубокие борозды морщин, пролежавшие на лбу, нависли над бровями, точно солдаты над пленными, а глаза засверкали дикой яростью. Правитель сжал от напряжения кулаки так, что щёлкнули пальцы, и держался изо всех сил, чтобы не выплеснуть из себя скопившуюся бурлящую, точно океан во время шторма, неистовость.

– Благодарю за столь ценные сведения советник, – грудным басом произнёс герцог, нервозно проскрипев зубами.

– Гарвель! – резко обратился к телохранителю Бэллус. – Немедленно найди мне капитана Бальма, пусть срочно прибудет в мой кабинет! – распорядился герцог. Стражник, отложив алебарду к стене, стремглав помчался выполнять поручение своего господина. Сам же правитель вскочил с трона и спешно удалился из тронного зала в свой кабинет.

Герцог Нокт ворвался в просторную комнату с плотными чёрными занавесями, подобно свирепому урагану, беспощадно сметающему всё на своём пути. Не щадя сил хлопнув дверью, Бэллус за пару широких шагов подскочил к высокому шкафчику из эбенового дерева, распахнул его, резко дёрнув за ручки из слоновой кости, и вытянул глиняный

кувшин, расписанный алыми узорами. Затем правитель подошёл к лакированному дубовому столику на вогнутых навстречу друг другу полукруглых ножках и доверху наполнил рубиновым вином, стоявший в одиночестве фужер.

– Кромат Тронэр, этот жалкий напыщенный индюк! Мало того он унизил моего сына, мне нанёс оскорбление, которое теперь подобно гноящейся ране мучает меня, так оно ещё и Вэйтстоун к рукам своим прибрал! – разозлено ворчал герцог, жадно утоляя свой гнев креплёным Темеросским вином. Но даже этот дорогостоящий напиток не мог унять бушующий шторм ненависти в сердце правителя. – Вэйтстоунские псы, они полагают я буду прыгать перед ними на задних лапках, словно покорная собачонка, да ни за что на свете! – распинался перед собой Бэллус. – А этот самоуверенный предатель Фрост, ... пусть только посмеет посягнуть на мои владения, он познает всю мою ярость, когда я своей рукой в железной перчатке сдавлю ему горло, он ощутит разящую кару меча Фивисвэйла, обращающего его войско в груды трупов! А если ещё и Вэтфэльд протянет руку этому вероломному выскочке, то его столица обратится в груды камней!

– Ваше Сиятельство, вы желали меня видеть? – осторожно постучав в дверь, боязливо спросил капитан, позвякивая латами.

– Заходи! – приказным тоном разрешил Бэллус, жадно осушив фужер с вином и звонко поставив его на стол. Сдавленный кулаком лёгкого трепета, Бальм – невысокий худо-

щавый мужчина с чёрными кудрями, окаймлявшими его узкие плечи, нырнул в кабинет и застыл, как ледяное изваяние, пригвожденный свирепым взглядом правителя.

– Близится рыцарский турнир в Вэйтстоун и мне нужно, чтобы голова Кромата Тронэра болталась у меня на пике! – с пылкой категоричностью выставил свои требования Нокт Бэллус. – А посему безотлагательно свяжись с Близнецами и обсуди с ними этот весьма деликатный вопрос.

– Как будет угодно моему государю, – преданно посмотрев на Бэллуса, безропотно отчеканил капитан.

– И ещё, впредь я более не желаю видеть на пороге моего города этих выродков в красных плащах из ордена Нэраэля! – посуровев, дополнил герцог настоящим тоном, смешанным с презрением и надменностью.

– Можете уже не беспокоиться по этому поводу, – уверил Бальм.

– Посмотрим, – невнятно пробормотал градоправитель. – А то я уже даже не знаю что хуже, надвигающаяся война или восшествие на трон Кромата Тронэра, – в замешательстве произнёс Бэллус. Затем он вскочил с кресла, будто кнут вот-вот отведает его спины своим жгучим шероховатым языком, и принялся суматошно расхаживать по комнате, с новой силой продолжая разгневанно бунтовать:

– Мои предки издревле властвовали на Ардоре, а затем Фросты бесцеремонно обрушили свои задницы на престол! И всё бы ничего, но нет ведь, теперь эти мерзопакостные

Тронэры со своим Вэйтстоуном! Если они надеются, что я отдам им хоть малую дольку своей армии, то они глубоко заблуждаются. Пусть крепко держатся за яйца и отбиваются собственными силами! Даже под страхом смерти я не признаю власть этих высокомерных выскочек! Ни за что!

– Господин мой, с вашего позволения я хотел бы откланяться и как можно скорее выполнить ваше поручение, – вмешался в иступлённое излияние колючего недовольства своего правителя, капитан, боязливо косясь на Бэллуса. По правде говоря, горячность герцога многие не любили, но боялись его твёрдых обещаний, сказанных «в сердцах», а особенно с каким-то жёстким кровавым рвением.

– Тогда, во имя Дэрэгруса, почему, ты ещё не убрался?! – огрызнулся Нокт, взглядом испепеляя подчинённого. Бальм, стараясь не испытывать терпение государя, немедленно выскочил за дверь, за которой ещё какое-то время слышались гневливые крики градоправителя.

Глава 4

Вечер. Солнце клонилось за горизонт. Грузная пелена серых туч почти растворилась в голубых волнах небес. Даридий, терзаемый ознобом, накинул капюшон, чтобы укрыться от надоедливых лучей. Грустно посмотрев на пустую деревянную кружку, мужчина устало вздохнул и хлопнул ею по столу.

– И почему же, чёрт возьми, я не могу напиться и забыть обо всём этом хоть на один вечер! – гневно буркнул охотник. В таверне было тихо, так что мужчины, сидевшие неподалёку, удивлённо обернулись на странного незнакомца.

– Трактирщик, подай ещё одну! – махая пустой деревянной кружкой над головой, потребовал Даридий, притворившись захмелевшим, – и жареной рыбы принеси!

Пузатый, невысокий лысый мужчина с серыми усами в белом фартуке, испачканном жиром, суетливо поспешил обслужить гостя. Когда деревянная кружка и тарелка хлопнулись на стол, Даридий медленно протянул пару серебряников и зажал их в дрожащей ладони, прежде чем отдать.

– Скажи мне, трактирщик, – огорчённо посмотрев на мужчину, вяло произнёс гость, – почему все так неблагодарны тем, кто несёт в этот развратный предательский мир свет и добро? Почему людям так мало обрётённой власти, они хотят ещё и ещё, больше и больше! Зачем?! – рассерженно

прикрикнул Дэрд, впиваясь взглядом в мужчину, точно желая разорвать его.

Трактирщик, пожав плечами, испуганно взглянул на странного гостя и быстро одёрнул руку от серебряников, будто бы от раскаленного чугуна.

– Да не бойся ты, – как-то разочаровано взглянув на хозяина трактира, отмахнулся Даридий и двинул монеты к краю стола. С опаской, как набедокуривший пёс, трактирщик глянул на вспылчивого гостя, немедленно взял плату и, не оборачиваясь, поспешил обслужить других посетителей. Дэрд равнодушно посмотрел на кружку, из которой вытекала пышная белая пена.

– Неужели тебя и вправду так сильно волнуют задаваемые вопросы? – удивился Морк, разразившись металлическим громом в голове полудемона.

– Ты всё равно не поймёшь, как ни старайся, – Дэрд попытался избежать нежеланного мысленного разговора с древним духом. Тем не менее, превозмочь неутомимый интерес Морка ему оказалось не под силу.

– Это странно, ... ты – существо куда могущественнее, чем эти жалкие людишки, так почему ты не пытаешься изменить мир, в которых они, на твой взгляд, абсолютно неправы. По какой причине ты, напрасно убиваясь, лицезреешь, как они пляшут на своём выдуманном апогее?

– Я не мой брат! – категорично заявил Даридий, сжав кулаки с такой злобой и силой, что даже костяшки побеле-

ли. – Думаешь, меня не посещали подобные мысли? Очень и очень часто, едва ли не каждую ночь они клевали мой разум, подобно коршунам, пока я не уразумел, что мне не следует вмешиваться в порядки нынешнего мира. Я пережиток истории, потерявшаяся во времени деталь. У меня нет прав ставить людей на колени и ни у кого их быть не может, кроме как у богов. Я лишь могу оберегать этот мир от мистических потусторонних сил, желающих навредить установившемуся порядку. Я затворник на границах совершенно разных вселенных.

– Но ведь гнетёт тебя совсем не это?

– Да...не это, – признался Даридий, устремив взгляд, омрачённый печалью и злостью, к солнцу, плавящемуся в горне вечера, где золотые лучи обращались в раскаленную алеющую реку. – Я нарушил клятву, давным-давно данную самому себе, – с горьким презрением мысленно ответил Дэрд. – Безудержная ярость сломила мой стержень терпения и завладела мной. Моими руками она свершила свою праведную кару. Убив насильников в лесу и правителя Вилдфор-та с частью его охраны, я не просто предал свои убеждения, я подчинился демону, которого божился держать в темнице собственного зла. Теперь он рьяно просится наружу, и я боюсь, что не смогу его сдержать. Знаешь, а ведь мой брат был прав, я чужой в этом мире, люди боятся меня, я никогда не стану для них своим, – грустно подумал полудемон, уставившись на пиво, ползущее змейкой по столу. – А что если я на

самом деле сражаюсь ни за что?

– Немедленно прекрати говорить этот вздор! Ошибки бывают у каждого, но это не повод, чтобы сбросить всё в беспросветную пропасть поражения. Защищай этот мир, ставший тебе домом, и не позволяй разрушить его, даже собственному брату! – наставил Даридия Морк.

– Я так и сделаю, только сперва силы восстановлю. Выпускать демона наружу, знаешь ли, имеет свои нехорошие последствия, – мрачно усмехнулся Даридий, поднося кружку с пивом к подрагивающим губам.

Внезапно закрипела дверь, и в таверну вломилось трое задиристых напыщенных стражников в дорогих кольчужных доспехах с латными пластинами на плечах, предплечьях, бёдрах и голени. Поверх звонкого металла, на торс было надето сюрко в чёрно-зелёную клетку с изображением золотого коронованного восстающего грифона (гербом Вэйтстоун). На ремнях у каждого стражника укреплённые металлическими бляхами и полосами висели ножны из чёрной кожи, из которых выглядывали матово-серые гарды рапир.

Мужчины важно ступали меж цепочек столиков, брэнчакованными сапогами, по дощатому полу, надменным взором окидывая гостей таверны. Корча злобные гримасы, и угрожающе постукивая пальцами по ножнам, задиры тешились над захмелевшими посетителями, которые не решавшимися пойти с ними на конфликт. Самый высокий и худощавый из стражников, чьи русые выющие волосы ниспадали на пле-

чи, устремил похотливый пожирающий взор на симпатичную черноволосую женщину в ситцевом бледно-алом платье, убравшей со стола пустые тарелки и кружки. Лукавой и одновременно нахальной улыбкой он дал знак своим товарищам для зачина беспорядка. Они выгнали некоторых посетителей с их мест, после чего с грохотом перевернули деревянную утварь. После этого задиры соединили следующие два стола, выставили перед ними скамьи и, сняв с головы стальные шлемы с бармицей, нарочно позвякивая кольчужными кольцами, надменно поставили их на столешницы. Затем они важно расстелись на скамьи, раздевая озорными сластолюбивыми взглядами понравившуюся женщину.

– Чур, я первый! – по-мальчишечьи вскочив со скамьи, заявил русоволосый стражник, глупо улыбаясь.

– Помнится, ты в прошлый раз уже выпускал своего червяка, так что остынь, – попытался задержать товарища яйцеголовый щекастый бородач с залысинами.

– Да ладно тебе, он всё равно недолго! – отпустил острую шутку юноша с прилизанными тёмно-русыми волосами. Холеричный стражник злобно ощерился и пригрозил ему кулаком, после чего вприпрыжку приблизился в женщине и медленно провёл по её бёдрам к ягодицам. Наглое движение руки было остановлено смелым ударом. В ответ стражник бесцеремонно схватил её за шею и прислонил к себе, щеко-ча языком ухо своей «добычи». Раздался глухой грохот падающей деревянной посуды, а вместе с ним громкий шле-

пок. Мужчина ошеломлённо стоял перед полыхавшей гневом женщиной и неспешно вытирал большим пальцем кровь с разбитой губы. Его товарищи неодобрительно расхохотались.

– Значит, любишь, когда с тобой обращаются грубо, хорошо! – похотливо протянул стражник, крепко схватив обеими руками женщину за талию и с необузданной страстью пытаясь поцеловать её в губы. Тишину разорвал болезненный надломленный мужской крик. Стражник разъярённо оттолкнул от себя женщину и обнажил меч, прикрывая ладонью окровавленную шею. Даридий, мирно сидя за столом неподалёку, терпеливо наблюдал за развязкой опрометчивого бардака.

– Собираешься прирезать её прямо на глазах у всех, как опрометчиво... – осудительно посмотрев на наглеца, вмешался Дэрд, жая каждой иголочкой сарказма.

Стражники оглянулись на незнакомца. Яйцеголовый мужчина, поглаживая свою пышную каштановую бороду, сделал шаг к Дэрду. Он злобно произнёс, перекосив губы в омерзительной гримасе:

– Жрал бы ты лучше свою рыбу да помалкивал!

– Да, ребята, манерам вы скверно обучены, – пропустив угрозу, как песок сквозь пальцы, покачал головой Даридий.

Стражник с обнажённым мечом, сердито нахмутив брови, подошёл к назойливому незнакомцу и, вылив ему на голову пиво, злобно предупредил:

– Как только я закончу с ней, дело и до тебя дойдёт!

Но Даридий не обратил внимания на стекающий по волосам алкоголь.

– Ты? – освободив очередную усмешку изо рта, глумливо выпалил он. – Да ты наверняка по нужде один присесть боишься, всегда дружков своих берёшь!

Стражник сморщил от гнева лицо и крепко сжал рукоять оружия. По скулам забегали желваки, точно зароились живые черви.

– Ты всегда такой обидчивый? Смотри от злобы юбку не намочи! – саркастически усмехнулся Дэрд, скрестив руки у груди.

Подобный жест сделал усмешку много оскорбительнее, низвергнув сознание стражника в бездну необузданной ярости. Он отступил на шаг от стола, где сидел Даридий и размахнулся мечом, вложив в удар всю силу. Сталь вклинилась в деревянную мебель, взметнув в воздух брызги из щепок. Полудемон, благодаря своей ловкости, избежал смертоносного удара, пригнувшись на скамью. Немедля, он резко вскочил с неё, схватил со стола кружку и со всей силы метнул её обидчику в голову. Утварь с треском развалилась на несколько кусков, ударившись о лоб мужчины, который тут же бесчувственно грохнулся на пол.

– Зря ты это сделал! – сквозь зубы угрожающе процедил бородатый стражник и, со свистом выхватив меч, начал жестоко атаковать. Дэрд не растерялся, видя, как внезапно вы-

нырнувшее из ножен лезвие опускается к его шее; он отбил удар, подставив под клинок предплечье, облачённое в стальной пластинчатый наруч. От злости на голове стражника вздулись вены и он, свирепо зарывав, продолжил атаковать. Уклонившись от пары непродуманных выпадов, Даридий крепко схватил лезвие левой рукой, после чего, изловчился и правой наотмашь саданул костяшками нападающего в челюсть. Бородач выронил оружие из непослушных расслабленных рук и, постанывая, немощно растянулся на полу. Тогда третий стражник, с виду спокойный юноша, взбешённо закричал и вонзил кинжал полудемону в подставленную для защиты раненую ладонь. Дэрд, леденящим душу озлобленным взглядом встретил разъярённые отчаянные глаза юноши и крепко сдавил его горло здоровой рукой.

– Отпусти, прошу, отпусти! – краснея от удушья, с трудом выговаривая слова, взмолил юноша, отчаянно хватаясь обеими руками за напряжённое мускулистое предплечье полудемона.

– Как же ты жалок, – напряжённым басовитым рыком отозвался Дэрд, приподнимая мужчину над землёй и наслаждаясь его страхом. Что-то дикое и злобное проснулось в дремучих каменных дебрях его души. Полудемон почувствовал пьянящий прилив сил, вызывающий приятный притягательный гнев. Мышцы на руке Даридия, которой он держал юношу, вздулись и начали становиться больше и больше. В горле появился скрежет, плавно перераставший в неконтролируе-

мый рык, а в глазах блеснуло пламя.

– Одумайся, что ты делаешь?! Эта жестокость не принадлежит тебе, усмири своего зверя! – приказал Морк, оглушительным металлическим надломленным хрипом разразившись у Дэрда в голове, причиняя вискам такую боль, словно в них ввинчивали шурупы.

– И вправду, что же я такое творю? он ведь всего лишь мальчишка..., – опомнился Даридий, ослабляя смертоносную хватку и отпуская перепуганного юношу.

– Он чудовище! бежим скорее отсюда! – потрясённый враждебным бездушным взглядом полудемона, панически закричал юноша. Он без оглядки бросился бежать, натываясь на скамьи и стулья. Даридий, прислонившись спиной к стене, обессилено сполз по ней на пол.

– Трус, – озлоблено процедил вслед убежавшему товарищу бородач, поднимаясь на ноги и болезненно держась за челюсть. В его глазах светилось намерение добить раненого неприятеля. Вооружившись длинным кинжалом с узким лезвием, похожим на огромную иглу, стражник наступал, уверенный в беззащитности врага.

– Не думай, что теперь просто так отделаешься! – в преддверии расправы, ухмыльнулся бородач, готовясь нанести удар.

– Бросай кинжал иначе твой дружок останется без головы! – выставила условия черноволосая женщина, приложив меч к горлу очухавшегося задире, в глазах которого запля-

сали искры страха.

– Тебя повесят, если ты посмеешь... – бородач не успел договорить, его перебил испуганный визг товарища:

– Чёрт тебя подери, делай, как она сказала, я не хочу умирать! Бородач волей-неволей повиновался требованиям женщины.

– А теперь пошёл вон отсюда! – приказала она стражнику, снедающего себя неудачей. Кляня всё на свете, бородач направился к выходу, проводив окружающих его людей ненавистным испепеляющим взглядом. Далее женщина, не опуская лезвия меча, нацеленного в шею заложнику, дождалась, когда он поднимется с пола и дойдёт до входной двери.

– Эй, может, снаряжение вернёшь, нам за них головы оторвут, – как-то жалобно попросил заложник.

– И правильно сделают! – непреклонно ответила женщина, остриём оружия ткнув стражника в левую лопатку. – Ваши шлемы и мечи останутся у нас в качестве возмещения ущерба, а теперь проваливай, пока тебе не пришлось кольчугу и сапоги здесь оставить! – потребовала она. Стражник, не переча, вышел из таверны и направился к своей лошади, где его ожидали озлобленные товарищи.

– Дождёмся, когда она выйдет, и оторвём ей голову! – решительно заявил бородач, свирепо ударив кулаком в ладонь.

– Так и сделаем! – оскалившись, как дикий зверь, поддержал план напарника светловолосый задира.

Тем временем женщина бросила меч к прилавку изум-

лѐнного трактирщика и, убирая с лица пряди растрѣпанных чѣрных волос, поспешила к своему заступнику, истекавшему кровью. Опираясь на здоровую руку, Даридий попытался подняться, прижав к груди согнутую в локте раненую руку. Ручейки крови, изливавшиеся из раны, красной паутиной протянулись на одежде. Женщина волнительно осмотрела тяжѣлое увечье незнакомца.

– Нужно прижечь раны, а иначе...

– А иначе что? – с пренебрежением перебил работницу, пронизывая её сердитым взглядом, трактирщик, принявшись собирать с пола дорогостоящие шлемы и мечи убежавших стражников.

– Он же умрѣт тогда! – встревоженно воскликнула женщина.

– Ха, проблема-то! – безразлично усмехнулся хозяин таверны, любуясь шлемом. – Ты лучше проверь евошние карманы да отойди от греха подальше!

– Как же ты можешь быть экой гнусной бессердечной сволочью! Этот незнакомец вступился за меня, а ты, трусливо поджав хвост, прятался в углу и, немотствуя, глядел, как надо мной издеваются, да после эдакого тебя человеком называть язык не поворачивается! – возмутилась женщина, с презрительным укором смотря на равнодушную физиономию трактирщика.

– Ах, вона как ты заговорила! В таком случае больше не являйся сюда! – сердито буркнул хозяин трактира, повер-

нувшись к женщине спиной, надменно задрал голову и скрепив руки у груди.

– И не подумаю даже! – бросила в ответ женщина, вынув железную кочергу из камина, где, задорно потрескивая, тлели раскаленные угли. Трактирщик озлобленно фыркнул и положил полученные трофеи под свой стол. Женщина попыталась прижечь рану на ладони своего заступника раскалённым металлом.

– Не нужно, – одернув руку, пробасил Даридий.

– Да куда же вы с этакой раной-то пойдёте? Скоро стемнеет, а до ближайшего селения в таком состоянии вам не дойти! – упрямо настояла женщина.

– Я крепче, чем кажусь, – тщетно пытаюсь подняться, противился Дэрд, скривив губы в жалком подобии на улыбку.

– Оно и видно, – возразила женщина. Затем она схватила изувеченную руку своего настырного заступника и прижгла рану, зияющую жуткой кровоточащей щелью.

– Спасибо, – намереваясь скрыть смущение, сухо ответил Дэрд. Давным-давно он отвык от людской доброты и женской заботы, свыкшись со своим томительным одиночеством.

– Должна же я была вас хоть как-то отблагодарить, – настойчиво сказала женщина с какой-то спрятанной в голосе нежной опекой, помогая Даридию встать на ноги. Затем она заглянула в изумрудные глаза незнакомца и, точно неведомая колдовская сеть неотвратимо пленила её разум. Обаяние демонов – древняя неразгаданная сила пробуждала в смерт-

ных существах множество смешанных чувств и усиливала преобладающее среди них.

– Мне страшно выходить одной, – тревожно произнесла незнакомка вслед прихрамывающему мужчине, крепко ухватив его за руку и повиснув на ней, напоминая своим поведением больше обожающего отца дочь, нежели взрослую независимую женщину.

– Так и быть, я провожу вас, указывайте дорогу, – выдержав паузу, неохотно согласился Даридий; дурное предчувствие преследовало его, а душу, словно когти гарпии, скребло волнение.

Тут дверь заскрипела, и пара покинула таверну. Женщина, точно скрываясь за каменной стеной, трепетно прижалась к своему спутнику, ведшего под уздцы своего верного вороного скакуна. Стражники, подстерегавшие жертву своей несмолкаемой кровожадной мести, растерялись, встретив суровый взгляд незнакомца, пронзивший испугом их оробевшие умы.

– Поехали отсюда! – смирившись с горькой неудачей, озлобленно процедил сквозь зубы задира, развернув коня. Его товарищи не стали препираться и последовали за ним.

– Простите, что из-за меня ваша рука пострадала, вы же теперь... – женщина не успела договорить, её волнительный голос, разбавленный минорными нотами вины, был оборван.

– Тсс, не тревожьтесь за меня, главное, что вы в безопасности, – ответил с лёгкой улыбкой на лице Даридий, не вы-

давая беспокойства. – Вы и так мне достаточно отплатили своей добротой.

– Но вы для меня сделали намного больше, – прошептала еле слышно женщина. Её глаза посетил нескрываемый восторг. Дэрд уловил его, и это вызывало в нём тщательно скрываемые терзания. Внезапно его сердце пронзила острая боль, ноги подкосились, дыхание отяжелело, грудь сдавило, по коже пробежал озноб, который с каждым мгновением начинал пробираться до самых костей.

– Что-то не так, – подумал Даридий, не лишая свои мысли подступившего страха. Что со мной такое? – обеспокоился полудемон, задрожавшей до онемения рукой теряя выскальзывающую уздечку. Земля под ногами поплыла, в голове расплылся оглушительный звон, будто кто-то незримый с поразительной мощью, не присущей смертному, ударял под ухом кузнечным молотом по наковальне. Вдруг перед глазами у Дэрда всё померкло, и он немощно упал на землю, ввергнувшись в туманный омут беспомощности.

Даридий тяжело приподнял веки и неясным взором огляделся, не отрывая головы от подушки. По лицу скатывались капли тёплой воды. Горячий лоб охлаждала мокрая повязка.

– Где я? – в недоумении спросил Даридий вошедшую в комнату женщину. Он не сразу признал недавнюю знакомую, да и с распущенными волосами она выглядела крайне неприлично. Чёрные, как гребни волн, кудри спадали на стройные

оголенные плечи. После глубокого сна, взгляд Даридия был всё ещё мутен – предметы выглядели размазанными и сокрытыми какой-то странной пеленой.

– Не волнуйтесь, я перевязала рану, вам нужен покой, – кротко ответила незнакомка, присев на кровать, возле больного. Заботливое прикосновение её руки вызвало непроизвольную дрожь в теле.

– Мне нельзя здесь оставаться, это всё может плохо закончиться! – категорично заявил Даридий, тяжело глотнув воздух.

– Да как же вы не понимаете, рана может открыться в любой момент! – сердито сдвинув брови, встревожилась женщина. Правда, взгляд её излучал совершенно иные мотивы, а по страстным движениям губ, можно было утверждать, что отпустить больного она была не намерена.

Даридий не стал искать в себе мужества спорить, он лишь устало потёр виски пальцами здоровой руку. Морк растворился в чистоте сознания, и только тревога обвила сердце ядовитой змеёй.

Женщина осторожно коснулась плеча Дэрда, оторвав его от тягостных раздумий. Его незатейливый взгляд, тёплым лучом коснулся души незнакомки. Её глаза вновь вспыхнули восхищёнием; очарованная изумрудной зеленью глаз полудемона, женщина внезапно захотела сбросить с себя одежду, мешающую, как ей казалось, дышать. Что-то непонятное манило её в таинственную колдовскую глубину этих нечело-

веческих глаз, тускло светившихся в сумраке соломенно-золотым огнём. Это пробуждало неестественную нежность, страсть и... неусмиримое плотское желание. Плавно скользя по приятным изгибам тела, жёлтое платье скатилось к ногам женщины. С кокетливой улыбкой она заглянула в глаза Даридию, проникаясь их магическим соблазном.

– Ты, – играя кончиками волос, ласково прошептала незнакомка, не отрывая взгляда от Даридия. – Вернее, твои глаза, – экзальтивно шептала девушка, – они такие загадочные, как звёзды, что дарят нам свой блеск.

– Я хочу, чтобы ты остался... – умиленно попросила женщина, приложив горячую ладонь к сердцу Даридия., – прошу, останься хоть на одну ночь.

– Это не лучшая идея, – осторожным полушёпотом предупредил Дэрд.

– Мне уже всё равно, просто будь со мной эту ночь, – приложив палец к губам желаемого мужчины, нескромно настояла незнакомка, медленно стянув с него одеяло. Пленительная нагота женского тела и успокаивающий запах ландыша заставил Даридия забыть о предрассудках и мнимом беспокойстве. Он ненамеренно прильнул к нежным губам незнакомки. Её кожа, что бархатное покрывало коснулось горячего тела мужчины, унимая дрожь. Женщина крепко стиснула его талию бёдрами, издав лёгкий протяжный стон. Кончиком языка Дэрд притронулся к краю её груди, прерывисто несдержанно задышав. Казалось, время для них обоих в этот

момент застыло. Их страстные, порывистые, как штормовой ветер, дыхания и сладострастные стоны сливались в унисон. Каждый изгиб женского тела дарил Даридию, давно забытое в потоке нещадного сурового времени наслаждение.

Масло в лампе заканчивалось. Пламя тускнело. А страсть двух необузданных сердец неудержимо продолжала изливаться наружу. И даже когда тьма наконец-таки сковала комнату, слабо озаряемую догорающим огнём лампы, упоённые стоны продолжали дарить ночной тишине свою прекрасную чувственную мелодию.

Едва лучи утреннего солнца проникли в комнату, отогнав тень ночного полумрака, Даридий резко открыл глаза и насторожился. На душе у него точно гарпии скребли. Незнакомка сладко спала у любовника на груди, жадно обняв его, точно он самое дорогое, что у неё есть. Тревожить её беззащитный сон, Даридию не хотелось, но беспокойство, подобно скалам, прижавшим своими исполинскими телами землю, давило на него так, что он хотел немедленно вскочить с постели и убежать.

– Что же я наделал?! – взволнованно подумал Дэрд.

– Подарил ей удовольствие, кое ей не приходилось испытывать за всю свою жизнь! – попытался отвлечь полудемона от тягот размышлений, набегающих, как стадо свирепых буйлорог, Морк.

– Сейчас не время... погоди, что? Ты прочёл её мысли?! –

возмутился Даридий. Брови его изогнулись от гнева. – Зачем ты это сделал?! Ты не имел права так бесцеремонно поступать! – Дёрд со щелчком яростно сжал кулаки.

– Успокойся! – оглушительным металлическим громом расплзлось недовольство древнего духа у полудемона в голове. Вздымающаяся из глубин души неистовость тут же исчезла.

– Да что же со мной происходит?! – теряясь в неведении, точно лодка в безбрежном морском тумане, напряжённо думал Даридий. Он приложил раненую ладонь тыльной стороной ко лбу, но потом резко одёрнул её – боль никуда не исчезла.

– Почему я не исцеляюсь? – удивлённо спросил у Морка полудемон. Ответа не последовало. – Не молчи! С тех пор, как ты поселился в моём теле, со мной начали происходить непонятные вещи!

– Я нисколько не повинен в этом! – весьма агрессивно возразил подозрениям Даридия древний дух.

– Словно, всё это началось с тех пор, когда я убил Ликтэрия, может он проклял меня?!

– Что ты сейчас сказал? – обеспокоенно загудел Морк. – Ты хотя бы знаешь, что за имя ты только что произнёс?! – обвинительным тоном сказал он. Даридия подобная реакция древнего духа тут же смутила.

– Я вижу, тебя это сильно задело?

– Ты даже не представляешь насколько! Ликтэрий – ужас-

ный сотканный из нитей мрака, змей, пожирающий свет. Он вестник Даркцэуса – самого коварного из всех демонов. Из легенд мне известно, что он посягнул на трон своего отца, между прочим, последнего из старших демонов, Тэрбиуса. Восстав против него и проиграв, он навсегда принял клеймо предателя и лишился короны правителя Аркдэна. Всех демонов, поддержавших Даркцэуса, Тэрбиус немедленно казнил, а сына из милосердия и любви изгнал из пламенной бездны в самое гнусное место на территории Аркдэна. Одарив его позорным, как считали все демоны, статусом повелителя «Страдальни душ», навсегда сделав его королевство – его же тюрьмой. Даркцэус навсегда стал затворником. Конечно, в делах демонов я не сведущ, к великому сожалению, но, видимо, их мир тоже наполняют войны и, если это так, то могу смело утверждать, что Ликтэрий был спущен его хозяином с поводка неспроста. Наверняка, Даркцэус жаждет отомстить отцу, а если уж его вестник появился в нашем мире – план возмездия грозит разразиться неминуемой катастрофой! – обеспокоенно заявил Морк.

– Но ведь по-настоящему мы не уверены в чём причина? – подметил Даридий, стараясь заглушить тревогу древнего духа, от которой у него жутко стала раскалываться голова.

– Пожалуй, ты прав, – согласился, успокоившись, Морк. – Лишь сами демоны могут поведать нам истинность происходящего в их мире...

Внезапно с улицы донеслось озлобленное ржанье коня Да-

ридия, заставившее прервать мысленную беседу хозяина с древним духом. Дэрд вскипел от ярости и, не заботясь более о покое незнакомки, вырвался из её объятий и вскочил с кровати, ища взглядом свою одежду и оружие. В спешке натянув на себя штаны и сапоги, он отыскал ножны, заматанные в чёрную ткань, и незамедлительно поторопился на шум. Женщина, обескураженная волнением мужчины, грубо оборвавшим её блаженный сон, села на край кровати. Старательно потирая ладонями лицо, она пыталась избавиться от апатии. И когда она пришла в себя, то второпях накинула рубаху, и выбежала вслед за Даридием.

Лучи солнца медленно меркли за грузной взбитой серой тучей. Прохладный ветерок слегка покалывал кожу. В глазах притаилась тревога. Рука всё крепче стискивала рукоять клинка. Даридий обогнул дом и вышел на тропинку, ведущую к сараю, где бил по земле копытами и разъярённо ржал, крутя мордой во все стороны, чёрный конь. Его усердно тянул за узду какой-то странный незнакомец, плотно закутанный в плащ из чёрной кожи с капюшоном и маской.

– А ну убери руки! – угрожающе приказал полудемон, на ходу развернув чёрный свёрток и обнажив клинок.

В этот момент незнакомец обернулся на голос и неувловимым для глаза смертного лёгким движением пальцев сбросил с головы капюшон и открыл маску. Как у покойника, бледно-сизая кожа, засверкала в гаснущих лучах солнца точно расплавленное серебро. Изящно вытянутое лицо с сильно

очерченными скулами, длинным заострённым носом и высоким гладким лбом украшали иссиня-чёрные изящные узоры с колющими полукруглыми гранями. Даридий сразу же узнал эльфийский орнамент, а выцветшие до снежной белизны волосы, аккуратно зачёсанные на затылок и длинные уши, проколотые рядами золотых колец не оставили сомнений – Это был Ликирианский эльф. Отпустив уздечку, он безразлично взглянул на Даридия своими солнечно-жёлтыми глазами и его аспидно-синие губы изогнулись в едва уловимую надменную улыбку. Конь тревожно бросился к своему хозяину; казалось, он пытался предупредить его об опасности. Однако Дэрд потрепал его по холке и лёгким движением ладони попросил уйти; зверь неохотно отступил.

– Узнаю этот меч, – поводя густыми белыми раскосыми бровями, ухмыльнулся ликирианец, наблюдая за тем, как остатки солнечного света, пожираемые влажным чревом серой тучи, отражаются от демонических рун, испещрявших клинок.

– Кажется, мы всё уже решили в прошлый раз, Гэльдас, – хладнокровно заявил Дэрд.

– Вижу, ты запомнил меня, но на сей раз ты не отвертишься, полудемон, – произнёс высокомерно эльф, стягивая с рук чёрные кожаные перчатки.

– Передай своему хозяину, что моей крови...

– Не испытывай моего терпения, полудемон! Сложи оружие, и тебя не придётся нести по кусочкам! – перебил Даридий.

дия леденящей угрозой эльф, сделав шаг навстречу. – Ведь в моём задании не было оговорок, каким следует тебя доставить, – поддразнивая, съязвил ликирианец.

– Довольно, скалиться! Катись в Аркдэн, пока я тебя туда сам не отправил! – категорично высказался Даридий, направив на врага остриё клинка. Вскоре последний блик солнца исчез на нём, установив напряжённую тишину, которую ликирианец прервал гортанным смешком, превратив угрозу полудемона в нелепую шутку.

– Быть по сему, значит, – злонамеренно прошипел себе под нос эльф, сердито сдвигая брови. После он резко развернулся, изображая свой уход. Даридий отвлёкся на взметнувшийся плащ, похожий на взмах чёрного драконьего крыла. Этой незначительной секунды хватило, чтобы пропустить коварный удар врага. Присев, ликирианец бросил в свою недвижимую мишень три, острых как бритва, ромбовидных лезвия. Такой метательный нож выполнялся из слияния особо лёгкого крепкого и жаропрочного металлов, калёных в яде и серебряной крови единорога. На этот же случай, Гельдас дополнительно обработал их жгучими токсинами горчелиска и нанёс на них руны, скреплённые противодемоническим заговором.

Едва метательный нож вонзился в грудь жертвы, как начал невыносимо жечь мускулы, будто поливая их раскаленным маслом. Выпустив меч из рук от лютой боли, скручивающей в узел, Даридий попятился назад и припал на колени. Ста-

раясь вытащить из тела, глубоко застрявшие мученические лезвия, он не жалел собственные пальцы, разъедаемые ядом до костей.

– Узнаёшь? – ехидно улыбнулся Гельдас. – Яд горчелиска, тот самый, которым ты убил моего брата, задев кинжалом ребро. Он жёг его до тех пор, пока кости не превратились в кашу, пока усталость не съела его, пока ты... – ликирианец гневно сжал зубы, нависнув над корчащимся в муках противнике. – Ладно, неважно! – резко отпрянув от него, сухо бросил эльф. – В прошлый раз ты смог ускользнуть, но теперь... – глумился он, строя раздражительные рожи, – теперь-то тебе придётся несладко. Да-да, уж поверь, я об этом позабочусь, – растёкся в желчной улыбке Гельдас, доставая из-за пояса два закалённых в жире скорповрана ликирианских тонфа, гравированных матово-чёрными узорами, тянувшимися по затупленной стороне лезвия. Бесшумно и изящно эльф выполнил несколько сложных движений с оружием и скрестил его за спиной, после чего начал важно ходить то влево, то вправо и пристально наблюдать за Даридием.

– Как тебе на вкус ликирианское серебро? – глумливо спросил Гельдас, долго наблюдая за тем, как, борясь со страданием, противник вынимает из жарящихся ран смертоносный металл. И даже когда третье лезвие звякнуло о камень, плоть продолжала пузыриться ожогами и кровоточить, отнимая все силы тела на бесполезное заживление. Раны не заты-

гивались, несмотря на упорные старания Даридия залечить их заклинанием, спасших многих от объятий могилы.

– Это не поможет, демонёнок, – куражился Гельдас. Но его улыбка стёрлась с лица, когда Дэрд, преодолевая боль и сбиваемый дрожью с ног, поднялся с колена. Задыхаясь и теряясь в пространстве от истощения, он, нашёл в себе силы встать, опираясь на меч.

– Не будем же затягивать! – грозно заявил эльф и с противным лязгом чиркнул тонфу о тонфу. Точно тени, шагнув из-за сарая, явилось ещё двое ликирианцев. Обнажив тонфы, они готовы были ринуться в бой, но Гельдас, взмахнул рукой в знак того, чтобы они оставались на местах. Жажда боя раздирала загрубелые жестокие ликирианские сердца. Морк, не покидавший разум Даридия, напутствовал ему применить заклинание, предвещая ему неизбежное поражение без его помощи. Но увлечённый тщетным исцелением, злостью и задетой гордыней, Дэрд поздно взялся за магические слова, диктуемые древним духом. И когда он намерился отпустить их с языка, его отвлёк знакомый женский возглас. Полудемон невольно обернулся – незнакомка опрометчиво выскочила из-за угла и, увидев его, истекающего кровью, остолбенела в страхе и замешательстве. Гельдас, колко улыбнувшись, запустил руку под плащ.

– Нет! – иступлённо закричал Даридий, отчаянно бросившись спасать женщину от предстоящей подлости ликирианца, но он не мог сравниться, ни со скоростью ножа, ни

с бессилием тела. Несчастливая жертва даже не успела ничего понять, как лезвие пронзило её сердце. Губы эльфа растеклись в надменной издевательской улыбке. Даридий в беспомощности бросился к женщине; едва напряжённые руки разжали рукоять меча, ватные ноги тут же предательски подкосились. Когда полудемон добрался до жертвы безжалостного ликирианца, жизнь с последним вздохом покинула её тело: уста очернил пурпур, кожу оковал парализующий холод. Дэрд заглянул в стекленеющие голубые глаза незнакомки и смахнул застывшие на её щеках слёзы.

– А ведь я даже не узнал твоего имени, – скорбно прошептал полудемон, чувствуя на себе вину. Она давила на него, вынуждала обречённо смотреть на то, как растёт бордовая лужа вокруг тела. Казалось, в этом маленьком тёмно-красном море исчезли все заботы. Единственное, волновавшее сейчас Даридия – горе, что он впустил в свою душу. Смерть невинной потрясла его до онемения. «Она умерла из-за меня» – настойчиво убеждал себя он. Эта мысль, ввинчивавшаяся в мозг, причиняла куда большую боль, чем те раны, оставленные ликирианскими ножами и рьяно напоминавшие о себе каждую долю секунды.

– Это, конечно же, всё очень трогательно, – усмехнулся Гельдас, – но уже давным-давно пора разделаться с тобой! – грозно заявил он, сбросив плащ на землю.

– Ты... – протянул ненавистно Даридий, испепеляя взглядом ликирианцев. – Ты заплатишь мне за это! – почув-

ствовав прилив кровожадной ярости, пообещал полудемон. Жажда неминуемого возмездия и неудержимый гнев придали сил (по крайней мере, дали ощущение этого). Морк пытался дозваться Даридия, но злоба, вызванная горечью утраты, точно отгородила его сознание от древнего духа непроницаемым стеклом.

– В самом деле?! – усмехнулся Гельдас, издевательским оскалом вынуждая противника растратить последние силы. Дэрд, подобрав меч, крепко сжал рукоять, готовясь принять удар. Эльф стремительно бросился в атаку, словно неудержимый штормовой ветер, разрывающий снасти. Изящество и жестокость воссоединились в смертоносном ликирианском танце. Первый удар был отбит – Гельдас отскочил в сторону и продолжил натиск. И во второй раз звякнуло скрещенное оружие. Ликирианец забавлялся со своей жертвой. Тогда Даридий попытался пронзить изворотливого эльфа, но тот легко парировал атаку, и ударил нападающего локтём в челюсть. Защита полудемона была сломлена; клинки как по маслу, скользнули по плоти, оставив жуткую обугленную рану на правом боку. Быстрота и изощрённость, с которой Гельдас выполнил эти хитроумные движения, потрясла бы любого ловкача. Даридий зажал пузырящуюся бордовую борозду, оставленную отравленной тонфой, и сокрушённо опустился на правое колено. Кисть обессилено разжала рукоять вмиг отяжелевшего клинка. Рубец вытягивала последние силы. Ликирианец скорчил раздражительную физиономию и

расплылся в триумфальном оскале.

– Насколько это невыносимо – ощущать, как плавятся твои внутренности? А, полудемон? Насколько это больно? – издевательски сквозь зубы процедил эльф, с презрением глядя на врага.

Даридий, издав яростный клич, попытался произнести заклинание, высвобождающее демоническую мощь, но язык словно прилип к нёбу, сознание затуманилось, слова рассыпались, как ворох сухих листьев. Дэрд, жадно хватая ртом воздух, отчаянно потянулся за мечом, но Гельдас с пренебрежительной ухмылкой выбил его из трясущейся руки противника. Затем он по локоть отсёк её и торжественно склонился над поверженным врагом.

– Я обещал, что ты заплатишь мне за это? – язвительно протянул Гельдас, указывая на безобразный шрам на правой щеке. Его слова обожгли злостью. Затем ликирианец приложил тонфу, сверкавшую чёрно-фиолетовыми рунами на лезвии, к кровоточащему обрубку левой руки полудемона. Рана зашипела, как масло и вода на раскалённой сковороде. Синевато-аметистовое пламя вырвалось из-под зачарованного лезвия, обращая плоть в безжизненный иссушенный кусочек угля. Стиснув зубы, Даридий терпел изматывающую боль, не позволяя крику потешить самолюбие врага.

– Я всё равно заставлю тебя закричать! – одержимо произнёс эльф и вонзил тонфу противнику в живот. Дэрд зарычал, ухватившись рукой за наточенное ликирианское лезвие.

Отравленный металл, словно языки пламени, начал сдирать кожу с ладони, но полудемон старался не поддаваться муке, а сосредоточиться на голосе Морка. Древний дух упорно пробивался к сознанию хозяина через одурманивающий безрассудной жаждой возмездия туман.

– Слушай, слушай меня! – приказывал Морк, расползаясь по разуму пронзающей пеленой. – Если не хочешь, чтобы тебя порубили на кусочки, чтобы эта женщина не осталась неотомщённой, чётко произноси заклинание, которое я тебе скажу!

– Кíриш Крэдэс Мбрксэ – медленно отчеканил Дэрд, не разжимая зубов. Слабое карминное сияние вспыхнуло в недрах его глаз, меняя радужку из зелёного в фиолетовый. Зрачки сузились до тонких палочек, пуская во все стороны чёрные веточки трещин.

– Кíриш Крэдэс Мбрксэ! – повторил Даридий. На этот раз так злобно, что кровь у смертного бы застыла в жилах от страха. Внутри трещин возник рубиновый блеск, который вскоре объял глаза алым свечением. Раны чудодейственным образом затянулись, по венам пробежал тусклый пурпурный огонёк. Эльф, оторопев, попытался вырвать из живота полудемона тонфу, но противник ещё крепче сдавил лезвие, согнув его грани. Ликирианец удивлённо и в то же время разгневанно посмотрел в алые, как огненный закат, глаза своего врага, который неожиданно злорадно надломлено засмеялся. Гельдаса затягивал этот таинственный заколдовываю-

щий блеск демонических очей. Вскоре кровь Даридия начала источать призрачный рваный фиолетовый дым. Внезапно когтистая тяжёлая рука, будто сваренная из железной чёрной чешуи, мощной хваткой сдавила эльфу голень. Ликирианец болезненно сморщился, выхватил из-за пояса отравленный нож и вонзил его по рукоять полудемону в горло. Хватка ослабла, и эльф отскочил в сторону, смотря, как поверженный враг поднимается с земли неведомой тёмной силой. Как будто невидимые руки управляли Дэрдом, точно он безропотная марионетка. От его тела, чёрно-фиолетовыми эфемерными змейками изливался загадочный дым. Эльфы не решались двинуться с места, как будто что-то приковало их к земле, а их души медленно и неумолимо оплетал страх.

Кожу полудемона окутал тёмно-пурпурный эфемерный дым, который быстро обращался в мелкие чёрно-фиолетовые атласные чешуйки. Даридий вырвал нож из горла и сломал его в руке, точно это был тонкий кусочек льда. Затем раздался безудержный надломленный крик и полудемон, приложив ладони к лезвию тонфы, резко вытащил её из живота. Всплеск крови плавно разделился на капли, которые зависли в воздухе и закружились вокруг хозяина. Когда дым рассеялся, Дэрд оказался облачен в рельефную чешуйчатую броню с заострёнными шипами на плечах, локтях, предплечьях, позвоночнике и икроножных мышцах. Голову прикрывал зловещий рогатый шлем, прочно приросший к мускулам лица и шеи. Не заточенная часть тонфы, которую дер-

жал тёмный воин в руке, покрылась чёрным металлом в виде узоров, а рукоять закрутилась тугой спиралью. На ней можно было различить рисунок в виде кричащих испуганных лиц призраков и бьющихся меж собой непонятных созданий, плохо различимых в сумраке нависшей тучи. Такой же жуткий узор, но украшал правое плечо рыцаря, правую грудь и ребро. Он тянулся по правой стороне спины, протягиваясь до задней стороны бедра, обнимая его, рисунок заканчивался на правой голени. Предплечья украшали череды черепов и скалящихся морд. Даридий высокомерно засмеялся. Сухой надломленный слегка лязгающий хохот вырвался из-под мрачного шлема. Голос явно принадлежал не ему. Что-то тёмное и пугающее, вибрировало в его отголоске.

– Тонфу! – потребовал Гельдас у своих соратников, с опаской поглядывая на тёмного рыцаря. Как только оружие оказалось в руках эльфа, глаза Дэрда вспыхнули ярким рубиновым огнём. Полудемон раскрыл ладонь, вобрал в неё витавшие в воздухе капли крови и притянул свой меч с земли.

– Готов взглянуть в лицо ужаса? – усмехнулся тёмный рыцарь, наступая на врага. Голос, принадлежавший Морку, взлетел под самое небо и растворился там, точно гром. Каждый шаг Гельдаса наполнило волнение, в колени проникла лёгкая дрожь. Непослушные пальцы породили неуверенность в победе. Эльфы мешкали.

– Ну же, чего ты ждёшь, длинноухий? Боишься поцарапаться? – поддразнил издёвкой Морк, ловко играя оружием

в руках. Гельдас разозлился и кивков головы разрешил своим соратникам действовать. Эльфы окружили темного рыцаря, но он даже не обратил на них внимания. Гельдас начал атаку, поддерживаемый залпом из смертоносных ликирианских ножей. Правда, его стремление поубавилось, когда те со звоном отскочили от брони, но эльф не растерял силы, вложенной в стремительный удар обеими тонфами, но, к его удивлению, полудемон отразил удар с такой лёгкостью, будто отмахнулся от назойливой мухи.

– Этого не может быть! – воскликнул ошеломлённо ликирианец, отскочив от врага. По запястьям пробежала болезненная дрожь. Неудача, вызвав у Гельдаса порыв ярости, заставила его вновь броситься атаковать. Но и в этот раз лезвия тонф встретили мощное сопротивление меча Даридия. Враги скрестили оружие, переплелись ненавистными взглядами. В этот момент двое других эльфов незаметно подскочили к тёмному рыцарю и попытались пронзить его со спины. Тонфы со странным деревянным хрустом впились в плоть. Однако вместо крови, из обугленных ран, разливаясь по воздуху таящими языками, исходил густой чёрно-бардовый дым.

Тёмный рыцарь разразился надменным хохотом, толчком отбросив Гельдаса на землю. В следующие секунды вокруг Даридия в грациозном смертельном танце закружилось двое остальных ликирианцев, бессмысленно кромсая тонфами заколдованную броню, от которой, со звоном отскакивало множество рубящих ударов. Полудемон не сопротивлялся.

ся; казалось, ему это приносило нескончаемое удовольствие, словно это беззаботная игра, исход которой уже предопределён и был зрим задом наперёд.

Эльфы, ввергнутые в пучину дикой ярости, безостановочно махали оружием, нанося всё новые и новые раны своему противнику, который злобно посмеивался, пребывая в экстазе от их гнева и кровожадности. Всего лишь какое-то мгновение, и Дэрд оборвал атаки врагов оглушительным звоном скрещенного оружия, отчего они, в свою очередь, ощутили парализующую дрожь в предплечьях, заставившую их обронить тонфы. Как будто, часть силы эльфов перетекла к тёмному рыцарю. Нарастающий обжигающий жар охватил ликирианцев, лишая их возможности потешного наступления.

– Крадэс Хорсэа, – прозвучал сухой надломленный хрип Морка. Эти слова освободили раскаленные клубы фиолетового пламени, хлынувшего волной во все стороны, точно дикие необузданные жеребцы, томившиеся незапамятно в неволе. Эльфы в отчаянии кинулись на землю. Когда пламя обратилось в чёрную дымовую занавесь, стремительно растворяясь и взмывая в поднебесье извилистыми нитями, ликирианцы корчились от мучительной боли, сводившей с ума. Сожженными руками они с истошными воплями взялись за обгорелые лица – их глаза расплавились от неистового жара. Под истлевшими плащами и кожаными доспехами чернели, точно раскаленные головёшки, ужасные ожоги. Начавшийся дождь, точно сочувствуя, уменьшил страдания ликирианцев.

Гельдас застыл в смятении, нервно смотря то на приближающуюся зловещую фигуру Дэрда, то на беззащитных изувеченных соратников. Эльф сложил одну тонфу за пояс и снял, обмотанную вертикально вокруг туловища ромбовидную цепь с гарпунообразным наконечником.

– Я ощущаю сладкий аромат твоего страха, кланяйся мне в ноги, эльф! – высказался язвительным приказом Морк, надсмехаясь над тем, как безысходность сеет в его враге панику.

– Предать самого себя и гордость своего народа?! Ты предлагаешь мне утратить свою честь и жить с ядом позора? Никогда! – бесповоротно заявил Гельдас. Поглощённый испуганием, он снова начал атаковать.

Цепь, словно змея, ринулась вперёд, переворачиваясь в воздухе и звеня наточенными звеньями. Тёмный рыцарь ловко увернулся и успел схватить оружие, пролетевшее возле его лица. Эльф почувствовал, как звенья сдавили ему руку и впились в кожу. Хватка полудемона была настолько сильной, что Гельдас, сам того не желая, начал двигаться за цепью, скользя по промокшей земле. Он отчаянно пытался освободиться от собственного оружия, но металл будто бы вгрызся в плоть. Разрубить цепь тонфой не удалось, а жертвовать предплечьем Гельдас не собирался. Собрал всю волю в кулак, он одёрнул руку, избавившись от треклятой цепи, оставив её на растерзание добротный шмат мяса. Отскочив в сторону, ликирианец прижал к туловищу растерзанное бес-

чувственным металлом предплечье и вооружился убранной ранее за пояс тонфой. Кровоточащая рана забрала желание бросаться в атаку.

– Прежде, чем я вырву из тебя душу, ты узришь страдания своих соратников! – с упоением пообещал Морк, подступая к обезоруженным эльфам, истязаемых ожогами. Тёмный рыцарь сверкнул глазами и крепко сжал когтями обожжённую руку ликирианца. По коже эльфа поползли змеи чёрно-пурпурного пламени, обращая мускулы в пепел. Ликирианец высвободил из горла душераздирающий вопль, от которого его связки лопнули. Даридий отпустил эльфа, тот сокрушённо упал ниц, разбившись, как глиняная утварь.

Тёмный рыцарь пронзил живот второго ликирианца тонфой. Сочившуюся из раны кровь, полудемон будто приманивал рукой и, разбивая её на капли, поднимал в воздух. Безумно хохоча, тёмный рыцарь схватил напуганного до беспомощности эльфа за горло. После этого Даридий вобрал витавшую в воздухе кровь в другую руку и приложил её к груди ликирианца. Вновь пронзительный мученический вопль пронзил окрестности, растворяясь в шуме дождя. Гельдас опустил голову и закрыл глаза, чтобы не слышать этот ужасный крик и не смотреть, как с его соратника облезает кожа. Отбросив в сторону высушенный до хрупкости угля труп эльфа, тёмный рыцарь презрительно ухмыльнулся, говоря так, будто изрекает проклятье:

– Глупая самоуверенность погубит вас, ничтожные твари.

Я вырежу таких, как ты, Гельдас, и буду умиротворённо ступать по их останкам!

В этот момент Гельдас убрал с лица прядь намокших волос и, усмирив в душе пыл, с холодной ненавистью посмотрел на своего врага.

– Никогда! – сквозь зубы протянул Гельдас и со свирепым кличем бросился в атаку. Враги вновь сцепились в жестоком яростном танце смерти. Звон металла разносился сквозь ропот дождя, исчезая в мохнатой стене леса. Из раза в раз, недруги скрещивали клинки, выбивая искры из металла до тех пор, пока тонфа ликирианца не разломилась. Такая неожиданность заставила Гельдаса промедлить и стать лёгкой мишенью для тёмного рыцаря. Его тяжёленный кулак с глухим хрустом врезался эльфу в грудь. Дыхание свело, ноги оторвались от земли, тело ощутило невесомость.

Когда Гельдас упал, во рту появился металлический привкус. Эльф перевернулся на бок, зашёлся сдавливающим грудь кашлем и отхаркнулся кровью. В ушах раздражительно звенело. В глазах всё плыло и кружилось. Тёмный рыцарь дождался, когда измотанный противник встанет на ноги, и перерубил ему коленные сухожилия на правой ноге. Эльф беспомощно повалился на мокрую землю, выпустив тонфу из рук. Обвисшая безжизненным куском мяса нога не позволила встать.

Тёмный рыцарь торжественно засмеялся, раздавив сапогом сокрушённому противнику запястье не раненой руки.

Потом Дэрд согнулся над ликирианцем, крепко схватил его за промокшие волосы и, приподняв его голову из грязи, грозно спросил:

– Где же теперь твоя напыщенная гордость, а? Я не слышу, ничтожество?!

– Я не сдамся, никогда! – запинаясь, одержимо твердил Гельдас, тщетно пытаясь вытащить свою раздавленную кисть из-под сапога тёмного рыцаря.

– Жалкое зрелище, – с презрением бросил Дэрд, перевернув ногой тело ликирианца на спину. – А теперь я заберу твою душу! – заявил Морк, кулаком пробив Гельдасу грудь и заглянув в его глаза полные панически-страдальческого ужаса.

– Нет! – взлетел под самое небо душераздирающий протяжный крик. В этот самый момент душа – эфемерная кристально-белая дымка с очертаниями своего владельца, вырвалась из разорванной груди Гельдаса и, распадаясь на мелкие тускнеющие ворсинки, утонула в рубинной бездне демонических глаз. Вскоре тело эльфа стало холоднее льда, а кровь очернилась и иссохла. Тёмный рыцарь вытащил из груди мёртвого врага обугленное зачерствелое сердце, которое вскоре размякло под дождём и осыпалось слипшейся чёрной пылью. Дэрд расправил плечи и отозвал тёмный доспех: чешуйчатая броня треснула и начала осыпаться, словно истлевшие листы бумаги.

– Мы победили, – приняв человеческий облик, устало

прошептал Даридий. Он всё ещё не верил в происходящее и находился под впечатлением, удивлением и боязнью невероятной мощи Морка.

– Мне нужно восстановить силы, поэтому ближайшие пару недель я буду спать, постарайся не ввязаться в какую-нибудь историю, ибо каждая смерть делает тебя слабее и тем самым уязвимее перед твоей демонической сущностью, – апатично пояснил древний дух затухающим в голове гулом. Дэрд, точно пьяный, шаткой походкой добрёл до тела мёртвой незнакомки. Поскользнувшись, он упал возле неё, и точно на прощание, погладил тыльной стороной ладони её ледяные щеки. Конь сочувственно ткнул мордой в плечо хозяина.

– Надо бы схоронить её, – печально посмотрев на своего верного скакуна, произнёс Даридий. Его голос дрожал от скорби, точно задетая гитарная струна на минорной ноте. Конь фыркнул в знак согласия. Тогда мужчина, прилагая все усилия, взял тело на руки и перенёс в дом, аккуратно уложив на кровать.

– Да сотрёт пламя все несчастья с души твоей, – прошептал Даридий и поцеловал умершую в губы. После чего замотал бездыханное тело в простыню и, поджёг его, разбив зажженную керосиновую лампу. Вскоре пламя объяло весь дом, соседи подняли панику, но к тому времени Дэрд по просёлочной дороге утонул в зелёном море смешного леса.

Глава 5

Сибэль тяжело приподняла веки. Лучи солнца, прокравшиеся за деревянные решёта повозки, обожгли глаза. Девушка хотела прикрыть лицо рукой, но железная цепь с увесистым замком крепко, будто клещи, сдавливала её кисть. В ушах стоял надоедливый звон, чрез который едва различался скрип повозок и басистый хохот сопровождающей их охраны. Запах преющего сена резал ноздри. Когда глаза Сибэль наконец-то привыкли к освещению в душной повозке, она разглядела прикованных цепями ещё несколько сидящих девушек. Замученные и избитые они всё ещё спали. Побитое нагое тело прикрывали рваные грязные обноски. Сибэль, что есть сил, дёрнула цепь, которая грузно загремела о железное кольцо, в которое была продета. Раздался предупреждающий стук кованым каблуком сапога по повозке, прямо в то место, куда девушка упиралась затылком. Но упрямая пленница загремела цепями вновь.

– Немедленно прекрати, иначе отведаешь кнута! – огрызнулся извозчик.

Из-за шума очнулась Верлина, лежавшая по правую сторону от Сибэль.

– Что... где мы? – встревожено спросила девушка, немощно шевеля сухими губами. В ответ она получила лишь изводящее молчание и корящий взгляд.

– Почему, ... почему ты так смотришь? – запинаясь от волнения, Верлина выталкивала слова из обожжённого жаждой горла.

– Это твоя вина! – с презрением ответила Сибэль, сжав кулаки.

– М...моя? но я не... – растерялась пленница, не в силах от тревоги подобрать какие-либо слова.

– Если бы не цепи, будь уверена, я бы задушила тебя! – язвлено протянула Сибэль. Его голос полнился неподдельной злостью.

– А ну-ка заткнись, если не хотите получить сапогом по морде! – сердито пригрозил извозчик.

– Только развяжи меня, и я сломаю тебе шею, свинья! – гневно ответила Сибэль, вновь загромыхав цепями.

– Как же ты меня достала, сука! – озлобленно крикнул мужчина, остановив повозку. В следующий момент небольшая решётка отворилась, и в проходе показалось свирепое бородатое лицо извозчика. Свежий воздух ворвался внутрь, разгоняя сонливую духоту. Все пленницы тут же очнулись. Мужчина с трудом забрался в повозку, низкий потолок не давал ему выпрямиться, достал ножик и угрожающе поводил им возле лица Сибэль, смотря в её бесстрашные зелёные глаза. В ответ девушка плюнула извозчику в лицо.

– Ах ты тварь! – вскричал озлоблено он, порезав девушке щёку.

– Чего остановился? – раздался недовольный голос охран-

ника, который быстро шёл к повозке. И в момент, когда извозчик отвлёкся, Сибэль ловко выбила ногой нож из его ослабленной руки, а затем обеими ногами сдавила его шею. Извозчик испуганно начал отбиваться, но девушка не дала ему времени для сопротивления. Раздался противный хруст свёрнутых позвонков, и мужчина бездыханно рухнул к ногам пленницы. Девушки, находившиеся в повозке, в страхе закричали. Шаги охранника становились всё чётче и чётче; он перешёл на бег. Но Сибэль не растерялась. Она разглядела связку с ключами в кармане у мёртвого извозчика, достать которую для неё не составило особого труда. Ключ за ключом, попытка за попыткой и, наконец, замок раскрылся и шлёпнулся на пол.

– Вот если только этот идиот посмел к бабам залезть, я убью его! – ругался охранник, подбегая к повозке.

– Тсс, – прошипела Сибэль, приложила палец к губам. Крики тут же смолкли. Освободившаяся пленница нащупала в сене нож, вооружилась увесистым замком, а затем подкралась к раскрытым решёткам и принялась терпеливо ждать.

– Какого чёрта? – удивился охранник, увидев ватные ноги извозчика. И только он хотел выхватить из ножен меч, как к его голове устремился железный замок. Мужчина, не издав ни звука, точно кукла, рухнул на землю с прошибленным черепом.

– Освободи нас! – умоляющим тоном попросили девушки. Сибэль наугад бросила ключи пленницам, а сама выпрыг-

нула из повозки и, выхватив из ножен убитого охранника меч, побежала с дороги по мокрой осенней траве вниз по холму.

Командир охраны, настороженный шумом, остановил ведомую им первую в колонне повозку. И как только на глаза мужчине попалась убегающая пленница, вооружённая мечом, он, не колеблясь, взял лежавший подле него лук, быстро вложил в него стрелу и метко выпустил её девушке в бедро. Девушка, ощутив холод металла, болезненно вгрызшегося зазубринами в плоть, оступилась, разжав пальцы, сжимавшие рукоять клинка. Дрожа от изнурительного голода, Сибэль с трудом поднялась на четвереньки и, одержимая неумолимым стремлением к свободе, попыталась продолжить побег. Но кровоточащая рана не могла не напоминать о себе.

– Глупая девчонка! – презренно огрызнулся подбежавший к пленнице высокий худощавый мужчина в чёрно-бордовом кожаном рельефном доспехе волокнистой структуры. Каштановые волосы обрамляли его скуластое лицо, искаженное злостью, а из-под густых бровей пронизывающим гневом сверкали карие глаза. Сняв с пояса кнут из драконьих языков, увенчанный черепом на литой обсидиановой рукояти, расписанной рунами, охранник сжал орудие наказания в своей жилистой руке и яростно ударил им Сибэль. Окровавленный кнут, облизнув спину, независимо вернулся к владельцу, обвив его руку до плеча. Казалось, он был наделён собственным разумом. Девушка пронзительно закри-

чала и обессилено растянулась на траве. От окровавленного рубца повеяло чёрным дымком, который, извиваясь, через несколько секунд бесследно исчезал в воздухе. Как только руны на кнуте вспыхнули алым светом, обноски, прикрывавшие тело девушки, разлетелись в мелкие клочья, оставив на туловище пугающие ожоги. Охранник ухмыльнулся, что-то тихо произнёс, после чего за волосы поволок обездвиженное тело девушки обратно в повозку. Последнее, что почувствовала Сибэль, прежде чем потерять сознание, был грузный предательский звук цепей и холодные руки мёртвого извозчика, с которыми её сковал охранник.

Тишину встревожил говор мужчин. Сибэль тяжело открыла слипшиеся глаза. Через решётки лился мягкий лунный свет, разгоняя в повозке мрак, пропитанный зловонным запахом разлагающейся плоти. Перед лицом жужжали надоедливые неугомонные мухи. Девушка хотела приподняться с прелого сена и отпрянуть от смрадного трупа, но её руки были крепко-накрепко связаны цепью с мертвецом. В следующую секунду съёмные решётки затрещали, и в повозку забрался командир охраны. Разбудив Верлину звонкой пощёчиной, он освободил её от гнёта цепей и небрежно выволок из повозки.

– Не брыкайся, – предупредил командир охраны, низким приятным баритоном. Серебристый свет ночного светила предательски осветил красоту женского лица.

– Гм... неплохая девочка, однако, – с отражением похоти в улыбке пробормотал тучный мужчина в балахоне, при-
сматриваясь к привлекательной нагоде девушки, позвякивая
при этом отягощающими запястья золотыми браслетами.

– Не забывайте, этот товар не для ваших извращений! –
предупредил начальник охраны, сердито взглянув исподло-
бья на торговцев людьми.

– Да брось, Шэреан, никто ж не узнает! – усмехнулся тол-
стощёкий покупатель.

– Крайне неудачная шутка, Люва́р, – сурово бросил по-
ставщик, испепеляя пристальным взглядом.

– Да ладно-ладно тебе, вечно ты мрачный какой-то, – от-
махнулся тучный торговец.

– Работа такая... – черство процедил Шереан, скорчив
утомлённую гримасу. – Ну, так что, берёте или нет? – с недо-
вольством спросил он.

– Берём-берём, товар знатный, она мне тоже нравится, –
сунув руку промеж ног пленницы, раболепно произнёс вто-
рой работорговец – худой мужчина с выглядывающими из-
под капюшона чёрными кудрями. В седом лунном блике они
напоминали посеребрённые водоросли.

– Она стоит пятнадцать золотых, – пробасил Шереан,
скребя ногтями по заросшему густой колючей щетиной ка-
дыку.

– Почему так дорого, Фальдэр? – насупился толстяк. – Мы
же давно друг друга знаем, может двенадцать? – меркантиль-

но улыбаясь, предложил он.

– Пятнадцать и ни золотым меньше! – неоспоримо сказал Шереан, хмуря брови. Улыбка тут же сползла с лица работорговца и он, явно недовольный ценой, бормоча себе под нос ругательства, принялся отсчитывать монеты вместе со своим партнёром.

– Вот, здесь, как и договаривались сто пятнадцать золотых, – ответил, нахохлившись, работорговец, неохотно расставаясь с кожаным кошелём, туго набитым золотыми монетами. Шереан Фальдэр молча принял деньги, в спешке закрыл съёмную решётку и быстро покинул неприятное общество торговцев. Толстяк незаметно плюнул ему вслед и, бранясь, повёл рабов в повозку, одиноко стоявшую на перепутье.

– Куда нас везут? – требовательным тоном спросила Сибэль у командира охраны, заслышав шарканье его сапог о дорожный камень. Он лишь сухо усмехнулся, сохраняя хладнокровное молчание.

Вынырнув из-за могучих плеч холмов, перетянутых щербатой извилистой дорогой, вереница из трёх повозок, обтекаемых лучами полуденного солнца, достигла могучих стен Фивисвэйла. Утонув в их величественной тени, извозчики принялись огибать город, стремясь спуститься с возвышенности к морскому побережью, где вздымались ребристые зубья скал, изрезанные серпами морских волн.

Остановились повозки посреди маленьких скривившихся домиков, хаотично разбросанных по побережью. За ними врезанная в одну из скал высилась башня с бойницами и подъёмной металлической решёткой. Парапеты, выполненные в виде оскаленных драконьих морд, точно зоркие сторожи, неустанно взирали своими каменными бездушными очами на отощавших измученных людей, закованных в кандалы и одетых в рваные обноски. Под гнетущими ударами кнутов, щедро раздаваемых безжалостными надзирателями, рабы на исходе сил дубасили кирками по пластам соли, белыми нарывами, выступавшими на песчаной плоти берега.

– Что-то их с каждым разом всё меньше и меньше, – колко подметил Шереан, прыгнув с повозки. Крепким рукопожатием он поприветствовал смотрителя рудников.

– Так у них и другие дела есть, – усмехнулся коренастый загорелый мужчина, то и дело, потирая свою козлиную бородку. Его упитанные щёки и широкий нос, клеймённый родинкой на левой ноздре, окрасило спиртное, а пухлые губы растрескались на ветру. В длинных тёмно-русых собранных в хвост волосах усердно пряталась седина. Грозь пуговицам дорогого бурого камзола разлететься в стороны, точно могильный курган, выпячивал большой округлый живот. – Они теперь дороги в городе мостят, – добавил смотритель, отпив медовухи из бурдюка. Этим напитком Луртар Нэлвард (Лурт) порой безмерно любил себя побаловать. – Каков на сей раз товар привезли? – сгорая от нетерпения, надоедливо

спросил Лурт. – Есть ли свеженькие киски для развлечения стражи? – не переставал чесать языком покупатель.

– Эх... сколько вопросов, – стараясь не обращать внимания на докучливую болтовню зрителя, угрюмо вздохнул Шереан, открывая повозки и показывая рабов.

– В этих двух семнадцать работоспособных мужчин. Все они заключённые, пойманные за грабёж, дебош или изнасилование, – объяснил поставщик. Зритель без стойкого интереса мельком взглянул на представленный товар.

– А здесь у нас кто? – заинтересованно протянул он, увлечённо заглянув в третью повозку.

– Пара бездомных, одна нищенка, другую нашли пьяной возле сточной канавы, пятая за грабёж попала, ну а шестая за разбой, – отчеканил Шереан, точно долго заучивал.

– Мне все нравятся, а та черноволосая особенно, – довольно сказал Лурт, похотливым взглядом поедая Сибэль.

– Должен заранее предупредить девка опасная, лучше бы не снимать с неё кандалов, – посоветовал Шереан, скрестив руки на груди.

– Сколько ты за них за всех хочешь? – поглаживая козлиную бородку, как-то безрадостно спросил зритель.

– Девяносто золотых, – изображая задумчивость, ответил поставщик, скребя заросший щетиной подбородок.

– Сколько-сколько? – прищурившись от удивления, переспросил Лурт.

– Девяносто, – чёрство растянул Шереан.

– Совсем совесть утратили, крохоборы! – ошеломлённо выпалил смотритель. От возмущения он нахохлился и поспешил утолить внезапно возникшую жажду медовухой. – Всякий раз у вас цены растут! Будто бы Дэкрий не знает их рыночной стоимости! – бунтовал Лурт, неохотно доставая кошелёк.

– Что поделать, всё дорожает, – невинно развёл руками Шереан, пребывая в глубоком безразличии. – Ты точно их будешь покупать или мне их обратно везти? – утомлённый скукой и апатией, угрожающе произнёс Шереан.

– А! – насупившись, безнадёжно махнул рукой Лурт. Он угрюмо отсчитал монеты, и, скрипя сердцем, распрощался с запрошенной суммой. Затем смотритель жестом подозвал к себе стражу и двух надзирателей.

– Тащите их в яму, пускай посмотрят на своё новое жилище, а потом выдайте им инструменты – нечего отлынивать от работы, пускай помогают остальным, – распорядился Нэлвард. Подчинённые без лишних слов принялись исполнять приказ.

– Когда ожидать следующую поставку? – съедаемый любопытством, спросил смотритель.

– Однозначно, уже не в этом году, – утолил интерес Шереан, торопливо закрывая повозки.

– Тогда постарайтесь прислать девочек... эм... помоложе, если вы понимаете, о чём я? – с разгоревшимся энтузиазмом попросил смотритель.

– Вполне, но обещать ничего не стану, не вы один просите подобный товар, – объяснил поставщик.

– Будь уверен, я не поскуплюсь за него! – твёрдо заявил Лурт.

– Я учту, – коротко ответил Шереан, вскочив на повозку и взяв в руки поводья. По его спешке и сердитым глазам, можно было с точностью судить о том, что общество зрителя соляных рудников ему явно не по душе.

– Цену, хотя бы назови?! – уже сплетающимся от медовухи языком, громко потребовал Лурт.

– Дэкрый назовёт, – мрачно буркнул Шереан, – Но, пошли!

– Тьфу! Вот же говнюк! – покачнувшись, озлобленно рывкнул зритель, бросив вслед поставщику рабов опустевший бурдюк.

Оковы и звонкие цепи служили ежедневным украшением рабов, просоленные потом и испачканные засохшей кровью лохмотья – их нарядом. Обьедки господ – были для невольников праздничным угощением, шрамы и ссадины – наградой за тяжкий изнурительный труд, сравнимый с затяжным банкетом у безжалостной владычицы смерти. Жизни этих людей не стоили ровным счётом ничего, даже щенки борзых собак ценились куда выше. Откровенно говоря, для рабов каждый прожитый день был небольшой передышкой в нескончаемом круговороте пыток и истязаний. Вторую по-

ловину подобного дня новоиспечённые невольники, привезённые Шереаном из Сильвербриджа, вкушали его омерзительные прелести и бесчеловечные ласки, привыкая к своей новой семье.

Ночью, грязные, измученные непосильным трудом и изморенные голодом, рабы начали знакомство с их «уютным» жилищем – тесным песчаным гротом, который впоследствии для некоторых мог стать и их склепом (мёртвых либо глубоко закапывали в песок, либо со скал выбрасывали в капризную морскую пучину).

В стенах грота царил полумрак. Факелы коптели каменный потолок и стены своим горячим дыханием, источая едкий горький дым. В этом жутком месте держали и детей, и стариков, и женщин. Их тела прикрывали выпачканные потом и засохшей кровью лохмотья и набедренные повязки, нередко продырявленные временем. Спали рабы на песке, чуть ли ни друг на друге. По нужде ходили в выгребную яму, вырытую в дальнем углу. Ночи напролёт не утихал кашель больных стариков и их болезненный протяжный стон, точно сама смерть несмолкаемо ворчит через недуги этих бедолаг. Впалые в орбиты глаза невольников на исхудалом лице в душном полумраке поблёскивали отчаянием, подобно алмазам, прочно застрявших в горной породе. Худоба рабов была настолько ужасной, что кожа, казалось, как чулок была натянута поверх костей. Под глазами чернели фиолетовые круги, от чего лица несчастных людей напоминали жуткие

маски привидений. Пустота и безнадёжность правили душами невольников, обречённых на гибель в колодках, отражаясь всей своей полнотой в их безропотных взглядах.

За день Сибэль пришлось отведать и кнута и палок. Из-за изнурительного труда руки отваливались, от кирки на ладонях лопнули кровавые мозоли, а пальцы едва сжимались. Жажда скребла высохшее горло, рычащий измождённым голодом желудок, смирился и умолк. Сон и усталость усердно пытались опустить веки, но спина, облизнутая кровожадным кнутом ни один раз, горела и саднила, не давая покоя. Однако в отличие от других новеньких, враждебно озиравшихся по сторонам, Сибэль сохраняла железное спокойствие. Прижавшись спиной к стене, унимавшей своим холодом боль, и закинув запястья рук на согнутые колени, девушка, наконец, задремала. Однако протяжный вой предательской решётки, нарушил её блаженный минутный покой, будто звоном колокола долетев до чуткого слуха Сибэль. В убежище рабов вошёл стражник с корзиной чёрствого хлеба и небрежно потряхнул в толпу сильно отличавшиеся друг от друга куски, словно ребёнок, подкармливавший голубей. Невольники набросились на скромный ужин, как муравьи на сахар. Второй стражник подставил бадью с водой и бросил в неё деревянный черпак.

– Жрите, подневольные псы! – глумливо усмехнулся он. Наблюдать за рабами, за их соперничеством, была для него одной из любимейших забав.

– Я раньше тебя тут не видел... новенькая? – спросил смуглый темноглазый мужчина заросший чёрными волосами, вызывающе встав перед Сибэль и, причмокивая, жуя хлеб. Медленно приподняв голову, девушка промолчала, скользнув холодным взглядом по неожиданному собеседнику.

– Хочешь? – подразнил куском хлеба навязчивый раб.

– Отдай старику..., ему нужнее, – бесчувственно ответила Сибэль, не поднимая глаз.

– Он всё равно ни сегодня-завтра подохнет, а тебе не мешало бы поесть... перед трудной ночью-то, – цинично улыбаясь, насмешливо произнёс мужчина.

– Да, сегодня для твоей прелестной задницы будет работёнка, – поддержал домогательства рыжеволосый приятель.

– Вам друг друга мало? – сухо бросила Сибэль.

– У, да ты вострая на язык! Интересно, как ты им ещё владеешь? – бесцеремонно ухмыльнулся чернявый, сняв на бедренную повязку. – Ну, и чего ты смотришь? Ждёшь особого приглашения?! – раздражённо приказал он, несильно пнув девушку по голени. Рыжеволосый приятель бросил обглоданный чёрствый затвердевший кусок хлеба Сибэль в лицо. Она стерпела, едва пересиливая разразившуюся в душе ярость.

– Нагибайся, мне давно не хватало женского тепла! – похотливо сказал он, крепко сжав Сибэль запястье.

– Убери руки, ублюдок! – угрожающе процедила она.

– Ух, какая горячая, с характером, это возбуждает! – приблизился чернявый насильник.

– Отстаньте от неё! – прохрипел старик. Мучительно борясь с лихорадкой слева от Сибэль, он нашёл в силы встать.

– Отвали, старый! – толкнув старика, приказным тоном сказал рыжий. Постанывая от боли, он рухнул на песок, болезненно держась за поясницу, пронзённую жуткой болью.

– Не вмешивайся, если здоровье дорого! – угрожающе огрызнулся рыжий, демонстративно замахнувшись кулаком.

– Не зли меня, девчонка, приступай уже! – гневно прорычал чернявый, пытаясь схватить девушку за волосы, чтобы притянуть к себе. Едва заскорузлая ладонь потянулась к Сибэль, как её терпение резко улетучилось. Она, перехватив руку насильника, вывернула ему кисть, а после схватила его за мошонку и что было сил, сдавила её, наслаждаясь воплем невыносимой боли, вырвавшимся из глотки мужчины. На его глазах выступили слёзы, лицо покраснело, а самого чернявого, казалось, страдания скручивают в спираль, точно алюминиевую проволоку.

– Дёрнешься, и твой озабоченный дружок останется без яиц! – грозно предупредила Сибэль рыжего, застывшего в растерянности. Её усталое лицо внезапно расписали краски жестокой ярости. – Отдай хлеб старику, извинись перед ним и проваливай! –

– Проклятье, делай, что она говорит! – обессилено про-
стонал, будто скулящий щенок, чернявый. Его друг сделал
так, как ему приказали. Стражник, хохоча во всё горло, за-
интересованно наблюдал за этой картиной, подобно наивно-
му ребёнку в цирке, веселящегося от одного вида несмеш-
ных клоунов.

– Ты заплатишь мне за это унижение, сука! – процедил
сквозь зубы рыжий, изливая ненависть, вызванную смирени-
ем.

– Уже дрожу от страха, – с издевательским презрением
ответила Сибэль. Опираясь спиной о стену, она медленно
поднялась на ноги, не смея утрачивать власть над оскорбив-
шим её достоинство насильником. – А ты, – обратилась она к
чернявому, скрюченному и измождённому болью, – ещё раз
снимешь перед моим лицом свою набедренную повязку, я
сломаю тебе шею – ультимативно пообещала Сибэль. Через
её слова сочилась пугающая угроза.

– Да-да, я услышал тебя, только, прошу, отпусти, – сдав-
ленным шёпотом попросил мужчина, не стесняясь слёз. И
как только девушка разжала свою ладонь, некогда смелый и
уверенный насильник, облегчённо дыша, немощно упал на
песок и стал беззащитен, как новорождённое дитя. К нему
тотчас приблизилась гурьба рабынь, судя по всему когда-то
ставшие жертвами его извращённых желаний, и начали глу-
миться над ним, точно гиены над добычей. Одна из этих жен-
щин как-то уважительно посмотрела на Сибэль, будто спра-

шивая у неё разрешения для долгожданной мести. И её кивок в знак согласия, словно разрушил невидимую стену, отделявшую грань здравого рассудка от пропасти кровожадного безумия – женщины, подобно изголодавшимся ненасытным шакалам, напали на насильника, безжалостно осыпая его градом ударов, закалённых долгожданной ненавистью. Рабыни били свою жертву, не щадя собственных ни рук, ни ног. На суматоху сбежались разозлённые стражники, щедро раздавая удары дубинками всем на своём пути. Когда они, используя грубую силу, оттащили разъярённых женщин от насильника и поставили их на колени, не забыв их одарить тяжестью своего орудия порядка, чернявый, получивший по заслугам, не двигаясь, лежал на песке. Один из стражников с омерзением и неохотой, коснулся носом сапога рёбер пострадавшего.

– Видать, покойник, – неуверенно буркнул он, пожав плечами.

– А что, если живой? – возразил другой стражник.

– Да какая теперь разница, сержант с нас всё равно шкуру спустит! – пряча за щитом недовольства своё беспокойство, сказал третий охранник.

– Заткнись! Лучше неси сучкам лопату, пусть копают мертвецу могилу! – сердито сдвинув брови, приказал первый стражник. Когда он говорил, то не сводил жалящего злобно-го взгляда с рабынь, что свершили преступление и теперь находились в полной власти у стражников, облачив свой ра-

зум в беспрекословное смирение.

– А с зачинщицей этого бардака, что делать будем? – поинтересовался, второй стражник.

– Ничего не будем, – угрюмо пробасил собеседник.

– То есть как? – удивился его товарищ.

– А вот так... у зрителя на неё свои планы имеются, – огрызнулся первый стражник.

– А тебе это откуда знать?

– Видел, как он сегодня на неё вес день тарашился, а я здесь не первый год уже, так что знаю её дальнейшую судьбу на рудниках первые, эдак, недель пять-шесть, – мрачно усмехнулся стражник, потирая подбородок.

– Старый сукин сын, у него жена с детьми, а он с рабынями развлекается, тьфу, мерзость какая! – возмутился его товарищ, вспыхнув неподдельным гневом.

– Когда-нибудь он доиграется, пёс проклятый, его нелепые указы и прихоти, как занозы в заднице, надоели, аж до такой степени, что хочется порой его заколоть, а труп скормить собакам! – поддержал негодования своего собеседника напарник. К этому времени третий стражник вернулся с лопатой и злобно бросил её к ногам провинившихся рабынь.

– Ты за ней на площадь Фивисвэйла бегал? – подшутил над ним, недовольный задиристый стражник.

– Ха-ха, – передразнил его напарник. – Сам бы мимо пьяного сержанта бегал!

– Можно подумать, пьяному ему кроме карт есть ещё до

чего-то другого дело, – усмехнулся его товарищ в ответ.

– Вот захочется ему бабу, припрётся он сюда, тогда посмотрим, как вы заговорите!

– А мы ему тебя предложим, авось подойдёшь, – съязвил задира, залившись басовитым хохотом.

– Ой, да иди ты, – отмахнулся от колкостей напарника, оскорблённый стражник.

– Лучше бы нам вернуться на пост, пока не пришлось сержанту лапшу на уши вешать, – предположил их товарищ.

– Я с ними оставаться не намерен! – категорично заявил стражник, бегавший за лопатой.

– Не будь идиотом, никто с ними сюсюкаться не будет, не закопают труп – существование их превратится в сущий кошмар! – пообещал задиристый напарник, пристально посмотрев на провинившихся рабынь и перед носом у каждой назидательно поведив дубинкой.

– Только посмейте затеять драку или спор, вы пожалеете, что ещё не сгнули здесь! – предупредил напоследок его товарищ, шествуя последним. После этого стражники исчезли за решёткой, вернувшись обратно на свои посты.

Всю ночь Сибэль крепко проспала в окружении благодарных ей за возможность возмездия женщин. Охотница своим бесстрашием и жестокой мужественностью обрела авторитет, о котором здесь, на рудниках, желал бы обладать каждый третий или даже второй невольник. Хотя сама винов-

ница суматохи и собственного неожиданно нарисовавшегося престижа не была горда своим поступком. Все мысли её были устремлены лишь к тому, чтобы выжить в этом кошмарном месте, освободиться и вернуться к брату, которого она любила настолько, что готова была вырезать легион солдат, только чтобы увидеть его и убедиться, что он в безопасности.

Ранним утром, пока ещё морские гребни чернели под несвёрнутым покрывалом ночи, стражники разбудили рабов на завтрак. Каждому невольнику, покидавшему песчаный грот, на руки надевали кандалы, соединённые длинной цепью, пристёгнутой к ошейнику из грубой кожи, обычно в жару натиравшей шею чуть ли не до крови. Затем дружным строем рабы, под пристальным надзором нацеленных на них арбалетов, шли в столовую, где вечерами развлекались блюстители порядка и закона на рудниках. Здесь в полумраке тлеющих факелов, они друг напротив друга сидели за длинными столами и жадно уплетали осточертевшую пшённую кашу, запивая её небольшой кружкой воды. Любимым развлечением повара было помочиться в один из кувшинов с водой или поменять пресную воду – на морскую, кроме этого он давился со смеха, когда ему удавалось подмешать в кашу что-нибудь несъедобное или мерзкое, например собственные испражнения, жуков или червей, посыпать кашу песком с побережья или просто пересолить. Правда, подобные гадости он делал на свой страх и риск, ведь узнай об этом зритель, его бы давно обезглавили, хотя по правде гово-

ря, с нынешним хозяином рудников, его бы за эти шуточки ещё бы и наградили.

– Псс, подруга, – позвала мрачную, как копоть труб, Сибэль девушка с резкими, точно хребты гор, скулами и растрёпанными чёрными засаленными волосами с блестящими в них песчинками песка. Сибэль, без аппетита глядевшая на кашу обезоруживавшую ароматами помоев, исподлобья взглянула на непрошеную собеседницу.

– Вчера ты оказала мне огромную услугу, я давно хотели смерти этого подонка, но никак не решались напасть на него, в общем, не знаю, что движет тобой, но я хотела бы быть с тобой, – раскрыла свои намерения женщина.

– Мне никто не нужен, я сама по себе, – угрюмо заявила Сибэль, отодвинув от себя зловонную миску с кашей подальше и решив просто утолить жажду. Но едва она преподнесла стакан к губам, как ощутила привкус мочи, растворённый в воде. Девушка выбросила стакан на пол, отправив вслед за ним поток брызг.

– Что водичка не нравится? – ядовито усмехнулся один из мужчин, а окружавшие его пятеро дружков расхохотались.

– Завалите пасти! – огрызнулся стражник, стоявший неподалёку. – А ты подними то, что бросила и впредь не смей нарушать порядок, а не то на завтрак по твоему горбу будут палки плясать! – раздраженно пригрозил мужчина. Но Сибэль даже не шелохнулась, чтобы выполнить его приказ.

– Ты плохо слышишь что ли, может мне стоит прочистить

тебе уши этим сапогом? – сделав шаг вперёд и указав на свою обувь, сердито спросил стражник.

– Простите, ей сегодня нездоровится, – вступилась за горделивую незнакомку черноволосая рабыня, проворно нырнув под стол и вернув на него брошенный стакан. Охранник презрительно фыркнул и возвратился на своё место, явно недовольный подавленным конфликтом.

– Зачем ты это сделала? – спросила Сибэль. – Ты же меня совершенно не знаешь.

– Послушай, здесь принято держаться группами, только так мы выживаем, сильные гнобят слабых, доказывая своё превосходство, чем быстрее ты это примешь, тем лучше, – объяснила черноволосая девушка, протянув в знак дружбы наполовину полный свой стакан с водой.

– Как стайки зверей? – усмехнулась Сибэль, – сами живите по своим правилам, я здесь ненадолго! – враждебно заявила она, выбив подношение из рук навязчивый женщины.

– Мы все так думали, только если бы не это правило, давно гнили в песке или на морском дне! – оскорблённая подобным жестом, ответила она, вставая из-за стола и присоединяясь к растущей веренице невольников. Окончив приём пищи, они выстраивались в парную колонну и, дожидаясь остальных, после шли к выходу, где за дверями в прохладном утреннем сумраке их ждали надзиратели, возглавляемые смотрителем. Изю дня в день Луртар Нэлвард вёл счет рабов и изредка распоряжался раздачей инструментов

для работы на соляных рудниках.

– Сержант, я не наблюдаю здесь одного раба, где он? – требовательным тоном произнёс смотритель, слегка нахмурив брови.

– Умер, ... слабенький был видать, вот копыта-то и двинул, – не растерявшись, твёрдо ответил подчинённый.

– Что-то уж больно часто они копыта стали двигать, – подозрительно протянул Лурт, задумчиво теребя свою козлиную бородку.

– Хозяин, уверяю вас, это чистейшее совпадение, – старательно выгораживал свою оплошность сержант.

– Мало я у тебя из жалования вычитаю за твою предусмотрительность? – сжигая укорительным взглядом, говорил смотритель. – Заруби себе на носу, если подобные смерти не прекратятся в течение этого месяца, я самолично сорву с тебя погону и брошу в яму к рабам, – в полголоса угрожающе предупредил Лурт провинившегося стражника, тыча указательным пальцем ему в грудь. Казалось, в эту минуту кровь в жилах сержанта обратилась в лёд. Он тут же помрачнел и виновато опустил голову, отупленным взглядом уставившись на собственные сапоги.

– А вы, лейтенант Квотр, зайдёте сегодня ко мне за выговором и попытаетесь объяснить причину, по которой ваши подчинённые вместо своих обязанностей занимаются чёрт пойми чем! – с раздражением распорядился смотритель. Офицер стражи безропотно кивнул, но когда Нэлвард повер-

нулся к нему спиной, он посмотрел на него с таким злобным негодованием и враждой, переплетённой узлами непримиримой ненависти, точно сейчас вот-вот сорвётся с места и воткнёт меч ему в горло.

– Приступайте к работе, солнце скоро уже взойдёт! – распорядился смотритель, взглянув на зачинающийся рассвет, озорные золотые лучи которого засияли на тёмной кромке моря, точно сияющие самоцветы на чёрном бархате. Стражники и надзиратели безотлагательно задвигались, будто заведённые куклы, и принялись раздавать орудия труда несчастным невольникам вместе с затрещинами и пинками. Затем служители порядка разбили колонну рабов на группы по три человека и разместили их по всему побережью, где раскинулись белые солевые равнины. За каждой троицей пристально наблюдал стражник с заряженным арбалетом и длинным мечом, устрашающе болтавшимся без ножен на кожаном поясе. Надзиратели непрерывно расхаживали по рудникам, всякую группу невольников, одаривая своим «заботливым» вниманием, как правило, выражавшимся в безжалостных ударах кнутов или палок.

Так начинался изнурительный трудовой день невольников. И ничего не предвещало сегодня беды, если бы не рыжеволосый насильник, оказавшийся по какому-то странно-подозрительному совпадению в группе с Сибэль. В его трухлявом сердце, настолько сильно изъеденном в прошлом жестокостью бандита и в настоящем – дикостью подневольно-

го зверя, теплилась, туманящая рассудок, жажда отмщенья за смерть товарища и собственное унижение. После полудня мрачные свинцовые небеса откликнулись на зов тёмной души рыжего, заслонив солнце и окружавшую его лазурь, длинными подолами своих платьев, скроенных из дождевых туч. Едва ливень низвергся из бездн их пепельно-серых лон, надзиратели, передав свои обязанности ленивым стражникам, убежали в укромное место. Те, в свою очередь, ни капли этому не обрадовались, ворча, принялись бродить от невольника к невольнику, выражая своё недовольство в болезненных пинках.

И как только стражник удалился к третьей заключённой, скрывшись за полосатой стеной оглушительного ливня, рыжеволосый мститель, замахнувшись киркой, набросился на Сибэль со спины. Однако предательские цепи, выдав недоброжелателя звонким бряцаньем, невольно заставили девушку обратить внимание на шум. Обернись она парой секунд позже, и нить её жизни уже была бы оборвана, но вместо этого, столь короткого мгновения хватило, чтобы ловким прыжком избежать удара и парировать следующий. Казалось, этим движением девушка обманула собственную смерть.

– Я убью... убью тебя, тварь! – исступлённо закричал рыжеволосый мужчина, вновь бросаясь в атаку. Его бешенные глаза горели неумёмной ненавистью и неусмиримой жаждой отмщенья. Как только крик, усердно прорывавшийся через шумную завесу сыплющихся небесных бриллиантов, неяс-

ным отголоском достиг ушей надзирателей, двое из них поспешили проверить странный звук. В этот момент и стражник, обнажив меч, мчался усмирять невольника, дерзнувшего устроить кровопролитие.

Рыжеволосый безумец слепо размахивал киркой не щадя сил, черпая их из колодца собственной ненависти. Сибэль знала – раненая гордость подвигнет этого мужчину повторять подобные нападения снова и снова. Тогда девушка, примирившись с вынесенным её ясной рассудительностью приговором, ускользнув от очередной нелепой и до ужаса предсказуемой атаки своего недоброжелателя, вонзила стальной клюв кирки ему в затылок. Не издав ни звука, рыжеволосый безумец выронил из рук оружие своей бесплодной мести и рухнул ниц на промозглый пласт соли, окрашивая его бордовыми ручейками. Утерев тыльной стороной ладони бордовые капли с лица и без того смываемые дождём, Сибэль с горечью в горле, извлекла окровавленное оружие из головы врага и продолжила работать, гораздо усерднее, чем прежде, будто стараясь унять этой ретивостью камнепад вынужденного убийства. Опоздавший стражник обомлел, увидев подобную картину. Тревога охватила его, ведь за подобный просчёт, как правило, следовало жестокое наказание – увольнение с возмещением двойной стоимости раба и клеймо, из-за которого путь на подобную работу был навсегда заказан.

Вскоре небесные бриллианты в пепельно-серых мешках

богов, наконец, иссякли, обнажив вынужденную меру Сибэль.

– Не тронь её! – угрожающе сняв с пояса кнут, приказал рассвирепелый надсмотрщик стражнику, решившему наказать невольницу.

Долго девушка не смогла заглушать гнев по отношению к себе, внезапно её спину, издав пронзительный угрожающий свист, ужалил кнут, оставив зиять рубиновый след от своего болезненного жала. Выгнувшись дугой от острой боли, Сибэль всё равно продолжила работать, крепче сжав в ладони кирку и стиснув застучавшие зубы, напоминая своим жутким клацаньем яростные удары ливня по черепице. Предвещающий боль свист повторился, и кнут вновь немилосердно ужалил девушку в спину, слизывая бардовые слёзы, выступившие с содранной кожи. Но и в этот раз, не смотря на то, что колени невольницы подкосились и рык просочился через её крепко зажатые зубы, она упорно продолжала работать. За её стойкостью и непримиримостью перед наказующим истязанием надзирателей, отложив работу, с восхищением и сочувствием наблюдали другие женщины. Однако третий удар кнута сломил обелиск воли Сибэль. Девушка выронила кирку из дрожащих рук и упала на колени, тем не менее, подбородок она продолжала держать высоко поднятым, до некоторой степени напоминая гордого ангела с отрубленными крыльями.

И вот надзиратель, с присущим маньяку азартом, занёс

руку для ещё одного удара, как вдруг костистые пальцы зрителя, словно материализовавшегося из воздуха, впились ему в плечо, будто спицы, не позволив ему свершить желаемого.

– Довольно, не хватало ещё, чтобы ты из неё дух высек! – сурово произнёс Нэлвард. Надзиратель, быстро опустив кнут и спрятав его за спину, свесил голову, подобно провинившемуся мальчишке и отступил в сторону, услужливо освобождая дорогу зрителю.

– Встань! – ровным тоном приказал зритель, встав возле Сибэль и терпеливо дожидаясь, когда она поднимется на ноги. Отличаясь хорошей памятью на лица, девушка тут же вспомнила этого толстяка с козлиной бородкой. Его гнусные речи, бурным ручьём тут же всплыли в её памяти, пробудив незыблемое раздражение, граничащее через хрупкое стекло с диким гневом.

– Зачем ты это сделала? – спросил нетерпеливо Луртар. Сибэль молчала, не опуская гордо поднятой головы.

– Ах, что ж, это в принципе и не важно, – невозмутимо сказал зритель, выдержав непокорность рабыни через одарённую ей звонкую пощёчину. – А ты за это дорого заплатишься! – гневно пообещал Нэлвард, провинившемуся стражнику, не оборачивая на него головы. – Вечером я жду её у себя, а сейчас пусть работает за двоих, – коротко распорядился зритель, проходя мимо надзирателя. И, как только рабы зарыли труп на побережье, работа продолжилась

кипеть, будто никакого убийства и не было.

Вечером стражники, преждевременно заставив Сибэль искупаться в холодной морской воде, сопроводили её в кабинет зрителя, больше напоминавшего уютный подвал из-за своих мрачных каменных стен, зиявших трещинами, будто плоть венами. Девушку пристегнули короткой цепью, соединённой с кандалами и ошейником, натирающим горло, к железному кольцу на стене. Её запястья были на уровне лица, поэтому можно сказать, что теснота сдавила её своей каменной ладонью.

Ковыряя тонкой щепой свиное мясо, застрявшее в зубах, Луртар Нэлвард, захмелев от медовухи, откинулся на спинку стула, забросив на лакированный стол ноги. Как только стражники приковали Сибэль и покинули оплот разврата, зритель вскочил с места, запер дверь и подошёл к Сибэль, жадно водя ладонями по её талии, округлым ягодицам и бёдрам. Обнажив её стройное тело, изуродованное шрамами и гноящимся на спине медленно заживающим узором из струпьев, зритель даже вздрогнул. Но ещё несколько глотков знатной медовухи заставили его не обращать внимания на эти жуткие рисунки уродства. Тогда старый похотливый развратник, запустив руку промеж ног девушки, прильнул к её волосам, наслаждаясь будоражащим ароматом женской кожи. Сибэль не сопротивлялась; весь свой гневный протест она оставила в море, смыв его вместе с грязью

и кровью трудового дня. Ещё вчерашним вечером, слушая разговор стражников, она поняла, что уготовано ей на протяжении этих пяти-шести недель, но это нисколько не пугало её. Охотница видела в этом томительном унижении шанс на спасение, робким огоньком, мелькавшим в беспросветном мраке пропасти отчаяния. И как бы Сибэль омерзительно и презренно не было ощущать в себе

Глава 6

Вечер. Солнце устало клонилось за горизонт, медленно утопая в раскалённом океане заката. Золотые лучи плавно покидали сапфирный небосклон. Вскоре тень коснулась стягов Вэйтстоун, неспешно погружая их во мрак. Несмотря на это пустеющие улицы города всё ещё были облиты ярко-красными бликами заката. Именно в это время в окнах замка, за стенами которого раздавался лай неугомонных борзых собак, начинали плясать отблески пламени. Мрак, прокрававшийся в коридоры, наполненные безмолвием, разгоняли алебастровые жаровни в виде грифоновых голов с раскрытыми клювами, на дне которых горел огонь. Тишину потревожили звон и глухой лязг доспехов и ножен, бившихся об них. Несколько стражников в дорогой золочёной броне с завивающимися малахитовыми узорами спешили в тронный зал. Когда они отворили двери, Кромат, одетый в чёрный атласный камзол, окаймлённый на рукавах, вороте и подоле богатым рисунком в виде редких длинных алых языков пламени, бросил на них недовольный корящий взгляд. Поёрзав на неудобном вырезанном из эбена троне, спинка которого была отделана чёрной мягкой кожей, а подлокотники окантованы лазуритом и топазами, лорд Тронэр пристально оглядел собравшуюся в зале свиту. Стоявшие возле колонн, облицованных чёрно-белым мрамором, знатные персоны обер-

нулись на опоздавших, которые тотчас виновато припали на колени и склонили головы.

– Ну, наконец-то! – сердито воскликнул Кромат. – Я уже было подумал, что за вами придётся отправить стражу, ... как-кая наглость, заставляя других вас ждать, вам не кажется? – грозно спросил он, жая взглядом.

– Милорд, прошу прощения, группа крестьян пыталась украсть из амбара зерно, пришлось выполнять за сержанта его работу, – попытался обелиться начальник стражи, осмелившись поднять голову и посмотреть на лорда.

– Безнадёжен тот командир, что выполняет за подчинённых их поручения, – с порицанием назидательно заявил Кромат. Его голос дрожал от нарастающего раздражения. Начальник стражи растерялся. Он хотел что-то сказать в своё оправдание, но лорд не дал ему открыть рта.

– Не смейте ничего говорить, пока вам не прикажут! И голову склоните, никто не разрешал вам её поднимать, – раздражённо приказал Кромат.

– Прошу прощения, милорд, больше такое не повторится, – проямлил начальник стражи, потупив взгляд.

– На сей раз, я поверю вашему слову, лейтенант, но ещё один такой проступок и ваше место достанется более ответственному лицу, уразумели?

– Да, милорд, – ответил провинившийся.

– Вот и славно, а теперь встаньте к остальным, кстати, за опоздание вычтем треть вашего месячного жалованья, –

подытожил Кромат уже, на удивление, совершенно спокойным тоном. Злость, только что разгоравшаяся безудержным пожаром в его душе, мгновенно рассеялась, точно дым на ветру. – Итак, я созвал вас сегодня, чтобы вы описали мне нынешнюю ситуацию в Вэйтстоун и его провинциях, а так же рассказали мне об отношениях с другими городами и странами, – пояснил правитель.

– Милорд, с вашего позволения, я мог бы выступить первым? – раздался глухой ненавязчивый сипловатый голос из-за широких спин стражников.

– Советник...? – вопрошающе посмотрел Кромат на вышедшего вперёд рыжебородого мужчину с лёгкой проседью в кудрях цвета меди. Его худобу закрывало длиннополое платье цвета красно-коричневой ржавчины, подпоясанное мандариновым поясом. Длинные пальцы нервно теребили какой-то потрёпанный свёрток.

– Тарион, Ваша Милость, – представился мужчина. Моя забота – общее состояние города и его окрестностей, провинций и... -

– Ближе к делу, советник, – неприхотливым жестом оборвал суетливую речь Тариона Кромат.

– Да, конечно, милорд, – точно извиняясь, угодливо сказал советник. – Начну с того, что сборы с поместий в Вэйтстоун упали на одну пятую, а из-за крупных торговых расходов в связи с неурожаем в этот год, казна опустела на тринадцать процентов. Урожай зерновых снизился на шестнадцать

процентов, овощей на восемь, производство вина уменьшилось на одну десятую, а пива и эля почти на четверть по сравнению с прошедшим годом. Но самое страшное, на мой взгляд, это то, что мы потеряли месяц назад в северо-восточной провинции близ Силвильда золотую шахту, а неделей позже в юго-восточной, близ Марквильда, – крупный железный рудник из-за нападений чудовищ. По этой причине выплавка железа и стали упала на семнадцать процентов. В западной провинции вспыхнул мятеж, в деревне Ингшилд крестьяне отказались добывать камень и минералы, забив надсмотрщика палками. В северной провинции «Аконитовый берег» вспыхнула эпидемия язвенной болезни и чёрной чохотки, причины пока не известны, но лекарь из поместья обнаружил изначальные очаги близ озера Силлар, а позже и в поместье барона Адлара. В восточной провинции «Еловые равнины» в лесу стали пропадать люди. Крестьяне в тех местах начинают покидать свои деревни. Замок Кальдбард и деревня Кальдэршилд уже опустели. Люди в Калдвильде суетятся, а мы не можем им этого позволить, ведь тамошние земли полнятся богатыми залежами меди, олова и серебра, кроме того, там находится треть плодородных почв Вэйтстоун.

– Да уж, вести не из приятных, – мрачно протянул Кромат, задумчиво почёсывая костяшки левой руки. – А скажите-ка мне, кто принимал узды правления и ведал казной, после того, как король Томад отошёл от государственных дел? –

требовательным тоном спросил лорд, подозрительно окинув присутствующих.

– Милорд, камерариус (казначей) был назначен старшим советником и помогал королеве Фаретре следить за королевством, – сказал, стоявший ближе всех к колонне, высокий худощавый мужчина с зачёсанными на затылок волосами, поправив грубый ворот своего богато обшитого чёрным жемчугом пурпурного камзола.

– Ну, что ж, если из этого ничего путного не вышло, пусть с этим разбирается судья, стража! – приказал Кромат.

– Милорд, прощу, пощадите! – взмолил невысокий тучный лысый мужчина в жёлтом платье, подпоясанном синей лентой, рухнув на колени перед правителем.

– Следовало отказаться от предоставленных полномочий, если вы не сведущи в делах правления, а теперь посидите в башне и ощутите на себе весь гнет заточения, пока я буду подыскивать нового камерариуса! – неоспоримо заявил Кромат, выдержав холодный взгляд. Едва приказ слетел с уст лорда, стражники в стальных доспехах схватили камерариуса под руки и вывели из зала.

– Теперь мне нужен новый камерариус! – сказал Кромат требовательным тоном, недовольно посмотрев на присутствующих.

– Милорд, думаю, с этим проблем не будет, с вашего позволения, я сегодня же отправлю грамоту одному моему знакомому толковому барону, вряд ли он откажется от такой

знатной должности, – произнёс высокий худощавый мужчина.

– Как ваше имя, советник? – быстро спросил Кромат и так же быстро вскоре пояснил, – чтобы я потом знал, кого обвинять в расточительстве, – саркастически усмехнулся он.

– Ренэ... Ренэ Шервуа, милорд, – представился советник.

– Из тех самых? – с недоброжелательным прищуром спросил Кромат. Впрочем, ответа от растерянного вельможи он не дождался. – Отлично, но учтите, советник, я не потерплю разорения казны, за убытки держать ответ придётся вам, – предупредил Кромат.

– Как будет угодно, милорд, но, смею заверить вас, подобные назидания излишни, мы в раз покроем все потери, – пообещал Шервуа, поправив от неловкости чёрную бархатную ленту, подпоясывавшую его платье.

– Если ваши посулы будут соответствовать результатам, я увеличу вам жалованье, а теперь вернёмся к докладу советника Тариона, – натянуто улыбнулся Кромат.

– Как скажите, милорд, – продолжил рыжебородый советник, развернув пред собой свиток. – Считаю первым делом сообщить об изменении наших торговых отношений с Фивисвэйл, Шадоуривер и Тамеркросом. Фивисвэйл прекратил поставку рыбы и солений, а так же запретил нашим купцам и торговцам продажу любого товара в городе. Несколько дней назад Шадоуривер оборвал все торговые связи с Вэйтстоун. Долг Тамеркросу вырос на девять процентов, из-за этого

они отказали нам в поставке фруктов и шёлка. Кроме того, их правительство неукоснительно требует, чтобы мы самое большее в течение пары месяцев начали выплачивать им задолженность, иначе сюда прибудет войско для сбора налогов.

– Этого нам ещё не хватало! – возмутился Кромат, всплеснув руками, – ещё что-то? – мрачно добавил он.

– Кроме всего прочего, Фивисвэйл желает вернуть себе прежнюю автономию и вновь стать центром Форлианда. Милорд, не сочтите за грубость, но народ вас как правителя не желает признавать, – осмелился откровенно добавить Тарион.

– Осторожнее со словами! – сердито прогудел стражник сквозь наглухо прикрытое забрало. Тарион нервно поправил воротник.

Внезапно напряжённая тишина прокралась в зал. И только неугомонный треск пламени в жаровнях осмеливался её нарушать. Кромат Тронэр, задумавшись, приложил большой палец к правому виску, а средним и указательным пальцами потирал лоб. Вскоре его угрюмое лицо скрасила надменная ухмылка.

– Советник, Тарион, понимаете, я не ищущу признания ни в узких умах, ни в чёрствых сердцах, единственное, что меня заботит теперь – это благосостояние не только Вэйтстоун, но и всего королевства в целом. Мне не так важна любовь, боязнь или ненависть народа, я сделаю всё, что в моих силах,

чтобы этот город пришёл ещё к большому процветанию, и имя Тронэров обрело небывалое величие, став важнейшей неотъемлемой деталью истории, – горделиво заявил Кромат.

Все с восхищением и удивлением посмотрели на лорда, не решаясь произнести ни единого слова. Вскоре один из советников подобострастно захлопал в ладоши, его тут же поддержали остальные. Новому правителю это доставило несравненное удовольствие, можно сказать, что он купался в этих аплодисментах. Когда овации стихли, Кромат прокашлялся в кулак и задал очередной волнующий его вопрос:

– Генерал Тэридл, расскажите, как обстоят дела в армии и королевской гвардии?

Толпа учтиво расступилась перед широкоплечим высоким мужчиной с густой бурой бородой и средней длины каштановыми волосами, собранными в хвост. Седина уже успела оставить на них свой отпечаток. Шрам от меча пересекал и без того крупный некрасивый нос военачальника. В жёлто-карих, точно кусочках янтаря, глазах горело беспристрастие и выдержка. Волевой подбородок всегда поднят, брови расправлены, спина прямая, грудь колесом. Нередко тех, кто видел этого человека, охватывал восторг.

– Милорды, для всех вас у меня скверные-прескверные новости, – окинув всех тревожным взглядом, начал Тэридл. Серьёзность, с которой он говорил отчасти даже пугала. – Не так давно от наших разведчиков дошли сведения, что король Фрост вывел войско из столицы и направляется во главе с

ним к северным границам Вэтфэльда. Его численность составляет без малого одиннадцать тысяч воинов, среди которых чуть более трёх с половиной тысяч дикарей Кальхейма. Старстоун в трауре – его государя Фаргоса Брогура на охоте задрала медведица, наследником престола назначен его старший сын Бахорн, который, как вы помните, грозился выступить на нас войной, из-за отказа Флёр Тронэр. Так что теперь рассчитывать на наш союз с Вэтфэльдом неблагоразумно и даже опасно. Вывод напрашивается один – на пороге война, – твёрдо подытожил генерал. Однако сам он явно противился этой несладкой мысли, то и дело нервозно тербя манжеты своего невычурного скромного камзола цвета спелой вишни.

– Новости и впрямь удручающие, – тяжело вздохнул гладковыбритый толстячок, от волнения ёрзая в своём неудобном пунцовом платье с узорами цвета яркой меди. Советники обернулись на него, точно он в чём-то виноват. Бусины пота выступили у толстячка на лбу, стыд окрасил щёки в пунцовый.

– Вы не представились, – вызывающе сказал Кромат.

– Жак Вельнюр, ваша милость, – робко отозвался толстячок, пряча пухлые руки за спину и опуская виноватый взгляд.

– Вы не совсем сдержанны, советник Вельнюр, – уколол замечанием Кромат. – Наверняка у вас есть на то причины, ведь есть же?

Сначала толстячок оторопел, его глаза быстро забежали, но вскоре, вытерев мокрый лоб тыльной стороной ладони, он избавился от волнения и набрался храбрости дать ответ государю, недовольному затянувшимся молчанием.

– Ваша милость, можете считать моё заявлением грубым, но не означают ли слова генерала, что следует существенно увеличить расходы на содержание войск, поднять жалованье королевской гвардии и наёмным стрелкам, что приведёт к повышению цен на рынке. А в связи со снизившейся выплавкой стали и железа резко поднимутся цены на обмундирование и оружие, содержание лошадей для всадников станет затруднительно, а сокращение расходов на содержание армии станет недопустимым, равно как и её расформирование. Откровенно говоря, подобная ситуация способна спровоцировать наших ненадёжных соседей, которые желают отобрать вашу неукоренённую власть.

– Хм, смело и неглупо, советник, – точно похвала прозвучали слова Кромата. – Надо же, сколько проблем принесла эта нелепая смерть монарха, – иронично усмехнулся он, откинувшись на спинку трона. Отчасти смешно даже, ... строившийся так долго и изнурительно союз между Тронэрами и Брогурами вот так просто разорвался и разлетелся, как клочки сгоревшей бумаги. Но ещё смешнее это то, что я как правитель, должен бездействовать, ибо у меня нет никакой поддержки со стороны, а ведь эту взбунтовавшуюся армию из Сноуглэйд можно было бы разбить в два счёта, не дав даже

пересечь границы Форлианда, – гневно сверкнул глазами Кромат.

– Милорд, может всё-таки есть способ убедить других правителей и влиятельных феодалов в надобности военной кампании? – начал рассуждать худощавый советник в бардовом платье.

– Видите ли, в чём дело, достопочтенный советник Гáрион, я больше чем уверен в том, что наши соседи даже не подозревают, насколько велика надвигающаяся опасность и вообще отказываются в неё верить. А при нынешнем отношении ко мне, Тронэрам и Вэйтстоун вряд ли они не дадут своё согласие на начало военной кампании. Полагаю, надлежит собрать совет, дабы убедиться в верности своих суждений, если же они подтвердятся – мы будем дожидаться, когда вражьё войско, пробьют себе дорогу через Южный Форлианд, перейдут южную границу Северного Форлианда и придут к стенам Тэнфолда. Тогда посмотрим, как засуетится Нокт Бэллус в Фивисвэйле, когда его горячо любимый сын сдаст город захватчикам и трусливо побежит к отцу, покрывая его гнусное высокомерие тенью позора. Доказывать всем, что я их законный правитель, глупо. Они сами должны это понять и признать меня, – объяснил Кромат.

– Ваша милость, смею напомнить, что этой зимой должен состояться рыцарский турнир, посвящённый четырехсотлетию рыцарства, исходя из этих соображений, может быть, вам лучше повременить с военным советом? – осторожно

высказал предположение советник Вельнюр.

– И вправду, – сморщился от недовольства Кромат. – Вновь вы обременяете меня проблемами! Необходимо организовать предстоящие праздники, не причинив значительного ущерба казне, да и к тому же восполнить её убытки, не надавив при этом на народ и выплатив долг Тамеркросу, господа, по-моему, вы просите невозможного! – укорительно заявил правитель.

– Милорд, не сочтите за грубость, но это напрасное заблуждение, – вмешался Ренэ Шавалье. Все эти проблемы вы можете решить, лишь взяв в руки перо и издав указ о прибытии всех графов (крупный землевладелец, имеющий в своём распоряжении ополчение и владеющий одной или несколькими провинциями, без власти над рыцарскими поместьями, но получающие от них ренту) на важный съезд.

– Да, а ещё ввести новый закон, либо изменить какой-нибудь существующий, – подсказал Гарион.

– Вот же лизоблюд! – подумал про себя советник Вельнюр, презрительным взглядом окинув худошавую фигуру советника по внешней торговле.

– Достопочтенный Венсиас Гарион, – вдруг вступил в разговор отец Патрир. В его голосе звучало заметное возмущение. – Вы, верно, забыли, что законы это не единоличное желание короля. Он не имеет права без согласия «законо-распорядительного» совета творить с законами всё, что ему заблагорассудится. Тогда бы каждая прихоть правителя-ребён-

ка могла стать обязательным указом, который впоследствии разорял и рушил, но не созидал бы и не сохранял, – объяснил священнослужитель. Гарион, нахмутив брови и почёсывая средним пальцем за ухом, смущенно поник головой, не зная, что сказать в ответ.

– А ведь и вправду, свод законов не всё предусматривает, а значит, он неидеален, поэтому требуется его тщательно пересмотреть. В таком случае, решено, отец Патрир, я желаю созвать «законо-распорядительный» совет! – твердо изрек Кромат.

– Как будет угодно, милорд, но помните, это займёт какое-то время, – смиренно ответил Патрир.

– Ожидание – неотъемлемая часть нашей жизни, но главное чтобы оно было оправдано результатом. Отец Патрир, так же я хотел бы вас об одной услуги. Не могли бы отправить отряд рыцарей Нэраэля разобраться с бунтовщиками в западной провинции и отряд в юго-восточную, дабы вернуть утраченный рудник?

– Будет исполнено, милорд, – одобрительно кивнул Патрир.

– А что если взамен обрушившейся золотой шахты, проверить пещеру в «чёрном котловане»? – предположил Кромат.

– Милорд, вы, верно, шутите? – отозвался генерал. В его глаза проник едва уловимый страх.

– Отчего же... ходят слухи, что там алмазы с кулак, а руда

исполосована золотыми и серебряными жилами.

– Милорд, не сочтите за грубость, но надеюсь вам известно, почему король Томад не решался туда отправлять людей? – настаивал на своём генерал.

– Ах, да, то же место проклято! – саркастически усмехнулся Кромат. – Генерал, неужели вы – человек холодной воли, верите в эти небылицы? – с долей разочарования потребовал ответа Кромат.

– Милорд, не зря народ окрестил то место «чёрным котлованом». Давным-давно, ещё в основание Фивисвэйла, туда упала комета, уничтожив не малую часть леса. Гномы, жившие там, не приняли это всерьёз. Найдя удивительной красоты ребристые блестящие сиреневые камни – осколки этой кометы, они начали жадно копать там пещеры. Через несколько дней все рудокопы бесследно исчезли, а те, кто прикасался к этим таинственным камням, навсегда обратились в камень, – объяснил генерал.

– Неужели вы поверите в эту чепуху? – рассмеялся Кромат. – Ладно, довольно рассказней, отец Патрир, вы не против того, чтобы отправить туда несколько опытных воинов?

– Запросто, милорд, снова согласился Патрир.

– А вы, генерал, отправьте в восточную провинцию отряд и узнайте, что так напугало крестьян, что они решили всё там бросить. Потом немедленно доложите мне, – распорядился Кромат.

– Будет сделано, милорд, – глотая возмущения, ответил

Тэридл.

– Прощу прощения, милорд, а что делать с вспыхнувшей болезнью в северной провинции? – пытливо взглянув на правителя, спросил Гарион.

– Не беспокойтесь об этом, советник, ваше дело следить за доходами с провинций, а их благосостояние уже не ваша забота, – едко произнёс Кромат.

– Сэр Анриос, я думаю, вам пора оставить пост моего охранителя, – сказал Кромат. Седоволосый коротко стриженный усатый мужчина, чьё лицо изрядно покрывали морщины и пара шрамов на лице, оскорблено нахохлился.

– Милорд, простите, я не ослышался? – подавляя в себе злость, выпытывающе спросил Анриос.

– Ничего вы не ослышались! я освобождаю вас от обязанностей королевского охранителя и в знак признательности за верную честную службу своему прежнему королю, жалую вам землю и поместье в западной провинции близ озера Торнум, – изъяснился лорд.

– Гм-гм... милорд, а как же клятва, которую я давал королю, когда присягал ему на верность до самой смерти? – не согласился Анриос.

– Может вы и присягали ему до самой смерти, но мне вы никаких клятв не давали! – сердито парировал Кромат.

– Милорд, просто позвольте мне служить вам, это всё, что мне нужно, – не сдавался Анриос.

– Довольно! Я никогда не меняю твёрдо принятых реше-

ний, а посему, будьте так добры, оставить пост! – раздражённо приказал Кромат.

– Но милорд, охрана короля – это смысл моей жизни! За какой надобностью мне это поместье, у меня ничего кроме меча, доспехов и чести не осталось! – настойчиво упирался Анриос.

– Вы не слышите или намерено не желаете повиноваться приказу?! Не хотите поместье, можете отправляться в казематы, в казённую комнату два на три метра с решёткой и кандалами! А меч и доспехи оставьте, они вам более ни к чему! – непререкаемо повелел Кромат, краснея от гнева.

– Лучше казните, – с вычеканной злостью на лице, сдавленным голосом выразил неподчинение Анриос. В знак протеста он бросил обнажённый клинок на пол.

– В таком случае я могу исполнить ваше желание, сэр Анриос, – угрюмо пробасил Кромат. – Лейтенант! – окликнул лорд провинившегося стражника.

– Да, милорд, – откликнулся подчинённый.

– Подайте арбалет, – коротко распорядился Кромат. Лейтенант немедленно подошёл к трону и протянул правителю заряженное оружие. Кромат прицелился и положил палец на спусковой крючок.

– Милорд, подождите, так же нельзя! – вступился за охранителя советник Тарион.

– Уймитесь, советник, или более вам не придётся иметь дела с цифрами, – угрожающе оборвал Кромат.

– Ну же, стреляйте, лучше умереть, чем отказаться от клятвы! – вызывающе заявил Анриос, бесстрашно открыв грудь для арбалетного болта. Он с гордостью был готов проститься со своей жизнью, лишь бы не замарать честь. Губы Кромата изогнулись в лёгкой усмешке и он, без колебаний, выстрелил. Ни сожаления, ни злости не было в его глазах, лишь поразительное хладнокровие. Анриос с пробитым сердцем рухнул на пол.

– Стража, уберите тело, – чётко распорядился Кромат.

– Милорд, к чему такая жестокость, он же всю свою жизнь посвятил служению при дворе? – вмешался Тэридл.

– Генерал, одна из обязанностей правителя гласит, что король имеет право принимать любое решение на просьбу его подчинённых. Он сказал «казнить», и я исполнил его просьбу, ничего противозаконного, – равнодушно отмахнулся Кромат.

– Простите меня за то, что я скажу, милорд, но вы пока ещё не коронованы и, следовательно, не можете считаться полноправным правителем, – поддержал генерала Отец Патрир.

– Считайте, это право было мне дано с тех пор, как я воссел на трон! – надменно заявил Кромат.

– Милорд, как вам, наверняка, известно, мы покончили с абсолютной монархией, и довольно-таки давно, – настойчиво процедил Патрир, осуждая взглядом неуместное высокомерие лорда.

– Видите ли, отец Патрир, честно сказать, мне глубоко безразлично то, с чем вы покончили, вы будете жить по тем порядкам, которых будет придерживаться ваш правитель, а если вас что-то не устраивает, можете покинуть Форлианд и обосноваться где-нибудь на стороне, пока я не удостоился короны. А теперь ступайте, собрание окончено! – разразился гневом Кромат, устало склонив голову и потеряв глаза пальцами правой руки.

– Генерал, задержитесь, у меня к вам личная просьба имеется, – попросил Кромат огорчённого главнокомандующего.

– Что вам угодно, милорд, – сухо отозвался Тэридл, не поднимая глаз на правителя.

– Неужели вас так тревожил этот назойливый старик? – потребовал ответа Кромат. – Дэлиан, не молчите! – сказал Кромат, раздражаясь от нежелания собеседника вести разговор.

– Сэр Анриос и вправду не заслужил подобной смерти! – наконец жёстко ответил генерал, от злости сжав свой кожаный ремень.

– Я сделал это ради государства! В конце концов, я попросил его по-хорошему, он отказался. Поймите, Дэлиан, мне ни к чему лишние расходы, без денег в казне, вам будет нечем командовать.

– Но неужели вы так много сэкономите из-за его смерти?

– Вы знаете, чего стоит его статус? И как нужно расщедриться на этом рыцарском турнире, будь он неладен? Ки-

лограммы чистого золота на победные трофеи! А вот если победителю предложить место охранителя в Вэйтстоун, это значительно урежет расходы, понимаете?

– Так точно, милорд, – безрадостно согласился Тэридл.

– К тому же, вы сами прекрасно видите, как принятые законы связывают мне руки, думаете мне в радость терять солдат на бессмысленной войне? Я убеждён, правитель Фивисвэйла давно желает заполучить королевский трон, и если мы дадим хотя бы одну трещину, он, несомненно, попытается отнять власть Тронэров, и чёрт его знает, что Бэллус сотворит с Форлиандом. По этой причине я не могу позволить большей части армии Вэйтстоун покинуть город и поднимать меч против врага. А вот вы – законно избранный главнокомандующий Форлианда, могли бы попытаться убедить этих упёртых толстосумов, трусливо запершихся у себя в крепостях, мобилизовать войска и выйти под общим флагом против насущного врага. К тому же разве не все военные капитаны в вашем подчинении, разве не они ли присягали вам на верность? – подметил Кромат.

– Это была отнюдь не их инициатива. Ведь, как и многих, их вынудили прийти к подобному решению. А все капитаны по большей части вассалы какого-нибудь влиятельного феодала, за плечами которого та самая знать, которая так рьяно противиться вам, – хмуρο отчеканил генерал.

– Тогда мы покажем им, что их заблуждение и высокомерие могут стоить им всего! – патетично заявил Кромат.

– Хм, и как же вы готовы это устроить? – заинтересовался Тэридл.

– Очень просто, Дэлиан. Вы возьмёте взвод солдат и отправитесь в крепость Равэнфэлл, что на реке Фламмар, и продержите оборону на южных границах настолько, насколько это будет возможно. А ещё я хотел бы, чтобы вы докладывали о каждом шаге нашего потенциального врага, – поделился планом Кромат. – Так что ты скажешь, Дэлиан, ты готов помочь мне биться за идеалы этой страны? – ненавязчиво спросил правитель.

– Думаю, игра стоит свеч, милорд, – без колебаний, принял предложение Тэридл. Затем он поклонился и спешно покинул зал.

– А мне не мешало бы выпить, а то голова что-то разболелась от всех этих нелепых законов, ... какой дурак, интересно, их придумал, – пробурчал Кромат, покинув трон и устало направляясь в свою комнату, где его как всегда ждали уютная постель, дорогое вино и две молодых девицы.

Советник Бромар, посланный в Риннглэйд по поручению лорда Кромата, не спеша вышел из кареты и с восторгом посмотрел на родовой замок Кроулов, величаво возвышавшейся на утёсе. Блики солнца игриво отскакивали от мозаичных окон белокаменного донжона округлой формы и крыш, обрамлённых обсидиановыми пиками. Высокие серокирпичные башни в лучах солнца блестели чёрной черепицей и зо-

лотистыми шпилями. От ворот над рдеющими клёнами тянулся мост на высоких сваях. Мощённая камнем дорога, извиваясь меж яблоневых деревьев, спускалась к могучим серым каменным стенам замка, скрытым за густым барбарисовым садом, за которым пролегал ров, заполненный водой и стальными пиками. По другую сторону рва красовалась своими янтарными серьгами облепиха и рубиновыми бусами рябина. На внутренних воротах колыхались, извиваясь в тёплом осеннем дыхании ветра, лазурные, точно небо, стяги с изображением вздымающегося чёрного крылатого дракона, заключенного между двумя вертикальными волнообразными каймами подобного цвета.

– Советник Бромар, добро пожаловать в замок Кроулборг, я уже было начал волноваться за вас, – пожав руку гостю в знак приветствия, мягким тенором произнёс невысокий светловолосый мужчина средних лет, одетый в малиновое платье, обрамлённое золотой волнистой тесьмой.

– Добрый день, советник Силтур, прошу простить меня за опоздание, из-за проливных дождей река Хёстия вышла из берегов, пришлось ехать другой дорогой, – объяснил Бромар, важно поправив ворот своего излюбленного коричневого камзола с чёрными жемчужными пуговицами.

– Прошу, скорее следуйте за мной, иначе милорд рассердится, – предупредил Силтур, ведя за собой важного гостя. – Вашей страже лучше всего ожидать вас здесь, милорд способен счесть это оскорбительное недоверие к его персоне.

– Как будет угодно, – спокойно произнёс Бромар и приказал стражникам оставаться возле кареты.

В замке Кроулов было очень уютно и просторно. Белокаменные стены, расписанные эпическими картинами, пол, вымощенный чёрным мрамором, колонны, облицованные различными хищными зверями из нефрита, подставки для факелов и подсвечники, выплавленные из серебра с удивительным прекрасным узором. Мужчины долго поднимались по дубовой винтовой лестнице с резными периллами на самый верхний этаж донжона.

– Милорд, советник Бромар, – сообщил Силтур, постучав в лакированную дубовую дверь своего господина.

– Ну, наконец-то! – раздался торжественный возглас лорда Кроула. Мужчина в малиновом костюме повернул ручку, отделанную слоновой костью и, учтиво кланяясь, вошёл в комнату. Бромар тоже поклонился и тут же застыл в изумлении, любуясь богатым интерьером кабинета герцога. В комнате витал сладостный аромат свежих зелёных яблок и лимона. Бархатистые шторы травянисто-зелёного цвета плотно затягивали окно, в которое пытались пробиться золотые лучи. Мощённый чёрным мрамором пол был чист и прозрачен, как стекло. В центре комнаты находился стол на одной ножке из обсидиана, а вокруг него четыре резных стула из эбена, поражавших своими уникальными узорами. Возле окна стоял лакированный письменный стол с золотым подсвечником и кувшином из малахита с литыми золотыми ручками.

В самом конце комнаты стояли диван и пара кресел, обтянутых чёрной мягкой кожей. Возле них стоял шкаф из эбена, облицованный различными изящными узорами из слоновой кости. За зеленоватым стеклом виднелись полки, на которых стояли не похожие друг на друга красивые фигурки из янтаря, яшм, лазурита, малахита и других поделочных камней. Здесь были и обнажённые девы, и дикие звери, и мифические существа, и даже целые картины, особенно притягивала взгляд осада замка. Герцог Кроул лежал на диване, в блаженной задумчивости потирая светлую аккуратно подстриженную бороду. Глотнув вина из нефритово-золотой чарки, он освободился от грёз и оживлённо поднялся с дивана и подступил к гостю.

– Вижу, вам по нраву мои фигурки, – улыбнувшись, довольно произнёс Ралдор.

– Ваше Сиятельство, они великолепны! – восторженно сказал Бромар.

– Не вы один так говорите, – стерев с лица улыбку, ответил Кроул. – Советник Силтур оставьте нас, – посуровев, приказал герцог.

Как только дверь затворилась, Ралдор достал из стола ещё чарку для вина, поставил её на обсидиановый стол и важно сел за него.

– Не желаете вина, советник? – радушно спросил Кроул.

– Пожалуй, не откажусь, – нескромно ответил Бромар.

– Не всякий смеет согласиться на моё предложение, –

усмехнулся герцог, налив вина из нефритового сосуда в чарки до краёв. – Обычно большинство людей полагают, что за мою доброту им придётся расплачиваться, – с долей разочарования добавил он.

– Было бы невежливо и даже оскорбительно, отказывать вам, – учтиво ответил Бромар.

– Хм, ... да вы льстец.

– Отчасти, – усмехнулся собеседник.

– А я не терплю льстецов и лицемеров, – нахмутив брови, протянул герцог. – Я устаю смотреть изо дня в день на фальшивых людей, поэтому давайте условимся о том, что наш разговор будет открытым и честным, без какой-либо доли хитрости, – предложил Кроул, прожигая слегка недовольным взглядом своего собеседника.

– Прошу прощения, Ваше Сиятельство, но того требует общество, это своего рода парадигма, но признаться, порой меня воротит от всей этой грязной учтивости, но ведь идти против порядка и законов общества куда глупее, чем идти против самого себя, – оправдывался Бромар.

– Что ж, были бы вы глупы, советник, поверьте, мчались бы уже на своей карете в свой пресловутый избалованный Вэйтстоун, – сделав небольшой глоток, спокойно произнёс Герцог Риннглэйд. – У вас есть качества, которые я ценю и уважаю... упорство, риск и не менее важное – решительность. Из года в год, перечитывая страницы истории, я с каждым разом убеждаюсь всё больше и больше в том, что Фор-

лианд жив благодаря таким людям, как вы. Но да ладно оставим это, вы же здесь не за тем, чтобы разговаривать со мной о жизни... – грустно улыбнулся Кроул, преподнеся к губам чарку.

– Эм... да, – досадливо ответил Бромар.

– Присаживайтесь, советник, меня выводит из терпения, когда люди смотрят свысока, – не скрывая накатовающихся волн раздражения, требовательным тоном произнёс герцог Ралдор. Собеседник покорно опустился на стул и принял чарку с вином, которую ему, молча, подвинул Кроул.

– Мой отец говорил, если хочешь узнать человека, всегда будь равен в общении, но никогда не равняйся с лжецами, ибо опаснее них, никого нет.

– Не сочтите за грубость, но я не совсем разделяю ваше мнение, ведь будучи лицемером, можно куда большего добиться... да и зачем, обладая огромной властью, с кем-то равняться? – ответил Бромар. Кроул рассмеялся.

– Хм, давненько меня никто так не тешил. Ведь вы же противоречите самому себе, советник, вы же сейчас играете по моим правилам.

– Но лишь глупец откажется поравняться с человеком, чей чин выше, – уверенно заявил Бромар, сделав глоток вина.

– И то верно, – тихо произнёс Кроул. – А ведь я и сам противоречу себе, сев за один стол с талантливым хитрецом, вон как его глаза коварством блестят, ярче бриллиантов моей же-

ны, – невольно задумался герцог, потирая бородатый подбородок. – Вы не думаете, что пора бы уже перейти к делу? – нарушил неуместно сложившуюся тишину вопросительным предложением Кроул, отпив вина и звонко поставив чарку на стол.

– Ваше Сиятельство, как вам наверняка известно, Вэйтстоун лишился своего правителя, теперь племянник покойного короля, лорд Кромат, имеет полные права на престол, но без королевы его власть будет сильно ограниченной, – объяснил Бромар.

– Хм... от меня вы чего хотите, советник? Неужели вы подумали, что я просто так выдам свою любимую дочь за невесть кого?! – возмутился Кроул.

– Ваше Сиятельство, прошу прощения, если мои слова задели вас, но с вашего позволения, разумеется, эта свадьба воссоздала бы крепкий союз между нашими городами, и, поверьте, без выгоды вы не останетесь, – продолжил заманчиво советник.

– Уж не полагаете ли вы, что ради какой-то там выгоды, пусть даже и крупной, я променяю дочь, о благополучии которой я так рьяно заботился с самого её рождения? Откуда мне знать намерения вашего лорда, понимаете, о чём я? – прожигая собеседника взглядом, ждал ответа Кроул. Сердце Бромара учащённо забилось, в его душе зародилась искра опасения. Он чувствовал, что накал отношений достиг своей апогеи, что любое неправильное слово с этим человеком

грозило обернуться бесповоротным провалом. Тогда Бромар решил отойти от темы и использовать весь своё опыт, чтобы вызвать у Кроула так необходимое, точно глоток воды, для изнемогшего в пустыне путника, доверие. Он старался говорить чувственно и вкладывать переживание едва ли не в каждое слово.

– Ваше Сиятельство, мне отнюдь не чужды ваши переживания и опасения, когда-то моя мать так же беспокоилась о моём благополучии, пока стражники Риверглэйда не забрали её жизнь, – проникновенно начал Бромар.

– А что же ваш отец? Неужели он ничего не сделал?! – спросил Кроул. Его серо-зелёные глаза вспыхнули соперничеством.

– Пфф, он, наверное, был самым жалким из феодалов, наибольшее, что он мог сделать, так это учинить драку с трактирщиком. В ту роковую ночь, когда умерла моя мать, он бежал из дома без оглядки, прихватив с собой самые ценные вещи – её украшения, – с горькой презрительной усмешкой выдавил Бромар, едва сдерживая нахлынувшие эмоции.

– И что же случилось с ним? – поинтересовался Ралдор.

– Сестра матери, очень вредная дама, владевшая поместьем в одной из крупнейших провинций Риверглэйда, взяла меня к себе в качестве прислуги. Помню, на тот момент мне было всего девять, но за долгие двадцать пять лет я так и не простил отца. А всё из-за того, что однажды этот предатель, мокрый, в грязных лохмотьях, с бутылкой дешёво-

го рома, нагло вломился в поместье и пытался забрать меня. Мне повезло, что дворецкий был человеком с твёрдой волей и тяжёлой рукой, – усмехнулся Бромар. – Никогда не забуду, как он вышвырнул отца обратно на улицу. В скором времени жизнь жестоко обошлась с ним. В последний раз я видел его возле моста, когда покидал поместье ненавистной тётки, забравшись в рыцарскую карету. Весь в ужасных язвах он немощно лежал на дороге, но увидев меня, попытался закричать, но кроме хрипа ничего произнести не мог. Тогда рыцарь вышел из кареты и облегчил его страдания. В дальнейшем я путешествовал с этим рыцарем, обидно лишь то, что он потом сделал, – тяжело вздохнув, грустно протянул Бромар, потупив пустой взгляд в чарку с вином.

– Значит, этот незнакомец заменил вам отца, а мир и впрямь не без добрых людей, – удивился Кроул.

– Заменил, но ненадолго, – печально продолжал говорить советник. – Как оказалось потом, путешествовал он неспроста, его поместье разорилось, ... пьяным, он проиграл его в карты, как и меня потом, каким-то бакалейщикам из Санхолда.

– Вот так поворот! – воскликнул Ралдор, чуть не облившись вином.

– Не имея во мне надобности, бакалейщики отдали меня в библиотеку в качестве слуги. Я долгие часы, особенно ночью, проводил за книгами, за что много раз получал розгами. Где-то года через три мне удалось сбежать с циркачами, тем

самым притворив в жизнь одно из моих сокровенных желаний. Правда, недолго поколесив с ними по Тамеркросу, я решил оставить это бесполезное занятие. В итоге, проработав какое-то время у купца на конюшнях, в одной из провинций Касталвэйла, я украл у него лошадь, и благополучно сбежал в Форлианд.

– Как же вы стали советником в Вэйтстоун? – сердце Ралдора пело увлечённостью, Бромар заметил это и использовал подобное, как самое опасное оружие.

– Нуждаясь в деньгах, я записался в рекруты. Через несколько лет скучной службы мне наконец-то удалось вступить в городскую гвардию. Прошло чуть более двух лет, прежде чем я смог проявить себя, признаться, я и не думал, что моя жизнь так круто изменится. – Бромар сделал небольшую паузу, отпил вина и продолжил. – Так вот, король Томад отплывал на переговоры в Алкандор, и ему требовалась стража, велик тот случай, когда я попал на борт знаменитого королевского фрегата «Аконит». На полпути к берегам Альвионии на нас напали пираты, в нелёгком бою мы разбили их и потопили корабль, однако лорд Кромат, напросившийся плыть вместе с дядей, был тяжело ранен. Знания, почерпнутые из книг, в тот момент мне очень сильно пригодились. Несмотря на то, что лорд Кромат слегка прихрамывает на левую ногу, я всё-таки спас ему жизнь. По возвращении в Форлианд, меня назначили личным телохранителем лорда. Благодаря моим упорным стараниям и слову моего сюзере-

на, сын обедневшего феодала-пьяницы сидит перед вами, – усмехнулся Бромар.

– Захватывающая история! – восхитился Кроул. – Следует выказать уважение за столь нелёгкий жизненный путь, проблемы которого не сломили вас, но речь идёт вообще-то о моей дочери, – с некоторой долей надменности и возмущения напомнил Ралдор.

– Ваше Сиятельство, прошу прощения, если мой рассказ отнял у вас время, просто, я что-то хотел подчеркнуть им, – тонко намекнул Бромар.

– В таком случае излагайте – не тяните! – раздражённо потребовал Кроул.

– Иногда то, о чём мы так рьяно заботимся, может не иметь для нас абсолютно никакой пользы и исчезнуть в безнадобности, а то, в чём мы обычно никогда не видим ценности, может оказаться жизненно необходимо, – назидательно сказал Бромар.

– Если бы не ваш рассказ, я бы расценил эти слова, скорее всего, как угрозу, но вы всё равно не заставите меня поступить иначе, – упрямылся Кроул. Сомнения грызли его разум.

– Будь по вашему, однако смею сообщить, что Сноуглэйд собирается идти на Форлианд войной, и их цель не просто занять престол в Вэйтстоун, а уничтожить всё на своём пути и даже Риннглэйд этого никак не избежать, – предупредил Бромар.

– Откуда такие сведения?! – разгневанно вскричал Рал-

дор, как ошпаренный кипятком, вскочив со стула и опрокинув чарку с недопитым вином. – Да что они могут противопоставить нам? Север надёжно закрыт, через Вэтфэльд им просто не пробиться. Да и разве дерзнут они идти против конкордата. Не думаю, что эта вражда стала бы уместной для Альвионии! – заявил уверенно Кроул.

– Так-то оно так, но вот ведь в чём незадача, в Вэтфэльде трон перешёл в руки принца Бахорна, который не так давно, получив отказ от дочери покойного Томада, грозился выступить на Форлианд войной. Ведь немалым известно, что Вэтфэльд был вынужден пойти на союз с Форлиандом и подобное их явно не радует. А Альвионии, смею предположить, до нас нет никакого дела. Не забывайте, что многим конкордат навязан, так что на него я бы уповать не стал.

– Бред, какой же бред! – недоумевал герцог, шагая из стороны в сторону. – Какой-то мальчишка собирается вести войну в союзе с обречённой на вымирание страной? Советник, вы сами-то верите в то, что говорите?

– Стал бы я понапрасну запугивать вас? Поверьте, подобное не в моей власти, Ваше Сиятельство, – подобострастно сказал Бромар.

– Многие в этом мире потворствуют золоту и власти, более того, они покорно служат им – твёрдо заявил Бромар.

– Неужели вы хотите сказать, что если я не соглашусь на ваши условия, то Риннглэйд останется без военной поддержки?! Да это же шантаж! – заявил Кроул, с трудом сдержива-

ьясь от желания схватить собеседника за грудки.

– Заметьте, Ваше Сиятельство, мой язык подобного не изрекал, – подметил Бромар, будто извиняясь.

– Но смысла сказанного это не изменило, – оскорблено заявил Кроул. Глаза его блеснули недоверием и гневом.

– Никоим образом, Ваше Сиятельство, это всего лишь предостережение, хотя не стану скрывать, что от вашего решения очень многое будет зависеть, – сохраняя спокойствие, пообещал советник.

– Возникает вопрос, верить ли мне вам теперь, после эдаких-то предостережений, – передразнив собеседника, язвительно ответил Ралдор, задумчиво опустившись на стул и потерев лицо ладонями. Сомнения неумолимо раздирали его на части. Они не позволяли герцогу принять сторону Бромара, но и отказать из-за грядущей опасности также не позволяли. Советник занервничал как никогда, колебания Кроула, досаждавшие ему, уже выводили из себя. Но проиграть Бромар не мог. Он бы тогда себе не простил.

– Ваше Сиятельство, прошу принять его в знак моей искренности, – сказал Бромар, сняв с шеи золотой кулон, украшенный яшмой и опалом, и протянул его герцогу. – Когда-то он принадлежал моей матери – последнее, ... что от неё осталось, – грустно произнёс советник.

– Разве стоит жертвовать такой ценной вещью? – удивился Кроул, как-то недоверчиво посматривая на собеседника. Сомнения продолжали роиться в его голове, будто рой неуго-

монных пчёл.

– Стоит, – твёрдо ответил Бромар, бестрепетно встретив взгляд герцога. – Как бы она мне не была дорога, благополучие Вэйтстоун всё же куда важнее, – добавил советник.

– Так и быть, я дам согласие на эту свадьбу, но пусть лорд Кромат сам явится за невестой, а пока я могу лишь подарить вам это, – приняв кулон от собеседника и бережно положив его во внутренний карман камзола, согласился Кроул, неспешно направляясь к шкафу. Аккуратно взяв из него ларчик из эбена, отделанный слоновой костью с инкрустированными в неё рубинами, герцог поставил его на стол и открыл ключом, висевшим у него на шеи на золотой цепочке.

– Я храню здесь то, что содержит в себе множество памятных и очень значимых для меня событий, – объяснил Ралдор, ставя на стол вырезанную из клёна фигурку танцующей в пышном платье девушки с длинными волосами. – Я сделал её, когда ещё был юнцом.

– А кому посвящена эта фигурка? – поинтересовался Бромар, пристально рассматривая её.

– Моей младшей сестре, – стараясь не показывать печали, закрывшейся в глаза, произнёс Кроул. Не торопясь он убрал ларец на прежнее место.

– А где она сейчас? – настойчиво спросил Бромар, бросая пытливый взгляд.

– По-моему вы и так задержались, советник, довольно тратить своё время и моё терпение на глупые рассказы, тем

более, что вас ждут в Вэйтстоун! – ушёл от разговора Ралдор. Не оборачиваясь, он подал Бромару один из своих перстней. Подобный жест мог послужить как соглашением на предложение, так и оказаться предметом вражды и раздора.

– Как будет угодно, Ваше Сиятельство, – послушно ответил Бромар, приняв перстень. Герцог закрыл шкаф и проскрипел зубами. Но обернувшись, он растёкся в улыбке. На краю стола, как ни в чём не бывало, стояла фигурка, облитая солнечным светом, прокравшимся через занавеси. Ралдор, освободившись от сомнений, словно одержимый, схватил её и прижал к груди.

– Моя семья никогда больше не познает бед! – взволнованно прошептал Кроул, нежно поглаживая фигурку по волнам деревянных волос.

хозяйина рудников, она терпела это, ради того, чтобы найти способ сбежать из этого ужасного места, ради того, чтобы вернуться к Тайрису – последнему столпу семьи, оберегающего её от безвозвратного обращения в пепелище...

Глава 7

Полдень. Тускло-желтоватые облака, охватив небосклон, настырно затмевали солнце. С запада медленно плыли клоки тяжёлых серых туч, готовых вот-вот разразиться дождём. Проказливый ветер то и дело играл сырыми обнажёнными кленовыми ветвями. Отчасти лес в это время года выглядел пугающе. Верхушки деревьев походили на тонкие корявые пальцы, а стройные промокшие стволы на иссохшие руки мертвецов. Некогда очаровывавший своей пёстротой лесной наряд теперь лежал, перемешанный с грязью на сырой земле, не привлекая абсолютно никакого внимания. Из-за царившей днём и ночью тишины, это место выглядело отнюдь не погружённым в сон, оно больше казалось недружелюбно-мёртвым, проклятым. Однако нет-нет, а по лесным тропам кто-нибудь да проходил, нарушая безупречный осенний покой. На сей раз беспробудной дремоте кленовника помешали скрипы колёс, позвякивания лат и фыркание лошадей, сопровождаемое хлюпаньем грязи.

Впереди всех на вороном коне, защищённом кольчугой, поверх которой была натянута алая ткань с гербом Вэйтстоун, ехал облачённый в латные доспехи и кожаный алый плащ суровый широкоплечий чуть выше среднего роста мужчина. Под густыми чёрными бровями блестели зоркие карие гла-

за. Русые волосы окаймляли лицо до подбородка, заросшего густой аккуратно обровненной бородой. На рельефном нагруднике карминной краской позировали узоры, напоминающие грифона. Похожие рисунки были на шипастых наплечниках, поножах и латных рукавицах. Эти узоры, нанесённые на сталь, превращали её в своего рода магический проводник, значительно усиливавший силу заклинателя.

За мужчиной, возглавлявшим отряд, следовало двое всадников, повозка, а за ней ещё четверо мужчин. Только в отличие от своего командира, с их плеч спускались синие грубо тканые плащи, головы надёжно защищали шлемы бацинеты с кольчужными бармицами, из-за спин выглядывали арбалеты. Туловище охраняла длинно-рукавная кольчуга, поверх которой было надето индиговое сюрко с гербом Вэйтстоун. Руки закрывали латные перчатки, ноги – латные сапоги и кожаные поножи с металлическими пластинами на бёдрах. Лица этих мужчин не выражали практически никаких эмоций, а в глазах будто бы поселился холод. Но всех этих людей объединяло отнюдь не хладнокровие и молчание, их плащи украшал один и тот же рисунок – золотокрылый ангел с пламенным мечом в правой руке, говоривший о том, что все они служители собора святого Нэраэля.

– Люди этой деревни преступили закон. Едва известие о смерти Его Величества Томада Тронэра до них дошло, как они тотчас бросили работу и забили надсмотрщика. Этим неблаговерным дерзновенным жестом они выказали своё ве-

роломство не только по отношению к сменившейся власти, но и к нашему Небесному Отцу, что крайне непозволительно! Посему эти люди объявлены мятежниками и должны понести достойное наказание, и проучить их следует так, чтобы они надолго это запомнили! – приказным неоспоримым тоном говорил командир соборников, сбросив с головы капюшон и пристально заглядывая в лица подчинённых. Ответом стали безгласные кивки и понимающие взгляды.

– Вряд ли нас ожидает тёплый приём, так что будьте готовы без колебаний обагрить мечи! – не оборачивая головы, с нежеланием договорил Рэмал.

Тропинка из леса вела напрямик к деревне, окружённой стеной из заостренных кленовых досок. Как только крестьяне заметили всадников с гербом Вэйтстоун, то сразу же заворота и в спешке начали подпирать их всем, чем только могли.

Командир отряда Соборников, взяв под руку топфхельм, венчаный по бокам красными щетинистыми крыльями, неторопливо опустил с коня и, бряцая латными сапогами, бесстрашно подступил к воротам.

– Не заставляйте нас применять силу, живо открывайте ворота! – потребовал Рэмал, обнажив волнистый двуручный меч – фламберг, в узорчатую рукоять которого, по кругу в три рядка через один были инкрустированы небольшие восьмиугольные рубины и белые стёклышки.

– Чтобы не случилось с нами, мы не станем подчиняться твоему приказу, убирайся туда, отколь приспел! – показавшись из-за стены, смело заявил хриплым голосом пожилой мужчина, потрепанный худобой, и седой, точно призрак.

– Ты совершаешь печальную ошибку, старик! Последний раз приказываю, внемли голосу разума, отвори ворота или будем говорить на языке стали и огня! – грозным обещанием прозвучал раздражённый голос Рэмала.

– Довольно угроз, Мы не боимся вас! Мы измаялись потворствовать прихоти господ, коим до нашенских жизней никакого дела нету! Хватит, хватит гнуть спины, ужели вы мните, что мы дозволим продолжать над собой издеваться, аль мало натерпелись семьи нашенские, ужель мало они испили страданий?! – был непреклонен в своём слове старейшина.

– Значит, ты перечишь воле короля, дерзостный наглец?! Ну что ж, если тебе не жаль жизней этих запутавшихся бедолаг, Дэарсуэ анум – гневно произнёс Рэмал, направив заалевшее лезвие клинка в сторону ворот. В его невозмутимых карих глазах вспыхнули вишнёво-красные молнии, и в следующий момент с меча соскользнула красная стрела, озарив своим ярким светом округу. Ворота, подобно хрупкой фарфоровой вазе, с грохотом разлетелись на кусочки, взметнув в воздух едва заметные тонкие извивающиеся алые ленточки и облако мелкой щепы.

– Сгруппироваться для стрелкового боя! Зарядить арба-

леты! – бесстрастно скомандовал Рэмал, вонзив половину лезвия меча, горящего рунами, в землю. Незамедлительно следом за рухнувшими воротами в крестьян, вооружённых косами, топорами и вилами, посыпались, неся смерть, чёрные арбалетные болты. Разъярённая толпа помчалась на Рэмала. Он даже бровью не повёл перед опасностью, будучи спокойным настолько, что казалось у него, как у камня совершенно не было эмоций. Надев на голову шлем, Рэмал терпеливо выжидал, когда орда иступлённых крестьян доберётся до него. И как только один из мужей занёс над его головой серп, Рэмал вырвал из земли вместе с дерниной раскаленный фламберг и рассёк нападающего пополам. Волна жара, исходящего от клинка, обдала мятежников, поубавив их смелость. Лезвие с каждой секундой становилось всё горячее, то ли черпая злобу приближавшихся крестьян, то ли впитывая ярость владельца, скапливаясь внутри. Сборники в синих плащах обнажили эспадоны и плотным ровным строем поспешили на защиту командира. Струи и шлейфы крови выбились из глубоких ран, обогрив бездушную холодную сталь. Несколько крестьян замертво упали на мокрую осеннюю траву.

– Назад! – гневно приказал Рэмал, не оборачивая головы на подчинённых. Они тот час покорно отступили на исходную позицию и принялись заряжать арбалеты для очередного смертоносного залпа. Крестьяне же, увидев беспощадность и невозмутимость мужчин в синих плащах, опешили,

засомневавшись в победе. Твёрдая убеждённость мятежников в совершаемом протесте вмиг оказалась растёрта в пыль безысходности и неуверенности.

– Сражайтесь, бейтесь из последних сил за землю нашенскую, за близких нашенских, за свободу свойскую! – воскликнул какой-то мужчина из толпы, явно ослеплённый ненавистью. Он воинственно закричал и, замахнувшись косяком, в сумасбродном отчаянии бросился на верную гибель. Едва лишь он приблизился к Рэмалу на расстояние меча, как был уже обречён на ужасную немилосердную смерть. Следом за пылающим лезвием фламберга, словно заговорённый, нёсся поток раскаленных искр. Командир отряда Соборников быстро занёс клинок над головой и в пару грациозно-смертельных ударов изрубил нападающего на несколько обожженных кусков. Мятежники, ошеломленные необычной силой и жестокостью, отпрянули от Рэмала. Тогда его лицо затряслось от гнева, и он, произнеся заклинание, ударил светящимся алым огнём кулаком оземь. Эфемерные рубиновые волны поползли от руки в сторону крестьян. Последовал подземный толчок, за ним другой, а потом ещё и ещё один, и каждый из них был сильнее предыдущего. Страх выбил толпу мятежников из оцепеняющей тревоги и заставил её отступать к разрушенным воротам деревни. Прогредел подземный взрыв, и земля, затрещав, разверзлась перед охваченными беспокойством и испугом мужами, выпуская из своих мрачных недр каменные шипы. С огромной ско-

ростью, двигаясь по прямой траектории, они вырывались из почвы и пронзали всё на своём пути, порождая смятение и хаос. Однако гнев земли прекратился так же неожиданно, как и возник. Командир отряда Соборников сбросил с головы тяготящий дыхание и сужающий кругозор шлем и, угрожающе нацелив пульсирующее карминным блеском лезвие меча на усмирённую толпу, сурового предупредил:

– На колени или от вас и мокрого места не останется!

Крестьяне безропотно поспешили угодить Рэмалу.

– Если в знак сопротивления вы посмеете хотя бы руку поднять, клянусь святым Нэраэлем, я её вам отсеку и повешу на шею! – пообещал Рэмал – Говорливый старик... где он, где этот подстрекатель?! Я знаю, вы его скрываете, напрасно! Я требую его немедленной выдачи или вы все горько пожалеете! – ультимативно потребовал Рэмал. Его взгляд kloкотал пугающей злостью. Но крестьяне, застыв в трепетном молчании, виновато свесили головы.

– Не стоит меня испытывать! – переступал черту терпения Рэмал. – Хватит покрывать бунтовщика, он свой выбор сделал, так что немедленно выдайте его для правосудия или я убью эту женщину! – ожесточённо оскалился командир Соборников, схватив под руку невинную крестьянку. Она обесилена обмякла, заливаясь слезами.

– Да что же вы за люди эдакие! – раздался из гущи рыданий и перешёптываний смелый возглас пожилой женщины. – Выдайте старика, он это всё накликал – ему и ответ

держать! Глаголала я вам, дескать, не надуть надсмотрщика трогать, но нету, вы евонному слову грязному поверили, а я отвращала вас, дык вы меня едва ли глаз не лишили! Вот расхлёбывайте тепереча, мнили, что с рук сойдёт, да вот и вся недолга.

– Правильно, старый энтот нас бесовскими сетями опутал, заклятиями своими погаными в голову к нам залез. Он пушай отвечает, нечего гибнуть нам за умыслы евошние! – поддержал пожилую женщину бородатый верзила.

– Да-да, выдайте подлеца! – загудела толпа, требуя расплаты. Через какое мгновение двое кряжистых детин вынырнуло из-за конюшни, ведя под руки, брыкавшегося зачинщика. Они бросили его к ногам Рэмала. Старик судорожно затрясся и тотчас обмер, когда его макушки коснулся фламберг командира Соборников.

– Многие нынче поплатились за нашенскую ошибку, изволь не губить более никого, – попросили юноши, выдавшие заговорщика. Рэмал смягчился, тяжело вздохнув.

– Ошибку? неповиновение и бунт, нельзя назвать ошибкой! Не убивать вас уже милосердие, но не прощение. Но раз вы выдали мне того, кто в воле нашего короля посмел усомниться, тот, кто своим мятежом оскорбил и унизил его, я не только исполню обещанное, но и дам вам шанс раскаяться за содеянное. Однако милость нашего Небесного Отца вам следует заслужить, искупив перед ним свой грех, – назидательно изрёк Рэмал.

– Но как же нам искупить его? – в растерянном недоумении спросили крестьяне.

– Ваши женщины в знак прощения подарят собору святого Нэраэля десять крепких здоровых мальчиков, – предложил командир Соборников. Крестьяне зашептались. Они колебались. Решение с трудом давалось им, ложась на сердце тесным бременем.

– Мы навлеки на себя эту беду сами, и расплачиваться за неё нам. Придётся отдать ему то, что он просит! – вопреки желанию, сказал мужчина, державший за руку женщину, возле которой мрачно навис командир соборников, будто грозя ей расправой.

– Вот ты свойским ребёнком и поступишь! – кто-то гневно бросил из толпы.

– И поступлюсь! – твёрдо заявил мужчина. – Поступлюсь, коль таковая ихняя воля! – как-то безнадёжно добавил он.

– Несправедливо! Пускай поступаются те, кто бунтарю подсоблял! – вступились жители деревни. Прокатилась одобрительная поддерживающая волна голосов. Нехотя виновники примерились с вынесенным им приговором враждебно-настроенными односельчанами. Двери домов начали отворяться, а из них выходить пожилые женщины с плачущими напуганными сыновьями.

– Наконец-то ваши умы посетило здравомыслие, – удовлетворенно улыбнулся Рэмал. Затем он, нарочно уронил лезвие фламберга на шею зачинщика бунта, выдавая это дви-

жение за нелепую случайность. Толпа охнула, когда голова старика отделилась от тела.

– Отведите мальчиков в повозку, – приказал Рэмал своим подчинённым, стряхнув кровь с меча и вложив его в ножны.

Когда дети были посажены в повозку, мясник в красном плаще, накинув на голову капюшон, обернулся к горемычной толпе.

– Возвращайтесь к работе и помните: второго прощения Небесный Отец не даёт, – напутствующе предупредил Рэмал. После этого Соборники оседлали лошадей и покинули охваченную трауром деревню.

Торальд – сын покойного Томада Тронэра и его друг Вальмус – сирота, лишившийся родителей, чьи жизни стали жертвой беспорядка, учинённого пьяными головорезами, замыкали строй. Потемневшие от дождя капюшоны укрывали их головы и частично прятали лица.

– Думаешь, эта жестокость оправдана? – вдруг нарушил молчание Вальмус, вопросительно посмотрев на друга. Его глаза – тёмно-синие, как два вечерних озера, отражали пылкость и негодование.

– Я стараюсь не думать об этом, просто следую приказу, – равнодушно отчеканил Торальд.

– Как ты можешь быть таким безразличным? Они же живые люди, как наши близкие, как мы с тобой! – возразил Вальмус. Холодность слов его друга сильно задела его скеп-

тическую натуру.

– Нет, они не такие, не смей равнять их с нами, они изменники, они заслужили это! – уверенный в своих деяниях, твёрдо произнёс Торальд. В его глазах и вправду не было сожаления, лишь вопиющая безучастность и непоколебимая убеждённость.

– Хоть они и неправы, их выбор можно понять, и он...

– Брат, к чему этот нелепый разговор? – перебил Вальмуса Торальд. Взгляд его колот непринуждённостью. – Что ты хочешь от меня услышать, что мне их жаль? Но меня не гложет сожаление за содеянное.

– Разве после увиденного, ты не чувствуешь себя обманутым? Если ты не забыл, мы приняли эти плащи, чтобы служить нашему небесному отцу, а не резать беззащитных крестьян, совершивших ошибку, – полными возмущения прозвучали слова Вальмуса. В его голос закрался гнев, а глаза блеснули неподдельным чувством вины, сожаления и злости.

– Эти беззащитные крестьяне, как ты говоришь, не только пошли против своего короля, но и воспротивились воле нашего Небесного Отца, к тому же они намеревались убить нас! – в оправдание надменно возразил Торальд.

– А выглядело всё так, словно он получал удовольствие от этой резни, – скривив губы, с презрением сказал Вальмус.

– Вальмус, не будь глупцом, он просто защищался, – нахмутив брови, в защиту командира сказал Торальд.

– Брат, это была резня, а не защита! У них не было шанса

против него, он уже заранее знал это и был полностью уверен в своей победе, – пытался достучаться до друга Вальмус. Но тот был настолько погружён в свои убеждения, что и слушать не желал.

– Каждый видит то, что желает видеть, – отмахнулся Торальд, подтягиваясь за строем. Это разговор утомлял его.

– А ты убил бы этих крестьян, если бы тебе было велено это сделать? – не сдавался Вальмус.

– По воле нашего небесного отца, да, я бы это сделал, – без капли сомнений ответил Торальд.

– Но как ты можешь знать, что он требует от нас наверняка? С чего ты так уверен, что эта воля не навязана нам? – продолжал давить возмущением и вопросами Вальмус. Взгляд его был остр, как кинжал, готовый для удара в сердце.

– Ты сомневаешься в нашем небесном отце? – ошеломлённо прошептал юноша. В его голосе кроме боязни, чувствовалось осуждение. Глаза его наполнились изумлением и страхом.

– Нет..., я сомневаюсь в праведности наших командиров, – поправил Вальмус. В голосе его зазвучал мятежность.

– Брат, давай покончим с этим разговором, не хочу я это обсуждать, – попросил Торальд, трусливо смотря в след другим Соборникам. – То о чём ты говоришь, оскорбительно, – укорительно добавил он, после кратковременного молчания.

– Неужели тебя не волнует сегодняшняя резня? Сколько

детей лишилось отцов, а жён – мужей?!

– Послушай, мне всё равно, я исполняю приказы наших командиров и искренне верю в то, что они выполняют волю нашего небесного отца Нэраэля, – стоял на своём Торальд. Отрешённость его взгляда заставляла сердце Вальмуса кипеть гневом.

– Дурак, а если бы их волей была смерть твоей сестры? Ты бы угодил ей?! – требовательным тоном осудительно произнёс Вальмус, порицающим взглядом прожигая своего друга.

– Она была виновна, – отчаянно парировал Торальд, в надежде уберечь свои убеждения. Лицо Вальмуса застыло маской безмолвной холодной ярости. Через эту жуткую маску Торальд разглядел, настолько глубоко и болезненно вонзилось его неуклюжее оправдание в ранимую душу друга.

– Но осудил её не Небесный Отец, а люди, – мрачно подытожил Вальмус. Разочарование и сочувствие, закравшиеся в его слова, всё же задели Торальда. Он пристыжено потупил взор, каясь за свою опрометчивость и недальновидность. Крепость его воззрений не избежала пагубного штурма истины и пошатнулась. Больше юноши не обмолвились ни словом.

Прежней осенней дорогой, петлявшей через сонный лес, мрачневший на фоне пепельно-серой небесной гущи, Сборники возвращались на равнины, где их ожидала развилка. Стена деревьев осталась позади и перед путниками рас-

кинулись пузатые холмы.

– Значит так, вы двое, – указав на Вальмуса и Торальда, распорядительным тоном говорил Рэмал, – со мной поедете в юго-восточную провинцию, остальные в город возвращайтесь и доставьте в собор мальчишек.

– Так точно, командир, – чуть ли не в один голос отозвались рыцари ордена Святого Нэраэля. Рэмал суровым взглядом окинул подчинённых, после чего резко развернул коня и резво поскакал на юг. Вальмус и Торальд поспешили за ним.

Троица пронеслись мимо пожухлых сырых полей, мимо одиноких берёз, свесивших, будто от безраздельной печали обнажённые тонкие ветви, мимо обрывистых глубоких оврагов, походивших на звериные пасти, мимо надменных угрюмых валунов, чем-то напоминавших обломанные драконьи клыки. Вскоре холмистые равнины сошли на нет, окунувшись в дубраву, наполненную величественной тишиной. Здесь чрез дорогу тянулись, будто ленивые черви, поросшие изумрудным панцирем мха, могучие почерневшие от мокроты корни. До самого вечера кони хлюпали по грязи, безостановочно двигаясь по лесу, пока, наконец, из-за дубовых плеч не показали деревенские плетни и опустевшие за ними пашни. Едва ночь запрягла свою колесницу и начала мчаться по небесам, как хлынул ливень, продолжив свое нескончаемое издевательство над осенней землёй. К этому моменту Соборники добрались до деревенского трактира и остались там на ночлег.

Как только дождь прекратил барабанить по крышам, командир приказал подчинённым выступать. Время было раннее – ночной мрак ещё даже не намеривался покидать небосвод. Но Рэмала это мало волновало, он готов был двигаться к цели в кромешной тьме, настойчиво бороться с метелью, но ненавидел дождь и болота, то ли он боялся простудиться, то ли был настолько принципиален. Сборники продолжили двигаться на юг до притока реки Торнэтты, после они свернули на дорогу, тянущуюся вдоль неё на восток; к этому времени хмурое небо уже освободилось от ночных пут.

Достигнув возвышенности, на которой чернела еловая чаща, троица примкнула к небольшому отряду из пяти человек. Четверо из них были облачены в лиловые плащи, скрывавшие прочные кожаные доспехи из тролльей шкуры, обрамлённые тонким слоем зачарованной стали на бёдрах и предплечьях. Такая броня, к слову, являлась весьма дорогим и редким приобретением не только из-за сложной выделки и обработки, но и из-за её добывания. По всей Тавринии лишь единицы мастеров могли принять такой заказ. Через грудь у каждого из этих мужчин был протянут широкий ремень с небольшими склянками из разноцветных стёкол, по всей видимости, зелья и масла против борьбы с чудовищами. Перчатки у охотников были усеяны острыми конусовидными шипами. Заткнутыми за пояс, они носили изогнутые кинжалы похожие на бумеранги. В карманах плаща у каждого были метательные ножи, наверняка, обработанные смертонос-

ным ядом. И, конечно же, каждый из них был вооружён вложенным в ножны длинным мечом с рукоятью в виде орлиной головы. Впереди этих охотников на чудовищ, выступал чернобородый коротко подстриженный могучего телосложения мужчина, одетый в точно такие же доспехи что и Рэмал. Его бледное до неприятности суровое лицо увенчивало несколько ужасных шрамов, особенно выделялся тот, что тянулся от верхней губы. Ложась неприглядной бороздой через правый глаз, он оканчивался в волнах лобных морщин. Чёрные глаза, точно два чернильных колодца ожесточённо поблёскивали под опалёнными бровями. Грозный непреклонный взор Джазэкса, чуть ли не пронзавший душу, отчасти поселял в ней либо страх, либо тревогу. Мужчины в лиловых плащах, едва увидев подкрепление, расплылись в желчной улыбке, стреляя презрительными взглядами.

– Только не обижайте их, – пробасил Джазэкс.

– Джаз, брат! безмерно рад, что судьба вновь свела нас вместе, – подкрепив приветствие крепким рукопожатием, уважительно произнёс Рэмал.

– Давненько не виделись, Рэм, – скривив губы в некрасивой улыбке, отозвался здоровяк. – Уж не надеешься ли отдать мне должок? – колко усмехнулся он.

– Чуть ли не каждый день об этом грежу, – саркастично парировал Рэм. Друзья рассмеялись, хлопая друг друга по плечам.

– Не расстраивайся, когда-нибудь этот день настанет, – по-

ложив кулак другу на плечо, обнадёживающе произнёс Джазэкс. – Чего так долго ехали? – вдруг недовольно добавил он, резко сменив радость на суровость.

– Трудности небольшие возникли, – виновато протянул Рэмал, почёсывая затылок.

– Небось, как всегда молодые чего-нибудь отчудили, – порицающее взглянув на Торальда и Вальмуса, заявил Джазэкс. – Не надоело им сопли подтирать?

– Должны же они у кого-то опыта набираться? – выгораживая подчинённых, усмехнулся Рэмал.

– Мне хватило единожды увидеть их жалкий вид, чтобы захотеть испражниться на них и больше никогда не видеть, – сквозь зубы процедил Джазэкс. Его подчинённых тут же охватил неудержимый смех.

– Предлагаешь им на головы мешки натянуть?

– Нет, лучше сразу утопи их в реке и не трать время попусту, – бросил с саркастической улыбкой Джазэкс, вскакивая на свою лошадь, окраса воронова крыла.

– Разве что, если Небесный Отец этого захочет, – подыграл другу Рэм, возвратившись в седло.

– Щенят своих по дороге не потеряй! – утробисто рассмеялся Джазэкс. Оскорбления явно забавляли его.

– Вот уроды, – пробурчал себе под нос Вальмус.

– Брат, аккуратнее с выражениями, – как-то боязливо попросил его Торальд. Хотя просьба его звучала как приказ.

– Можно подумать, с лезвием играю! – передразнивающе

отмахнулся Вальмус.

– Хуже, – с тревогой в голосе ответил Торальд, пустившись за командиром вслед.

– Если бы я его не знал, то признал бы трусом, – возмутился Вальмус, также пустившись в путь.

Соборники мчались на юг вдоль мрачной зубчатой еловой стены, огибая пологие промозглые холмы. Затем они ступили на разбитую лесную тропинку, тянущуюся чуть ли не по краю отвесной возвышенности, под которой темнели заросшие тиной болотные воды. Походя на зелёные руки, они тянулись под самый берег, исчезая в буйных зарослях камыша и осоки. Воздух напитывала душная сырость и тяжёлый запах перегнившей травы.

– А ведь когда-то здесь журчал резвый приток реки Ингви, правда, это ещё до основания Вэйтстоун было, – грустно сказал Рэмал, провожая взглядом топи.

– А что же так сильно изменило это место? – не выдержал того, чтобы промолчать Торальд.

– Время! – огрызнулся Джазэкс. – Нечего попусту языками чесать, лучше под ноги смотрите, – озлобленным наставлением пресёк разговоры он.

Углубившись в дремучий ельник, разбавленный оголёнными осинами и пушистыми папоротниками, Соборники спустились в небольшую влажную долину, чтобы перейти на другую сторону. Под копытами лошадей зачавкала грязь и заплескалась мутная вода. И никто из путников не догады-

вался о том, что на глинистом дне таилась опасность. Вдруг оглушительное ржанье лошади в конце цепочки разорвало спокойствие строя. Все как один мужчины оглянулись на шум. Лошадь Вальмуса поднялась на дыбы и выбросила его из седла. Мужчина грохнулся спиной в воду, не успев ничего толком сообразить. К бедру животного, глубоко прокусив кожу щетинистыми губами, намертво прицепилось плоскотелое существо. Оно обвилось вокруг ноги добычи, вонзив в неё крючковатые конечности, высунутые из-под брюха.

– Аториды! – с неким беспокойством проронил из уст Джазэкс, который, как правило, был всегда хладнокровен и редко, перед чем испытывал страх. Торальд, обнажил меч, и без лишних колебаний бросился другу на помощь.

– Глупый сопляк, стой на месте! – угрожающе крикнул Рэмал, преградив юноше путь и наставив на него заалевшее лезвие меча. В этот момент из засады, издав жуткое надломленное не то шипение, не то визг, выскочило второе коварное существо, уцепившись пастью за шею лошади. Отчаянный зверь отбивался изо всех сил, но его участь уже была предрешена. Кровожадные аториды усердно тянули добычу в воду. Вскоре и третье чудовище присоединилось к стае. В это время Вальмус, болезненно держась за поясницу, встал на ноги и растерянно огляделся по сторонам. И только мужчина увидел свою лошадь, облепленную странными тварями и бегущих к нему на встречу командиров с обнажёнными мечами, он тоже выхватил из ножен оружие и бросился ата-

ковать монстров.

– Стой! – свирепо воскликнул Джазэкс, значительно замедлив шаг. Но юноша пренебрёг его приказом и поспешил нанести удар. И едва он сделал шаг к чудовищам, рябь, поползшая по воде, коснулась чувствительного тела самого крупного аторида и он, рассерженно зашипев, оторвался от долгожданной трапезы. Остальные члены стаи тоже отвлеклись и застыли в ожидании. Вальмус решил, что это шанс расправиться с одним из монстров, но он сильно заблуждался. Как только он подступил к аториду на расстояние вытянутой руки и занёс меч над головой для удара, существо сердито зашипело и взмахнуло хвостом перед нападающим, чтобы отвлечь его. Взметнувшиеся в воздух капли воды и грязи не позволили юноше свершить задуманное, единственное, что ему удалось сделать, так это отступить на пару шагов назад, зажмурив глаза. Когда же он их открыл, хрипящая бьющаяся в судорогах обессиленная лошадь уже перестала интересовать аторид; коварные кровососы принялись окружать добычу, бесшумно стелясь по глинистому дну. Вальмус обеспокоенно начал осматриваться по сторонам и нервно переступать с ноги на ногу.

– Не двигайся, если не хочешь издохнуть! – приказал Джазэкс, не решаясь будоражить воду.

– Джаз, что будем делать? – спросил растерянно Рэмал. – Мы ведь обязаны от них избавиться? – вопросительно добавил он.

– Должны, – задумчиво ответил здоровяк. – Вот что мы сделаем: я направлюсь к лошади, и как только они приблизятся ко мне, ты пойдёшь следом, так у нас будет шанс порубить их.

– Понял, – кивнул Рэм.

– Тогда поехали, – воскликнул Джазэкс, изо всех сил помчавшись в сторону умирающей лошади. Вызывающий шум в мгновение ока донёсся до слепых морд аторид, они безропотно последовали за ним. Когда Джазэкс добрался до намеченной цели, на него выпрыгнул, разинув пасть, разъярённый не насытившийся кровью аторид. Мужчина во время выставил заалевшее горячее лезвие навстречу опасности. Существо с пронзительным надломленным шипением, а после хрипом встретило неминуемую гибель, насквозь наскочив горлом на клинок. Джазэкс ещё не успел избавиться от трупа, как за его спиной уже поднимался смертоносный хвост аторида (на нём было два костяных шипа загнутых навстречу друг другу), а поблизости, чуть ли не у самых ног, в предвкушении мести был уже его брат. Рэмал, как бы ни спешил, успеть одолеть обоих существ не мог, да и по непонятной причине они не бросились на шум, а плыли к голубой крови себе подобного. Казалось, Джазэкс уцепился за край пропасти, и ему было уготовлено упасть в объятия смерти. Но неожиданно Вальмус, не задумываясь, метнул в сторону хвоста, дрогнувшего для умерщвления жертвы, меч. С глухим треском, будто в полый трухлявый пенёк, вонзилась на-

вылет в прочную хитиновую кожу беспощадная сталь. Аторид, будто заговорённый, передумал нападать и намеревался сбежать, вновь канув в спячку, но Джазэкс своим карающим мечом успел пригвоздить затрусившего раненого монстра ко дну. И пока здоровяк занимался расправой над этой кровожадной тварью, Рэмал уберёг его от нападения другой. Существо показало свою мерзкую морду из воды, уже бросившись на Джаза, но его соратник, словно рассчитав время до этого момента, нанёс сокрушительный удар. Преследуемый шлейфом голубой крови фламберг, пульсируя алым светом, подобно серпу жнущему колосья, лишил аторида половины головы, оставив ровный запеченный порез. Его собрата, отчаянно извивавшегося от боли и надломлено вопящего, ожидала такая же участь.

– Самоуверенный сопляк, чем ты только думал? – донёсся до Вальмуса порицающий бас Джазэкса. – Если бы не мы, из-за твоей бессмысленной выходки пострадали бы люди! – озлоблено крикнул он, наступая на юношу и сверля его свирепым взглядом.

– Джаз, остынь, – вмешался Рэмал, схватив собрата за плечо. – Его клинок тебя от смерти спас.

– А я спас его шкуру, жертвуя собой! – бросил в оправдание Джазэкс.

– Он понесёт наказание достойное его поступка, обещаю тебе. – Глаза Рэма, как и язык, никогда не лгали.

– В следующий раз, думай, прежде чем размахивать ору-

жем, – сквозь зубы враждебно произнёс здоровяк, вкладывая меч в ножны. – По коням! – скомандовал он издалека, остановившись у мёртвой лошади. – Хорошо, что эти паразиты не развиваются в трупах, – облегчённо вздохнул Джэкс.

– Ты не подчинился приказу..., до сих пор не укладывается в мыслях, – разочарованно покачал головой Рэмал. – Заруби себе на носу, ещё одна подобная выходка и я буду обязан доложить о твоём неподчинении Совету Нэраэля, – предупредил командир. – А теперь найди свой меч и садись в седло к Торальду.

Разобравшись с опасным происшествием, мужчины вернулись к выполнению своей нелёгкой задачи. Наконец Соборники достигли долгожданного подъёма из долины и вновь продолжили двигаться по богом забытой ненадёжной тропинке, которую время от времени преграждали злополучные ели. Вскоре она, петляя меж деревьев, то исчезая, то вновь появляясь, увела мужчин в мрачную глушь. Через несколько миль пути лес изрядно поредел, а деревья стали заметно моложе. Вскоре за ними можно было разглядеть обваленные глинобитные стены, заросшие мхом. Они казались такими хрупкими, что прикосновение ветра могло сложить их, как карточный домик, но они, словно неведомой лесной силой накрепко в стороны, всё ещё держались. Соборники попарно сжатой цепочкой въехали за развалившиеся ворота, от которых в принципе почти не осталось и следа, раз-

ве что несколько толстых сгнивших зелёных столбов.

– Что это за место? – проронил из уст Торальд, проезжая мимо обломков бревенчатого дома.

– Когда-то этому поселению принадлежало название Кá-херас, что на гномьем языке означает дровосек, – ответил Рэмал. – Да уж... трудно представить, но когда-то это место населяли люди, а гномы в здешних пещерах добывали малахитовую руду, – добавил опечаленно он.

– Что же такое произошло, что от поселения остались лишь руины? – продолжал интересоваться Торальд.

– Пожар, – вмешался в разговор Джазэкс.

– Пожар? – удивился юноша.

– Да, здесь всё дотла выжгли, – пояснил Рэмал. – Это ещё во время строительства Вэйтстоун было. Из-за ужасной засухи, притоки реки Ингви пересыхали. Непонятно как, но в этот приток аториды попали. Люди этой деревни оказались заражены их личинками. Власти для предотвращения эпидемии вынуждены были прислать войска. За ночь они уничтожили деревню и убили всех её жителей, на утро только головёшки и обгорелые кости остались.

– Это же бесчеловечно, неужели нельзя было поступить по иному? – ошеломлённо прошептал Вальмус.

– Много ты знаешь, мальчишка! – возмутился Джазэкс. – Все, кто пил здешнюю воду обручились со смертью, бесчеловечно было бы сохранить им жизнь и подвергнуть опасности всю страну! – протянул здоровяк, сердитым взглядом

пронзив юношу. Вальмус потупил взор.

– Порой жестокость необходима, а иногда и вовсе единственный верный выход, – безрадостно подытожил Джаз.

За сожженным поселением меж изумрудных моховых ковров удалось отыскать заброшенную дорогу, уводившую на северо-восток. Когда надоевший сумрачный ельник остался позади, возвышенность, медленно сглаживаясь, растворилась в холмистых пологих равнинах, уже утопленных в сумерках. Дорога, будто нить размотанного клубка, огибала промозглые жухлые возвышения, которые в свете осени подходили на гладкие черепа поверженных гигантов.

И вот лишь когда вечерний мрак разлил свои чернила, прикоснувшись к чередам нагих тополей, посаженных вдоль дороги, Сборники наконец-то достигли Мэрквильда. На первый взгляд он напоминал суровый военный городок с приземистыми домиками и широкими часто пустующими улочками, над которыми в центре гордо вздымались трёхэтажные черепичные особнячки, тянувшиеся дружной чередой, точно лучи, от поместья крупного землевладельца – графа Тидна́ра. На самом же деле, Марквильд в Северном Форлианде считался одним из самых крупных и прибыльных городов. С востока его защищал, словно грозная невозмутимая пехота, дремучий кленовый лес, за которым, через приток реки Гристис, протянулись предгорные возвышенные равнины. С других сторон Марквильд был обнесен высокой деревянной стеной, с растянувшимся под ней земляным валом,

подле которого росли угрожающие терновые кусты. На оборонительных башнях неустанно дежурили дозорные, по тревожному зову которых из-за дубовых кольев начинали выглядывать арбалеты и солдатские шлемы.

– Слава Нэраэлю! – с обезоруживающим восторгом встретил долгожданных спасителей стражник, заранее отворив перед ними ворота. Когда Соборники вошли, он уже успел спуститься с башни и с нетерпением бросился к ним рассказывать потрясающую чуть ли не весь Марквилд тревожную историю, произошедшую пару недель назад.

– Какое счастье, что Всевышний Отец прислал вас к нам, – начал стражник, едва не захлёбываясь от радости и нетерпения. – Граф Тиднар запретил об этом говорить, но я считаю должным рассказать вам об этом происшествии.

– Перестань тянуть кота за яйца! Мы здесь по важному поручению от Его Величества, а не чтобы слушать твой непонятный лепет, – раздражённо сказал Джазэкс.

– Простите меня! Но произошедшее до сих пор пугает всех нас, – пристыжено бросил стражник.

– Так в чём дело, сержант?! говори уже! – не выдержал Рэмал.

– Пару недель назад ликирианские эльфы, убив нескольких стражников, проникли под покровом ночи в город, – отчеканил сержант.

– Что?! Ликирианцы, здесь?! – раздался оглушительный бас разъярённого Джазэкса. – Какого хрена они забыли в

Форлианде?!

– А почему ты так уверен, что это именно они были? – не поверил Рэмал.

– Это точно были они, вернее то, что от них осталось, – руки стражника задрожали от нахлынувшего страха. – Я лично грузил их изуродованные сожжённые трупы, и уж серебристые волосы, длинные уши и бледно-серую кожу ни с чем не спутать.

– Тут ты прав, – задумчиво почесывая бородку, согласился Рэмал. – А сколько их было?

– Трое, – выпалил, не задумываясь, стражник. – То как с ними расправились..., это точно не человеческих рук дело! Местные поговаривают, что через шум ливня слышали жуткий хохот, который будто лился из бездны! – в ужасе добавил он.

– Давай ещё скажи, что *Легион Тлена* вернулся! – съязвил Джазэкс, взмахнув руками. Его подчинённые усмехнулись. – Не будь идиотом,... нет повода для паники, – успокоил его здоровяк, предавшись безразличию.

– Но волноваться всё же стоит, Совет Нэраэля нужно немедленно оповестить! – решительно заявил Рэмал, разворачивая коня.

– С ума сошёл?! – возразил Джаз. – Хочешь подвести своим поступком короля? Не забывай, мы должны вернуть шахты, или сам совет с нас шкуру спустит!

– И то верно, брат, – неохотно смирился Рэм.

– Сопроводите нас к поместью графа Тиднара, – распоряжительным тоном попросил Джазэкс стражников.

– Как скажите, – покорно ответил сержант. – Рядовой, – окликнул он солдата охранявшего ворота. – Отведёшь этих людей к поместью нашего графа, – отдал приказ стражник.

– Слушаюсь, – ответил подчинённый и без лишних движений, встав во главе вереницы Соборников, принялся исполнять поставленную задачу.

– Ишь, какой дисциплинированный, – усмехнулся Джазэкс. Сержант проводил взглядом неожиданных гостей, словно на что-то надеясь.

– А где трупы ликирианцев нашли? – спохватился Рэмал, выбившись из цепочки. Сержант вновь оживился, будто ему из щедро отсыпали горсть серебра.

– Это вон там... на окраине, – указал пальцем охранник в сторону юго-восточной башни, возле которой раскинулся лес. – Там ещё дом сгорел, – выдержав паузу, добавил собеседник.

– А чей это дом был? – обеспокоенно заинтересовался Рэм.

– Вдовы какой-то, ... я частенько видел её в таверне, – пояснил сержант.

– А не знаешь, её ещё где-то можно найти?

– К сожалению, нигде. Сгорела она..., – скорбно ответил охранник. – Жаль её, ... добрая женщина была, – вздохнул он.

– А где таверна? – выпытывающе спросил Рэм.

– Неподалёку от сгоревшего дома. Всего-то надо подняться по улице и повернуть, корчма прямо на углу, – объяснил сержант. – Только прошу, граф не должен узнать о нашем разговоре, он грозил петлёй всем, кто...

– Возвращайся к своей службе, – перебил его Рэмал. – Забудь о том, что мне говорил, – приказал он, прежде чем пуститься вслед за скрывшимися в переулках соратниками.

К усадьбе графа Тиднара – трёхэтажному белокаменному зданию с четырьмя изящными остроконечными башнями по углам, крытыми бардовой черепицей, вели вымощённые камнем дорожки, минуя крепкие высокие деревянные стены. За ними со всех сторон поместье охраняли стройные тополя, не так давно потерявшие свой величественный золотой наряд. За ними раскинулся, очаровывающий огнистыми ягодами сад из рябин, которые свесили отяжелевшие ветви над рассекавшими мрак фонарями. Они тянулись вдоль каменной дорожки до резного крыльца, лакированного в бледно-янтарный цвет. На дубовых дверях такого же тона торжественно выступала алебастровая облицовка в виде восстающих белёсых грифонов.

Подобно отливу благородных рубинов, впечатляло дорогое убранство поместья. В просторной зале, где пол был выложен отшлифованной бурой глиняной плиткой. По белокаменным стенам ползли закручивающиеся веточки кармин-

ных узор. Они оканчивались, переплетаясь на потолке, обвивая основание серебряной люстры со свисающими цепочками из мелких камушков гранёного хрусталя, меж которых изредка выглядывали рубиновые горошинки. Со всех сторон на гостей устремляли свой бездушный пустой взор несколько начищенных до блеска рыцарских доспехов, украшавших холл. Кроме них, здесь стояли серебряные подсвечники, с зажженными свечами отчасти напоминавшие зубья трезубцев.

– Хвала Небесному Отцу, наконец-то вы прибыли! – воскликнул граф, важной походкой спускаясь по резной узорчатой лестнице из дуба. Дорогое платье из чёрного бархата с рубиновыми пуговицами скрывали его полноту. Густые рыжие бакенбарды окаймляли пухлые щёки, посередь головы блестела лысина, запертая меж двух редких пучков оранжевых волос. Глядя на него, нельзя было понять, то ли он рад, то ли возмущён. – Я едва не впал в отчаяние! уже собирался бросать все дела и ехать в Вэйтстоун, просить короля о помощи.

– У Его Величества было много дел, поэтому он шлёт вам свои искренние извинения, – с почтением Рэмал протянул письмо графу.

– Гм..., интересно, интересно, – с улыбкой протянул гложимый любопытством феодал, неотложно вскрывая печать. – Ух, надо же..., хотел бы я, чтобы каждый так умел искусно извиняться, – изумлённо выпалил граф, едва загля-

нув в конверт. Не трудно было догадаться, что там находилось что-то из рода драгоценностей.

– Граф Тиднар, позвольте выдать нам в сопровождение десяток опытных солдат, – сторя от нетерпения, попросил Джазэкс.

– Опытных солдат, – передразнил граф. – Мне бы тоже они не помешали, – буркнул он, взглянув на Соборников исподлобья и скривив губы от недовольства. Затем Тиднар с важностью императора начал задумчиво почесывать подбородок. На первый взгляд могло показаться, что этот человек пуст, как полое бревно, только и привык выставлять себя напоказ, а в голове его клокотали несвязные мысли, то и дело терявшиеся в прорехах сознания. Но графу была по душе эта игра, особенно если она заканчивалась виселицей... для собеседника.

– Ну ладно, – неохотно кивнул Тиднар. – Стража!

– Да Ваше Сиятельство? – услужливо выпалил, звеня кольчугой, подоспевший из другого конца холла мужчина.

– Завтра на рассвете у северных ворот этих людей должны встретить семь опытных солдат, – с твёрдостью камня отдал приказ граф.

– Будет выполнено, Ваше Сиятельство! – отчеканил солдат.

– А теперь пошёл отсюда, – раздражённо повелел правитель, махнув рукой. – Пользуясь случаем, приглашаю вас на ночлег в моих гостевых комнатах, – гостеприимно предло-

жил граф, расплывшись в приветливой улыбке. Хотя за этими растянутыми губами скрывалась отнюдь не благосклонность. Он, как и многие в Форлианде, желал бы, чтобы Соборники как можно скорее покинули его владения. А мотивы на то были едва ли враждебны. Всему виной разве что непризнанная боязнь.

– Ваше Сиятельство, вы очень щедры, мы с радостью примем ваше предложение, – любезно согласился Рэмал.

– И правильно сделаете, ведь не согласиться на такое предложение просто неразумно. А теперь ступайте, вам не мешало бы хорошенько выспаться перед трудным и ответственным днём, стража вас сопровождает, – с наигранной заботой подытожил хозяин поместья, прежде чем покинуть гостей, которые вскоре разбрелись по комнатам.

Зябким туманным утром, нарушив блаженную дремоту природы, протяжно закрипели ворота, а затем раздалось цоканье копыт. Соборники и семеро солдат, вооружённых алебардами, выдвинулись из поселения и по проторенной телегами дороге, правда, следы которых уже давно стёр дождь, направились на предгорные равнины, держась края леса. Словно в молочной реке утопали обнажённые деревья и кустарники. Зачинавшийся рассвет, подобно рубцу, оставленного топором, разорвал посеревший небесный холст, выпустив из своего горячего источника золотисто-янтарный свет. Вскоре и его алеющие горячие языки начали плыть по гори-

зонту, растапливая, будто парафин, пепельную седину небес.

Когда солнце выплыло из облаков, путники переправились через мост, тянувшийся над спокойным речным притоком, по которому неторопливо странствовали тонкие кусочки льда. Затем мужчины нырнули в лес, а позже выехали на скрытую, залитую победоносным золотым светом предгорную равнину. Держась подножия Кальдэр, они следовали меж голых валунов и колючих кустов барбариса, которые вскоре сменились стройными кленовыми деревьями. К полудню отряд наконец-то благополучно добрался до опустелой шахтёрской деревеньки. В округе царила мёртвая тишина. У небольших приземистых деревянных домиков, построенных возле деревьев на расчищенной от растительности почве, были настежь распахнуты двери, а некоторые были и вовсе сорваны с петель. Лошади встревожено задёргались и, недовольно фыркая, в знак протеста мотали головами, не желая приближаться к этому месту.

– Да что с ними не так? – непонимающе воскликнул один из стражников, изо всех сил пытаясь удержать под собой брыкающуюся лошадь.

– Оставим животных подальше от этого места, – посоветовал Джазэкс, развернув лошадь в противоположную сторону и умчавшись от деревни. Отряд ринулся за ним. Решили в целях безопасности оставить лошадей за полмили от пугающего их места.

– Там ведь нападение произошло? – ненавязчиво поинте-

ресовался Вальмус у Рэмала.

– Угу, – кивнул в ответ командир, спешившись со скакуна.

– Всем держаться вместе, не отставать и следовать моим приказам, ... если вы дорожите своими жизнями, – призывно сказал Джазэкс, недоверчиво поглядывая на Вальмуса. Спешившиеся перед ними мужчины встретили его слова послушным умным взглядом. Затем сплочённый в круг отряд вновь направился к деревне.

– Ждите здесь! – приказал Джазэкс, осторожно ступая по вымокшей земле. Здоровяк обошёл вокруг все домики, тщательно обыскивая каждый угол, осматривая каждое дерево и заглядывая чуть ли не под каждый куст. На стволах нескольких клёнов ему попались глубокие следы от когтей, и едва заметные отпечатки запёкшейся крови, пощажённые дождём. Мужчина так же нашёл поцарапанный котелок, валявшийся под кустом поодаль от развороченного места для костра.

– Глубокие, – пробормотал себе под нос Джазэкс, проводя пальцами по царапинам, судя по всему оставленных когтями. В голове командир создал приблизительную картину произошедшего.

– Сомнений нет, здесь похозяйничали Кóрлуки, – уверенно высказался Джаз, бросив чугунок в руки Рэмалу.

– Насколько плохо дело? – осторожно спросил один из стражников, обратив внимание на хмурое лицо Джазэкса.

– Всё намного хуже, чем ты можешь себе представить, солдат! – огрызнулся, возмущённый вопросом, Соборник,

жаяля раздражённым взглядом.

– У тебя есть предположения, как они здесь появились, и сколько их может быть? – настойчиво спросил Рэмал.

– Покинуть свой ареал обитания их вынудить могло что угодно, климат, нехватка пищи, внутривидовая борьба, а хуже всего, если они его и не покидали вовсе, а просто-напросто расширяют. В зависимости от этих факторов их количество будет различным, но здесь, безусловно, их была целая стая, – уверенный в своём предположении, объяснил Джазэкс. Солдаты взволнованно зашептались.

– А много их... в стае, – запнувшись от беспокойства, осмелился задать вопрос один из солдат.

– Много, – мрачно пробасил Джазэкс, исподлобья посмотрев на мужчину. Он отчётливо видел в его глазах поселившийся огонёк страха.

– Что же нам тогда делать? – занервничал бывалый сержант.

– Для начала перестать вести себя, как девочки перед дефлорацией! – нескромно излил раздражение Джазэкс, подпитываемое унижающим непримиримым взглядом. Голоса солдат осеклись.

– Эти твари, скорее всего, будут зимовать в этой шахте, а весной дадут потомство, и тогда жители Марквильда будут истреблены и только Святой Отец знает, что произойдёт после. Поэтому мы не может не убить их! – заявил Джазэкс.

– А как с ними бороться ты знаешь... их слабые места? –

вопрошающим взглядом посмотрел на соратника Рэмал.

– Я знаю достаточно. Они не переносят запах масла, яркий свет притупляет их зрение, а огонь губителен для их кожи, – поделился знаниями Джазэкс. Затем он от всех отвернулся, сделав вид, что предался глубоким размышлениям.

– Общайте всё здесь, может, удастся найти масло, – отдал приказ Рэмал. Подчинённые тут же пустились в поиски.

– Может что-нибудь скажешь? – потревожил Рэм Джазэкса, погружённого в молчание. Здоровяк безучастным взглядом встретил вопрос соратника.

– А что ты хочешь узнать, брат? Как корлуки выедают лёгкие или как они вспарывают когтями кишки вместе со стальными нагрудниками? Я видел, как они разрывают моих соратников на куски, я до сих пор слышу их вопли, и сегодня я намерен отомстить этим тварям за погибших друзей, – железным тоном заявил Джаз, сжимая от злости кулаки.

– Командир, мы нашли две бочки с маслом, – известил Соборник в лиловом плаще.

– Отлично, – растёкся в ядовитой улыбке Джазэкс, – не терпится увидеть, как эти твари будут вопить, и метаться, объятые пламенем! – сказал здоровяк, направившись к шахте, черневшей кривой щелью за деревенскими домиками.

– Значит так, слушайте меня внимательно, – начал говорить Джазэкс, откупорив бочку с маслом. – Держаться будете за мной, солдаты загоняют корлуков горящими алебардами, Рэмал и опытные охотники бросают в них бочку с мас-

лом и убивают их, молодые стреляют из арбалетов и не лезут на рожон, не хочу потом их трупы вытаскивать отсюда, и не забывайте прикрывать друг другу спину, – распорядился Джазэкс. – Тайл Агавиа, – громко отчеканил командир. Его меч окаймили пульсирующие кремово-белые линии. – Тайл Ксерфидия! – прочёл следующее заклинание здоровяк. Узоры на его латах засияли переливающимся рыжим и алым светом, позже они выступили и на плаще.

– Рэм, особо не увлекайся, а то твоя гиамагия похоронит нас, – приказным тоном попросил Джаз, положив соратнику руку на плечо. В ответ он усмехнулся и повторил заклинания.

– Командир, а откуда нам взять огонь, чтобы... – замаялся сержант, испуганно выронив загоревшуюся обмасленную алебарду.

– Вот отсюда, – саркастически улыбнулся Джазэкс, выпалив заклинание и щёлкнув пальцами, не дав опешившему подчинённому договорить. Соборники в лиловых плащах залились звонким смехом. Командир укорительно посмотрел на них, и они тут же пристыжённо замолчали.

– Держи крепче, – сказал Вальмус, подав стражнику алебарду, источающую языки пламени.

– Пора! – скомандовал Джазэкс, прежде чем утонуть в душном шахтёрском мраке. За ним, размахивая огненными алебардами, последовала цепочка из солдат, далее следовал Рэмал, ведя за собой Соборников; Вальмус замыкал строй.

Тяжёлый запылённый воздух наполнял беспросветный мрак. Освещая дорогу горящими, подобно люминесцентным лампам, мечами, Соборники в красных плащах уверенно и бесстрашно двигались вперёд, лишь изредка спотыкаясь о коварные каменистые неровности пещеры. Отряд спускался всё глубже и глубже, но кроме настораживающей тишины и шёпота огненных языков ничто не тревожило их слух. Вскоре мужчинам пришлось согнуться, чтобы протиснуться через тесный каменный коридор. Когда же они преодолели его, то перед ними открылась просторная область. Стены здесь со всех сторон были исполосованы лиловато-красными жилами, своим тусклым блеском продиравшиеся сквозь тьму.

– Должно быть, они на дне, – осторожно нависнув над обрывом и заглянув во мрак, предположил Джазэкс. В нос ему ударил едкий запах аммиака, смешанный с мерзким трупным смрадом. Осторожно ступая по выдолбленным кирками ступенькам, тянувшимся вдоль стены, командир отважно начал спускаться в лапы к спящим чудовищам. Солдаты с сомнениями переглянулись и не спешили идти следом, но Рэмал подтолкнул сержанта в спину и бросил на него недовольный и в тоже время приказывающий взгляд. Неожиданно корлуки жадно вдохнули воздух, захрипели и, наострив волчьи уши, начали приподнимать головы и пристально осматриваться по сторонам. Перламутровые глаза тут же забегали в непроглядной темноте, вибриссы засветились серебром. Ослепительный свет привлёк внимание хищников и

они, ошестиниваясь, начинали неохотно подниматься на ноги. Вытягивая шею, существа издавали звонкий облетающий пещеру протяжный рокот, от которого начинало звенеть в ушах, будто кто-то бил по наковальне.

Корлуки встретили незваного гостя враждебным хриплым рыком, угрожающим оскалом и кляцаньем острых зубов. Изогнутые клыки, свисавшие из-под верхней челюсти, будто сабли, изливали загадочный тусклый карминный свет. По угольно чёрной жёсткой шерсти скользил едва заметный буроватый блеск. Утопавшие в волосяном покрове, роговые пирамидальные пластинки, тянувшиеся по спине от края большой волчьей морды, до острого тонкого кончика хвоста, засветились, точно раскаленные головёшки. Крюкастыми когтями передних мускулистых лап корлуки скребли по камням, выбивая искры. Всякий раз, когда лучи света касались их чувствительных перламутровых глаз, они болезненно жмурились и отворачивали головы в стороны, а иногда и вовсе вставали на задние лапы, издавая свирепый гулкий волчий рык.

– Масло! – донёсся крик Джазэкса со дна пещеры. Незамедлительно бочка с маслом, разбившись вдребезги, рухнула неподалёку от командира прямо на стайку корлуков. Облитые резко пахнущим веществом, они будто бы сошли с ума и начали метаться из стороны в сторону, не решаясь нападать на бесстрашного мужчину. В этот самый момент улыбка блеснула на лице Джазэкса. Раздался щелчок пальцев, на

землю посыпались раскаленные искры, и в его глазах заиграло пламя. Перед храбрецом раскинулось полыхающее огненное озеро, а в нём, вспыхнув как факелы, в ужасе металась обречённая на погибель хищники. Объятые жгучим пламенем, причиняющим невыносимую боль, они отчаянно носились по кругу, издавая оглушительный мученический вопль. Сборник с неопишуемым восторгом смотрел, как облезает изъязвленная обугливающаяся кожа, с жутким шипением обнажая кости и внутренности существ. Вдруг из двух небольших подземных коридоров выбежало ещё с десятка разъяренных монстров. Корлуки боязливо обступали горящие останки членов стаи, шарахаясь от мерзкого запаха горящего масла и жжёного мяса, словно окачанные кипятком. Пока Джазэкс взирал на всё это, отряд уже подтянулся к нему и выставил навстречу хищникам огненные алебарды. Иступлённый рык, вторящий клацанью зубов и оскалу, подобно раскатам грома, обрушивался на мужчин со всех сторон. Но их руки, как и воля, были тверды.

– Стреляйте им в головы! – приказал Джазэкс. Вальмус и Торальд зарядили арбалеты, прицелились и сдавили спусковые механизмы. Арбалетные болты с хрустом вонзились в черепа, заставив двух хищников распластаться по земле. Неожиданно один из корлуков, осмелевший от отчаянья, набросился на вооружённую толпу. Двое стражников насадили существо на алебардные пики, пронзив ему глотку и выпустив потроха. Под натиском ужаса хищники, ставшие добы-

чей, трусливо попятились во мрак.

– Разделимся и покончим с этими тварями! – призывно прозвучал ликующий голос Джазэкса. Слеплённые светящимися мечами и доспехами Соборников в красных плащах корлуки, скалясь и дрожа, забивались в углы. Горячие лезвия клинков, ведомые безжалостной крепкой рукой, с лёгкостью нашинковывали чудовищ, лишая их смертоносных конечностей. Плавающие пики алебард презрительно смотрели на своих врагов и раз за разом впивались в их плоть, с каждой раной забирая у них силы. С подрубленными лапами хищники, издавая гортанный хрип, обессилено падали на бок. Тогда их жизнь мог оборвать либо несущийся с огромной скоростью сокрушительный арбалетный болт, либо изогнутый кинжал Соборников, проникая под язык и разрывая, словно лоскут потрёпанной ткани, мягкое горло. Последний из корлуков чуть было не растерзал Джазэкса, который даже и глазом не моргнул перед опасной тварью. Лезвия трёх алебард глубоко уцепились за спину хищника, и он оказался в их полной власти. Соборник посмеялся в зубастую источающую смерть пасть, надменно взглянул обезумевшему чудовищу в одержимые лютой ненавистью глаза, после чего одним ударом полутораручника отсёк ужасную волчью голову, торжественно встретив вырвавшийся из рассечённых артерий фонтан крови. Затем мужчина поднял завоеванный трофей и с победным кличем вознёс его над головой. Мало кому понятное наслаждение командира поддержали лишь его под-

чинённые в лиловых плащах, выраввшие клыки из пастей поверженных корлуков. Но потом застывшие над вздрагивающими трупами хищников, как каменные изваяния, стражники подняли над головами алебарды, выпустив из своих глоток ликующий рёв.

– Найдите останки съеденных людей и сожгите вместе с этими тварями! – мрачно отдал приказ Джазэкс, перекинув меч через правое плечо, а в левой руке крепко держа корлучью голову.

– Командир, – окликнул спешно проходящего мимо здоровяка, Соборник в лиловом плаще, преподнеся на раскрытой ладони саблевидный клык. Он вопросительно посмотрел на него, будто бы о чём-то молча просил.

– Угу, – без колебаний кивнул ему одобрительно Джаз. Он хотел было уходить, но потом резко развернулся и небрежно швырнул трофей в руки подчинённому, пригрозив ему указательным пальцем, прежде чем покинуть душную пещеру.

– Интересно, зачем они им? – с подозрением подумал Вальмус, заметив вырванный из дёсен корлука клык.

– Ты чего опять пригорюнился? – буркнул недовольно Торальд, уставившись на друга так, словно он украл королевские украшения. – Я стал частенько видеть подобное выражение твоего лица, оно явно ничего путного не сулит, – с усмешкой добавил Соборник, стараясь скрыть колющий упрек.

– Ничего, – отрезал Вальмус с целью избежать неумест-

ный ему разговор.

– Ну..., как знаешь, – пожал плечами в ответ Торальд, продолжив заниматься поставленной задачей. А его друг, в тайне ото всех, стараясь никому не попасться на глаза, вырвал пару клыков из обгоревшей головы корлука, заваленной другими телами хищников, и бережно положил их во внутренние карманы плаща.

Когда Соборники торжественно въехали за ворота Марквильда, по охладевшему небу уже расплылись холодные тёмно-синие, чем-то похожие на льдинки, кусочки надвигающейся ночи. На погружённых во тьму улицах загорелись факелы и фонари. Измождённый сонный взгляд стремящихся домой горожан приковывал отряд во главе с Джазэксом и Рэмалом, направлявшихся в поместье хозяина поселения. Граф с нетерпением ждал возвращения Соборников, но больше всего его волновали, конечно же, наглые прожорливые корлуки поселившиеся в шахте. Поэтому он с необычным желанием жаждал услышать известие об их гибели. По этому поводу Тиднар даже вышел из поместья на аллею, чтобы поскорее насладиться ожидаемым. По горделивому виду Джазэкса граф тут же засиял, как полуночная звезда.

– Дело сделано, – спешившись, важно сообщил Джаз, протянув феодалу надёжно завязанный замшевый мешок. Граф принял его, чуть ли не вырывая из рук, с нетерпением открыл.

– Пресвятой Нэраэль, вот это тварь! – воскликнул ошеломлённо он, брезгливо вертя в руках корлучью голову. Тиднар отдал её стражнику, стоявшему на входе, а затем расплылся в благодарственной улыбке и любезно пригласил Соборников в дом.

– Ваше Сиятельство, не судите строго и не примите за оскорбление, но мы сильно торопимся, посему хотели бы получить заслуженное кропотливым трудом вознаграждение и на рассвете распрощаться, – выступил Рэмал.

– Эх, ... жаль, а я подумывал устроить банкет по столь важному событию, но если вы настаиваете, – умело изображая огорчение, принял условия Соборников граф, запустив руку во внутренний карман платья.

– На самом деле мы не настаиваем! – вмешался Джазэкс, подтолкнув Рэма в спину. В голосе его слышалась упорство.

– Признаться, мы были бы весьма рады погостить в вашем уютном поместье ещё денёк, другой, – скрепя сердцем, смиренно подтвердил Рэмал.

– Ну, вот и славно! – фальшиво обрадовался Тиднар, резко одёрнув руку от кармана. – Прощу, проходите в гостевые комнаты, я немедленно пришлю к вам слуг, – протараторил граф, словно хотел поскорее отвязаться от гостей. Едва он прибыл в спальную, как стал разбрасываться ругательствами и бурчать от недовольства, словно закипевший чайник. В конце концов, мужчина смирился с неизбежным – завтра его не только объедят, но и лишат приличной суммы.

Рэмал проснулся ни свет, ни заря и решил посетить таверну, дабы узнать больше о сгоревшем доме и её владелице. История о жестоко убитых ликирианцах не давала ему ни минуты покоя.

– Кто же мог отправить на тот свет чуть ли не лучших фехтовальщиков и опаснейших убийц в истории Эридэна? – терзался догадками Соборник. – А что, если Легион Тлена попытается вновь вторгнуться в их мир? – мысли об этом выворачивали его наизнанку. И как бы он не пытался отогнать это опасение, оно всё равно вновь и вновь поселялось в его голове. С этими тяжёлыми мыслями Рэмал отворил дверь в таверну. На удивление посетителей оказалось с лихвой. Горожане громко бесцеремонно хохотали и судачили меж собой, создавая надоедливый гомон, от которого Соборнику, казалось, жужжит в ушах.

– И как им только не надоест сплетни распускать? – подумал про себя Рэм, случайно услышав разговор двух сидевших у входа подвыпивших мужиков о вырезанных в шахте корлуках. Уже завидев нежданного гостя в дверях, трактирщик застыл в изумлении. Сначала на его странное поведение никто из присутствующих не обратил внимания, но когда необычный мужчина в красном плаще, бряцая доспехами, прошёл мимо столиков к трактирной стойке, толпа зевак, будто по команде, прекратила горлопанить и устремила на него благоговеющий взгляд.

– Смотрите, здесь рыцарь святого Нэраэля. Видать Создатель смилостивился над нами. Его явление сюда добрый знак, – перешёптывались восторженно люди в таверне, не спуская с Рэмала глаз.

– Наш Небесный Отец не так давно поведал мне о том, что у вас произошло в поселении пару недель назад, – с серьёзным видом начал разговор Рэмал с трактирщиком. Пузатый, невысокий лысый мужчина с серыми усами едва не уронил на пол нижнюю челюсть от внезапного вопроса, вселившего в него ещё и страх. Собеседник терпеливо ждал ответа, но при этом медленно хмурил брови. Заметив подобную смену настроения, толстячок вытер руки о белый фартук и, собравшись с мыслями, дрогнувшим голосом выпалил:

– Добрый господин, слухи всякие сейчас ходят, – попытался увильнуть от ответа трактирщик, начав тщательнее натирать стакан.

– А про сгоревший дом вдовы и ликирианцев тоже брешут? – настойчиво произнёс Соборник, негодуяще посмотрев на нервничающего мужчину и крепко ухватив его за запястье. Тот, стыдливо опустив глаза, отложил стакан в сторону и змеиным шёпотом боязливо взмолил:

– Прошу, не говорите так громко, а то графу донесут и он...

– Хватит! – раздражённо ударил ладонью по столу Рэмал. – Думаешь, меня это так заботит? Неужели ты решил, что я буду трепетать, услышав о расправе, подобно плещи-

вой собаке всякий раз поджимающей свой облезлый хвост? – наступал на него Соборник, сжигая корящим взглядом.

– Простите, добрый господин, простите, – запинаясь от испуга, пробормотал невнятно толстячок.

– Расскажи мне всё, что знаешь об этой девушке или я всё здесь разнесу! – ультимативно потребовал Рэм.

– Хорошо, хорошо, добрый господин! Вдову эту Вельсилией звали, за день как она погибла, к ней пристали проезжавшие в Вэйтстоун стражники, за неё вступился странный незнакомец. Произошла потасовка, незнакомец этот раскидал буйных по углам, но резанули они его, вот Вельсилия и взялась ему помочь. Я предупреждал её, что идея эта не стоит свеч, но нет ведь, гордая! Полезла и вот итог.

– А как этот незнакомец выглядел, ты сможешь его описать?

– Простите, добрый господин, но кроме потрёпанного черного плаща и бурых волос, я ничего, увы, вспомнить не смогу, – признался трактирщик.

– Цепь у него была под плащом и конь, чёрный, как ночь, – смело добавил один из мужиков, безрадостно допив эль.

– Лучше, чем ничего! – гневно воскликнул Рэмал. Словно ужаленный, он сорвался с места. Громко хлопнув дверью, Соборник поспешил на застолье к графу, где забрав своих подчинённых, он незамедлительно покинул поселение и на всех парах направился в Вэйтстоун. Совет Нэраэля ждали не самые утешительные вести.

Глава 8

Годом ранее. Красота осени медленно увядала. Поля чернели, на промозглых дорогах тянулись бесконечные следы телег. Тусклый свет остывающего с каждым днём солнца всё реже прорывался сквозь взбитую густую толщу пепельно-серых облаков и мрачных беспрестанно-кочующих туч. Деревья, лишившиеся своего роскошного золотого наряда, походили на угрюмые корявые статуи. За окном бушевал ветер. Ветви рябины постукивали по стеклу, точно просили впустить их, чтобы скрыть от надоедливых дождей.

В уютной комнате, обставленной роскошной резной мебелью из красного дерева и дуба, только пламя, вырывавшееся знойными языками из камина, безутешно клочкотало, разгоняя сонную тишину. На лакированном столе были разбросаны разорванные кусочки бумаги, отчасти запачканные ликёром. Каштановые шторы творили в комнате полумрак, препятствуя проникновению грустного осеннего вечера. Изорванные ленты едко-пряного табачного дыма, поднимавшиеся со дна пепельницы, растворяясь, плавно скользили по воздуху. Внезапный стук в дверь одёрнул дремавшего в кресле мужчину. Он резко открыл глаза – светло-карие, с отпечатком бессонницы и усталости. Медленным движением рук мужчина убрал с лица густые цвета обжаренного кофе выющиеся волосы. Горло щипала сухость, голова кружи-

лась, и казалось, вот-вот разорвётся по швам. Чёрный атласный камзол, в который был одет мужчина, пропах пролитым спиртным. Ферраций покосился на дверь, точно стук был воображением его недосыпа и иллюзией похмелья.

– Милорд, повозка уже ждёт вас, – раздался охрипший бас прислуги, не решившегося отворить дверь. Феррация передёрнуло. Напряжением рук он заставил себя подняться с кресла и неуверенной пошатывающейся походкой подойти к шкафу. Неблагодарное увлечение ликёром, бесполезное в борьбе против бессонницы, нарисовало мешки под глазами мужчины, и придало лицу старящую отёчность. Распахнув дверки шкафа, Ферраций оперся обеими руками о красное лакированное дерево и задумчиво склонил голову над находившимися на дне чёрными махровыми обмотками ткани. Затёкшие и опавшие от бездействия и ядовитого влияния спиртного мышцы требовали нагрузки. Немошь пронизывала каждое волокно, сковывая всякое движение тела, тупая боль неумно была по голове.

– Не уж-то этот день настал, – изнурённо протянул Ферраций, опечаленно посмотрев на узорчатый огнисто-золотой перстень с иссиня-чёрным жемчугом. Он хранил в себе воспоминания, не раз терзавшие сознание его обладателя. Тяжело вздохнув, Ферраций поднял со дна шкафа обмотки ткани и небрежно положил их на стол. Замотанные в них узорчатые золотистые латные перчатки, сапоги, кольчуга и ножны, из которых торчала в виде головы льва бурая рукоять длинно-

го меча, громко звякнули, будто недовольные с подобным с ними обращением. На мгновение этот звук болезненно отозвался в голове Феррация, от чего тот зажмурил глаза, а затем потёр их пальцами. Как только он убрал руку от лица, в обмотках ткани неожиданно появились прелые кости, источающие удушливый смрад. Ферраций зажал нос пальцами и с отвращением отвернулся и отпрянул от стола. Внезапно прозвучал тяжёлый удар в дверь. Мужчина оторопел и начал нервно перебирать пальцами, пощёлкивая ими. Страх медленно обуревал запутавшийся в паутине растерянности разум. Вдруг окно с грохотом отворилось и, ворвавшийся в комнату дикий ветер, разметал клочки бумаги со стола. После осколки стекла звонко обрушились на пол.

– Это ты повинен в моей смерти, Ферраций Эрог! – заявил таинственный женский голос, донёсшийся из-за развевающихся занавесей. Он точно растекался по воздуху, навязчиво вливаясь в уши.

– Кто ты?! Покажись! – приказал напуганный мужчина, выхватив из-за голенища кинжал.

– Как прискорбно... ты даже не признаёшь того, кому причинил несоразмерную боль! – осуждающе и злобно прозвучал голос.

– Я не имею ни малейшего понятия о том, что ты говоришь!

– Лицемерный лжец! – раздалось обвинение разъяренного призрака. После этих слов Ферраций ощутил ледяное при-

косновение к своим губам. От непреодолимого страха мужчина начал размахивать во все стороны кинжалом. Прогрел мел пронзительный призрачный хохот, и сталь быстро развеялась в чёрную пыль.

– Предательское отродье, даже сейчас ты пытаешься причинить мне вред. Сколько мук пришлось перетерпеть мне из-за тебя. Ты такой же, как и твой дед! Фальшивый, жестокий и кровожадный! Вы искалечили мне жизнь! Не прощу!

– Мама?! – ошеломлённо выдавил из себя мужчина, встав как каменное изваяние. Казалось, слово это вырвало часть плоти из его горла и языка.

– Никогда не прощу! – будто бы посылая неизбежное проклятие, с ещё большей неистовостью повторил призрачный голос, отдаляясь в сторону разбитого окна. Ферраций ринулся за бесформенным невидимым объектом, но неожиданно кости в обмотках ткани вспыхнули ярко-голубым пламенем с белоснежными языками. Мужчина отпрыгнул от огня, болезненно сжав обожженные кулаки. Непреодолимое желание последовать за голосом – было остановлено стеной из голубого обжигающего пламени, которая стремительно росла и смыкалась в кольцо. Белые раскаленные языки, словно руки обречённых на вечные страдания душ, тянулись к Феррацию. Вскоре голос исчез, остался лишь жадный клочок огня, созывающий рваные клубы мрака. Тьма подступала со всех сторон, пока полностью не окутала мужчину. И вот будучи во мраке, пойманный в кольцо необузданного пламени, Ферра-

ций вновь начал различать какие-то эфемерные отдалённые голоса. Вдруг языки белого и голубого пламени начали расползаться и, переплетаясь меж собой, принялись формировать фигуры знакомых людей. Призраки с укорами и угрозами медленно наступали на свою жертву, впавшую в отчаянье.

– Если бы ты не покинул свой дом, то она была бы жива! – обвинил Феррация высокий старик, заросший седыми волосами и густой длинной бородой.

– Ты позор нашей семьи, братец! – ухмыльнулся высокий статный мужчина с кудрявыми чёрными волосами и острыми чертами лица.

– Девять месяцев ты был в её утробе, а оплатил лишь страданием! – ненавистно заявила неизвестная рыжеволосая стройная девушка.

– Это всё неправда, все, что вы говорите – бред! Это всего лишь ваши иллюзии! Нет! – пронзительно закричал Ферраций, когда раскалённые руки призраков коснулись его груди.

– За предательство твоя гнилая душа будет вечно гореть в пламене возмездия! – пообещали иллюзорные фигуры, горящими пальцами разрывая по кусочкам сердце своей жертвы.

– А теперь огонь воздаяния всеохватно поглотит тебя, дабы ты познал муки, причинённые твоими руками другим! – сказав эти роковые слова в унисон, призраки мгновенно превратились в подвижные ленты пламени и, подоб-

но плющу, оплели Феррация. Невыносимая боль прожигала насквозь. Лоскуты кожи падали на пол и обращались в перламутровый огонь. Когда пламя обвилось вокруг лица мужчины, тот не выдержал и отчаянно во весь дух надрывисто закричал. В эту секунду глаза Феррация вспыхнули голубым огнём, а голова лопнула, превратив череп в обломанную неровную корону; лазурь померкла, обратившись в беспросветную тьму.

– Милорд, просыпайтесь! милорд, мы уже за стенами Санхолда! – будил Феррация молодой опрятный юноша в коричнево-жёлтом камзоле. Барон резко открыл глаза полные отчаяния и набросился на юношу, приложив к его горлу зазубренный нож.

– Умалаяю, Милорд! – взмолил испуганно тот.

– Ух, так значит это всего лишь сон, – облегчённо вздохнул Ферраций, сев обратно на своё место и проведя вспожевшими холодными ладонями по волосам. На этот раз барон был гладко выбрит и аккуратно подстрижен – концы волос завивались ровно на плечах. Теперь Ферраций выглядел на свои тридцать с небольшим – воздержание от выпивки и занятия фехтованием вернули присущую лицу мужественность. И если скулы приобрели свою привлекательную скошенность, лишние морщины разгладились, а взгляд прояснился, то круги под глазами так и остались. Под бурым плащом на рифлёных латах цвета тёмно-жёлтой охры блестели

замысловатые винно-красные переплетающиеся узоры.

Сердце Феррация ныло от ностальгии. Оно мечтало вернуться на родину, в Санхолд. Мысль о возвращении грела и в тоже время тревожила до дрожи. Прошло более двенадцати лет, как Ферраций покинул родные края и отправился на чужбину в южные земли Вэтфэльда. Несмотря на то, что Ферраций внешне был спокоен, глубоко в душе его сильно беспокоила встреча с дядей, с которым он не лучшим образом расстался. Тяготившие раздумья отвлекали Феррацию ото всего, что происходило в округе. Повозка, окружённая закованными в латы стражниками, тихо двигалась мимо беспокойного моря нищих, просивших милостыню, черед торговых лавок с бесновавшимися друг на друга купцами, спорящих недовольных горожан, телег, катившихся по узкой соседней дороге.

Вскоре на смену шумным тесным улицам потянулись просторные и спокойные, спрятанные от солнечного жара шляпами пальм и златолиственниц. Здесь двухэтажные роскошные особняки были построены из дорогостоящего красного камня, а дороги выложены шестиугольными плитками цвета карамели. На каждом углу дежурили стражники в кожаных сапогах, поножах с металлическими пластинами и длинно-рукавных желтоватых кольчугах, поверх которых были надеты стальные рифлёные зеркала. Солнечный свет игриво отскакивал от натёртых до блеска бацинетов с наносниками. Латными перчатками стражники сжимали копыя с ши-

рокими лезвиями, за спинами у них выглядывали колчаны со стрелами и короткие луки, а возле бедра тёмно-красными эфесами красовались ятаганы.

Отвлёкся Ферраций от раздумий лишь в тот момент, когда повозка проезжала мимо храма бога войны Дэрэгруса, высившегося в пять этажей, выполненных в виде усечённых конусов. Золочёный парапет в виде мечей ограждал венчавшего крышу этого грандиозного здания красного гиацинтового дракона с распахнутыми крыльями. Мозаичные стёкла отливали красноватым блеском в солнечных лучах. Двери из махагоны украшали выполненные из слоновой кости львиные головы, в глазницах которых блестели рубины. Однако видя эти роскошные улицы, мало кто мог предположить, что под ними жили рабы, прикованные цепями к кирпичным блокам. Но никто не ведал о том, что в глубоком мраке этих подземелий веками обитало ужасное кровожадное чудовище, о котором жители говорили с усмешкой, истинно веря в то, что оно всего вымысел легенд.

Вскоре перед двигавшейся повозкой открылась большая просторная площадь из бурого мрамора, в центре которой находился великолепной красоты меловый фонтан в виде четырёх рычащих львов, прислонённых друг к другу спинами. Он был настолько бел, что вода его походила на молоко. Вокруг этого произведения искусства соединённые узорчатыми арками высились отделанные алебастром колонны с изображением мифических героев, бьющихся с чудовища-

ми. Здесь стражники дворца вынудили Феррация покинуть повозку, а его охрану заставили оставить лошадей и идти пешком. За фонтаном начиналась аллея из трёхметровых пышных красных игольчатых кустарников со спирально закрученным стволом и ветками – рдянохвой. Заканчиваясь, она выводила к площадке, откуда начинали тянуться белокаменные ступеньки дворца, поражавшего своей уникальной красотой. Множество куполов с золочёными витыми шпилями, запертые среди нескольких изящных башен с рифлёными выступами, обрамлённых янтарём. Резные узорчатые двери из махагони охраняли статуи сидящих кремово-белых львов с оскаленными мордами, отделанными слоновой костью. За ними тянулись коридоры, огражденные от живописного зелёного сада чередой колонн. Возле апельсиновых деревьев, скрывая лица под платками, беззаботно гуляли стройные придворные дамы, облачённые в золото и шелка красных и розовых тонов. Едва увидев привлекательное лицо Феррация, они начали шептаться друг с другом и бросать в его сторону смущённые и в то же время заинтересованные взгляды. Хотя самого Феррация это вовсе не волновало.

– Кто вы будете и по какому делу прибыли? – грозно спросил стражник неожиданных гостей.

– Имя Ферраций Эрог вам что-нибудь говорит? – задал встречный вопрос охранник, шедший впереди гостей.

– Ферраций Эрог, значит, – задумчиво потёр подбородок стражник. – Ага, припоминаю, государь ожидает его с самого

утра, – почтительно ответил он.

– В таком случае, разрешите моему хозяину пересечь порог дворца, – попросил охранник.

– Без оружия дорога вашему хозяину открыта, а вам придётся остаться здесь, – пояснил стражник.

– Благодарю вас, – сказал Ферраций, сдав полотораручный клеймор с крученной узорчатой гардой и эфесом в виде львиной рычащей головы.

– Узнаю, этот клинок! – не скрывая восхищения, сказал с улыбкой стражник, заботливо принимая поразительной лёгкости оружие.

– Доброе слово моего дяди и его бесценный подарок всегда напоминали мне о родине, – перешагнув порог дворца, кротко улыбнулся Ферраций, выдержав в голосе гордость. Когда двери затворились, стражник последовал за неспешным гостем.

– Здесь ничего совсем не изменилось, – отрадно протянул Ферраций, осматривая родные стены.

– Давно же вы не были здесь, господин Ферраций? – ненавязчиво спросил стражник.

– Мне знакомы черты вашего лица? – с подозрением спросил гость, перебирая мысли прошлого. – Помнится, этой бороды я у вас не наблюдал.

– Фалвар, моё имя, – тепло улыбнулся стражник.

– Точно, Фалвар! Как я мог забыть! – чувствуя себя виноватым, воскликнул Ферраций, шлёпнув себя ладонью по

лбу. – Сколько раз вы выгораживали меня перед дядей, когда я пропадал в соседних садах, а ночью сбегал из дворца, – стыдливо рассмеялся гость.

– Забудешь такое. Государь Аргрий часто задавал мне трёпку за ваше поведение, – пошутил Фалвар.

– Долгих двенадцать лет я мечтал вернуться сюда, – с грустью улыбнулся Ферраций.

– Так почему не решались?

– К сожалению, Фалвар, были на то причины, – с горечью отозвался гость. Стражник с пониманием взглянул на Феррация – его широкая улыбка оказалась достойным ответом.

– Как же я соскучился по этим стенам, – с упоением произнёс Ферраций, наслаждаясь чарующей красотой зала.

Внутри было душно, но просторно. Солнечный свет свободно лился через тонкие амарантовые занавеси. Расписанные карминной и янтарной краской рифлёные своды и длинные ряды узорчатых колонн в виде стройных грудастых богинь с фруктами на голове и в руках украшали здание. Лестницы покрывали дорогие ковры цвета киновари с золотистой каймой, на которых возвышались фигурки в виде сидящих львов.

Правитель Санхолда – Аргрий Эрог, опёршись на кулак, сидел в полудрёме на троне из слоновой кости, отделанном по углам спинки золотыми львиными головами. Услышав голоса, донёсшиеся с нижних этажей, градоправитель оставил свои натужные копания в себе и посмотрел по сторонам,

убрав с лица густую седую прядь волос. Едва осиротелый грустный взгляд встретил Феррация, как исхудалое морщинистое загорелое лицо правителя оживилось и тут же наполнилось восторгом. В его душе будто бы ожил и расцвёл увядший ссохшийся цветок, который вот-вот упал бы от изнеможения. Поправив белоснежную тогу с золотой полосой, правитель поднялся с трона и поспешил племяннику на встречу.

– Ферраций, родной! – крепкими тёплыми объятиями встретил долгожданного гостя Аргрий. – Как же я счастлив!

– Здравствуйте, дядя! – расплывшись в улыбке, произнёс в ответ племянник, словно прошло всего несколько дней с тех пор, как он покинул дворец.

– Не верится даже, что этот день настал! – не скрывая изумления, сказал Аргрий, заключив голову гостя в заскорузлые ладони и целуя его лоб, точно священник, дарующий благословление.

– Самому до сих пор не верится, – не сдерживая бурной радости, от которой клокотало сердце, признался Ферраций.

– Я боялся, ты не простишь мне тех ужасных речей, что я наговорил тебе в порывах гнева, – краснея, виновато произнёс Аргрий. Его сухие глаза засверкали влагой.

– Вы заменили мне отца, как я мог держать на вас обиду? Эти слова успокаивающе подействовали на старика и даже, казалось, поубавили ему лет. Они будто сбросили с плеч тяготивший его долгие годы груз.

– Я так долго не видел тебя, что начинал думать, будто ты

затаил на меня обиду, и я больше никогда не увижу тебя. Я так долго не мог простить себя за это, а теперь... – тяжело вздохнул Аргрий. Радость в его глазах потускнела, как солнце за пеленой тумана. Он вновь посуровел, как свинцовое небо и угрюмо протянул, усердно скрывая этой хмуростью накатывающийся стыд:

– Теперь я должен просить тебя... – Аргрий вновь умолк, его языку явно было не под силу произнести то, что крутилось в голове.

– Дядя...? – обеспокоенно спросил Ферраций, теряя улыбку.

– С тех пор, как ты ушёл, всё сильно изменилось, – будто оправдываясь, возобновил оборванную речь Аргрий. – С превеликим сожалением, прошу тебя, ради собственного блага, тебе нужно покинуть этот город, и чем раньше, тем лучше. Мне сполна хватило утраченной надежды и смерти супруги, не хочу, чтобы была загублена и твоя жизнь.

– Загублена... моя жизнь? Подождите, что вы хотите этим сказать? – в недоумении спросил Ферраций, отступив от дяди.

– Вот уже несколько лет твой двоюродный брат занимает место в совете Альтэроса, а ты даже не представляешь, как он стал тебя ненавидеть и какую власть обрёл совет за годы твоего отсутствия. Едва Селуций вступил в него, как начался поток репрессий и казней. Ферраций, если твой брат застанет тебя здесь, тебя ожидает плаха, позор и клеймо измен-

ника, – предостерёг племянника Аргрий. Руки его, как и губы оплела судорога. Взгляд излучал тревогу.

– Честно признаться, меня мало заботит ярое желание Селуция братца избавиться от меня, я здесь совершенно по другим делам, – невзирая на предостережения, спокойно ответил Ферраций.

– Как же ты не понимаешь! Как бы я не пытался тебя защитить, мне это вряд ли удастся! – стоял на своём Аргрий, встряхнув племянника за плечи. – Моя власть уже не та, что прежде, – понуро ответил правитель.

– Дядя, перестаньте вести себя так, будто бы вы мне что-то должны, вы и так для меня сделали столько, что расплатиться и жизни не хватит! – парировал благодарственной улыбкой Ферраций.

– Это не повод вести себя так, будто твоя жизнь ничего не стоит! – упрекающее заявил Аргрий. Ферраций ощутил себя немного пристыжённым, но всё равно продолжал настаивать на своём.

– Я не могу уехать, не отдав соболезнований! Я пропустил её похороны, а потому обязан посетить её могилу! – твёрдость в словах Феррация, натолкнула старика на мысль не противостоять рвению племянника.

– Ферраций, не пойми меня неправильно, но сейчас не время для траура, тебе нужно как можно скорее покинуть Санхолд! – забота и мольба слышалась в голосе Аргрия. – Я всего лишь хочу уберечь тебя от беды, ближе человека, чем

ты, у меня не осталось, пойми же ты это. Ты уже сделал одну роковую ошибку, прошу, не совершай другой.

– Ошибкой будет, если я сейчас уеду! – мрачно процедил Ферраций. Аргрий долго смотрел на племянника, упорно борющегося с нарастающим, как свирепая океанская волна, раздражением.

– Я так понимаю, переубедить тебя мне не удастся, – с горечью утвердил предложение Аргрий, устало опускаясь на трон. Неуёмный взгляд Феррация ответил за него.

– Ты всегда был упрям до раздражения, – с чёрствой усмешкой недовольно буркнул Аргрий. – Тело твоей матери покоится в гробнице Змеинового хребта.

– Почему там? – остолбенел Ферраций. – Ведь там же давным-давно не проводят захоронений. Кто настоял, чтобы она покоилась там? – сердито спросил гость.

– Как бы странно это не звучало, она сама. Оставила письменное послание.

– Странно, на неё это совсем не похоже. Как она умерла? – наступал вопросами Ферраций. Поначалу Аргрий не хотел отвечать, дабы не ранить чувств племянника, но его пронзительно-требовательный взгляд вынуждал дать непременно́й ответ.

– Она отравилась, – потупив взор, мрачно ответил Аргрий, после напряжённого молчания.

– Этого не может быть! – не поверил Ферраций, разразившись гневом, предчувствуя обман. – Она..., она просто не

могла покончить с собой, я, не верю в это!

– Крепись, иногда люди совершают то, чего мы от них не ожидаем, – попытался успокоить племянника Аргрий. – В последнее время, ей было очень тяжело; она болела, часто вспоминала о тебе, её изводили мучительные кошмары. Прости, как ни старался, я ей, к великому сожалению, помочь не смог.

– Вашей вины здесь нет. Все беды свершились из-за меня. Если бы не моё самоуправство, не моя гордыня и гнев, подобного бы не произошло! – категорично заявил Ферраций.

– Ну что же ты такое говоришь?! Не пристало так осуждать себя! На тебе нет вины, Ферраций, мы не предостережены от потерь, и не в силах предвидеть их, – утешающий голос Аргрия и его проникновенный взгляд, казалось, проникал в самую душу. – Зачем ты упрекаешь себя в том, в чём...

– Дядя, прекратите, – хмуро посмотрев на правителя, перебил Ферраций. Ему было трудно выносить столь тёплый жалостливый до обжигания взгляд. – Может быть, и в смерти того стражника, моей вины нет? Может, стоило не вмешиваться и дать ему изнасиловать ту малолетнюю девочку, к горлу которой он приставил нож?!

– Может и стоило, это был твой выбор, и я не смею тебя за это осуждать. Ты бросился защищать нищенку, поставив на кон свой титул, твой поступок достоин почёта и восхищения, несмотря на то, что ты пошёл против закона, – с гордостью убеждал Аргрий.

– Когда я узрел всю грязь Санхолда, выползавшую каждой ночью на улицы и вечно обитавшую в тавернах и тёмных закоулках Квартала Бедняков, я был разочарован, ибо узрел истинное обличие города. Я пытался примириться с яростью, вызывавшей во мне, ибо бороться было тщетно. Но кроме черноты, которую несёт аристократия, я больше ничего не видел и, ни о чём, кроме этого, думать не мог. Я чувствовал себя обманутым и униженным всякий раз, когда просыпался с очередным похмельем. Но вино не утешило моё разочарование и беспомощность, оно только всё усугубило. Те люди в таверне, которых на площади засекли плетью до смерти, это ведь ты постарался, чтобы не пятнать мою честь, не так ли?

– Вино и ненависть затуманили твой рассудок! тем более, что те торговцы, которых ты зарезал, бесчестили город, а тобой поступиться я не мог, – заявил Аргрий.

– Поэтому я и покинул эти стены, вы простили мне это ужасное преступление, а я себе не смог..., не смог забыть побледневшие лица убитых, их стеклянные глаза, в которых застыл страх. До сих пор моё изуверство мне является в кошмарах, и в надежде забыть ту невыносимую боль, которой я добился своим хладнокровием и злобой, я уехал в Вэтфэльд. Но ничего не изменилось. Те же завистливые, алчные, пустые люди, ничем не отличимое пьянство, разврат, дебоши и убийства. Я ошибочно полагал, что став феодалом, сделаю счастливыми тех людей, которые будут мне подчинять-

ся... Но, к моему огромному сожалению, кроме кнута, кроме силы и бессердечности, они не понимают ничего! Из-за глупой идеи я лишился счастья, я лишился семьи... Дядя, того милосердного, верящего в небылицы юнца, которого вы знали, больше нет, гнев и жажда мщения уничтожили его лояльность в своём свирепом огне. Вы не задавались вопросом, почему я не прибыл на похороны матери? – спросил Ферраций. Аргрий потупил взор и молчал, находясь в тревожном напряжении.

– А стоит ли об этом мне знать? – потерев пальцами вспотевший лоб, произнёс безрадостно правитель.

– Решать вам, но услышать вы обязаны, ибо я нашёл того, кто отнял у меня семью и наказал его лучше всякого судьи и палача, – без намёка на сожаление признался Ферраций.

– Не думай, что рассказав о себе такое, ты заставишь меня переменить мнение о тебе, тот огонь, источающий яркий свет, не так-то просто поглотить тьме.

– Но я по-прежнему считаю, что вряд ли бы я смог удержать такую ответственность на своих плечах, – настаивал Ферраций.

– Нередко в сомнениях рождается истина и мудрость, – ответил Аргрий, положив племяннику руку на плечо.

– Только вот истина в том, что теперь единственное, что осталось у меня от них, кроме вины, это память и долг, – чуть ли не шёпотом удручённо протянул Ферраций.

– Не стану переубеждать тебя, со временем ты откроешь в

своём сердце ларец, в котором прячется истина. А пока оно не настало, ты должен сохранить свою жизнь.

– Дядя, после того, что случилось со мной, я не сильно ей дорожу. Три года назад я потерял сына и жену, которых любил, чуть ли не больше жизни, я не смог сберечь свою семью, что уж говорить про целый народ, – разочарованно произнёс собеседник.

– Напрасно. Жизнь – это бесценный дар, который не следует расточать понапрасну. Лично я клянусь себе едва ли не каждый день за то, что поставил под угрозу будущее Санхолда, – с самобичеванием признался Аргрий.

– Дядя, я не совсем понимаю, что вы имеете в виду? – растерянно развёл руками Ферраций.

– Эх, Ферраций, Ферраций, – с печалью в глазах вздохнул Аргрий. – Из тебя вышел бы прекрасный правитель, способный изменить будущее не только Санхолда, но и всего Альт-эроса, но ты отказался от этого, ты уехал, сделал неправильный выбор, уезжай и сейчас, не испытывай судьбу.

– Я никогда не верил в судьбу и вряд ли смогу. Эта власть мне никогда не принадлежала, поэтому я не жаждал её. Повелевать народом – означает служить ему, но служить прогнившему развращённому золотом, вином и похотью необразованному себялюбивому люду я не собираюсь! Всякая власть подобна проклятью, в конечном итоге за неё придётся заплатить, – заявил твёрдо племянник.

– Отчасти, может быть, ты и прав, но ошибаешься насчёт

людей. Не все они такие, какими ты их представляешь! Ты бы мог всё изменить, посмотри на рабов и плебеев, ты бы мог их освободить.

– А что даст им эта свобода? Поднявшись со дна, они захотят ещё большего! Этой свободы им покажется мало и тогда им понадобится власть. Зависть и жадность поглотит их души и испортит. И всё вновь вернётся на круги своя, – воззрения Феррация оказались по-прежнему непоколебимы.

– Так вот, где кроется истина, значит.... Теперь я осознаю, почему ты уехал... – с сожалением умозаключил Аргрий. Дотлевающий разговор прервал грохот распахнутой двери.

– Приветствую вас, отец, жаркий день сегодня выдался, не правда ли? – вдруг раздался звонкий голос молодого своеговольного мужчины. Высокий, стройный, с красивыми острыми чертами лица и чёрными, как вороново крыло, волнистыми волосами до плеч он нёс золочёную чарку вина. Обе руки увешивали тяжёлые золотые цепочки и браслеты, а пальцы украшали перстни с рубинами и жемчугом. Тело прикрывала алая тога с каштановой полосой, а стопы были обуты в просторные сандалии из коричневой кожи.

– Отец, вы случайно не знаете, что забыли люди Вэтфэльда в Санхолде, да и ещё на пороге нашего дома? – удивился с явным возмущением сын, отхлёбнув вина из чарки.

– Политика Вэтфэльда тебя мало чем касается, Селуций! – недовольно отрезал Аргрий.

– Ошибаетесь, отец, это касается меня ровно настолько, насколько и вас! – возразил Селуций. – Как-никак, я наследник. Может быть, представите своего гостя? – незатейливо попросил он. Ферраций, что стоял к двоюродному брату спиной, медленно повернул голову в его сторону.

– А стоит ли? – мрачно протянул он.

– Ч... что?! – потрясённо воскликнул Селуций, уронив чарку с вином. Казалось, злость сдавила его горло, дыхание свело, руки невольно задрожали, нездоровая бледнота напозла на лицо:

– Д... д...к...как?! К... как у...у т...тебя х...хватило н...наглости явиться сюда?! П...после т...того, ч...что ты сделал, как ты посмел!? – вскипев ненавистью, исцеляющей запинания, прокричал обеспокоенный наследник. – Отец, власть не должна быть в руках убийцы! Вы не смеете покрывать его злодеяния, он должен получить по заслугам! – трясясь от негодования, отчаянно заявил Селуций.

– Немедленно прекрати так себя вести! – потребовал Аргрий.

– А не то что, лишишь меня наследства и передашь всё ему?! – взгляд Селуция резал Феррация без ножа. – Но теперь это не так-то просто! Уж поверь, теперь ты здесь никто, а я имею голос в совете, за меня встанут крайне влиятельные люди, а ты... ты ничего не получишь! – одержимо говорил он. Маска гнева исказила лицо Селуция до неузнаваемости.

– Остынь, Селуций, я здесь вовсе..., – попытался убедить

разбушевавшеюся брата Ферраций, но это подогрело его бешенство ещё больше.

– Закрой рот! Ты не обманешь меня! – голос Селуция сорвался – слова наводнил визг. – Я надеялся, что ты издох в каком-нибудь кабаке, сгинул в канаве! Но нет, ты явился напомнить о своём жалком существовании и теперь стоишь тут, отравляешь воздух своим присутствием, намереваясь всё у меня отобрать! – точно обезумевший, на пределе возможностей кричал Селуций. – Отец, знайте, я не отступлюсь, я добьюсь, чтобы ему кроме плахи ничего не досталось! Я... – жуткие обещания Селуция оборвались кашлем.

– Пока я владею этим дворцом и восседаю на троне, ты не посмеешь натравить своих псов на моего племянника! – непоколебимо заявил Аргрий, привстав с трона. Взгляд его полыхал гневом.

– Неужели вы готовы влезть в петлю за этого... предателя? – не щадя свой голос, в недоумении прохрипел Селуций, прожигая взглядом ненавистного ему гостя.

– Закрой рот, заносчивый щенок! – окончательно разгневался Аргрий, покинув трон и подступив к непослушному сыну. – Кто тебе позволил так себя вести?! – одарив Селуция звонкой пощёчиной, произнёс недовольно отец, – Своим неподобающим поведением ты сейчас позоришь славное имя Эрогов. Думаешь, вступив в совет, ты имеешь право делать всё, что тебе заблагорассудится?! Если ты забыл, я так же принадлежу этому совету и пока я не преставился, моей

власти тебе не видать, как и этого дворца! – осуждающе посмотрев на Селуция, задыхающегося от злости, сурово произнёс Аргрий.

– Насколько же тебя могла испортить власть, что ты готов жизнь родного отца отдать на растерзание в руки палача? – с омерзением произнёс Ферраций. Горькое разочарование, презрение и злоба переплелись в том взгляде, коим он уколол Селуция.

– Ничего не желаю слышать от грязного отрока дворцовой суки! – сквозь зубы бросил разъярённо Селуций. После этих слов в его лицо врезался, облачённый в железо, тяжёлый кулак гостя.

– Ещё хоть раз, скажешь о ней такое, и я... – вовремя остановил угрозу, завертевшуюся на языке, Ферраций.

– И что ты сделаешь, ублюдок? – сам себе пробормотал Селуций. Слизнув кровь с разбитой губы, он взбесился пуще прежнего и, выхватив из-за пояса кинжал, принялся яростно размахивать им и кидаться, точно камнями, угрозами:

– Ты мне заплатишь за это, заплатишь своей головой, которую я утоплю в буйволином дерьме! Клянусь я....

– Довольно! Это уже переходит все границы, Селуций! немедленно брось кинжал! – разъярённо потребовал Аргрий. Стыд и ожесточение чётко прорисовались даже сквозь его морщины. По выражению лица Селуция было видно, что отступать он не намерен.

– Не бросайся словами понапрасну, братец, взял кинжал –

бей! – подзадорил Селуция Ферраций, чувствуя себя оскорблённым.

– Стража! – прогремел голос Аргрия, завибрировал от гнева и тревоги. Стражники вбежали в залу и поспешили на зов правителя.

– Я располосую тебе лицо! – завопил в исступлении Селуций, натравленный вынуждающей усмешкой Феррация и приближением стражи. Он отчаянно закричал и попытался вонзить искривлённое литое лезвие брату в шею, но тот с лёгкостью остановил удар, до боли сжав родственнику запястье.

– Ненавижу тебя! – поглощённый отчаянием, в слезах гнева кричал Селуций; безуспешно пытаясь вырваться, он обессилено обмяк и упал на колени. Подоспевшие стражники, взяли его под руки и опустили на колени перед правителем.

– Гм, гм... , как прискорбно и стыдно, – мрачно протянул Аргрий, нависнув над обезнадёженным сыном, как туча, мечущая стрелы молний, над горным отрогом. Селуций, дрожа всем телом, опустил голову, стесняясь своей слезливости. От злости он поджал губы; лишь тяжелое дыхание и сопение – единственные звуки, кои он издавал. – Предупреждаю тебя, – продолжил Аргрий с ясной угрозой, – если хоть что-то случится с Феррацием на Альтэроссе, произошедшее сегодня покинет эти стены, и тогда, обещаю тебе, пощёчиной ты не отделаешься! А теперь уберите это позорище с глаз моих! – приказал правитель, усердно скрывая за раздражением

ядовитое разочарование.

– Иногда мне кажется, дворцовая шлюха удостоена большего, чем этот напыщенный самохвал, – негодованием прикрывая усталость, прохрипел Аргрий. – Страшно представить, что станется, если совет наделит его моей властью, – удручённо протянул он.

– Остаётся надеяться, что это случится нескоро, может быть, он всё-таки наберётся уму-разуму, – утешил старика Ферраций, не испытывая ни грамма веры в сказанное.

– Ох, если бы подобное чудо свершилось.... – усталость, проникшая в голос Аргрия, взяла вверх над его стремлением выглядеть сильным и полным сил. Правитель болезненно приложил руку к сердцу. Оно заныло так, что защемило в груди.

– Дядя, как вы?! – обеспокоенно подскочил к Аргрию Ферраций. Старик заботливо взял его ладонь и воззрился на него с каким-то тайным благоговением и радостью. Боль отступила, напряжённые мускулы лица расслабились.

– Твоя мать была мудрой женщиной, а её доброте можно было лишь завидовать, я соболезную твоей утрате, признаться, мне её тоже не хватает, – уронив слезу, чистосердечно прошептал Аргрий, подобно грешнику, раскаивающемуся на исповеди. – Без неё этот дворец как-то сильно опустел, будто бы лишился какой-то теплоты, неизведанной частички живого что ли...., эта потеря невозполнима. И теперь, когда Селуций знает, что ты был здесь, он, поверь, не отста-

нет. Проведай могилу своей матери и, умоляю тебя, мальчик мой, как можно скорее покинь страну! Не прожигай жизнь впустую, пока ещё не поздно начать всё заново, – не скрывая слёз, говорил Аргрий, превращая напутствие в просьбу.

– Дядя, простите, что не оправдал ваших надежд, – расстроено ответил Ферраций. Аргрий проникновенно взглянул племяннику в глаза и погладил его по голове, будто в последний раз видел его.

– Не извиняйся за принятые тобой решения, просто живи и будь счастлив, – с повелением ответил Аргрий.

– Спасибо вам огромное за ваше добросердечие, – не сумев найти иных слов, благодарственно изрёк Ферраций. Молча застыв на месте, племянник и дядя не желали расставаться. Оба были стойко уверены – это последний раз, когда они видят друг друга, потому прощание давалось чрезвычайно нелегко. Казалось, уйти – значит, сойти с постамента в горячий пепел и навсегда сгинуть в его серых душащих волнах.

Слёзы подступили к горлу Феррация, потому он не стал копаться в мыслях, в надежде подобрать нужные, как ему казалось, слова. Отвесив глубокий поклон, он резко развернулся и, не оборачиваясь, скорыми шагами направился к выходу. Прощание с дядей, оставило жгучий отпечаток на его душе.

– Ступай с миром и пусть выбранный тобою путь принесёт тебе только счастье, – проводив Феррация остывшим пе-

чальным взглядом, прошептал Аргрий, будто вместе с любимым племянником наступала бесконечная ночь, с которой утекают последние ручьи жизни.

Змеиный хребет, к которому направлялась свита Феррация, извиваясь, тянулся к Архадийским горам в десяти милях на юго-восток от восточных ворот Санхолда. Алые стяги с золотыми восстающими львами, развиваемые ветром на высоких неприступных городских стенах остались позади.

На небесном полотне изредка плыли, словно опустевшие лодки, разорванные белоснежные облака. Как будто по волшебству они избегали затенения раскаленного ослепительного шара, лишь крайне редко, словно по неосторожности, подставляя свои края под потоки расплавленного солнечного янтаря.

Пологие серпы барханов неустанно вздымались на горизонте, отливая золотом в обжигающих лучах беспощадного светила. Кони, специально выведенные для здешнего климата, с трудом продвигались по занесённой песком дороге. Вскоре пологий подъём закончился, и перед свитой открылась бесплодная равнина с вздымающимися гребнями песчаных холмов, выстроенных в длиннющие цепочки. С каждой минутой, желтевшие в лучах неумолимого солнца мёртвые скалистые горы, становились всё больше и больше. Обогнув их и преодолев очередную цепочку дюн, свита предстала перед полуразрушенными треснувшими колоннами, мас-

сивные верхушки которых обвалились на похороненную толстым слоем песка дорогу.

– Милорд, дальше повозка не пройдёт! – сообщил ямщик, остановившись у груды камней.

– Что ж, не беда, – спокойно отозвался Ферраций, покинув повозку и утерев сырым платком беспрерывно льющийся по лицу пот.

Вольный ветер, носящийся над бесплодными золотыми холмами, срывал с них крупницы песка и кружил ими, будто бы нарочно пытаясь уколоть глаза неожиданных гостей. Ряд колонн, что вёл к ступеням, оканчивался грандиозными статуями загробных стражей – мускулистых львиноголовых мужей, облачённых в рельефные кирасы и вооружённых копьями. Трещины, подобно узорам, покрыли эти исполинские фигуры, некогда вызывавшие восторг и изумление.

– Даже сложно поверить, что здесь когда-то бывали люди, – грустно произнёс Ферраций, посмотрев сначала на безрукого каменного стража, а затем на его брата с отколотой головой. Казалось, эти статуи были настолько хрупкими, что могли с лёгкостью рухнуть под гнѐтом завывающего пустынного ветра.

За стражами сразу же начинались занесѐнные песком ступени, ведущие к гробнице, вход в которую был высечен в камне. Его украшала ребристая горизонтальная арка. На колоннах, что держали её, были выгравированы львиные морды, расписанные своеобразным алым и золотым орнамен-

том, давно выцветшим и утратившим свою поразительную целостность. В просторном коридоре, пролежавшем в глубине хребта, царили мёртвая пугающая тишина и душный знойный воздух, как губка пропитанный пылью и песком. В это мрачное, забытое место не проникал солнечный свет. В ветвящихся трещинах зловеще шумел неугомонный ветер.

Вскоре один за другим вспыхнули, разорвав беспросветную тьму, огни факелов. Горящее масло слегка притупило бродивший по забытой зале затхлый тяжёлый запах могильный захоронений.

– Не нравится мне это место, уж слишком оно жуткое, – встревожено сказал один их стражников, как можно ближе держась к разбивавшей коридор надвое чередой колонн с изрядно обветшалыми арками, спрятанными под самым потолком.

– Успокойся, здесь кроме тишины и пыли, ничего нет! – твёрдо заявил командир, пнув лежавший возле него небольшой камень. Тот с глухим хлопком ударился о стену с захоронениями, а потом звонко шлёпнулся на глиняную плитку.

– Тише, проявите уважение к этому месту, – попросил Ферраций, неспешно ступая вглубь гробницы. Вдруг где-то в неразличимой темноте раздался странный скребущийся шорох.

– Хм... должно быть показалось, – не вдаваясь в подробности стражник, смахнув со лба щиплющий глаза пот.

– Ты что-то сказал? – переспросил его командир.

– Да так... померещилось, – бросил в ответ мужчина, захрустев сапогами по песку.

– Ну-ну, – хмуро пробурчал глава охраны, шаркнув латыными сапогами по глиняной плитке.

– Проклятье! Темно как в заднице, – выругался другой стражник, споткнувшись об обломок колонны, который будто нарочно притаился в непроглядном мраке. А меж тем в темноте оживлённо заскреблись и зашуршали чёрные скорпионы. Они с особой осторожностью, сужая полукруг, следовали за непрошенными гостями, избегая тусклых языков пламени, что изливали потрескивающие факелы. Растворяясь во тьме, во взбудораженном плотном скорпионьем марше плавно переплывала неуловимая угольная вуаль, сопровождаемая матово-чёрной игриво извивающейся дымкой. Мужчины, не подозревая о надвигающейся опасности, шли в конец залы. Вскоре ячеистая стена захоронений преградила им путь.

– Мама, вот я и пришёл, – частично расставшись с гнетущими мыслями и чувствами, прошептал Ферраций, усердно пытаясь отыскать гроб с останками матери.

– Что это за звук? Вы... вы его слышите? – вновь насторожился стражник, пристально вглядываясь в жидкую, что чернила, темноту и тревожно размахивая во все стороны факелом. Хитрые скорпионы резко затихли, не давая преждевременно себя обнаружить.

– Там ничего нет, расслабься, – легонько ударив его под

бок, усмехнулся товарищ.

– Хух и вправду... эта чёртова жара меня просто убивает, – устало выдохнул мужчина, не переставая с беспокойством оглядываться по сторонам.

– А мне кажется, я тоже слышал какой-то шорох? – опешил другой стражник.

– Давайте вы ещё в сапоги помочитесь! хуже баб себя ведёте, вас послушать, так тишина щекочет нервы! Пфф... позор и только, – возмутился командир, нахмутив брови.

– Вот, вот же снова, слышите? – встревожился стражник, заслышав шорох, со спины.

– Ха-ха-ха, испугаться скорпиона, это надо же! – надменно рассмеялся командир, после чего, сморщив лицо, он раздавил беспомощную зверушку, размазав её внутренности по плитке. – Не благодарите меня, – высокомерно ухмыльнулся мужчина, похлопав обескураженного соратника по плечу.

– Разрази меня гром! – воскликнул озлобленно Ферраций, ударив по стене кулаком. – Её здесь нет.

– Милорд, то есть как нет? – опешил один их охранников.

– Включи голову, кретин! Тела его матушки не здесь похоронено, – разъяснил командир.

– А это не есть хороший знак, – забеспокоился Ферраций, осветив разграбленные могилы.

– Похоже, кто-то здесь что-то искал, – предположил один из стражников.

– И, наверняка, нашёл, – добавил глава охраны, с омерзе-

нием взглянув на разорванное тело в сломанном гробу.

– Опять этот шорох! – заявил стражник.

– Я тоже его слышу, – поддержал его соратник.

– Кто бы нас сюда не направил, он явно рассчитывал на то, что мы попадёмся! – умозаклучил командир охраны.

– И в этом не приходится сомневаться, – согласился Ферраций. Нужно немедленно убираться отсюда! – приказал он, резко повернув обратно, но едва он ступил во тьму, разрывая её полотно брезжащим тусклым огнём факела, как тут же отпрыгнул обратно.

– Пресвятой Тэктэрий, что здесь творится?! – обнажив меч, удивлённо воскликнул Ферраций. Скорпионы, угрожающе щёлкая клешнями и скребясь по глиняному полу, отрезали незваным гостям путь из гробницы. Тем временем в разорённых могилах зазвучало усиливающееся недовольное жужжание.

– Быстро всем наружу! – предчувствуя сковывающее сознание опасение, распорядился Ферраций, разгоняя упрямых недружелюбных членистоногих горячим факелом. Скорпионы в страхе разбегались перед опаляющими опасными языками безжалостного пламени. Из ячеек для захоронений, словно ядра из пушек, стали вылетать рои разъярённых мух, сливаясь под сводами гробницы в единый бешеный поток. Словно ураган пронёсся он меж мужчин, отступавших через ложе скорпионов к выходу. Мухи, будто бы по приказу какой-то неведомой силы, облепили собой факеле-

лы и плотным облаком затмили выход из проклятой гробницы, через который, даря надежду на спасение, проникали солнечные лучи.

Стражники, охваченные паническим страхом, побросали факелы в стороны и со всех ног бросились бежать, отбиваясь от кровожадных назойливых насекомых. Под их ногами скреблись и шуршали, потрескивая, словно тлеющие головёшки, скорпионы, которые пот тяжестью латных сапог обращались в хлюпкую кашу. И когда до спасительного выхода оставалось рукой подать, неожиданно что-то невидимое пронеслось мимо людей, сбивая их с ног одного за другим. Скорпионы и мухи, подобно голодным безжалостным псам, набрасывались на свою добычу, стремясь облепить стражникам лицо и зажалить их до смерти. Командира охраны неведомая тёмная сила, обвинившись цепью вокруг его голени, через расселину в полу уволокла в небольшую мрачную яму. Болезненно держась за ушибленную при падении поясицу, мужчина с трудом поднялся с песка и облокотился на каменную стену. Всё его тело горело от яда.

– Что эта за невыносимая вонь! – зажав ладонью нос, воскликнул с омерзением стражник. Вдруг на его голову, как орехи, начали сыпаться скорпионы. Мужчина стряхнул их и попятился навстречу отвратительному зловонию. В следующий момент под ногами стражника хрустнули гнилые кости, а затем он оступился о камень и потерял равновесие. Копыщащиеся в ногах скорпионы, проворно бежали по сгнившим

трупам к своей добыче, как на званый пир.

– Мерзопакостные твари, вам меня не взять! – заявил отчаянно стражник, прижавшись к стене и усердно топчa неугомонных одержимых членистоногих латными сапогами.

– Сдохните, сдохните! – иступлённо кричал мужчина, из последних сил отбиваясь от нескончаемого потока скорпионов. Внезапно угольно-чёрная вуаль вскружила высохшие останки мертвецов и необычайным образом начала связывать их друг с другом. Стражник обомлел перед этой картиной. Казалось, он был очарован тёмной энергией этой мистической вуали. Через несколько секунд перед мужчиной стоял костяной воин, объятый, будто расплавленным металлом, угольно-чёрной энергией, которая слабо сияла серебристо-фиолетовыми извитыми узорами. Едва мертвец развёл руки в стороны и скорпионы стали наползать на него и образовывать подобие хитинового доспеха, как командира охраны сковал неуёмный страх. Левая рука чудовища благодаря тёмной энергии обратилась в массивную саблеподобную клешню, а его хрупкий череп, скрыли верные членистоногие. Они приняли особое расположение, выставив хвосты по бокам головы и нижней челюсти, вследствие чего вид ожившего мертвеца получился поистине ужасающим. Чудовище прильнуло к перепуганному до безрассудства и дрожи мужчине, издав хриплое гортанное рычание. Командир стражи вжался в скалу, как провинившийся ребенок, ожидающий жестокой порки. Монстр усмехнулся хрипящим глухим ба-

сом и засунул руку бедолаге в рот, терпеливо дожидаясь, когда скорпионы заполнят его желудок, после чего, с жутким упоенным смешком, вырвал ему язык.

Неторопливыми шагами чудовище, с глухим хрустом раздавливая грудные клетки скованным параличом стражникам, двигалось к выходу из гробницы, волоча за собой кнут, звенящий металлическими изогнутыми с обеих сторон, словно когти, вертикальными лезвиями. Скорпионы покорно следовали за монстром, подобно плебеям, беспрекословно потворствующим своим владыкам. Едва лучи солнца упали на атласную хитиновую чешую существа созидающего неуёмный страх, как он издал душераздирающий надломленный рык. Как только этот кошмарный звук коснулся слуха выживших стражников, то поверг их робкие сердца в панический ужас. Мужчины, скованные необъяснимой тёмной силой, ослаблено попадали на песок. Из язв, образованных укусами мух и скорпионов брызнул жгучий зеленовато-жёлтый ихор.

– Ферраций Эрог, мой владыка жаждет заполучить твою душу! – надломленным глухим басом угрожающе заявил монстр, прервав гимн вольного ветра металлическим звоном демонического кнута. В следующий момент из-за песчаных холмов взвился рой кровожадной саранчи. Слово грозовая мрачная туча он затмил солнце, нависнув над бедолагами. Вскоре разъярённые изголодавшиеся по крови насекомые, призванные будто бы из самой омерзительной темней-

шей бездны, набросились на изнурённую немощью и болью добычу.

– Чувствуете этот сладкий аромат ужаса, напитавший воздух? – вкушая людские страдания, упоённо произнёсло тёмное существо. Проходя мимо стражника, кричащего от невыносимой боли, причиняемой ему безжалостными укусами саранчи, Вестник Ужаса взмахнул кнутом и одним могучим ударом разорвал тело мужчины на два неровных окровавленных куска. Его соратника, лежавшего неподалёку, ожидала та же участь. Другой стражник, увидев жестокую расправу, попытался подняться с земли, но слабость подобно цепям крепко-накрепко сковала его мускулы. Чудовище зловеще усмехнулось, нависнув над обречённым на страшную смерть несчастным мужчиной. В исступляющем потрясении он заглянул в источавшие мрак жёлтые глаза монстра, прежде чем его голова, как орех, была расколота клешней пополам. Другой стражник, найдя в себе силы, обнажил меч и, едва стоя на трясущихся ногах, был готов дать отпор неведомой тёмной силе.

– Глупец, – надломлено прохрипело чудовище, замахнувшись кнутом. В следующее мгновение осколки стали, ошметки черепа и кусочки разорванной плоти взметнулись в воздух, а то, что осталось от мужчины шлёпнулось в бордовую лужу, быстро поглощённую жадным песком. Следующим на очереди оказался Ферраций. Невредимый, будто невидимый щит охранял его от отравленных укусов насеко-

мых, он бесстрашно стоял в рое саранчи. Бежать не осталось сил, тёмная аура Вестника Ужаса высасывала их ежесекундно: каждый шаг, казалось, увязал в песке, дыхание сводило, перед глазами мерцали разноцветные пятна, сознание клонило в сон. Ферраций храбро встретил Вестника Ужаса, несмотря на его пугающий до беспамятства облик. Едва держась на ногах и с трудом удерживая в немеющей от бессилия руке меч, мужчина отразил атаку чудовища. Со звоном клинок Эрога застрял меж створок клешни.

– Владыка Вельзус будет несравненно рад, заполучив твою душу, – жутко прохрипел монстр, дыша смертью своей жертве в лицо. Затем он обломил клешнёй меч и, схватив Феррация за горло другой рукой, приподнял его над землёй.

– Немедленно отпусти его! – раздался угрожающий приказ за спиной Владыки Ужаса. Неохотно расставаясь со своей добычей, чудовище медленно повернулось к бесстрашной девушке, посмевавшей бросить ему вызов. Стройное тело воительницы оберегала коротко-рукавная кольчуга с отливавшими загадочным голубым блеском чешуйчатými наплечниками и юбкой, закрывавшей две трети бедра. Кроме этого, на руки были надеты кожаные наручи с серебряными узорами, а ноги защищали высокие кожаные сапоги, усаженные пирамидальными шипами по бокам. Молодое привлекательное белоснежное лицо девушки увенчивало несколько шрамов. Собранные в хвост соломенно-жёлтые волосы и золотистые густые брови идеально гармонировали с зоркими голу-

быми глазами, небольшими губами и острым носом. Таинственная магия, исходившая пульсацией от голубого плаща с золотым солнцем, от которого тянулись языками света, подобно щиту сдерживала атаки саранчи.

– Сначала я разберусь с ней, а потом займусь тобой, – зарывчав от недовольства, пообещал Вестник Ужаса, отбросив Феррация на песок.

– Не имею ни малейшего понятия, как ты попал сюда, Гиадэльдар, но лучше бы ты оставался в бездне и развлекал своего господина! – грозным тоном сказала девушка, нацелив долотообразный наконечник копья на чудовище.

– Глупая жричка, даже не думай остановить меня этой игрушкой! – надменно усмехнулся Гиадэльдар, подняв с земли кнут. На лице воительницы скользнула мимолётная ухмылка, после чего руны на её зачарованном серебряном копье засияли солнечно-жёлтым светом. В следующее мгновение демонический кнут, испуская языки тьмы, обрушился на место, где стояла воительница. Из-за того, что она будто бы растворилась в воздухе, вместо ожидаемого триумфа, Гиадэльдар лишился руки. Следом пронёсся мощный разряд голубой молнии, окутавший тело чудовища. Поджаренные скорпионы попадали на землю, и едва Вестник Ужаса прижал обрубок руки к груди, как трупы членистоногих обратились в чёрную смолу, стекающую к ногам хозяина.

Воительница, не решаясь подойти к тёмному созданию, бросила в него заряженных голубыми молниями пару ма-

гических дисков – чакрам, разрезавших монстру позвоночник. В воздух взметнулись мельчайшие кусочки чёрного стекла, плывущие в призрачных языках тьмы, изливавшихся из разрубленных костей и окутывавших всё тело. Тёмная энергия не позволяла ужасному порождению бездны пасть. Внезапно облако саранчи окутало своего хозяина и, вспыхнув фиолетовым огнём, обратилось в густой чёрный дым с мигающими лиловыми завитками. Чакрамам была неподвластна эта тёмная преграда.

Через некоторое время ветхое костяное тело Владыки Ужаса оказалось закованным в массивные чёрные доспехи с гравировкой в виде различных насекомых. Из-за зловещего рогатого шлема, похожего на морду жука усача, донёсся жуткий демонический хрип. Затем Гиадэльдар зазвенел крюкастыми когтями и, создав в ладони сгусток пламени, переливавшийся сиреневым и чёрным огнями, швырнул его в сторону жрицы. Девушка ловко увернулась от раскалённого шара, который, приземлившись, разлетелся на сотни горящих капель, взметнув в воздух облако песка и угольно-серой пыли в виде черепа. Воительница, не став дожидаться следующей атаки чудовища, бросила в него чакрам, но тот лишь со звоном отскочил от демонического доспеха и упал к ногам монстра.

– Ты только отсрочиваешь неизбежное, – исступлённо рассмеялся Вестник Ужаса, создав в ладони второй раскалённый демонический пламень и швырнув его в сторону

жрицы. Взрывающиеся шары один за другим срывались с руки Гиадэльдара, пытавшегося разнести изворотливую мишень на кусочки. Но смерть, носившаяся рядом, словно не желала обрывать жизнь воительницы. В конце концов, с трудом пробравшись через уходящий из-под ног песок и избежав смертоносного демонического пламени, бесстрашная жрица скрестила копьё с массивной клешнёй соперника. Гулкий загадочный звон и всплески золотых искр сопровождали мощные напористые удары искусной фехтовальщицы. Вестник Ужаса умело отражал атаку за атакой, обрушивая на соперницу демонический кнут, изливавшийся жгучими языками тьмы. Воительница, всякий раз избегая свирепых смертоносных нападений порождения бездны, тут же контратаковала, но раз за разом, она получала достойный отпор, заставлявший её немедленно отпрянуть от ужасного монстра.

– Твоя песенка спета, птичка! – торжественно заявил Гиадэльдар, просчитав последующее движение жрицы и крепко-накрепко ухватив край копия клешнёй.

– Не дождёшься, – бросила ему в ответ воительница, обломив лезвие и вонзив повреждённое оружие, заряженное золотыми молниями, Вестнику Ужаса в грудь. Чудовище иступлённо оглушительно рыкнуло и выплеснуло из своего тела, извивавшиеся подобно корчащимся в агонии душам, клубы чёрного дыма, обрамлённого фиолетовым мистическим блеском. На мгновение жар бездны лилово-пурпурным пламенем окутал Гиадэльдара, обратив песок под его ногами

в хрупкое чёрное стекло. Вспорхнувшие, будто бабочки, от развеявшегося дыма горячие сиреневые искорки стали оседать на землю. Воительница вовремя отскочила от порождения тьмы и прикрылась плащом от надвигавшейся раскаленной бури.

– Скоро от тебя останутся такие же обрывки, как и от твоего плаща, – грозно заявил Вестник Ужаса, вырвав из груди потухшее копьё и бросив его возле ног. Затем он принялся яростно размахивать кнутом во все стороны. Однако девушка не дрогнула перед беспощадным тёмным созданием. Она выждала момент и, сделав сальто с последующим перекатом, подняла сломанное оружие и, отскочив от соперника, заблокировала приблизившуюся атаку. Удар был такой мощи, что подбросил жрицу в воздух и отбросил на несколько шагов. Воительница, несмотря на боль, быстро поднялась с песка и нацелила обломок копья на Гиадэльдара, который надменно усмехнулся и вновь готовился к наступлению. Девушка тихо произнесла заклинание на демоническом языке и её глаза тут же засияли нежно-голубым огнём. Все мускулы тела напряглись и увеличились, а по венам запульсировал слабый синеватый свет. Лазоревое пламя объяло руны на копьё и образовало одно долотообразное острие с белоснежными рунами, а другое в виде клюва с чёрными узорами, источавшими эфемерную тёмную дымку.

– Что это такое? – подумал про себя Вестник Ужаса, сомнительно шагнув навстречу непоколебимой воительнице,

он продолжал размахивать кнутом. Только в этот раз каждый взмах, создававший свист с загадочным металлическим призвуком, тянул за собой плотную вереницу песка, вливавшуюся в нараставший смерч. С боевым кличем, вмещавшим в себя отголоски демонического рыка, жрица бесстрашно бросилась под удар. Едва кнут и копьё встретились, ширившаяся буря в мгновение ока развеялась, а из места удара вырвался ослепительный лазурный свет и тонкие веточки чёрноты, тянувшиеся к небу. Далее последовал удар, со скоростью почти неуловимой для глаза человека, который разрезал демонический кнут, словно бритва бумагу. Отрезанная часть оружия сразу же обратилась в чёрный песок и растворилась.

– Откуда... откуда у тебя это копьё?! – взревел от ярости Гиадэльдар, ошеломлённо отступив от соперницы. Жрица, будто была под гипнозом, и единственной её целью было уничтожение врага. Она резко приблизилась к Вестнику Ужаса и стала неустанно наносить ему быстрые нечеловеческой силы удары. Чудовище с трудом сдерживало бесконечную серию атак. Металлический треск, исходивший от ломавшейся клешни и доспехов, вдруг неожиданно оборвался. Монстр, тяжело обессилено хрипя, упал на подрубленные колени. Могучий противник с ног до головы был изранен горящими лазурным огнём глубокими порезами. От его тела исходили тонкие чёрные языки, которые, извиваясь и тая, тянулись к небу и бесследно исчезали. Жрица предста-

ла перед ослабленным врагом и замахнулась копьём для финальной атаки. Гиадэльдар выставил навстречу магическому копью клешню, в надежде избежать поражения. Но оружие, словно двигаясь по воде, беспрепятственно рассекло помеху, а следом за ней и голову чудовища. Тело сокрушённого противника вспыхнуло лазоревым пламенем и медленно обращалось в угли, от которых начали отделяться мелкие чёрные песчинки. Они хаотично поднимались в воздух и бесследно испарялись. И когда уже от порождения тьмы почти ничего не осталось, Ферраций почувствовал, как немощ сняла с него оковы. Постепенно к нему вернулись силы, и он смог твёрдо встать на ноги. Неожиданно жрица угрожающе посмотрела на него и, будто скользя по воздуху, подступила к выжившему, наставив пылающее лезвие ему между глаз. Ферраций даже не дрогнул при виде смертоносного оружия. Воительница удивлённо посмотрела в пустые отрешённые глаза мужчины. Она не просто чувствовала, что в стоящем перед ней человеке нет ни малейшей крупинцы страха, она точно видела его на изнанку, его опустошённую безучастную душу, из которой как будто похитили все чувства и эмоции. Тут нежно-голубое свечение глаз жрицы прекратилось, а тело вернулось в естественную форму. Жрица резко опустила обломанное копьё и ослаблено припала коленом на песок.

– Убери руки! – грозно приказала девушка, едва мужчина попытался помочь ей встать.

– Что это было?! – потребовал разъяснений Ферраций, не

отрывая пристального взгляда от воительницы.

– Меньше знаешь, дольше живёшь, – раздраженно бросила в ответ незнакомка, распутив загрязнённые песком волосы. Вскоре к Феррацию начали возвращаться чувства и эмоции.

– Это существо убило всех моих людей, заявив, что ему нужна моя душа для какого-то там владыки Вельзуса, но тут появилась ты, убила его и не хочешь мне объяснить хотя бы малейшую долю произошедшего!? – возмутился Ферраций.

– Ты задаёшь вопросы, на которые тебе не следует знать ответы! – категорично заявила девушка, угрожающе взглянув на собеседника. Затем она подняла с земли чакрам и, приблизившись к Феррацию, приложила к его лбу указательный палец.

– Что ты...? – не успел договорить мужчина, увидев горящие голубые радужки жрицы. Его разум будто бы канул в забвение.

– Ты ничего этого не видел, едва вы вышли из гробницы, как на вас напали разбойники, ты единственный, кто выжил. Удручённый смертью своей свиты, ты отправился обратно к повозке. Но, не дойдя до неё нескольких шагов, ты оступился, утомлённый жарой и потерял сознание, – твёрдо произнесла воительница. Потом она убрала палец от вспотевшего лба Феррация и ударила его кулаком в челюсть. От чего мужчина в беспамятстве упал на песок и отключился. Когда он очнулся, над его лицом навис обеспокоенный ямщик, тут

же расплывшийся в улыбке.

– Как же я счастлив, что вы живы! – с трепетом воскликнул он, помогая хозяину встать на ноги.

– Что случилось? – болезненно потирая затылок и подбородок, спросил, поднявшись, Ферраций. Мир плыл перед ним.

– Вы шли к повозке, а потом неожиданно упали.

– Должно быть от жары, – предположил Ферраций, – а где все остальные? – удивился он. Ямщик пожал плечами. – А чёрт, разбойники..., кажется, начинаю припоминать.

– Милорд, на вас напали? Вы не ранены? – забеспокоился извозчик.

– Не беспокойся за меня, на мне ни царапины, а вот моя свита, – горько прошептал Ферраций, потупив взор. – Их тела следовало бы похоронить.

– Милорд, боюсь заниматься этим сейчас крайне опасно и безрассудно, надвигается буря, – высказался извозчик, указывая на приближавшийся с запада песчаный вихрь, сопровождаемый черной полосой на горизонте. В безысходной смирённости Ферраций потёр голову ладонями и с печалью в голосе распорядился:

– Ладно, мёртвых не воротишь, садись, мы возвращаемся в Санхолд. Переждём бурю, попросим несколько стражников сопроводить нас до границы, а после вернёмся в Вэтфэльд, а то уж слишком эти дороги небезопасны. И ещё, помоги мне снять доспехи, а не то этот проклятый песок мне

житья не даст! – поёжившись, попросил феодал.

Уже ближе к вечеру, когда чернота оставила небо, и оно заалело, а солнце почти утонуло за холмами барханов, из-за ворот Санхолда, направляясь к северной границе Альтэроса, выехала повозка, сопровождаемая шестью всадниками. Ферраций Эрог долго сидел в грустных раздумьях, пока на пустыню не опустилась ночь и дремота, опутавшая его сознание, не обратилась в крепкий глубокий сон.

Глава 9

Полдень. По лазурному небосклону ползли пузатые взбитые тучи, изредка затмевая своей громоздкостью солнце, чьи лучи усердно пытались прогреть промозглую землю. В округе веяло сыростью и тянуло смешанным запахом жженого дерева. Прохладный ветер, недавно сорвавший пёстрый осенний наряд деревьев и кустарников, играл всё ещё мокрыми стягами Вэйтстоун, разнося при этом пышные плотные белые клубы дыма. Топились бани.

Городские улицы были, как никогда оживлены. Возле торговых лавок толпился суетливый народ. Купцы, перекрикивая друг друга, всячески пытались привлечь внимание покупателей к своим товарам – велась ожесточённая борьба на торговой площади. На узких улочках телеги едва двигались с места из-за непрерывного потока людей.

– Как раненых при Ингбарде! Проклятый банный день! – ворчал Бромар, с ярым негодованием посматривая на торопящихся простолюдинов.

– Всё, надоело, я больше не могу здесь сидеть! – сердито буркнул советник. С озлобленной гримасой он выпрыгнул из повозки, едва не выбив дверцей дух из проходящего мимо горожанина.

– Милорд, постойте, куда же вы! – взволнованно крутятся на месте, окрикнул советника кучер, отчаянно махнув ру-

кой ему в след. Бромар быстро растворился в толпе. Ругаясь, он с трудом протискивался через неё, небрежно расталкивая всех на своём пути. Наконец, он вырвался из горлопанящего моря горожан и свернул в первый попавшийся на глаза переулок, где, не пройдя и нескольких шагов, тут же столкнулся с нищим. В рваной испачканной рубахе, босой, заросший тёмными волосами и бородой, мужчина немощно шлёпнулся на землю.

– Смотри куда идёшь! – сердито рявкнул Бромар, отряхивая камзол.

– Простите, милорд, – хриплым басом протянул нищий, в судорогах припав ниц.

Бромар с презрением посмотрел на бродягу и испуганно отскочил в сторону, увидев у него на руках пурпурные нарывы и лиловую сыпь вокруг них.

– Пресвятые отцы, что с тобой такое!?! – сморщив лицо не то от омерзения, не то от опасения, воскликнул советник, осторожно обступая больного.

– Больно, очень больно, – внезапно забормотал изнеможённый бродяга. Казалось, его рассудком завладели какие-то сторонние силы. Внезапно нищий разошёлся сдавленным хрипом, будто вокруг его горла затягивали невидимую петлю. Затем его тело пробила ужасная судорога, он упал на спину и скорчился в муках, закатив глаза и захлёбываясь кровяной пеной. От боли он разрывал своё исхудавшее изъязвлённое тело обломанными ногтями. Из глубоких ран со-

чилаь кровь со сгустками фиолетового гноя. Бромар, затаив дыхание от потрясения, недвижимо наблюдал за муками несчастного, загородившего собой тесную дорожку. Вскоре приступ оставил бродягу, и он пришёл в себя. Еле-еле поднявшись на ноги, походя на ожившего мертвеца, он обессилено попросил о помощи. Но Бромар, застыв от увиденного, вжался в холодную каменную стену. Бусины пота покрыли его лицо, мечущиеся по сторонам глаза наводнил страх.

– Помогите, помогите мне! – протягивая руки к советнику, умолял нищий, истекая кровью.

Бромар одёрнул полу камзола трясущимися руками, когда бродяга попытался до него дотронуться. Советник хотел позвать на помощь, но ужас лишил его дара речи, точно заклеив рот. На дрожащих губах несвязным бормотанием осыпалось всякое слово.

– Боль, невыносимая боль, помогите, мне так больно, помогите! – точно в бреду, зазывал нищий, упав на колени и схватив советника за ногу. Бромар пытался вырваться, но напряжённые сухошавые руки крепко сдавили ему бедро. Оставив безуспешные попытки, советник зажмурился в преддверии самого ужасного.

– Умри мерзкое отродье! – вдруг раздался гневный голос стражника. В следующее мгновенье первым взмахом гвизарды он отсёк больному обе руки, а вторым – перерубил ему голову, как сгнившую тыкву.

– Милорд, с вами всё в порядке? – поинтересовался

стражник у побелевшего от ужаса советника. Казалось, мускулы его лица одеревенели и выражение страха – единственное, что они могли изобразить. В его взгляд закралась леденящая душу пустота, нижняя губа приоткрытого рта невольно дёргалась, как и левая бровь.

– Милорд?! – тревожно переспросил стражник, точно невзначай, легонько коснувшись напряжённого плеча советника. Лицо Бромара мало-мальски оживилось: он судорожно сглотнул, смахнул с лица пот, ощупал лоб, нос, губы, щёки, подбородок и шею. Мужчина будто вернулся с того света и всё ещё не верил этому. Он ошарашено взглянул на стражника, затем на мёртвого нищего, распластавшегося в луже крови.

– Д... да, – с трудом ответил Бромар на ранее прозвучавший вопрос. Ему всё ещё было тяжело говорить из-за потрясения – слова застывали на языке.

– Милорд, вы не ранены? – продолжал донимать вопросами советника настойчивый стражник. Настроен он был тревожно, потому не разжимал древка гвизарды.

– Святой Галавар, нет! Это его кровь! – крикнул в ответ Бромар, будто оглушённый взрывом. – Что... что с ним такое?!

Ответом стало напряжённое дыхание стражника и бряцанье латных пластин. Страж закона, с предельным опасением обошёл окровавленный труп, пристально всматриваясь в каждую язву на теле. Внезапно тело мертвеца стало по-

крываться фиолетовой испариной. Кровь начала застывать в красно-лиловый студень и испускать странное сиреневатое свечение. Вскоре пурпурные зерна пара взвились над тёмнеющей кожей убитого. Стылое тело растворялось, превращаясь в чёрную кляксу. Кровь, попавшая советнику на рукав и полу камзола, начала разъедать ткань, подобно кислоте металл, испуская быстро растворяющиеся завитки густого пара.

– Мёртвые Кальдбарда! Режь, скорее, режь эту гадость! – в паническом страхе закричал Бромар, тщетно пытаясь разорвать крепко сшитый подол. Стражник, не мешкая, выхватил нож и, не поддаваясь смятению, срезал испачканную ткань. Едва она упала в лужу крови, уже пожуя на раскалённое лиловое пятно, как ткань тут же взялась гореть фиалковым пламенем.

– Что за происки колдунов! – Выпалил Бромар, задыхаясь от беспокойства. Он приложил ладони к бешено колотящемуся сердцу и воздел взгляд к небу, точно ожидая ответа свыше. Стражник обескуражено смотрел на растворяющееся тело. Его отвлёк встревоженный голос Бромара.

– Ты видел подобное хоть раз?! – брови советника сошлись на переносице.

– Всевышний Отец свидетель моим словам, ни разу, милорд! – с испугом отчеканил солдат.

– Об этой заразе никто знать не должен, ты понял меня? – с угрожающей сердитостью потребовал ответа Бромар.

– Клянусь жизнями павших, милорд!.

– Держи язык за зубами о случившемся, солдат! – приказным тоном сказал советник и как одержимый бросился бежать к воротам Тронборга, сталкиваясь с горожанами, точно новорожденный слепой котёнок.

Охрана замка, завидев запыхавшегося советника в разорванном камзоле, немедленно отворила перед ним ворота.

– Милорд, что произошло? Кто-то напал на вас? – посыпались вопросы со стороны обеспокоенного сержанта.

– Потом, солдат, потом, мне безотлагательно нужен лорд Кромат! – торопливо отмахнулся Бромар.

– Но, милорд, сегодня же банный... – стражник не успел договорить, советник, посуровев, перебил его:

– Мне плевать на этот банный день, мне срочно нужен лорд Кромат, у меня для него крайне важное донесение!

– Милорд, боюсь, его сейчас нет в замке, – окликнули удаляющегося Бромара стражники, глядя на него с большим удивлением.

– Ах, да, – опомнился советник.

– Карету в королевские бани, быстрее! – резко скомандовал он охране замка. Сержант, пожав плечами, смиренно последовал приказу. Бромар в безгласном томительном ожидании нервно постукивал носком сапога по земле, уперев руки в бока. Когда в поле зрения советника попала карета, он, не дожидаясь её приезда, стремглав помчался к ней.

– В королевские бани, живо! – распахивая дверцу долго-

жданного экипажа, распорядился , кипя раздражением Бромар,

Повозка остановилась возле большого белокаменного здания с крышей из бледно-оранжевого стекла, в кое были вкраплены капли янтаря. Бромар выскочил из повозки и, радушно встречаемый колоннами, облицованными светло-рыжими ангелами, искусно вырезанными из сердолика, вошёл в здание, беспрепятственно обойдя стражу, уже изда- лека узнавшую его.

В предбаннике было просторно; пахло душистыми травами, которые сжигали в небольших оловянных жаровнях в форме орлиных перьев. В центре большой залы находился бассейн с тёплой водой, разбавленной ароматными маслами. Лорд Кромат отдыхал в бассейне в компании трёх обнажённых черноволосых девушек, попивая дорогое Тэмеросское вино и кушая клубнику. Как вошёл советник, он даже не заметил, всё его внимание было приковано к соблазнительным женским телам. Бромар в спешке скинул камзол и подошёл к бассейну. Одна из девушек окинула его жалящим неприязненным взглядом, а потом кокетливо засмеялись, отведя глаза от нежданного гостя.

– Ах, советник Бромар, не заметил, как вы вошли, – поздоровался Кромат. Едва он поднял вверх правую руку с расправленной ладонью, служанки покорно вышли из воды и, оставив золотой поднос с клубникой и вином возле их хозя-

ина, удалились в отведённую для них комнату.

– Что случилось? вы сами на себя не похожи, – отпив вина, удивлённо спросил лорд.

– Случилось, ... ужасное случилось! – воскликнул встревожено Бромар. – Милорд, вы знали, что по улицам бродят нищие, заражённые какой-то странной и крайне опасной болезнью?

– Ха, эти бездомные вечно чем-то да больны, не берите в голову, – непринуждённо отмахнулся Кромат, продолжая бесстрастно потягивать вино.

– Не брать в голову?! Милорд, вы серьёзно? – возмутился Бромар. – Его тело было в пурпурных нарывах, а кровь превратилась в лиловый студень! Она чуть не сожгла мне кожу!

– Успокойтесь! Лучше присядьте, нечего панику разводить! – сердито сдвинув брови, приказал Кромат. Бромар, нервничая, присел на лакированную скамейку, стоявшую возле бассейна.

– Значит, болезнь уже дошла до нас... – мрачно прохрипел Кромат, потирая холодеющие от волнения запястья. – Этого нам ещё не хватало! – гневно сказал он, разбив стеклянный бокал о поднос. – Ещё вина, быстро!

Служанка с трепетом принесла бутылку красного вина и налила доверху пустовавший бокал.

– Неси ещё один! – хмурясь, наказал Кромат. – Ты же не хочешь, чтобы мой гость остался без вина?

– Ни в коем случае, милорд, – с волнением угодливо ото-

звалась девушка.

– Тогда поторопись, моё терпение не безгранично, – повелел хозяин, раздражённым взглядом коря служанку.

– Советник, у вас была трудная поездка, вам не мешало бы отдохнуть и собраться с мыслями... да и мне тоже, так что предлагаю попариться и искупаться, – говорил Кромат так, чтобы служанки его услышали.

– Пожалуй, для меня это было бы весьма полезно, до сих пор руки дрожат, – с радостью принял предложение Бромар.

Служанки торопливо помогли хозяину подняться из бассейна, вытерли его и намотали на него банное полотенце. Позже девушки раздели советника и облачили в тот же самый наряд, что и Кромата. Следом и они приняли соответствующий вид и последовали за хозяином в парилку. Здесь всё было обшито резной липой. Кремово-белая обстановка приятно радовала глаз. В конце комнаты находилась печь с раскалёнными камнями. На полу стояли деревянные бадьи с берёзовыми, дубовыми и кленовыми вениками. По обе стороны комнаты были прикреплены парильные скамьи. Одна из служанок сняла с крючка ковш, зачерпнула из бадьи с клёном горячую воду и ошпарила ей камни. По всей комнате лениво разбрелись тяжёлые клубы пара. Через некоторое время воздух насытился сладким ароматом клёна.

– Как вам Риннглэйд, Бромар? – поинтересовался Кромат, растянувшись на парильной скамье вверх спиной.

– Несравненно красивый город, что тут ещё скажешь, –

ответил не задумываясь советник, после того как клёновые листья с приятно облизнули его спину. – Но Вэйтстоун ему всё равно не превзойти! – добавил с улыбкой он.

– Могли бы и без лести в этот раз обойтись, советник, – усмехнулся Кромат. – Какой же ответ дал герцог Кроул на моё предложение? – пытливо спросил он.

– Было трудно его убедить, но в итоге он всё равно согласился, – довольный своим трудом, горделиво сказал Бромар.

– На иной результат я и не рассчитывал, отличная работа, – похвалил советника за труд Кромат. Правда, прозвучала похвала как-то надуманно, неискренне.

– Однако, не всё так гладко, как хотелось бы. У герцога Кроула есть небольшое, но немаловажное условие, – безрадостно осторожно добавил Бромар.

– Пфф... что ещё за условие? – недовольно спросил Кромат.

– Он желает видеть вас в гостях. Чем раньше, тем лучше.

– Да ну. И зачем ему это нужно? – удивился Кромат.

– Ему необходимо узнать вас, ваши цели, намерения. К тому же, он переживает за свою дочь и желает убедиться, что рядом с вами ей не грозит опасность, – объяснил Бромар.

– И подумать не мог, что Ралдор Кроул так печётся о своих родных. Публичные дома пускают о нём такие непристойные слухи. Какой оказывается он редкостный образчик семьянина. Мы точно об этом человеке ведём речь? – не мог не съязвить Кромат.

– Милорд, я бы советовал не шутить над подобным, тем более столь легкомысленно. Отнеситесь к этому крайне серьёзно. Кроул слишком фанатичен, если разговор заходит о семье и близких родственниках. Как я понял, для него память предков и благополучие родных стоят на первом месте. Одна лишь мысль об угрозе семьи повергает его в слепую ярость и..., – советник не успел выговорить всех предупреждений.

– Да полно вам, Бромар, – раздражённо оборвал Кромат этот занудливый, как он считал, поток слов. – Вы ведь прекрасно знаете, я терпеть не могу рассусоливания! – точно в извинение своей несдержанности, испортившей манеры беседы, добавил Кромат.

– Советник, почему вы так поздно приехали и не ответили мне на письмо, которое я вам отправил? Я уж было начал беспокоиться за вас, – со скрытой заботой спросил Кромат.

– Пришлось спуститься к реке, милорд, а письмо... о нём я узнаю лишь сейчас, – удивлено подняв брови, ответил ошарашено Бромар.

– Хм, странно..., а что это вдруг вынудило вас сменить дорогу? – с подозрением спросил Кромат. Советник воздержался говорить, отведя взор в сторону. Тогда правитель окинул служанок сердитым взглядом и щёлчком пальцев приказал им покинуть парилку. У одной девушки из рук выскользнул ковш с горячей водой.

– У тебя, что руки худые? Немедленно подними и посмей

хоть раз ещё уронить! – угрожающе предупредил хозяин.

– Прошу прощения, милорд, голова закружилась, – ответила виновато девушка, подозрительно глянув на Бромара. Тот не мог этого не заметить. У советника на это было поразительное чутьё. Когда парилка оказалась свободной от слуг, разговор продолжился.

– Предатель, – тревожно сказал Бромар.

– Нам следует немедленно разыскать изменника и избавиться от него! – решительно заявил Кромат.

– Милорд, боюсь, одним изменником мы здесь не ограничимся. В этот раз это был обычный солдат, завтра служанка, а потом и вовсе один из советников. Я предлагаю рубить под корень, – посоветовал Бромар, ожесточённо сморщив губы.

– Желаете узнать, кто за этими изменами стоит? – расплылся в заинтригованной улыбке Кромат.

– Думаю, нам наперёд известно, откуда растут корни, – намекнул Бромар.

– Однозначно, за этим стоят фивисвэйлские псы, только они грезят тронем в Вэйтстоун. Нокт Бэллус, до сих пор наивно полагает, что он заслужил королевский венец, завистливый зажавшийся аристократ! – пренебрежительно отозвался Кромат.

– Я тоже склонен так полагать. Там даже любая дворовая собака жаждет откусить от меня жирный кусок, что уж говорить о тамошних феодалах, – поддержал Бромар.

– Узнали, что вынудило солдата пойти на предательство?

– Когда мы вырвали из его рук зашифрованное послание, он будто бы язык проглотил. Однако вскоре он изменил своё мнение и сказал нам, что ничего не знает. Пришёл незнакомый человек в чёрных одеждах и поставил его перед выбором: либо он докладывает о каждом моём шаге, либо семью ждёт плаха.

– А откуда его семья?

– Из Фивисвэйла, – не задумываясь, уверенно произнёс Бромар.

– Значит, у нас почти ничего нет, – сердито протянул Кромат.

– Как ни печально это признавать, но так и есть. Зато теперь я точно знаю, что против меня плетут паутину и нужно быть предельно осторожным в каждом действии, чтобы не угодить в неё, – подытожил Бромар.

– И кому же вы так крепко насолили, раз ему понадобилась ваша хитрая голова?

– В моей жизни всякое бывало, приходилось идти на немалые жертвы, чтобы жить достойно. Скольких людей пришлось обмануть, подставить и оставить ни с чем, ради неутолимого желания унять собственное одиночество и взирать на мир свысока. Сколько ниточек я передёргал и разорвал, чтобы стать тем, кем я сейчас являюсь. Ведь для меня не было слово «невозможно».

– Но теперь тени вашего прошлого начинает возвращать долги, – подметил Кромат, вставая с парильной скамьи. В от-

вет Бромар скупно улыбнулся, хотя взгляд по-прежнему оставался спокойным.

– А не пора ли нам искупаться? – настойчиво спросил Кромат громким голосом, чтобы служанки его услышали. Советник, не проронив ни слова, проследовал за собеседником в комнату для мытья. Там девушки заботливо тёрли мужчин мочалками и омывали их пенной водой. Вытерев хозяина и гостя, служанки отправились за вином и лёгкими десертами. Феодалы же зашли в бассейн. И как только подданные скрылись за дверями трапезни, Бромар вновь завёл разговор об изменниках.

– Милорд, не сочтите за грубость, но кто эта высокая пышногрудая служанка? – с подозрением спросил Бромар.

– Понравилась? – подшучивая лукаво-колющей улыбочкой, спросил Кромат.

– Её лицо мне малознакомо, если даже я не вижу её впервые, – обеспокоенно объяснил Бромар.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что она подслана нашими завистниками? – тотчас смекнул Кромат.

– Даже если это не так, они достаточно услышали, чтобы болтаться в петле: весть о болезни, всплыв в народе способна подорвать вашу власть, – откровенно заявил Бромар.

– В этом, ты, бесспорно, прав. От них придётся избавиться, – невольно согласился Кромат. Его лицо исказила угрюмость.

– И лучше всего, если об их исчезновении никто не узна-

ет, – лукаво улыбнувшись, подчеркнул Бромар. – К слову о болезни, вашим слугам не удалось о ней что-нибудь разузнать? – резко переменяясь в лице, взволнованно выпрашивал он.

– Увы, об этом зловещем недуге мало что известно. Придворные лекари в растерянности. Им ведомо лишь то, что эта болезнь пришла из северных земель Вэйтстоун. Предположительно её очагом стали земли близ озера Силлар. В северо-западной части провинции «Аконитовый берег», в деревеньке Шантвиль, сначала заболел скот, позже заразились крестьяне. Вскоре эта дрянь проникла и в поместье барона Адлара. Как передаётся эта зараза и лечиться неизвестно. Спустя какое-то время, лекарь высказал мне свои подозрения о том, что начало этих болезней не физическое, а магическое.

– Выходит – это дело рук колдунов или алхимиков, – мрачно умозаключил Бромар. Кромат искоса посмотрел на него, точно спрашивая, «что ты не договариваешь?». Советник уловил этот тонкий кусающий взгляд и, поёжившись, набрался смелости рассказать о неприятном происшествии в переулке.

– Милорд, сегодня в переулке я столкнулся с нищим, заражённым этой болезнью, – тревожным шёпотом говорил Бромар. – Его разум был охвачен паническим безумием, словно его рассудком завладело что-то тёмное и неподконтрольное. Всё его тело облепляли язвы, и кровь источала пар, разь-

едающий кирпич, подобно термитам, – советник прервался, чтобы утереть с лица пота и проглотить комок волнения, неожиданно подступивший к горлу. У Кромата от этого жуткого рассказа по спине пробежали мурашки, а лицо искалось одновременно омерзением, смятением и удивлением.

– Но ведь подобного и быть не может! Откуда взяться подобному колдовству в Форлианде? Неужели совет Нэраэля настолько беспечен, что позволяет подобной силе безнаказанно разгуливать по стране и убивать людей? – возмутился Кромат.

– Если только с этим не связан сам совет; либо это алхимик или колдун, который крайне умён, хитёр и осторожен. Ведь на Ардоре ещё столько мест, где люди, владеющие магическими искусствами и уцелевшие от инквизиции Безумного Фроста, могли бы скрываться, – выстроил предположения Бромар.

– Час от часу нелегче, – потёрев виски пальцами правой руки, устало обронил Кромат. – Мало этого глупого закона о венчании на престол, так теперь ещё и болезнь эта добавилась!

– Я до сих пор не понимаю, какому вообще здравомыслящему человеку могла прийти в голову мысль о каком-то там законо-распорядительном совете, ограничивающего власть монарха. Дать право им распоряжаться законами – равносильно отдать им корону! – поддержал негодование правителя Бромар. В этот момент служанки вернулись с вином и

десертами; услышав недовольный голос своего хозяина, они побоялись к нему подойти. Кромат заметил это, и его глаза заискрились гневом.

– Ещё долго вас ждать?! – воскликнул негодуяще он. – Налейте вина, и пошли прочь отсюда! – сердито распорядился правитель. Девушки с трепетом исполнили приказ своего хозяина и тотчас покинули предбанник.

– Милорд, на мой взгляд, проблема с болезнью требует особого внимания и скорого разрешения, нежели всё остальное, ведь с советом разобраться намного проще, – не побоялся высказаться Бромар.

– Ох уж этот совет, он как в горле кость! Связал мне все руки..., нужно избавиться от него! – раздражённо ответил Кромат. Залпом осушив бокал, он надеялся залить вспыхнувший пожар негодования и гнева.

– Если нужно – разберёмся, – утешающе поддержал Бромар, без особого желания притронувшись губами к бокалу вина. – Рекомендую не откладывать в долгий ящик, милорд, сегодня же отправьте к членам совета послание для срочного созыва, а мы с капитаном стражи окажем им тёплый приём, – Бромар натянул излюбленную плутоватую улыбку.

– Займись этим безотлагательно! – решительно заявил Кромат, в спешке покидая бассейн.

– Милорд, служанки..., – напомнил тонким намёком Бромар.

– Ни в коем случае, – злобно улыбнувшись, ответил Кро-

мат. – Стража!

Глава 10

Погода в Сильвербридж выдалась скверной. С самого утра небо, цвета кофе с молоком, посылало непостоянный ливень заливать и без того раскисшие от влаги леса и поля. На размытых дорогах царилла пустота. Только какой-то худощавый высокий всадник, облачённый с ног до головы в чёрную кожу, мчался на вороном рысаче, рассекая своей невозмутимой фигурой дождевое полотно. Остановился мужчина на неподалёку от свайного моста, за которым в паре миль пролегалла граница Сильвербридж. Как правило, этим путём пользовались гонцы и караванщики из Шадоуривер.

Клэйдэк внимательно осмотрел местность. Сначала он покрутиллсь возле моста, потом прошёллсь по нему, изучающим взором всматриваясь в каждую деталь, словно это было жизненно необходимо.

– Проклятый дождь! Если тут и были какие-то следы, он давно их стёр! – озлобленно пробурчал себе под нос наёмник, всматриваясь в изгиб речной долины, где бурлила, ниспадавшая с возвышенности, вода. «Но если бы я готовил нападение на гонца, то, наверняка, сделал бы это здесь, ибо лучше места для засады не найти» – размышлял Клэйдэк, опёршись на каменные стенки моста, выполненных в виде арочек. «Но если даже так, как он избавиллсь от труппа лоша-

ди? Настолько сильный? А может магия или зелье? А может он вообще действовал не один?» – вопросы так и порождали бы друг друга, если бы дождь не утих, и мужчина не принялся осматривать место преступления вновь. Клэйдэк снова огляделся по сторонам и пришёл к твёрдому выводу, что убийца, при условии, что он был здесь, однозначно, скрылся в лесу. «Если жертвой этого разбойника была мать Дэкрия, проживавшая в западной части Сильвербридж, стало быть, его укрытие не так уж и далеко от города, значит, он направился в эту часть леса» – предположил наёмник, увлечённо ринувшись к кустам черёмухи, росших вдоль дороги. Заметив поломанные ветки и притоптанную траву, Клэйдэк решил двигаться в намеченном направлении.

Продравшись сквозь дикий лесной массив, мужчина вышел на нехоженую тропу, спрятанную в густом травостое. «Грибники тут явно не бывают» – подумал наёмник, ускорив шаг. Спустя несколько часов, тропинка, наконец, вывела мужчину из сырой чащобы. Обогнув кусты орешника, Клэйдэк осторожно обошёл расставленные капканы, едва не угодив в один из них, надёжно замаскированный в траве мхом и опавшими листьями. «Это тоже явно не для охоты» – смекнул следопыт, переступив ловушку – тонкую нить, протянутую через два соседних куста брусники. Затем мужчина аккуратно спустился по единственной дорожке в топкий с обрывистыми стенами овраг, сильно напоминавший бутылку с узким горлышком. «По этому киселю он явно не решился

бы ходить» – подметил Клэйдэк, опасливо коснувшись левой ногой засасывающей жижи из глины и грязи. Тогда следопыт пристально всмотрелся в болото, в надежде отыскать безопасную стёжку. Слабо отличимая от трясины, она тянулась вдоль стенки оврага, плавно поднимаясь, точно рыбий плавник, к сужающемуся проходу. Наёмник, стоявший напротив найденной тропинки, осмелился исследовать ненадёжный путь, избавляясь от сомнений, опутывавших его разум, подобно липкой паутине. Пару раз нога следопыта соскальзывала в опасную топь, но в итоге, он добрался до узкого «горлышка», с уготованной для незваных гостей очередной ловушкой. За проходом пролегала вторая часть оврага. В отличие от первой – эта тянулась, то сужающейся, то расширяющейся раной на щеке земли далеко на север.

Наёмник добрался до подъёма и осторожно вынырнул из пасти оврага, держась зарослей кизила. Неподалёку высилась пещера. Вход охраняла незаметная ловушка, на случай если кто-то зайвится без приглашения. Наёмник предположил возможное её нахождение на проходе, поэтому сломал ветку и бросил её на ожидаемую западню. Нить порвалась, и земля за ней разверзлась, обнажив острые колья. Клэйдэк спрятался за скалой. На шум спустя минуту, а может и две, из мрака пещеры настороженно вышел мускулистый коренастый мужчина среднего роста, удерживая наготове лук. Двигался он осторожно и почти бесшумно, не моргая единственным правым глазом. Убедившись, что опасности рядом нет, он при-

сел на корточках, положил лук подле себя и начал восстанавливать ловушку.

– Наверное, опять эти проклятые белки, леший бы их всех побрал! – пробасил недовольно мужчина.

Когда Клэйдэк услышал удаляющиеся шаги, он, вытащив из-за голенища кинжал, и решил атаковать. Подобно проворному бесшумному гепарду, наёмник выскочил из своего укрытия и, миновав ловушку эффектным прыжком, окончившегося ловким кувырком, напал на свою цель, встретив ожидаемое сопротивление. Одноглазый успел выпустить из лука стрелу, но противник с впечатляющей гибкостью и скоростью уклонился от её зазубренного наконечника и продолжил своё наступление. Убийца едва успел увернуться от коварного вражеского кинжала, скользнувшего кончиком лезвия по его бедру. Он выхватил из-за голенища большой охотничий нож, больше похожий на саблю, и со звоном встретил оружие Клэйдека. Тогда в глазах наёмника проснулся пылкий азарт, и он начал неотступный жесткий натиск, жая противника самыми разнообразными и изощрёнными атаками. Но оппонент, применяя все навыки, полученные за время его пребывания в армии, давал достойный отпор. Словно махаон, кружащий вокруг горячей лампы, Клэйдэк бился со своим соперником, то сыпля на него град беспощадных рубящих и колющих ударов, то ловко отбиваясь от его неожиданных выпадов и проворных контратак. В конце концов, поспешное нападение наёмника обернулось для него глубоким

порезом на правой щеке. Тогда он отскочил в сторону, приложив ладонь к обильно кровоточащей ране, и злобно взглянул на скалящего зубы в довольной усмешке одноглазого.

– Исиливэ Орокси, – шепнул чуть слышно Клэйдэк, вновь наступая на врага, но уже с двумя кинжалами. В его радужках тут же появились прожилыны, сияющие серебристым светом, а движения наёмника чудесным образом стали быстрее и резче. Хотя противник и отступил к стене, удивление, слегка отравившее его боевой настрой, не в силах было навредить его воле к победе. Однако теперь битва выглядела так, словно Клэйдэк забавлялся со своей жертвой, подобно птице, издевавшейся над червём. Одноглазому оставалось только упорно защищаться, ибо любая опрометчивая контратака могла оказаться фатальной. Но, несмотря на это, острая, как бритва, сталь своими «укусами» оставляла царапины и неглубокие ранки на теле своей жертвы. Правда и Клэйдэку изредка выпадала участь быть покусанным зазубринами вражеского ножа.

– Не плохо для армейского пса, – усмехнулся наёмник, взглянув на кровь, сочившуюся через порезанный на плече плащ. – Онсеноа Анисэа, – чуть слышно шепнул он. Едва заклятие слетело с уст наёмника, в его глазах сверкнули ветвистые серебряные кольца, а у соперника хрустнули ноги и руки – по конечностям словно пробежал электрический ток. Одноглазый расслабил онемевшие пальцы и выронил нож, болезненно припав на сведенные судорогой колени. Его тер-

зало такое ощущение, будто долото вонзалось в его кости, отзываясь дрожью в каждой конечности, выкручиваемой, точно выжимающаяся тряпка. Но даже сдерживаемый сетями жуткой боли, одноглазый, рыча сквозь зубы, продолжал сопротивляться, не мирясь с поражением.

– Тэбера Храсио, – фокусируя взгляд на противнике, надменно произнёс Клэйдэк, вытянув перед собой руку с разжатой ладонью так, точно держал в ней округлый предмет. По подушечкам пальцев заплясали призрачные серебристые молнии. И как только наёмник начинал сближать пальцы, одноглазого пронзала ужасная нестерпимая боль по всей спине, будто невидимые руки медленно и аккуратно поворачивали его позвоночные диски. В конце концов, жертва жестокого заклинателя пала ниц на холодную землю, истощив себя безнадёжным сопротивлением и канув в успокаивающий мрак.

В логове одноглазого темноту разгоняла пара масляных фонарей и костёр, звонко потрескивавший ветками клёна. Возле голых каменных стен лежала всяческая глиняная и деревянная утварь. На конопляной верёвке, протянутой от одной стены к другой, посаженные на крючки, висели освежёванные пушные зверьки, несколько цепочек из головок чеснока и лука и сушилась выпотрошенная рыба.

Ощувив нос кованого сапога ударившегося о рёбра, одноглазый открыл глаз и, увидев перед собой, сидящего на кор-

точках недавнего противника, хотел наброситься на него, но крепко связанные ремнём за спиной руки и холодная земля под животом свели это желание и настойчивое тщетное упорство на нет.

– Где то, что ты украл? – сердито спросил Клэйдэк. Бандит искоса посмотрел на него, слабо покачивая головой в стороны.

– Мне повторить вопрос? – огрызаясь раздражением, прожигал взглядом неприятеля наёмник. В ответ лицо убийцы исказилось злостью и он, прохрипев, плюнул в сторону захватчика. Не сдерживая гнев, вызванный оскорблением, наёмник не щадя костяшек пальцев несколько раз ударил неговорчивого собеседника по лицу. Из рваной раны на бородатой щеке проступила кровь.

– Куда ты...

– Да пошёл ты в задницу! – оборвал его вопрос охотник яростным возгласом. Поджав от злости губы, Клэйдэк «осчастливил» одноглазого очередным болезненным пинком сапога по рёбрам. Затем он выхватил из внутреннего кармана плаща длинный тонкий, словно игла, небольшой шиловидный кинжал с серебристой булавовидной рукоятью, украшенной в центре овальным камнем из чёрного оникса.

– Последний раз по-хорошему спрашиваю, – дыша злобой, произнёс наёмник, ногой перевернув заложника на спину и угрожая ему оружием.

– Сделай одолжение, заткнись и принеси мне бутылку из

дальнего угла, – скривив разбитые губы в едкой усмешке, бесстрашно ответил заложник.

– Ты сам напросился, – ожесточенно протянул Клэйдэк, медленно всаживая лезвие кинжала в плечо своей жертвы. Сдерживая боль рыком, проступавшим через зажатые зубы, заложник терпел допытывания издевателя.

– Инадар ис Ородус, – слетели магические слова с уст наёмника, наполняя лезвие кинжала веточками серебристого света, которые проникали под кожу, подобно паразитам, и причиняли невыносимые страдания объекту заклинания. Одноглазый бился в ужасной судороге, словно муха, угодившая в смертоносные сети паука. Тело мужчины ломало и выкручивало так, будто он был одержим злыми духами, неустанно стремившимися своими терзаниями довести его рассудок до пропасти безумия. Внутренности, точно прокалывали тысячами мелких игл, а кости изнутри перетирали в пыль. Стук бешено колотящегося сердца отдавался в голове нестерпимым металлическим грохотом. В этот момент заложник утопил свой рассудок в океане боли.

– Отарэ – хладнокровно произнёс Клэйдэк, сжав рукоять кинжала. – Неоднократно из-за этих пыток люди становились калеками или лишались рассудка, но я всегда получал от них то, что мне было нужно. Так что, мне продолжить или ты набрался здравомыслия изменить своё решение? Но предупреждаю, дальше будет намного хуже, – мрачно изрёк наёмник, согнувшись над объектом своих нечеловеческих жут-

ких пыток. Одноглазый долго прожигал ненавистью своего врага, но в конечном итоге, покорно кивнул головой, наперёд понимая свою участь.

– Твоя взяла! – сдался заложник, расслабив напряжённые плечи. Лицо Клэйдэка осветилось торжеством, породившим колкую улыбку.

– Я спрятал её в лесу, в паре миль отсюда, – сознался заложник.

– А откуда мне знать, что ты не врёшь, чтобы спасти свою шкуру? – спросил недоверчиво издеватель, сверля жертву взглядом.

– Тебе остаётся только поверить мне на слово, ведь я, наверняка, нужен тебе живым, а то стал бы ты возиться со мной, имея при себе подобного рода магию? – скалясь, точно загнанный зверь, ответил одноглазый, приправляя свои слова желчной улыбкой.

– Ишь пронцательный какой, – язвлено усмехнулся Клэйдэк, освобождая заложника от истязующего руку лезвия кинжала.

– Илэсси Анари, – произнёс наёмник, накрывая ладонью рану одноглазого. Из-под неё в течение нескольких секунд вырывалось белоснежное сияние с проблесками покалывающего холодного голубого света. Когда заклинатель убрал руку, то от ранения не осталось и следа.

– Не хватало, чтобы ты здох! – недовольно буркнул Клэйдэк, пряча кинжал во внутреннем кармане плаща. Затем

он снял верёвку, на которой сушилась рыба, отцепил от неё крючки и крепко связал ею заложника.

– Может путы ослабишь, а то дышать нечем! – возмутился одноглазый.

– Ничего, потерпишь!

– Дай хотя бы выпить перед дорогой?!

– Перебьёшься! – Топай, давай! – отвесив пинок заложнику, приказал наёмник. Затем он взял недопитую бутылку, лежавшую возле костра, и сделал небольшой глоток, сморщив лицо в омерзительной гримасе.

– Фу, мерзостней пошла я не пробовал, – высказался Клэйдэк, разбив бутылку об стену.

– Это был лучший армейский самогон! – воскликнул озлобленно одноглазый, повернувшись на шум бьющегося стекла, словно птица на оглушительный выстрел.

– Да мне плевать, не разевай рта и иди вперёд! – бросил в ответ наёмник, небрежно толкнув заложника вперёд с такой силой, что тот едва не потерял равновесие и не рухнул на землю.

– Полегче, я ведь ценная жертва! – речь одноглазого была полна колющего самообладание наёмника издевательского сарказма.

– Не настолько ценная, чтобы я доставил тебя без пальцев и зубов, – мрачно намекнул Клэйдэк надоедливому собеседнику. Одноглазый бородач широко улыбнулся и на какое-то время погрузился в задумчивое молчание.

Когда мужчины вышли из пещеры и двинулись через кусты кизила в сторону густых зарослей клёна, заложник неожиданно остановился и, оглянувшись на несговорчивого наёмника, щерясь, спросил:

– Интересно, кто тебя нанял? Не Дэкрий ли?

– Не твоего ума дело! – толкнув бородача в плечо, резко ответил наёмник. Каждое его слово было наполнено ядовитым раздражением.

– И многих ты убил или отдал на растерзание заказчикам? – с нарочно выводящим из терпения любопытством бормотал одноглазый. – И много он тебе заплатил?

Клэйдэк, скрипя зубами, молчал, стараясь сохранять самообладание и не поддаваться издевательским провокациям.

– А если капитан заставит тебя съесть его дерьмо за деньги, ты это сделаешь? – разя вспылчивую душу наёмника копьями насмешек, не умолкал убийца.

– Скоро тебе придётся есть своё, если не умолкнешь! – категорично заявил Клэйдэк, сжимая от злости кулаки.

– Знаешь, убивать за деньги, то же самое, что отдаваться за них, этим ты мало чем отличаешься от проститутки, – с глумливым презрением заявил надоедливый бородач.

Эти слова задели гордость Клэйдека, и он ударил пленника под колени. Тот подкосился и упал лицом в траву. В следующий момент наёмник, обуреваемый гневом, крепко надавил обеими руками любителю издёвок на затылок, усерд-

но сгибая его голову к земле.

– Ты свихнувшийся психопат, убиваешь из мести, причём ни в чём не повинных людей, так что закрой свой поганый рот и топай молча! – гневно говорил убийца. Затем он за волосы поднял бородача на ноги и ударил его под дых.

– Много ты знаешь о потерях, продажная шкура! – не сдавался одноглазый. Едва эти слова слетели у него с языка, как сапог наёмника врезался в его щёку.

– Ты меня достал! – загорелся ненавистью Клэйдэк, приставив к горлу пленника кинжал.

– Ну, давай, закончи всё это! – бесстрашно попросил убийца. – Да я живу ради мести, и Дэкрий заплатит мне за то, что разрушил мою семью! Пусть я и психопат в чьих-то глазах, но не дурак, способный смириться с подобным варварством! Ты хотя бы сам-то знаешь, какого это, когда у тебя отбирают что-то самое дорогое? По глазам вижу, что нет, поэтому катись-ка ты на хрен!

– А то, что ты собираешься вырезать его семью не варварство?! – возразил Клэйдэк, покраснев от злости и негодования.

– А моя семья заслужила это?! Так что, пусть познает ту боль, что причинил другим! Лучше убей меня, потому что я не остановлюсь! Всё равно то, что ты собираешься сделать со мной, не сделает тебя благодетелем! Ты прогнил насквозь, и прогнил больше, чем я!

– Не тебе меня судить, ублодок! – несколькими ударами

гардой кинжала разбив бородачу лицо, заявил Клэйдэк. Затем он с треском схватил пленника за ворот кожаной куртки и поднял его с земли. И неожиданно, одноглазый головой разбил недоброжелателю нос и мёртвой хваткой вцепился зубами ему в руку, в которой тот держал верёвку. От жуткой боли наёмник разжал пальцы и, не успев ничего понять, уже падал на задницу. Когда же он помнился, зажав хлыставшую из носа кровь рукавом плаща, проворный бородач уже мчался сломя голову в лес, отчаянно натываясь на ветки и спотыкаясь о кочки. Не мешкая, Клэйдэк бросился за ним, шепча на ходу заклинание, заживляющее раны. Однако погоня продлилась недолго. Наёмник остановился, услышав мужские голоса. Через кусты бузины и дикой смородины он заметил бандитов, зажавших одноглазого в кольцо из выставленных в его сторону мечей.

– Вот так досада, мы шли за ним, а он сам к нам пришёл! – расхохотался чернобородый здоровяк Брунн, проведя мечом возле горла бородача.

– Оружие на землю! – раздался сиплый голос позади Клэйдэка. Стрела, подобно чуткой змее перед броском, смотрела ему в затылок. Наёмник покорно отстегнул ножны и плавным движением положил, сжатый в руке кинжал.

– Брунн, здесь ещё один! – оповестил лучник своих товарищей. В этот момент следопыт выхватил из внутреннего кармана плаща шиловидный кинжал и вонзил его неприятелю в горло. Из рта вместе с кровью у жертвы вырвался про-

тивный хрип, который Клэйдэк зажал ладонью. Товарищи, заметив, что их соратник резко пропал из виду, заподозрили неладное, и двое бросилось ему на помощь.

– Проклятье, на применение магии у меня осталось не так много сил, а с группой головорезов голыми руками мне не совладать! – скрипя сердцем, пришёл к выводу Клэйдэк. – Нужно попробовать проследить за ними! – со злостью пришёл к компромиссу мужчина, вызванной неудачей. – Но-элемах, – шепнул убийца, закрыв засеребрившиеся глаза. В мгновение ока он слился с окружающей средой так, словно растворился в воздухе.

– Брунн, Кортни мёртв! – сообщили помрачневшие бандиты, склонившись над бездыханным телом своего товарища.

– Да леший с ним, мы получили то, зачем шли, уходим! – с обезоруживающей безучастностью и хладнокровием отдал приказ главарь, ведя за собой одноглазого, словно пса на поводу. Когда грозные силуэты бандитов исчезли в лесной гуще, Клэйдэк прервал магическую маскировку и, в спешке покинув своё укрытие, осторожно последовал за недоброжелателями.

След привёл его к заброшенной за городом мельнице, не рухнувшей только из-за того, что кто-то сумел неплохо залатать изнутри её раны, нанесённые сокрушительным пожаром и беспощадным временем. От неё, вдоль заросшего дикой растительностью берега тянулись объеденные огнём и опла-

канные дождями руины небольшого поселения. Наёмник надёжно спрятался меж кустов орешника, заслонявших друг друга ветвями так, точно они родные братья. Отсюда мельница была видна как на ладони. Волгнар набрался каменного терпения и начал пристально наблюдать за бандитами, исчезнувшими за скрипучими дверьми здания.

Брунн вошёл на мельницу, неся на плече вялое тело пленника, оглушённого своей могучей ручищей, больше походившей на медвежью лапу без когтей и меха. Вслед за главарём вошли остальные восемь разбойников, которые в миг, кроме двух самых крепких детин, рассыпались по углам, точно испуганные мыши. Бездомные нищие, населявшие это здание, тут же замолчали, и безгласность обступила двухметрового громилу со всех стороны. Никто из присутствующих не решался даже глаз поднять на этого грозного мужчину, одним своим видом порождавшим дрожь в коленях у слабевольных мужей и женщин. Вдруг к главарю, суетясь, подбежала худощавая светловолосая коротко остриженная девушка в потрёпанных кожаных доспехах, висевших на ней едва ли не мешком. Резкие, как ограненные волнами скалы, скулы и впалые глаза, окружённые чернотой, явно говорили о голоде и недосыпании.

– Я не вижу среди вас Кортни, что с ним? – обеспокоенно спросила девушка. Брунн сбросил тело одноглазого на пол, не обращая ни малейшего внимания на охрипший от про-

студы женский голос за спиной. Затем он задумчиво погладил бороду, будто ничего и не слышал.

– Так, где он? – настаивала на ответе девушка, бесстрашно выпрыгнув из-за широкой спины громилы и представ перед его холодными глазами.

– Ты точно это хочешь знать? – вдруг мрачно пробасил здоровяк, опустив на девушку ожесточённый надменностью взгляд, точно он феодал, взирающий свысока на своих ничтожных вассалов.

– Он умер, да? – дрожащими голосом предположила девушка. Брунн кивнул, усердно сдерживая ядовитую ухмылку.

– Кто его убил?

– Если бы мы знали, то мерзавец мотался бы уже на дереве и кормил воронов! – твёрдо ответил громила.

– Всё ты врёшь! – с накатывающимися слезами, гневно заявила девушка, – то же самое было с Ирлавом, это ты...

– Поосторожнее со словами, девочка! – угрожающе процедил Брунн, сердито сдвинув брови и могучей ладонью обхватив девушку за шею. – Кортни был хорошим вором, но воин из него был никудышный. А теперь проваливай отсюда, у меня есть дела поважнее, чем слушать твоё нытьё! – раздражённо сказал громила, оттолкнув от себя назойливую собеседницу. Затем он в спешке плотно привязал пленника к деревянной свае несколькими крепкими мудрёными узлами, не забыв сорвать с его глаза чёрную повязку.

– Будьте начеку, не поить, не кормить, даже не говорите с ним! – приказал Брунн, направляясь к выходу с мельницы. – А лучше сразу заклейте ему рот, – прежде чем уйти, не оборачиваясь, посоветовал громила.

Едва бандит показался из-за дверей мельницы, Клэйдэк оживился, чуть не сражённый скучным наблюдением.

– Так-так, полагаю, следует проследить за этим здоровяком, неспроста он один куда-то направился, – подумал Клэйдэк, наблюдая за силуэтом главаря бандитов, мелькавшим среди обломков сожженных зданий.

День сменялся вечером. Надоедливый дождь вновь опустился с чернеющих небес на Сильвербридж. Помрачневший в ночных тенях город озарили масляные фонари, пробиваясь своим тусклым светом не только через завесу густеющей тьмы, но и через полосатую стену ливня. Однако разразившаяся непогода не помешала наёмнику в выполнении поставленной задачи. Он долго незаметно следовал за громилой, до самой двери таверны, за которой тот и окончил свой путь. Войдя в шумное заведение, Клэйдэк тут же растворился в задорной толпе подвыпивших зевак и танцующих обнажёнными куртизанок. Присел он неподалёку от толстого купца с сияющей лысиной, которого окружали три нагих девицы, однако как только к столу подошёл Брунн, Биеруш разогнал их бесцеремонными ругательствами и выкриками.

– Икнотэ Улсээ, – зажав рот ладонью, тихо произнёс наём-

ник, повернувшись левым ухом в сторону купца и бандита. Заклинание немедленно усилило слух Клэйдэка в несколько раз, и чтобы сосредоточиться на интересующем его разговоре, он закрыл глаза и опустил голову на стол, притворившись спящим.

– Надеюсь, новости благие? – начал разговор купец Биеруш, с надеждой взглянув на громилу.

– Убийца, угрожающий Дэкрию, у нас, – коротко пояснил Брунн. В доказательстве своих слов он положил к краю стола, где сидел купец, чёрную глазную повязку.

– Замечательно! – расплылся в радостной улыбке Биеруш, положив предложенный ему предмет в карман. – Где ты его держишь?

– Этот вопрос навевает мне мысль о том, что в кармане у меня давно уже ничего не звенело, – изображая задумчивость, намекнул громила, скребя ногтями по подбородку, заросшему густой чёрной бородой.

– Гм..., – сморщив лицо в недовольной гримасе, замаялся Биеруш, неохотно запустив руку во внутренний карман камзола. Оттуда он вытянул кошель, плотно набитый золотыми монетами. Громила жадно потянулся к нему, но купец резко одёрнул руку и категорично замотал головой в стороны.

– Не так быстро, Брунн! – остановил его собеседник, поддразнивая здоровяка звоном монет в кошельке. – Завтра в полдень приведёшь пленника на старый амбар и получишь два таких, – пообещал Биеруш, пряча деньги обратно во

внутренний карман.

– Понял, – недовольно пробасил громила, с грохотом опустив свои могучие ладони на стол. Затем он выпрямился, расправил плечи и широкими шагами быстро покинул таверну.

Клэйдэк поспешил отменить заклинание, так как шум, царивший в заведении, уже начинал дубасить по ушам так, словно там звенели колокола. Затем мужчина потёр ладонью уставшую шею и, не торопясь, встал из-за стола и направился к выходу. Когда же он затворил за собой дверь, на улице его «приветливо» встретил ужасный ливень.

– Да сколько же можно! – огрызнулся недовольством наёмник, озлобленно накинув капюшон. После этого убийца, хлюпая сапогами по вымокшей дороге и минуя ловкими прыжками лужи, побежал к дому капитана Дэкрия.

Время было далеко за полночь, а дождь всё не утихал. Клэйдэк, жутко устав и промокнув до нитки, наконец, ступил на крыльцо дома Дэкрия и постучал в дверь особым образом, точно этот ритм был паролем. Спустя несколько минут в замочной скважине забряцали ключи, а после раздался глухой гул отодвинутого железного засова. Капитан опасливо приоткрыл дверь и выглянул сонными глазами через образовавшуюся щель.

– Мы же условились не видеться возле моего дома, забыл?! – в возмущённом недоумении прошептал Дэкрий,

продолжая держать дверь приоткрытой.

– Капитан, у меня для вас важные новости! – отчеканил наёмник.

– А до утра они подождать не могут?

– Пристало бы мне будить вас середь ночи, если бы это было ерундой, – уверил Клэйдэк. Тогда хозяин дома выскочил на крыльцо, терпя безжалостные покалывания холодных капель, осмотрелся по сторонам и хлопком по плечу пригласил незваного гостя внутрь. Аккуратно затворив за собой дверь, Дэкрий некоторое время испепеляющим взглядом смотрел на Клэйдэка, проглотив язык от вскипевшего гнева.

– Не приведи святая Анрэль, чтобы тебя хоть кто-то увидел возле моего дома! – не прекращал негодованием скрывать своё беспокойство хозяин дома, схватившись руками за голову.

– Ваше волнение здесь явно не уместно, лучше поберегите его до того момента, когда кучка бандитов передаст вашего заклятого врага в руки Биеруша, – высказался Клэйдэк. После этих слов, капитана будто бы ударила молния. Мужчи-на чуть не побледнел от услышанного, хотя спустя несколько секунд к нему вновь вернулся дар речи.

– Как ты мог его упустить?! – ошеломлённо выпалил Дэкрий, ткнув пальцем незваному гостю в грудь. – Разве я заплатил тебе за то, чтобы ты обложался?!

– Убавьте громкость, капитан, я не приемлю, когда со мной говорят в подобном тоне! – раздражённо попросил Кл-

Эйдэк.

– Не любит он, видите ли! А я не люблю, когда меня имеют за собственные же деньги!

– Тогда заберите их, – оскорблено буркнул Клэйдэк, достав из внутреннего кармана плаща мешочек с золотом, полученный ранее в кабинете Дэкрия. Тот искоса посмотрел сначала на возвращенные деньги, а потом на угрюмое лицо собеседника. Разум капитана в одно мгновение породил столько ужасно-пугающих вещей, связанных с отказом от услуг наёмного убийцы, что дрожь пробежала по его спине.

– Я заплатил тебе за работу, так будь любезен выполнить её, – мирилась с разразившимся в душе гневом, стараясь сохранять самообладание, ответил хозяин дома. Однако Клэйдэка его слова не переубедили – он продолжал держать мешочек с золотом в вытянутой руке.

– Неужели ты обиделся на мои слова? Да брось! Мне извиниться перед тобой?! У меня меньше недели, чтобы переслать украденную посылку Ралдору Кроулу, иначе он сотрёт меня в порошок, а ты устраиваешь спектакль, как глупая девочка, у которой отняли леденец! – озлобился Дэкрий. Тогда наёмник, бросил злополучный мешочек к ногам собеседника. Капитан сморщился от гнева, закусив нижнюю губу.

– Не забывай, у тебя больная дочь, новорождённый сын и жена, сводящая концы с концами, ах, да и ещё сестра стоит на грани нищеты, а ты только что оскорбил меня, а ведь сумма, которую я тебе обещал, может исправить положение,

в котором находится твоя любимая семья. Они ведь дороги тебе, Клэйдэк, как и моя семья, дорога мне. Если Кроул доберётся до меня, люди разорвут её на куски, это ты понимаешь?! Так что возьми деньги и узнай, где держат пленника и когда его передадут Биерушу, – распорядился Дэкрий, подняв брошенные деньги и вложив их в руку застывшего в раздумьях собеседнику.

– Бандиты держат пленника за городом на заброшенной мельнице, а передадут его уже сегодня в полдень на старом амбаре, – пояснил наёмник, не поднимая глаз на капитана.

– Значит, нам следует нанести удар по этим головорезам, и, думаю, пора бы пресечь ухищрения этого зажавшегося купца! – решительно заявил Дэкрий, ударив кулаком в ладонь. – А тебе следует какое-то время не покидать Сильвербридж, Клэйдэк, сейчас жизнь тяжёлая настала, ты можешь понадобиться мне в любой момент.

– Хорошо, – смиренно ответил наёмник, бережно пряча мешочек с золотом в карман.

– В таком случае, жди, – сказал Дэкрий, распахнув перед собеседником дверь. Тот кивнул напоследок и в спешке покинул дом. Когда же дверь за ним закрылась, с блестящим в глазах коварством капитан ехидно усмехнулся, потирая усы:

– Хм, наконец-то меня ждёт весьма плодотворный день.

Ранним утром, невзирая на бушевавшую непогоду, капитан Дэкрий прибыл в свой кабинет в казематах Сильвер-

бридж и тут же начал собирать подчинённых в просторном холле второго этажа. В белом камзоле с жемчужными пуговицами и начищенных до блеска высоких чёрных сапогах, Дэкрий, гордо вздёгнув подбородок и выпрямив спину, стоял в центре, держась правой рукой за золочёную гарду своей рапиры, а левую, согнув в локте, держал прижатой к спине. Вокруг командира, загородив собой колонны, облицованные алебастром, собрались офицеры в серых и сержанты в дымчатых одеждах. Стояли они почти в такой же позе, что и капитан, только головы их были приклонены, а взгляды устремлены в пол – подобный знак у военных в Южном Форлианде выражал подчинение.

Оглядев присутствующих пристальным взглядом, «виновник» сего важного собрания, являвшихся чрезвычайной редкостью, убедившись в полном составе своих подчинённых, громко и чётко произнёс:

– Как вам известно, в Сильвербридж давным-давно процветал бандитизм – мерзкая язва на теле нашего города! И сегодня за столь долгое время упорных поисков очага этой разраставшейся заразы, удача, наконец-то, улыбнулась нам, и мы можем пресечь преступников, возомнивших себя правителями этих улиц, защита которых была возложена на нас самим королём. Из донесений моих агентов, ранним утром я получил сведения о местонахождении этих бандитских крыс! А посему, я поручаю старшему лейтенанту Дэвиору и его людям уничтожить их логово на заброшенной мельнице.

Кроме этого, мне стало известно о том, что сегодня в полдень на старом амбаре у этих преступников важная встреча с человеком, который покрывал их тёмные дела и тщательно заметал за ними следы весьма продолжительное время. Поэтому, я возлагаю свою защиту на лейтенанта Гайсэна и старшего сержанта Мельна.

– Прошу прощения, командир, но неужели вы решили идти самолично к этим головорезам? – с нескрываемым беспокойством удивился Гайсэн. Дэкрий в несколько широких шагов, молча, подступил к лейтенанту и высокомерным тоном твёрдо заявил:

– Я не боюсь этих трусливых выродков, скрывающихся на задворках! Я желаю знать, кто защищал их всю эту длительную пору тщетных для нас погоней, и с какой целью этот мерзавец делал это. А теперь даю вам ровно час и ни минуты больше на подготовку ваших отрядов. По истечении данного времени, ждите меня возле ворот каземат, полагаю, всем всё ясно и глупых вопросов больше не возникнет.

– Так точно, капитан! – в один голос отозвались подчинённые.

– Замечательно, время пошло! – сказал Дэкрий, торопливыми шагами удалившись в свой кабинет через образовавшуюся в кольце людей брешь.

Через час, как и приказывал капитан, перед воротами каземат напротив друг друга, вооружённых короткими мечами и

арбалетами, незаметно спрятанными под дешёвыми маскировочными плащами земляного цвета, выстроилось два отряда городских стражников. В подобном одеянии их легко можно было принять либо за крестьян, либо за бандитов. По двенадцать воинов во главе со своими командирами, терпя истязания ливня, яростно колотившего по капюшонам, отделанных кожей, смиренно ожидали, когда дубовые двери распахнутся, и на пороге здания появится Дэкрий. Едва врата протяжно заскрипели, и капитан покинул стены душных каземат, как строи выпрямились, склонив голову в знак совершенной покорности. Глава городской стражи, надёжно скрывая доспехи с гербом Сильвербридж под кожаным плащом, встал в центре промозгой площадки. Выхватив из ножен рапиру, он вознёс её гравированное древним военным афоризмом лезвие над головой на вытянутой руке и, стараясь перекричать, злополучный ливень, изрёк:

– Все, кто укрываются на заброшенной мельнице – государственные изменники и опасные преступники, поэтому вы имеете полное право без колебаний казнить их на месте. – При этом Дэкрий незаметно для других подмигнул лейтенанту Дэвиору особым распорядительным жестом – приложенный к бедру правый кулак с оттопыренным в сторону большим пальцем. Дэвиор понимающе отозвался кивком. – А что же касается людей в амбаре, то здесь потребуется применить все меры и совершить максимум усилий, чтобы захватить правонарушителей в плен, ибо они могут обладать

важными сведениями, в том числе и о похищенных шестнадцать лет назад «Фальдэнских изумрудах», предназначавшихся королевскому музею. Вопросы имеются?

– Никак нет, командир! – разом ответили подчинённые.

– Тогда, выдвигаемся! – приказал Дэкрий. После отданного распоряжения, отряды быстро разошлись по разным сторонам.

Отряд замаскированных стражников, разбившись на несколько маленьких групп, осторожно двигался по раскисшей от ливня земле, пристально осматриваясь по сторонам и прячась за руинами зданий, некогда обглоданных свирепым огнём. Вскоре солдаты благополучно подкрались к заброшенной мельнице и какое-то время терпеливо и настороженно наблюдали за её охраной. Пара озлобленных на непогоду бандитов, вооружённых большущими дубинками, усеянными гвоздями, настойчиво сторожила вход в своё логово.

– Вы двое, пойдёте со мной, – распорядился стражникам Дэвюр, пряча в рукаве кинжал. – Арбалеты и мечи держать наготове, никто не знает, что они могут выкинуть, и вас это тоже касается, – добавил командир, оглядев всех подчинённых, прежде чем выйти из укрытия.

– Эй, вы кто ещё такие, а ну стоять! – приказал головорез-охранник.

– Прошу прощения, если побеспокоили! Мы везли товары в Сильвербридж, и как назло наша повозка увязла в грязи, вы не могли бы нам помочь? – вежливо попросил Дэвюр,

медленно сняв с головы капюшон. Бандиты коварно заулыбались и, один из них подступил к лжеторговцу поближе.

– А что за товар вы везёте? – поинтересовался здоровяк.

– Бархат, вино, украшения...– тут собеседник резко умолк и, удивлённо взглянув на головореза, взволновано спросил: – постойте, а зачем вы спрашиваете?

– Просто хочу узнать, а будет у вас, чем заплатить нам за помощь, – усмехнулся мужчина, уже явно наступая на Дэвиора и готовясь раскроить ему череп своей ужасной дубинкой.

– Конечно же, будет! – не дрогнув, уверенно ответил страж закона, сделав шаг навстречу здоровяку и быстрым точным движением вонзив кинжал ему в горло. В этот момент его подчинённые выхватили из-за плащей арбалеты и выстрелили оторопевшему напарнику бандита в торс. Вслед за щелчком спускового механизма и свистом смертоносного снаряда, раздался приглушённый гортанный стон, и всплеск воды, от упавшего в лужу мертвеца с двумя дырками в груди. Расправившись с охраной, Дэвиор рысцой подбежал к двери мельницы и взмахнул рукой подчинённым, ожидавшим его команды в укрытии. Стражники, с грохотом выбив дверь, ворвались в логово неприятелей, выпустив на волю рой арбалетных болтов. Четверо здоровяков с пробитыми лбами тут же рухнули на пол, так и не успев вооружиться, а остальные головорезы в безумной сумятице повыскакивали на неожиданных врагов, махая изогнутыми саблями и дубинками, оббитых металлом или гвоздями. В гимне агонистической ярости

сти и панического страха, сотканного из хаоса голосов, началась неравная битва. Хотя походила она больше на кровавый переполох и резню, нежели на отчаянную схватку, неистовую и упорную борьбу за свободу и жизнь.

Головорезы, застигнутые врасплох, лишились попытки даже на самое жалкое сопротивление, да и противопоставить слаженно обученной пехоте городских гвардейцев им было нечего, а потому даже возникнуть шансу на победу было изначально не суждено.

Всех больных и стариков, не пощаждённых временем до глубоких морщин и непрестанной усталости, беспощадная рука закона карала неотложно. Точно в припадке кровожадности стражники рубили направо и налево. Тех, кто осмеливался дерзнуть «правосудию» лишь поднявшись на ноги, безотлагательно встречали оглушительные эфесы, врезавшиеся в голову и кулаки закованные в кожу с врезанными в них стальными пластинами. Так несколько безоружных мужчин немощно упали с выбитыми зубами и расквашенными носами от столкновения с тяжёлыми щитами, другие же, отведав сапог солдат, с переломанными рёбрами и разбитыми головами рухнули наземь, так и не осилив подняться.

Бездомные, повергнутые в сводящий судорогой тело ужас, замолили о пощаде, закрывая голову руками и вжимаясь в углы, как крысы. Но стражники оказались неумолимы. Мольбы о пощаде нисколько не пробирали их души, закованные в панцирь жестокости и немой свирепости. Пред-

смертные хрипы и мученические вопли лишь подзадоривали гнев служителей закона. С каким-то большим предосудительным азартом и порицательным восторгом городские пехотинцы поили свои мечи кровью беззащитных нищих и обезоруженных совершенным замешательством бандитов. Они хладнокровно наносили рубящие удары по шеям несчастных, точно это были не люди, а кусты можжевельника. Будто бы эти жизни ничего не стояли, будто они – всего лишь грязь на сапоге закона. Ужас и отчаяние застывало устрашающими гримасами на лицах несчастных – обречённых на немилосердную гибель. Горькие кровавые улыбки, будто траурные ожерелья, ложились на их шеи.

– Если я здохну, то заберу вас как можно больше! – угрожающе взревел громила, лихо размахивая цепом. Окровавленная звезда уже успела разметать ошметки черепа и мозга одного из неосторожных стражников. Правда, с последующим ударом ей не повезло. Она прочно угодила в щит, неожиданно возникший едва ли не перед носом бандита по хитрому намерению опытного гвардейца. Едва оружие подвело своего хозяина, как он, не успев разжать и рук, уже лишился их, заметив только блёкло блеснувшее аспидно-серое лезвие меча. Вскоре град ударов обрушился на громилу со всех сторон, точно рой разъярённых пчёл. Исступлённый рёв под всплески алых шлейфов, взметнувшихся следом за кромками клинков, быстро проглотили звуки борьбы.

Другой бандит в стремительно воцарившейся неразбери-

хе умудрился вложить стрелу в лук и выстрелить неаккуратному стражнику в лицо, отослав его на тот свет со стрелой между глаз. Однако на ликование у него и секунды не осталось. Только-только он потянулся за следующей стрелой, как возмездие настигло его. Уже нащупав оперение, головорез ощутил тщетность отпора, когда арбалетный болт прожорливо вгрызся в его висок.

Был так же и один пронырливый удалец, умело орудовавший парой кинжалов. Прежде чем его окружили, сломали щитом несколько рёбер, а затем рассекли краем лезвия щеку и подрубили колено, он успел неглубоко ранить одного гвардейца в шею, а другому уколоть запястье. Даже будучи в безвыходном и безнадежном положении бандит постарался всадить запасённый за пояс стилет в стопу неприятелю, но острая сталь, впившаяся ему в позвоночник, разделяя его на части, стасовала все его планы.

Отчаянно противостоя трём мечам, свирепому оскалу и дерзкому смеху стражи, билась белокурая девица. Её левую ногу подкосила хромата и жуткая рана на бедре истово вытягивали последние ресурсы изможденного неравной схваткой тела – ей оставалось недолго. До того, как Дэвиор метким выстрелом отправил зазубренный болт ей в бедро, она всё-таки умудрилась ранить одного из солдат в голень. Правда, эта жалкая попытка не уравнила шансов на выживание и не изменила итог мясорубки. Вскоре девушка оступилась на раненую ногу, и тут голодное лезвие гвардейца облизнуло её

оголённое плечо. Блондинка яростно взвизгнула, выронила саблю из раненой и истощённой усталостью руки и отлетела к стене, выплюнув выбитые щитом зубы. Она обессилено сползла на пол, изо всех сил стараясь подняться и продолжить сражаться, но старания эти оказались до неистовства напрасными. Бандитка затравлено, с дикой ненавистью озираясь по сторонам, наткнулась на надменную устрашающую фигуру Дэвиора, неспешно шедшую к ней, точно хищный зверь уже настигнувший свою добычу. Девушка отчаянно потянулась за выроненной саблей, злостью пересиливая боль, но лейтенант надавил девушке подбитым железом каблуком тяжёлых сапог на ладонь, уже успевшую сжать пальцы на рукояти. Блондинка пронзительно вскрикнула, перекрыв жутким звуком хруст сломанных пальцев. Дэвиор же поднял изогнутую саблю и с бессердечной презрительной ухмылкой рассек голову девушки пополам.

Более жестокосердный лейтенант и его отряд потерь не понесли, разве что пострадала порезанная дублёная кожа, помялись металлические пластины, наложенные на нагрудники, да растерялись кольца порубленных кольчуг.

– Сжечь это место! – распорядился Дэвиор. Его громкий чёткий бас наполняла поразительная ненависть. Едва приказ сорвался с его уст и бесследно разбился о безучастные стены мельницы, под полом раздались волнительные крики и усердный набат.

– А это ещё что? Откройте люк! – скомандовал серди-

то Дэвюр. Когда стражники проломил ветхую крышку, то начали небрежно доставать из землянки спрятавшихся бездомных. Лейтенант их пристально осматривал и отсеивал по разным группам.

– От всех больных избавиться, остальных предадим суду! – непреложно распорядился он.

– Нет, пожалуйста, нет! – взмолил жалобный хор голосов. Завопили пронзительно дети, видя как мечи немилосердно выпивают жизни их родителей. Под их безудержные стенания и плач, пленных связали, затем заткнули им рты и увели парной вереницей, как продаваемый на рынок чахлый скот, до боли туго сцепленный друг с другом верёвкой. За их спинами возгоралось пламя, пожирающее мельницу и жестокие плоды воли закона. Своими пальцами пламя обваливало несущие брёвна строения, облизывало языками огня её крышу, подтачивало основу, обращая и без того ветхое здание в неприглядную груды угля, золы и пепла.

А между тем, отряд под командованием капитана Дэкрива подкрался к амбару, притаился и в нескончаемом полосатом потоке ливня стал терпеливо дожидаться встречи правонарушителей. Спустя какое-то время на место встречи пришёл купец Биеруш в окружении трёх охранников, под плащами которых отчётливо проглядывали кольчуги с шестнадцатикольчугным плетением. Отряд завозился в предвкушении долгожданных действий.

– Всем ждать! – распорядился Дэкрий. Его команда немедленно пресекла всякое волнение в гурьбе подчинённых. Тем не менее, время шло для всех. Купец Биеруш сам не свой расхаживал по амбару, нервозно заламывая пальцы и часто поглядывая на часы.

– Где же его черти носят?! – возмущался толстяк, посапывая и краснея от злости. – Чтоб я ещё хоть раз связался с этим тупоголовым бакланом – да ни за что на свете! он у меня и медяка ржавого не получит, мерзавец эдакий! – поносил Брунна Биеруш. С каждой бесцельно пропадавшей минутой он крайне изобретательно выдумывал ругательства и порицал бандита в самых разнообразных фигурах речи.

А тем самым временем Брунн с троицей верных ему головорезов, вооружённых до зубов, беззаботно вёл на встречу со своим нанимателем – купцом Биерушом одноглазого убийцу. Внезапно, где-то на полпути к амбару верёвка, связывавшая тело пленника и руку главаря разбойников, натянулась, как струна. Надоедливое раздражительное мычание одноглазого, упершегося пятками сапог в промозглую дернину, тормозя тем самым движение, заставило рассерженного громилу Брунна остановиться, и, не поворачиваясь, сквозь зубы сурово пригрозить:

– Заткнись и двигай вперёд, а не то все рёбра переломаю!
Но угроза, никак не повлияв на бесстрашие и упорство одноглазого, казалось, заставила его сопротивляться ещё

усерднее. Мычание пленника стало нестерпимо громким.

– Да развяжите вы ему рот! Невыносимо это уже слушать! – гневно гаркнул Брунн своим подчинённым, в спешке бросившихся угодливо исполнять приказ.

– Не ходите туда! – первое, что слетело с языка взволнованного до сбивчивого дыхания пленника. – Там западня, – будто захлёбываясь словами, говорил одноглазый.

– Тебе меня не провести, собака! – с пренебрежением бросил Брунн, грозя пленнику до щелчка сжатым кулаком.

– Наверняка, Дэкрий уже ждёт вас, – не обратив внимания на угрозу, договорил одноглазый.

– Хватит нас душить! – ожесточённо рявкнул громила, ударив пленника под дых.

– Вы не понимаете, это ловушка! – задыхаясь и давясь кашлем, стоял на своём одноглазый. Брунн замахнулся для следующего удара, но один из товарищей оборвал его, схватив руку в полёте.

– Подожди, пусть говорит, – точно спрашивая разрешения, обеспокоенно сказал головорез.

– Ладно-ладно, разрази тебя гром! – швырнув одноглазого в сторону и гневно одёрнув руку, смирился Брунн.

– Я сбежал от следопыта Дэкрия! Капитан заплатил наёмнику, использующего магию, чтобы тот привёл меня к нему. Когда он ослабел и утратил бдительность, я освободился и побежал от него в лес, но тут попал к вам в руки. Этот же следопыт и товарища вашего пришил. Он очень опасный и про-

думанный тип. Я уверен, что он проследил за мной, а потом всё передал своему нанимателю. Так что придёте на встречу, вас тут же схватят, – объяснился одноглазый.

– Что же ты наделал?! – исступлённо взревел Брунн, схватившись за голову, а потом с какой-то присущей хищникам одержимостью сдвинул пленнику горло своими огромными ладонями.

– Нас же из-за тебя всех теперь перебьют! – уходя с головой в безумие, кричал громила, не обращая внимания на удушливый хрип одноглазого и вразумляющие вопли обеспокоенных товарищей.

– Брунн остановись! Ты удушишь его, что потом Биерушу скажешь?! – повиснув на напряжённой мускулистой руке предводителя разбойников, дозывался его благоразумия подчинённый, перекликая ропот дождя.

– Плевать! – свирепо рывкнул бандит, отбросив от себя помеху, точно смахнул с руки капли воды. Видя критичность положения, головорезы принялись оттащить Брунна от одноглазого, уже побледневшего от недостатка воздуха. С превеликим трудом им всё-таки удалось оторвать, сцепившегося кровожадным клещом, громилу от пленника.

– А ну пустите меня, я убью его! – страшным басом зарычал Брунн, вырвавшись из тисков подчинённых и раскидав их в стороны. Одноглазый, усердно хватая сизыми губами воздух, затравленно смотрел на мокрую почву, припав на четвереньки и опершись левой рукой на землю. В ушах

стоял оглушительный шум, в глазах потемнело, и заплясали цветные огни. Пленник едва повернул лицо в сторону и ощутил тяжёлый удар в челюсть – так прилетел огромный кулак Брунна. Одноглазый шлёпнулся в грязь, громила сел на него верхом и сдавил его виски ладонями, намереваясь раздавить голову.

– Отойди от него! Он нужен нам живым! – приказным тоном крикнул один из головорезов. Охваченный жадой расплаты, лидер его не слушал.

– Последний раз говорю, Брунн, остановись или я пущу тебе стрелу в голову! – угрожающе произнёс бандит, натягивая тетиву. Звук тугой тетивы ослабил давление рук громилы.

– Хорошо, а теперь отойди от него! Ну же! – продолжал командовать подчинённый, уже держа стрелу наготове. Брунн тяжело дыша, неохотно разжал ладони и слез с пленника.

– Опусть лук, – мрачно и устало процедил он. Второй раз повторять не пришлось. Товарищ тут же сложил оружие, без намёка на непослушание.

– Теперь назад пути нет, придётся искать укрытия у Тёрвилля, – угрюмо пробасил Брунн, точно одна только мысль о подобном решении была настолько противной, что вызывала нестерпимую тошноту. Потупив взор и расслабив могучие плечи, лидер утомлённо опустился на большой округлый валун. В голосе бандита прозвучала безысходность, вогнавшая

всех в ступор.

– Но ведь вы же ненавидите друг друга?! – возразил его подчинённый. Брунн поднял его него безразличный пустой взгляд, долго смотрел, но так ничего не сказав, обречённо склонил голову. – Вражда с моим страшим братом сейчас – последнее, что меня заботит! Если всё так, как говорит этот одноглазый ублюдок, люди Дэкрия уже вырезали и увели на рынок всех, кто скрывался на мельнице, – мрачно подытожил Брунн, стараясь держать гнев в узде. Было видно, как сильно его это изводит и ломает.

– А что если это всё его гадкие уловки? – не желал признавать мнения Брунна один из головорезов.

– Какая мне выгода от этого обмана?! – взбунтовался одноглазый, с трудом переворачиваясь на спину. Оспаривать никто не стал; все напряжённо молчали. – Я с превеликой радостью вырвал бы сердце у Дэкрия из груди, но не при таких обстоятельствах! – ненавистно протянул пленник.

– А у тебя-то какие с ним счёты, – безразлично хмыкнул Брунн, выставив вопрос утверждением.

– Разве тебе до этого есть дело?

– А впрочем, ты прав, мне всё равно, – отмахнулся Брунн. Меня сейчас волнуют люди, которые из-за тебя пострадали! Будем надеяться, выжившие всё же остались, и мы сможем им помочь, – смутно веря в свои догадки, неуверенно сказал громила, приглаживая к затылку вымокшие волосы.

– Но как? – потерянно спросил самый дотошный из бан-

дитов.

– Торвилль нам в этом поможет, – заявил Брунн.

– В самом деле? – засомневался головорез. – Но ведь просто так он нас даже на порог не пустит, – подметил он.

– Ничего, у нас есть ценные сведения об украденной у Дэкрия посылке, – указов коротким кивком головы на пленника, сказал Брунн.

– Как же ты не понимаешь! Эта посылка принесёт только горе! Дэкрий бросит все силы на то, чтобы найти меня и узнать, куда я спрятал посылку, – заявил одноглазый. – Послушайте, отпустите меня и я, клянусь, расквитаться с Дэкрием!

– Ну да конечно! Так и бросились тебя развязывать! – съязвил Брунн. – Нет уж, ты пойдёшь с нами! – хмурясь, точно испуская молнии своим грозным взглядом, решительно сказал громила, вставая с камня. – Если посылка и впрямь так важна для Дэкрия, он поднимет весь Сильвербридж на уши, и мы, либо выторгуем пленных, либо свершим возмездие, – прозвучали обещанием слова Брунна.

– Или он перебьёт вас всех! – желчно усмехнулся одноглазый. Бандиты порицающе покосились на него.

– Что? Думаете, он так просто станет выполнять ваши требования? Да как бы ни так!

– Заткнись и топай, без тебя разберёмся! – угрожающе рявкнул Брунн, отвесив пленнику пинка.

– Что-то подсказывает мне, что ты не людей спасти хо-

чешь, а исключительно себя, – вызываяще и остро бросил одноглазый, провоцирую бандита омерзительным оскалом.

– Не болтай ерунды! – испортил дерзкому пленнику едкую вынуждающую ухмылку Брунн, испепеляюще заглянув ему в глаза и устрашающе сжав кулаки. Вспомнив мгновенья удушья, одноглазый тут же скуксился и безропотно побрёл вслед за громилой.

Минуты беспощадно бежали. Капитан Дэкрий и его отряд глубоко в душе сетовали на ливень и долгое бездействие.

– Командир, не пора ли нам действовать? – нетерпеливо спросил один из подчинённых, тревожимый затянувшимся наблюдением. Дэкрий оглянулся на него с палящим возмущением:

– Рано, – осуждающе процедил он. Более сомнений в отряде не возникало. Набравшись терпения, люди продолжали ждать приказа, усердно борясь с желанием раскрыть себя и схватить-таки нарушителей.

– Долго..., что-то совсем всё не так, как должно быть, – занервничал Дэкрий, едва слышно бубня себе под нос.

– Товарищ капитан, простите, что отвлекаю, но преступники вот-вот ускользнут от нас! – мятежно заявил один из солдат, кивая в сторону амбара, из которого показались мрачные фигуры охранников Биеруша. Вскоре и сам купец, раздутый от гнева, показался в дверях. Проказливая неудача сморщила его лицо в некое подобие слипшегося теста.

Охранники растерянно мотали головами и разводили руками. Их наниматель злобно намахнулся на одного верзилу своей шапкой с пегасовым пером, однако затем натянул её на промокшую лысину и раздосадовано побрёл восвояси.

Дэкрий яростно чертыхнулся, плюнул себе под ноги и неохотно отдал приказ сворачивать операцию. Подчинённые смущённо переглянулись и, пожав плечами, последовали до порицания странному распоряжению командира.

Глава 11

Спустя пару недель после того, как лорд Кромат отправил письмо о срочном созыве законно-распорядительного совета, к воротам Вэйтстоун в полуденный час подъехали три повозки с гербами Фивисвэйла, Тэнфолда и Виндфэлла. Их сопровождало двенадцать конных воинов, облачённых в тяжёлые пластинчатые доспехи.

– Гости прибыли, милорд, – сообщил правителю Бромар, наблюдая из окна за движущимися по мокрой улице повозками.

– Всё ли готово к их приёму? – беспокойно спросил Кромат, неугомонно потирая озябшие из-за нервозности пальцы.

– Милорд, у вас не должно быть поводов для тревоги. Как только двери в замок закроются, никто из них не посмеет выйти, пока не угодят вам, – успокаивающе заверил Бромар.

– Ну что ж, тогда, полагаю, пора встретить наших гостей, – отпустил лукавую улыбочку Кромат, поднимаясь с дивана. Подошедши к стеклянному столу, он отпил немного вина из бокала и ладонями стёр с лица волнение.

Вскоре мужчины покинули комнату и не спеша спустились в вестибюль. Спустя несколько минут ожидания, ворота замка, гремя тяжёлыми железными петлями, отворились

и на ковровую дорожку, бряцая подбитыми серебром каблучками кожаных туфель, ступило девять немолодых мужчин в роскошных длиннополых одеждах, отделанных различными узорами из бархата, жемчуга и золота. Высокие пышные воротники подчёркивали высокомерный честолюбивый нрав, а золотые и серебряные кольца, чуть ли не на каждом пальце, украшали фигурки зверей, вырезанные из драгоценных камней. Волосы и бороды были ухожены. Вся эта чопорность создавала впечатление, что эти знатные люди жили ничуть не хуже королей и знатных лордов, если даже не лучше. И только лица прибывших гостей не блестели отрадой. Напротив, они были скованы недовольством и оттого казались хмурыми, как нависшие над Вэйтстоун тучи. В глазах ясно читалось недовольство.

– Добрый день, господа, рад приветствовать вас в Вэйтстоун! – начал разговор Кромат. Его голос наполняла нелестная ему услужливость. Глава совета безучастно посмотрел на лорда из-под своих густых седых бровей и проворчал, точно его лишили ужина:

– Если бы я знал, что у вас тут такая мерзкая погода, я бы ни за что не приехал!

– Мы надеемся, что дело весьма важное и созвали вы нас не зря, – вступил в разговор коротко стриженный мужчина с розовым пятном на правом глазу.

– О нет-нет! Конечно же, не зря! Иначе, зачем мне тревожить вас? – уверил Кромат, стараясь быть как можно учти-

вее.

– Посмотрим, – сухо бросил глава совета, поглаживая бо-
роду.

– Полагаю, мы успели к обеду? – намекнул третий гость,
поддерживая скрещенными ладонями свой большой живот.

– Эм... вообще, – замялся Кромат, растерянно почесав
затылок.

– Не хотите ли вы сказать, что намеревались отпустить го-
стей голодными? – возмущённо произнёс глава совета, сер-
дито сдвинув брови. В этот момент Бромар прокряхтел, по-
давая знак Кромату.

– Нет, ну что вы! – воскликнул Кромат, точно извиняясь
– Как же я могу оставить вас без угощений, вы ведь немалый
путь проделали сюда, – раболепно сказал он.

– Простите мою прямоту, но вы больше подошли бы на
роль шута, нежели короля! – с пренебрежением заявил глава
совета. Кромат едва сдержался, чтобы не сказать какую-ни-
будь гадость в ответ, вместо этого он фальшиво улыбнулся и
пригласил гостей в столовую, истово изображая радушие.

– Меня тошнит от напыщенности этого старика! – пожа-
ловался Кромат советнику, изливая неподдельное раздраже-
ние и гнев.

– Милорд, нам придётся терпеть всё, что он скажет, нас
эти люди недолюбливают, в отличие от покойного Томада,
но мне не меньше вашего противно лишь от мысли, что нам
приходится плясать под их дудку, – поддержал согласием

Бромар. Правитель помрачнел ещё больше; в глазах его воцарилось ярое негодование.

– Прошу за стол, чем богаты, как говорится! – с нарочитой вежливостью пригласил за обеденный стол Кромат.

– Судя по разнообразию блюд, видать, вы не сильно уж и богаты, – нескромно проворчал лысый усатый мужчина, чуть не прыгнув за стол. Вдруг в его животе разразился такой гул, точно там велись выстрелы из пушек.

– Неужели мы будем есть мясо без вина? – удивился глава совета, укорительным взглядом сверля Кромата, точно обвиняя его во всех смертных грехах.

– Прошу прощения, служанки задерживаются, а вот, кстати, и оно, – выкрутился Кромат, облегчённо вздохнув, увидев девушек с бутылками красного вина на подносах.

– Как же вы непунктуальны, – сделал замечание глава совета, ополоснув руки в чаше и взяв в руки вилку и нож.

– Хорошо, хоть предусмотрителен, – подметил коротко стриженный мужчина с пятном.

– Эта предусмотрительность не исправит недостатки! – категорично заявил глава совета. Его грубый тон наполнял откровенное притеснение. – И вообще, порядок в стране, начинается с порядка на столе! – отпив вина, претенциозно добавил он. Едва эти слова покинули уста, воцарилось молчание. Кромат даже не притронулся ни к еде, лишь пару раз пригубил вино. Он с осторожным презрением осматривал чванливых прожорливых гостей, которые жадно уплетали мясо за

обе щеки и запивали вином, словно они прибыли из пустыни и изнывали от жажды и голода ни один день. Казалось, седоволосые мужчины, вопреки приличиям этикета, старались съесть как можно больше, невзирая на то, что их желудок и так уже полон и едва вмещает в себя пищу. А это было крайне грубым и непростительно-неуважительным жестом.

– Лорд Кромат, вы не станете против, если я заберу вашу порцию, а то смотрю у вас нет аппетита, – беззастенчиво спросил лысый мужчина, который ел больше остальных, к слову и живот и щёки у него были больше, чем у остальных. Тронэр равнодушно кивнул в знак согласия.

– Можно вас попросить не чавкать? – намеренно провоцируя, попросил Бромар мужчину, который старательно поедал куриную ножку. Прекратив высасывать костный мозг, он недоумённо воззрился на Бромара, не вынимая ножку изо рта. Напряжённая тишина повисла над столом.

– А это должно быть ваша ручная собачка? – недоумённым взглядом прожигая Кромата, гневно возмутился глава совета. – Может быть, объясните мне, почему она раскрывает рот, когда её не просят?

– Прошу прощения, больше такого не повторится, – сконфуженно извинился Кромат.

– Больше такого не повторится, – передразнил глава совета. – Меня дико раздражает то, что вы всё время извиняетесь! Это не качество не свойственное правителю! – заявил он, прищулив левый глаз. – А вы, советник, будьте любезнее

и терпеливее; я понимаю, вы привыкли лизать задницы своим длинным языком, но мы, как-никак, старше вас, так что поимейте совесть и следите за собой!

– Зажравшиеся свиньи, я лучше вашу совесть поимею! – подумал про себя Бромар, заливая вином разбушевавшуюся злость.

– Полагаю, теперь, когда вы сыты, можно перейти к делу? – спросил Кромат.

– Кхе, кхе, ... надо же какая беспардонность! – ошеломлённо воскликнул толстячок, поперхнувшись вином, которое он жадно вливал в своё бездонное чрево.

– Вы ещё больше унижаете себя в моих глазах, – морщась, поддержал позицию толстячка глава совета.

– Вам нужно что-то ещё? – нарочно спросил Кромат.

– И вы ещё додумались спрашивать меня об этом?! – почти купился на провокацию глава совета. От ярости на его шеи вздулись вены, а лицо покраснелось, как у варёного рака. Старик явно желал осыпать Кромата оскорблениями и изо всех сил сдерживал себя. Ведь разреши он себе подобный беспардонный жест – совет оказался бы на грани роспуска (по крайней мере, у новоиспеченного правителя Вэйтстун возникли бы основания для этого).

– При короле Томаде к нам выказывалось куда большее уважение! – поддержал главу совету коротко стриженный бородатый мужчина, продолжая через силу уплетать очередную куриную ножку. Кромат незадачливо взглянул на Бро-

мара, а тот, в свою очередь сморщил нос, точно подавал знак. Тогда Тронэр пристыжено поник головой и, изображая неуверенность, спросил:

– Быть может, я смогу исправить положение, если предложу вам лучших женщин Вэйтстоун?

– Вот сейчас вы мыслите в правильном направлении, – похвалил предложение Кромата любитель куриных ножек.

– В таком случае, прошу проследовать за мной, – сказал Тронэр, спешно поднимаясь из-за стола. Члены совета в преддверии развлечений без лишних слов последовали за правителем в правое крыло замка. Глава совета с недоверием и презрением посматривал на лорда всё это время. Наконец Кромат привёл гостей в большую просторную комнату с резными стульями из махагони, оббитых чёрной кожей. В центре комнаты стоял лакированный стол, натёртый чуть ли не до блеска. За окнами из красного стекла, разливаясь по предгорным склонам, колыхалось рыже-зелёное море смешанного леса.

– Прошу, присаживайтесь господа, – с наигранной любезностью пригласил всех к столу Кромат.

– Что-то я не вижу здесь женщин... это очередная шутка? – с подозрением и скрытым отравляющим разочарованием спросил любитель куриных ножек, не решаясь садиться за стол, как и остальные члены совета.

– Господа, всему своё время, девочки сейчас немедленно придут, – уверял Кромат.

– Подобное заявление от вас я слышу не впервой, ну что ж, в таком случае несколько минут у вас есть, – прожигая взглядом Тронэра, смирился глава совета. Далее он медленно опустился на стул и, важно положив на стол вытянутые руки, начал терпеливо ждать. Остальные гости сделали так же. Кромат сел за край стола, по правую руку от него встал Бромар. Через недлительное время в дверь постучали.

– Наконец-то! Я уже думал, вы нас обманули, – укоритель-но произнёс глава совета, очнувшись от лёгкой дремоты.

– Ну же советник, чего вы сидите, откройте дверь! – приказным тоном сказал любитель куриных ножек, сгорая от нетерпения. Бромар с едкой ухмылкой, паясничая, подошёл к двери и медленно опустил ручку. В комнату, гремя доспе-хами, вошло девять стражников во главе с капитаном стра-жи Ровуком.

– Что происходит? Кто их впустил сюда?! – в недоумении воскликнул глава совета, поднимаясь из-за стола и озираясь по сторонам. Капитан стражи подошёл к нему и усадил об-ратно на стул, надавив на плечи.

– Успокойтесь, они действуют согласно моему приказу, – ехидно улыбнулся Бромар.

– Что вы себе позволяете?! – возмутился глава совета. Ис-корки страха пробежали в глазах подвыпившего мужчины. Стражники, словно тучи над Вэйтстоун, нависли над гостя-ми и приставили кинжалы к их горлам.

– Кромат, что это всё значит? – затравленно спросил гла-

ва совета, слегка порезавшись об острое лезвие кинжала от нахлынувшего волнения.

– Ты всё сказал, капризный старик? – надменно спросил Кромат, встав из-за стола. Он был счастлив распрощаться с тошнотворным для него подхалимством. – Бромар, закройте, пожалуйста, дверь и опустите шторы, – попросил правитель. Вишнёво-красные, как кровь, бархатистые занавеси скользнули по стеклу и ниспали на резной подоконник.

– Ты хоть понимаешь, на кого покушаешься, щенок? Немедленно сложите оружие! – приказал длинноволосый седой мужчина.

– И что же ты сделаешь? – съязвил Кромат. – Ты в моём городе, в моём замке, за моим столом в окружении моих людей и смеешь ещё угрожать? Ха, ты либо глупец, либо считаешь себя слишком важной персоной, но я открою тебе глаза, ты – никто, – изливая ехидство, как-то задорно протянул лорд, взбунтовавшемуся мужчине, издеваясь над ним испепеляющим презрительным взглядом.

– Ты пожалеешь об этом! – процедив сквозь зубы, ненавистно пообещал длинноволосый старик. Кромат кивнул стражнику, и тот ударил его кулаком по лицу. Отплёвывая кровь с разбитой губы, заложник начал браниться и продолжил угрожать. За это стражник ударил мужчину лбом о стол.

– Прекратите! – воскликнул глава совета. – Что вам нужно от нас?!

– Не может быть! неужели самые благоразумные слова за

весь день?! – гаерничал Кромат. – Мне нужно, чтобы вы подписали эту бумагу, – пояснил он, раскрывая перед заложником свиток. Тот в свою очередь внимательно пробежался по тексту глазами.

– Я отказываюсь это подписывать! – категорично заявил глава совета.

– Как жаль, – изобразив гримасу притворного огорчения, протянул Кромат. – Попробую объяснить чуточку понятнее, – саркастически добавил он. Стражник, что бил длинноволосого седого мужчину, без колебаний вонзил ему в ладонь кинжал. Крик разбавил тревожную атмосферу в комнате.

– В следующий раз он перережет ему горло, – бесчувственно предупредил Кромат. – А теперь спрашиваю во второй раз, вы подпишите это или нет?

– Подпиши эту проклятую бумагу, подпиши! – взмолил раненый, корчась от боли. Глава совета сначала посмотрел на лорда, потом на заложника, затем снова на лорда.

– Нет, – с долей сожаления и неприкаянности полушёпотом сказал он, заглянув в равнодушные глаза Кромата.

– Вы не оставили мне выбора, – разочарованно протянул Кромат, отдав приказ стражнику незамысловатым взмахом правой руки.

– Нет, прошу не надо, нет! – в ужасе закричал раненый мужчина, изо всех сил пытаясь вырваться. Стражник не стал медлить. Вскоре крик сменился хрипом, а на стол грохнулась

отяжелевшая седая голова. Струйки крови устремились на мраморный пол.

– Изверги, да как вы посмели, быть вам за это повешенными! – закричал в отчаянии длиннородый старик. Заложники начали звать на помощь и пытались вырваться всеми силами, за что их били то по лицу, то по телу.

– Успокойтесь! Вам всё равно никто не поможет! – перекричал всех Бромар. – Пока не будет подписана бумага, вы не покинете эти стены, – объяснил он.

– На улице нас ждут солдаты, и если мы не вернёмся к вечеру, они донесут о нашем исчезновении и тогда вам не поздоровится! – пригрозил громкоголосый длиннородый заложник.

– Если ещё хоть кто-то откроет рот, я велю отрезать ему язык! – пообещал рассерженно Кромат.

– Да будь ты проклят и весь твой род, Кромат Тронэр! – продолжал бунтовать мужчина.

– Режь! – сквозь зубы враждебно прошипел Кромат. Стражник беспрекословно исполнил распоряжение. Вскоре шею заложника украсила жуткая красная улыбка, ценой в жизнь.

– Одумайтесь, судьба этих людей в ваших руках, всё, что вам нужно, это взять перо и поставить свою подпись на этой бумаге, – неотступно попросил Кромат, тряся пергаментом перед главой совета. Его колючий взгляд вынуждал. Старик затравленно провалился в нём.

– А вы обещаете, что когда я исполню вашу просьбу, вы отпустите нас? – спросил глава совета.

– Клянусь всеми святыми, я отпущу вас, – непритворно уверил Кромат, протягивая перо.

– Что ж, будь, по-вашему, – сдался заложник, неохотно оставив свою подпись на бумаге.

– Весьма благодарен, – фальшиво улыбнувшись, триумфально произнёс Кромат.

– Полагаю, теперь мы вольны уйти? – осторожно уточнил глава совета, точно спрашивая разрешения. Он казался совсем потерянным от увиденного.

– Конечно, я всегда сдерживаю своё обещание, идите, – равнодушно бросил в ответ Кромат, любуясь победой на бумаге. Стражники отступили от стульев и выстроились возле двери в две колонны. Оставшиеся члены совета тут же встали из-за стола и поспешили покинуть комнату.

– Не так быстро, – коварно усмехнулся Бромар, когда лысый толстый мужчина крепко вцепился в ручку двери.

– Почему дверь заперта? Вы... вы же... вы обещали! – в недоумении вскричал толстячок.

– Заметьте, я вам ничего не обещал, – покачивая головой в стороны и грозя указательным пальцем, язвительно протянул Бромар. После чего он громко ударил в ладоши. Стражники схватили напуганных мужчин и каждому хладнокровно нарисовали кинжалами на горлах широкие улыбки, а после корчившиеся в предсмертной агонии тела положили друг

на друга.

– А что со стражниками на улице? – спросил Кромат советника.

– Не беспокойтесь, милорд, о них уже позаботились, – успокоил Бромар, скривив губы в хитрой улыбке.

– В таком случае, пусть через три дня в полдень народ собирается на площади, а писчие пускай приступают к исправлению свода законов. Надобно некоторые устаревшие из них заменить на те, что в этой бумаге, – распорядился Кромат.

– Думаю, Отец Патрир должен присутствовать на сей важном собрании, – предположил Бромар, вопросительно изогнув брови.

– Обязательно, – твёрдо ответил Кромат, бережно свернув драгоценную бумагу и передав ей советнику.

В течение следующих трёх дней с самого утра глашатаи, что и делали, так это разносили весть о венчании короля Кромата на престол. И вот когда третья ночь сменилась долгожданным полуднем, едва пробивавшееся сквозь плотную пелену туч солнце утонуло в мрачной серой бездне. Дождь, не перестававший бушевать ещё со вчерашнего дня и утихший с ночи до утра, к полудню разошёлся. Народ, собравшийся на площади, ёжился от холода и укрывался от дождя всем, чем мог. Толпа нервничала и несдержанно шумела. И вот, когда на балконе расступилась стража, появился Кромат, облачённый в чернильно-чёрный камзол с золотыми

запонками, пуговицами и каймой, гомон тут же прекратился. Только ропот дождя нарушал торжественную тишину. За Тронэром стояли советники и стража. Подняв правую руку вверх, Кромат Тронэр поприветствовал собравшийся народ, а после медленно опустился на золочёный узорчатый трон из чёрного дерева, который ему принесли слуги. Из толпы советников вышел отец Патрир в золотых одеждах, поприветствовав продрогший, вымокший люд.

– Сегодня знаменательный день! – начал главный Соборник, дирижируя при каждом слове. – Этот день, возможно, изменит историю, это день, которого мы давно ждали. Сам Великий Нэраэль предзнаменовал нам восхождение на трон достойного правителя голубой крови. И вот он перед вами! – указав на Кромата, торжественно заявил Отец Патрир. – Праведный свет нашего Небесного Отца выбрал этого человека, дабы он принёс процветание и господство Вэйтстоун не только Форлианде, но и во всей Тавринии, и кто знает, может в будущем, мы обретём власть, которая и не снилась нашим предкам! Теперь вы должны решить для себя, готовы ли вы присягнуть новому королю или пойти против воли нашего Небесного Отца и отдать жизнь за свою ошибку. После того, как я повенчаю этого человека короной, достойной несметной мудрости и благородства, вы сделаете выбор – преклонить колени и верно служить, или умереть, потерявшись в тумане слепой гордости! – ультимативно заявил Патрир. – Итак... – взяв в руки корону украшенную рубинами,

сапфирами и чёрным жемчугом, произнёс отец Патрир. – Я, верный служитель нашего Небесного Отца, защитника земли этой и властелина Обенхэйма величественного Нэраэля, властью, данной мне его праведным клинком, я венчаю этого благородного мужа короной, что носили предки наши, по праву взошедшие на престол и ушедшие из жизни так же достойно, как и вели её. Так путь же мудрость королевская освещает нам путь в дни бедствий и раздора, а клинок его, сопутствуя отваге, избавит от напастей всевозможных и вернёт земле нашей мир и процветание, – закончил речь Отец Патрир, увенчав голову Кромата Тронэра короной. Народ, недолго думая, пригнул колени пред новым правителем. Из толпы кто-то начал выкрикивать имя короля, другие люди подхватили это и постепенно неприметное соло, превратилось в настоящий шквал голосов. Насладившись сполна купанием в лучах величества и почёта, Кромат встал пред верной ему толпой и хлопнул в ладоши. Овации немедленно прекратились.

– Отныне я клянусь вам служить так же преданно, как и вы мне. Я гарантирую вам равенство во всех правах и единство закона над всеми. Наказание за нарушения и поощрения за верность. Теперь я ваш оплот, но вы его стены, пол и потолок! Я голова, а вы всё остальное! И чтобы мир, создаваемый нами, был справедлив, а поступки и умыслы несли лишь благое, забудьте старый свод законов и примите новый! – приказал Кромат, сжимая в поднятой над головой правой руке

чернильно-чёрную книгу с голубым переплётом, на обложке который был изображён восстающий золотой грифон. – Запомните, теперь эта книга будет решать судьбу каждого провинившегося, – заявил правитель. – А эта, – держа в левой руке старую потрёпанную книгу, продолжал говорить Кромат. – Отныне пережиток прошлого, бесполезный кусок бумаги, строчки в которой напрасны, а смысл в них исчез. И чтобы бесследно вычеркнуть её из вашей памяти, я придаю её огню! – решительно заявил правитель, опустив старую книгу в пламя, что разожгли слуги в переносной жаровне. Свирепые языки огня тотчас объяли ветхие сухие страницы и в мгновение ока обратили их в пепел.

– Все измененные и нововведённые законы вы услышите от глашатаев. Теперь ступайте по своим делам и запомните, с этого самого момента я предан вам, а вы мне, да восславится абсолютная монархия! – гордо произнёс король, приложив правую руку к сердцу.

– Да восславится абсолютная монархия! – подхватил народ, и все люди повторили жест правителя.

Глава 12

Солнце выплыло из-за горизонта, сначала неприхотливо облив своим тёплым золотым светом мрачные башни замка Брэгборг, а немного погодя, заботливо укрыло своими янтарными крыльями и весь Старстоун. Город загудел: заскрипели повозки по влажным после дождя дорогам, проснулись и вышли на улицы говорливые горожане, завопили от радости беззаботные дети.

В замке новоиспеченного правителя всё ещё царил щипающий лёгкой прохладой утренний полумрак. Бронзово-золотистые занавеси, словно нарочно, закрывали окна, преграждая проникновению солнечных лучей. Траур по смерти Фаргоса Бругура всё ещё наполнял каждый кирпичик замка, нагоняя либо лёгкое оцепенение, либо покалывающую дрожь. В главной зале, кроме стражников преданно несших свою службу стоя у дверей и юного короля Бахорна Бругура, неподвижно восседавшего на троне, словно окаменевшего от тягостных раздумий, никого больше не было. В дверь постучали, и правитель апатично приподнял раскрасневшиеся от бессонницы глаза на охрану.

– Откройте, – прохрипел невыразительно он, вновь отдав свой разум на растерзание мучительным мыслям. В залу спешно вошёл обеспокоенный Ролан Глэйд, стражники,

мигом убрав преграждавшие дорогу гвизарды, кивнула ему в знак приветствия.

– Ваше Величество, вы желали меня видеть? – резко одёрнув развивающийся серый плащ, сказал генерал, преданно отвесив поклон королю.

– Здравствуй Ролан, – поприветствовал его Бахорн. Взгляд юноши заметно оживился при виде долгожданного гостя.

– Что гнетёт вас, мой король? – заботливо поинтересовался Глэйд.

– Смерть моего отца, – опечаленно ответил Брогур. – Знаешь, я никогда не ненавидел его, напротив..., но он не любил меня, он вообще никого, кроме себя не любил. Его заботила политика, точнее его место в политической игре. Он всегда хотел, чтобы его имя перед Форлиандом оставалось незапятнанным и он боялся передавать власть в мои руки. И теперь, когда трон мой, я думаю, а правильно ли я поступил, избавив Вэтфэльд от их честолюбивого правителя? А вдруг именно это честолюбие и было опорой, что если я не справлюсь с тем, чем так упорно занимался мой отец? – засомневался Бахорн, едва ли не с безнадёжностью смотря на Ролана.

– А я считаю, Ваше Величество, что честолюбие Фаргоса Брогура лишь сдерживало возможности этой страны. Вспомните историю, пока Ардор не был един, Вэтфэльд или, как его тогда называли – Милдлэнд, был державой, перед которой трепетали соседи, даже больше чем сейчас перед Фи-

висвэйлом. И правители Милдлэнда никогда не нападал на слабые государства, потому что не видел в этом ничего благородного, а к какому решению пришёл ваш отец? – генерал сделал паузу и потупил взор. Но потом он гордо посмотрел на Бахорна и решительно договорил, сжимая кулак: – Но Вы поступили иначе, Ваше решение спасло тысячи жизней!

– Но ради чего?! Чтобы столько же потом загубить? А может и ещё больше?!

– Мой король, чтобы вами не руководило, стремление возвысить свою страну или же ненависть к Форлианду, вы не должны сожалеть о том, что уже сотворили или же отказываться от того, что намерились свершить. Без кровопролития не обходится победа, без борьбы, Вэтфэльд всегда будет в тени Форлианда, но если ваши войска и войска Фроста одержат вверх, эта страна получит куда больше, чем имеет сейчас, – заверил Ролан.

– А если война будет проиграна, что тогда?

– Ваше Величество, вы слишком далеко смотрите. Зачем вам размышлять над тем, чего может и не быть? – ответил подбадривающе генерал.

– И то верно, – согласился Бахорн, благодарственно взглянув на Ролана.

– Ваше Величество, вам бы не лишним было поспать, не кстати вам пребывать в таком виде на празднестве, – посоветовал Глэйд.

– Пожалуй, я соглашусь с тобой, – кивнул, улыбнувшись,

Бахорн. – Чуть не забыл, а что там слышно об армии Фроста?

– Если мои источники не врут, он прибудет в Старстоун не позднее двух с половиной месяцев, а под его командованием не меньше пятнадцать тысяч воинов.

– Это хорошо, – ответил король. – Раньше полудня из них всё равно никто не прибудет, так что несколько часов на сон у меня вполне найдётся, – сделал вывод Бахорн, изо всех сил стараясь сдержать подкравшуюся зевоту. – Пойдём, доверю охрану своего отдыха тебе, – доверительно посмотрев на Ролана, сказал Брогур, встав с трона и хрустнув затёкшими плечами.

– Слушаюсь, Ваше Величество, – ответил Ролан, не отставая, проследовав за своим королём.

– Я удаляюсь в опочивальню, а вы никого сюда не пускайте! – приказал он стражникам, покидая тронный зал.

К полудню, когда солнце спряталось в серой гуще облаков, направляясь к стенам Старстоуна, из-за холма вынырнула повозка, сопровождаемая восемью конными всадниками. Горны протяжным раскатистым воем возвестили о прибытии лорда Энсиса Мальта и его супруги Оливии. Им принадлежал крупный торгово-военный город Стонфэлл, расположенный у подножия хребта Мальтадос. Бахорн, словно спасаясь бегством от роя пчёл, выбежал из спальни и попросил Ролана Глэйда встретить гостей и сопроводить их в гостевую залу. Сам же король, созвав слуг, начал приводить

себя в порядок после глубокого сна. Через несколько часов в замок прибыла семья Лóтанов, где барон Ску́ар – один из самых крупных и влиятельных торговцев Вэтфэ́льда. Он владел Круксфортом – городом-крепостью на юге от Старстоуна в северной части озера Крукс и несколькими крупными поселениями. Едва ли не следом за Лотанами, прибыли их соседи из восточной части Вэтфэ́льда. Лорд Гальбур Рэлл и его жена Латриссия, правили военным городом-крепостью Фаралфортом, вклиненным донжоном замка в плато Фаралдон.

Едва лишь сумерки отбросили свою величественную тень на Старстоун, в ворота столицы въехало две повозки. Первая из Риверглэйда – торгового сердца Вэтфэ́льда, особенно прославленного различными ремеслами и ювелирным делом, где незаменимую роль играла добыча рубинов. Когда-то этот город называли рубиновой жилой Ардора, а его основатель носил единственную в своём роде рубиновую корону испещренную золотыми узорами, которая после войны бесследно исчезла. Вторая повозка была из Дэморфóрта – торгового города-крепости на юге, отгороженного от Риверглэйда крупным промысловым озером Дэмор. Власть в Дэморфорте принадлежала Лэждану Дэмору – старшему сыну Брунна Дэмора и его чернокудрой жены Тристии, являвшимися правителями Риверглэйда.

Наконец, когда на раскаленную тропу заката опустились холодные лиловые сапоги вечера и мрак, подобно бесцеремонному бандиту, ворвался в гостиный зал, минуя плотные

янтарные шторы, в замок прибыл Дэллис Смаул – единоличный правитель Ланфорта – военного города-крепости на северо-западе от Старстоуна запертого меж двух озёр. В гордом одиночестве он, походя на ожившую каменную статую, неторопливо вошёл в зал, где беззаботно беседовал собравшийся люд. На задумчивом лице Смаула отчётливо прослеживалась раздражённость и недовольство, словно он и во все не желал ехать, но в последний момент неудачно передумал. Едва он увидел лица гостей, как тут же нахмурился, став ещё суровее, чем обычно, и проследовал к краю стола. Выражение лица Дэллиса источало молнии недоверия и надменного недружелюбия. Присутствующие старались не замечать Смаула, правда, если их взгляд вдруг случайно натёк на него, то никогда долго не задерживался, ведь одни только его сдвинутые, будто грозовые тучи, глубокие морщины на лбу вызывали мурашки по всему телу.

– Я не наблюдаю барона Нумериса? – вопросительно посмотрев на Брунна Дэмора, возмутился Энсис Мальт.

– До Стонфэлла как всегда новости доходят позже всех, – усмехнулся Брунн. – Убит Нумерис, причём в своём же замке, – поведал мужчина.

– К тому же ещё и кучу стражников вырезали, – с тревогой в бархатистом голосе добавила его жена – симпатичная остроносая брюнетка с кудрявыми волосами.

– Кто же это посмел такое сотворить? – удивился Мальт, с трудом веря в сказанное.

– Если бы это хоть кто-то знал, – вступил в разговор барон Скуар Лотан – крупный щекастый мужчина с бульдожьим подбородком, обрамлённым каштановой бородой. Демонстративно поправив на пальцах золотые перстни с драгоценными камнями и рифлёный ворот камзола расшитый янтарными нитями, он с важностью короля категорично добавил:

– Вообще Нумерис сам виноват, нечего было нанимать в охрану кого попало.

– Дурак, – морщась, процедил себе под нос Смаул. В следующее мгновение он бросил пронзительный презрительный взгляд в сторону барона. Заметив его, Лотан боязливо посмотрел в ответ, слегка вздрогнул и отвернулся, задрал нос.

– Многое вы знаете, господа! – возразил с пренебрежением статный мужчина в чёрном строгом костюме, расшитым золотой каймой.

– А вы ещё кто такой? – удивился с явным возмущением, Мальт, недоброжелательным взглядом осмотрев незнакомца.

– Я регент Нумереса. Сейчас я помогаю управлять Вилдфортом его несчастной беременной вдове, – коротко объяснил мужчина, не меняя ни тона, ни взгляда. – Вы толкуете о том, чего не знаете и чего не видели! Я нашёл барона с перерезанным горлом, повсюду была кровь, много крови, мёртвые стражники. И скажу вам точно, убийца этот – не че-

ловек! – с тревогой в голосе поведал незнакомец. Все застыли будто в оцепенении, создав напряжённую тишину.

– Ха, так я и поверил, – надменно рассмеялся Брунн Дэмор.

– Пфф, чушь, какая! – поддержала мужа Тристиа. Присутствующие быстро скривили губы в желчной ухмылке. Регент сконфуженно потупил ожесточённый взгляд в тарелку с едой и запил своё оскорбление вином.

– Король приглашает всех в тронный зал! – неожиданно сообщил стражник. Утомлённые ожиданием гости вышли из-за стола и с нетерпением отправились в главный зал в предвкушении предстоящего банкета.

В тронном зале темноту разгоняли только свечи и несколько стражников с факелами. В строжайшем безмолвии по обе стороны красной дорожки от дверей и чуть ли не до самого трона тянулся знатный люд. Вскоре к ним присоединились лорды и бароны со своими супругами. Король Бахорн Бругур не заставил себя долго ждать. Как только тишина потревоженная цоканьем каблуков вновь вернула себе прежнее величие, дерзновенный лязг и звон лат нарушил её вновь. Королевская стража открыла двери перед правителем и, не касаясь золотой каймы дорожки, сопроводила его к трону. Все присутствующие словно по команде отвесили королю глубокий поклон. Красоту его платья расшитого золотом затмевала лишь натянутая улыбка.

– Я рад приветствовать всех вас в столь знаменательный и

торжественный вечер, – воздев руки, радушно произнёс правитель, встав перед троном. Вынужденная фальшивая улыбка не сползала с его лица. От непривычки Бахорну даже казалось, что его рот вот-вот разорвётся.

– К несчастью торжество это стало отроком трагедии. Фаргос Бругур был великим человеком, и всем нам трудно смириться с этой невосполнимой потерей, но я твёрдо убеждён, что дни траура для Вэтфэльда окончены. Я, так же как и мой отец, буду поступать по совести и действовать рассудительно, взвешенно принимая любое решение. Надеюсь, я займу такое же почётное место в ваших сердцах, как и все, кто принимал такую ответственность на свои плечи, – закончил речь король. После неё он попятился к трону и медленно опустился на него. Затем двое стражников, встав на колени и склонив головы, преподнесли королю подушку из красного бархата, на которой красовалась украшенная драгоценными камнями и узорами корона со стреловидными зубцами.

– Есть ли здесь те, кто оспаривают моё право на престол? – разлетелись по зале громогласным эхом слова Бахорна Бругура. В ответ их поглотило беспрекословное молчание. Тогда король увенчал свою голову короной, и все присутствующие припали на правое колено. Один за другим они вставали, подходили к королю, клялись ему в вере и покорности, после чего целовали рубиновый перстень на его руке и становились на прежнее место, но уже стоя. Присягу закончил лорд Дэллис Смаул. Он произнёс то, что от него требова-

лось, и с превеликим трудом заставил себя коснуться устами перстня. На протяжении всей церемонии его разум настораживали мысли о скандале, учинённом Бахорном в Форлианде. И это не вызывало у него доверия к новому королю.

После присяги, все гости перешли в праздничный зал, где их смиренно ожидал стол, ломившийся от разнообразных яств. В этой просторной громадной комнате ослепительно горели дорогие люстры и радовали глаз резные стулья из махагоны со спинками и подлокотниками оббитыми бархатом вишнёвого тона. По левую сторону от стола было отведено место для танцев, а в конце залы дожидались публики утомлённые бездействием музыканты. И вот когда оживлённая толпа загудела, принявшись беспощадно опустошать тарелки с едой и кувшины с вином, задорные мелодии скрипачей разлились по комнате подобно океаническим волнам.

С каждым осушённым бокалом вина шум настойчиво нарастал. Через некоторое время выпитое вино побороло стеснение и скованность. Разговоры о политике, культуре и отдыхе, плавно сменились личными недовольствами, пошлыми шуточками и порицаниями. Женщины рвались танцевать, а их мужья предпочитали упорно бороться с трезвостью. Правда, некоторые из них к удивлению меньшинства сходились мнениями со своими жёнами. И вот когда разорять праздничный стол остались несколько важных персон косивших одним глазом, либо вливавших вино помимо онемевшего рта, Энсис Мальт набрался смелости подсесть к Ба-

хорну Брогуру и заговорить с ним.

– Ваше Величество, я хотел бы вас предостеречь, – подобо-
бострастно заявил лорд.

– И от чего же?

– От Дэллиса Смаула, – прошипел лорд королю на ухо.

– С чего такое рвение угодить моей воле? – с подозрением
глянув на собеседника, буркнул Бахорн.

– Видите ли, Ваше Величество, заветная мечта моей до-
чери – выйти замуж за состоятельного человека в Вэтфэль-
де, – намекнул Мальт.

– Желаете, чтобы я вам помог с выбором? – усмехнулся
Бахорн.

– Можно и так сказать, – лукаво улыбнулся собеседник. –
Вам же не обойтись без наследника.

– Тут вы правы, но, к сожалению, обещать вам я ничего не
могу, – твёрдо ответил Бахорн. Суровость его лица говорила
об абсолютной непреложности сказанного. Радость в озор-
ных глазах лорда тут же померкла, а на щеках заиграли жел-
ваки.

– Да уж, жаль..., – обиженно вздохнул он, неуклюже пы-
таясь взять в руку бокал с вином. Кроваво-красная река тут
же устремилась мимо золотых подносов и тарелок к проти-
воположному краю стола. – И всё равно, от Дэллиса Смау-
ла, вам лучше всего избавиться, – склонившись над ухом ко-
роля, посоветовал Мальт. После этого, шаткой походкой, он
вернулся на своё место. Бахорн задумчиво начал поглажи-

вать усы, безотрывно наблюдая за тем, как белая ткань пропитывается рубиновым вином. Затем Бругур осторожно посмотрел в сторону Смаула, который, насупившись, пил вино в самом конце стола, а вокруг него не было ни души. И король вспомнил, как по воле его покойного отца, этот человек безжалостно казнил четырёх стражников-вымогателей. С лицом полным хладнокровия, Дэллис вливал их расплавленные мечи им в горла. От этого жуткого воспоминания Бахорна даже передёрнуло, и он чуть было не выронил золочёную чарку.

А в это время его брат Хольдур охваченный безудержным весельем присел за стол, чтобы опрокинуть ещё одну чарку и перевести дыхание от задорных танцев. И тут, не отрывавшая весь вечер осторожного пикантного взгляда от молодого привлекательного юноши, стройная, как кипарис, со струившимися, точно пламя, по малахитово-зелёному платью чуть ниже груди рыжими кудрями, супруга Гальбура Рэлла, вымотанная скучным застольем и обществом опьяневшего мужа, решила заговорить с объектом симпатии.

– Вы так прекрасно танцуете, милорд, – бархатистым голосом произнесла Латриссия, кокетливо пряча свой игривый заинтересованный взгляд.

– Благодарю за столь приятный комплемент с вашей стороны, а почему я не видел такую очаровательную красоту в движении? – ответил взаимностью Хольдур.

– Быть может потому, что мой муж в схватке с вином про-

играл ему и оставил меня в неловком одиночестве и отдал на растерзание скуке, – улыбаясь, ответила женщина, поднося к пухленьким алым губам золочёную чарку и откинув со своего бюста копну волос.

– С ваше позволения, я бы мог развеять печали, обуравляющие ваше сердце, – ненавязчиво произнёс Хольдур, ещё более мягким тоном, чем ранее.

– С превеликим удовольствием, – согласилась Латриссия, поджав нижнюю губу и пожирая страстным взглядом молодого юношу, направляющегося в её сторону. Подойдя к ней, мужчина галантно протянул даме руку. Не колеблясь, она приняла этот жест и пустилась с ним в танец.

– Что-то у меня кружится голова, наверное, стоит пойти подышать свежим воздухом, а то здесь он слишком тяжёл, – с долькой соблазна произнесла Латриссия. Хольдур без раздумий поддался ему и спустя какое-то время вышел вслед за женщиной. Убедившись, что вокруг них нет лишних глаз и ушей, они словно дикие голодные звери вцепились друг в друга и слились губами в страстном поцелуе.

– Нас могут хватиться, – встревоженно заговорила Латриссия.

– Мне кажется, стоит переживать за то, чтобы нас не увидели вместе и ваш муж... – Хольдур не успел договорить, женщина приложила палец к его губам и страстным шёпотом произнесла.

– Я бы переживала за то, что этой ночью ты не будешь во

мне.

– А ведь в гостевом зале сейчас пусто, – намекнул мужчина, похотливо улыбнувшись. Латриссия Рэлл поддержала его сладострастным возбуждённым взглядом. В тот же момент опьянённая знойной страстью пара тайком проникла в гостевой зал и предалась бесцеремонному разврату.

Через какое-то время, удовлетворенные низменными страстями и всё еще не остывшие от её притягательных сладких плодов, Хольдур и Латриссия вернулись в зал, где в не затихнувшем празднестве разгорался настоящий пожар яростного возмущения. В пьяном беспамятстве Гальбур Рэлл, не наблюдая своей жены, поднял такой скандал, что, казалось, песчаный смерч, показался бы феодалам детской забавой. Мужчина был в состоянии бешенства, он точно разъярённый бык метался из стороны в сторону, норовя разорвать любого, кто попадётся под его «горячие» руки.

– Ах, вот ты где, драгоценная жёнушка! – воскликнул Рэлл, заметив присутствие супруги; правда, радости в этих словах не было и вовсе, они клокотали иступлённой злобой. Увидев Хольдура возле Латриссии, супруг, сжигаемый пламенной ревностью, вновь пришёл в неопишное бешенство и набросился на юношу, крепко сжав своими мускулистыми жилистыми руками, точно тисками, его шею. Казалось, он сейчас переломит её, точно хрупкую веточку, а посему лорды в паническом беспокойстве бросились разжимать эти смертоносные «клещи». Но Рэлл лишь свирепо зарычал,

будто медведь, раненый стрелой, и не отпускал свою жертву. Его глаза горели такой кровожадностью, что взглянув в них, можно было ощутить пронзающий душу испуг. Наконец, после минутного старания, мужчинам всё-таки удалось сдержать безраздельную ярость правителя Фаралфорта, отпустившего горло Хольдура, и обессилено поникнувшего на руках у лорда Брунна Дэмора. Латриссия Рэлл, опустив стыдливый взор из-за поведения мужа, прошла обратно к столу. А феодалов поведение Гальбура Рэлла, казалось, ничуть не удивило и не смутило. Ведь они прекрасно знали, через что прошёл этот волевой и мужественный человек, что он поведал на войне с орками в Чёрной Пустыне, и поэтому никто не смел осуждать его, даже когда тот был в стельку пьян и хватался за меч, усердно пытаясь погромсать незримых врагов.

Бахорн Брогур искоса посмотрел на провинившегося брата и негодуяше покачал головой, будучи твёрдо уверенным в его преступлении. Затем новоиспечённый король отдал распоряжения стражникам сопроводить гостей по комнатам, а сам схватил брата под руку и спешно вывел его из зала.

– Ты с головой вообще дружишь?! – осуждающе воскликнул Бахорн на брата, схватив его за воротник так, что побелели костяшки его пальцев. Хольдур как-то испуганно взглянул на него, видя ясное отражение гнева в глазах правителя.

– Так и будешь молчать? Идиот, как у тебя вообще хватило наглости и ума совокупляться с правительницей Фарал-

форта. Ты хоть знаешь, что будет с тобой, если её муж узнает об этом?! – не унимался Бахорн, не находя себе места от злости и беспокойства. Он резко одёрнул руку от воротника брата и принялся расхаживать по комнате взад и вперёд, скрестив пальцы обеих рук у себя за спиной. – А вдруг она выдаст тебя, об этом ты не думал, когда лез ей под юбку?! – продолжал горячиться Бахорн, чеканя слова сквозь зубы. Лицо его покраснело от возмущения и злости, вены на шее вздулись. – Не думай, что твои действия по отношению к ней обойдутся тебе в ночь наслаждений, теперь ты обязан перед ней, а так как у тебя ничего ровным счётом нет, платить за твою бесцеремонную глупость придётся мне!

– А я разве прошу тебя платить за меня?! – внезапно нашёл в себе силы ответить Хольдур. Наполненный яростью взгляд Бахорна, точно копьё вонзился в сердце брата, заставив его тотчас прикусить язык.

– До чего же ты бестолковый, Хольдур! – едва не ударив брата, заявил правитель. – Бестолковый и бесполезный! – с надменностью в голосе добавил он после недолгой паузы.

– Хватит поносить меня!

– Свои возмущения оставь при себе! – толкнув восставшего брата на кровать, произнёс Бахорн, чуть ли не задыхаясь от гнева. Хольдур попытался подняться и дать брату отпор, но тот, будучи сильнее, не позволил коснуться себя.

– Попытаешься выкинуть подобное ещё раз, и я разобью тебе твоё драгоценное лицо! – угрожающе предупредил Ба-

хорн, с силой сжав кулак. Эти слова успокаивающе подействовали на Хольдура и он, насупившись, поджал под себя согнутые в коленях ноги и застыл в молчании, точно чугунная статуя. Изредка он поднимал на брата враждебный взгляд и продолжал терпеливо слушать обвинения и унижения в свой адрес, которые слетали с уст короля, точно капли дождя из глубин мрачной тучи.

– Я не позволю подорвать мой авторитет твоим грязным похотливым выходкам!

– За что ты так меня ненавидишь? – дрожащим от гнева и обиды голосом выдавил Хольдур, медленно подняв на Бахорна раскрасневшиеся глаза, на которых засверкали бриллианты слёз.

– Это никакая вовсе не ненависть, я беспокоюсь за тебя.

– Неправда, ты печёшься лишь о себе! Думаешь, я не вижу, как тебе приятно быть в центре внимания, как тебе нравится купаться в лучах власти!

– Замолчи! – сквозь зубы мрачно процедил Бахорн. – Ты понятия не имеешь, насколько невыносимо тяжело держать власть, опустившуюся на мои плечи. Ты из-за зависти своей видишь крылья, а на самом деле это кандалы! Я стараюсь защитить тебя сильнее, чем свой народ, поэтому так боюсь и за тебя и за себя, мне распри с господами никоим образом не нужны!

Дальнейшие возмущения Хольдур проглотил вместе со своей потрёпанной гордыней.

– Для своей же безопасности, ты останешься в этой комнате под присмотром стражи до тех пор, пока наши гости не разъедутся по домам, – бесповоротно вынес приговор король с совершенно незыблемым выражением лица. Хольдур не стал перечить, а только глубоко печально вздохнул и обречённо откинулся отяжелевшей головой на пышную подушку, безукоризненно приняв смирение, которым его наградил брат. Когда Бахорн закрыл за собой дверь, по щеке Хольдура сползла слеза, после чего он крепко сжал веки и уплыл по реке облегчения в царство блаженного сна.

Утром, наступившим у подвыпивших господ с гудящей головой только в полдень, Бахорн пригласил их искупаться в королевских банях. И лишь на третий день аристократы собрались в небольшой комнате для срочного собрания, устроенного королём.

– Достопочтенные лорды и бароны, – начал Бахорн, поправив волосы, аккуратно собранные в косу. Король нервничал, а от нервозности этой у него мысли переплетались меж собой, разбиваясь об стену волнения и питая воцарившуюся напряжённую тишину. Однако присутствующие терпеливо ждали. Говорить юноше было весьма тяжело, но когда Ролан Глэйд взглядом оказал ему поддержку, он, наконец, набрался смелости и, глубоко вздохнув, продолжил, списав свою неуверенность на большое горло. – Кхе, кхе... созваны вы были для обсуждения крайне деликатного и волнительного вопроса. К нашим северным границам подходит много-

тысячная армия Сноуглэйд во главе с их королём Форасом Фростом, – Брогур сделал паузу, поправляя душаций, как ему казалось, ворот платья.

Присутствующих охватило волнение и только Дэллис Смаул, гордо расправив плечи и вздёрнув подбородок, твёрдо заявил:

– Мы могли бы раздавить их как букашек.

– Не нужно столь поспешных решений, – заверил его Энсис Мальт, нервно пощёлкивая фалангами пальцев. У правителя Ланфорта эти слова вызвали лишь надменную усмешку.

– Полностью поддерживаю вас, милорд, – согласился с Энсисом Брунн Дэмор. – Нам мало, что известно об этой армии, пустить в ход когти мы всегда успеем, только вот раны зализывать всё равно придётся.

– Верно, подмечено, – поддержал изречение Дэмора старшего наместник Вилдфорта – Возможно, следует отослать к ним гонца и разузнать об их намерениях?

– Уверяю, вас, вряд ли это стоит делать, – попытался отговорить его Скуар Лотан.

– И в самом деле, в этом нет никакой надобности! – прервал разрастающийся балаган, Бахорн. – Из надёжных источников нам известно, что Фрост ведёт свою армию на Форлианд, нам он угрозы никакой не предвещает.

– Вздор! – вмешался в разговор Дэллис Смаул. – Ваше Величество, вы ведь не позволите этой армии еретиков беспрепятственно пройти по улицам Вэтфэльда?

– Вы, конечно же, меня извините, – вступился за позицию короля Ролан Глэйд. – Но вас послушать, так вам не терпится людей на бойню отправить.

– Послушайте, генерал, бойня сама сюда придёт, как только северяне пересекут границу!

– Вряд ли они сами жаждут этого кровопролития, – попытался оправдаться Глэйд.

– Если бы вы были пророком, я бы ещё прислушался к вашим словам, а так, это не более, чем пустой звук, – надменно ответил Смаул, скрестив руки на у груди.

– Быть может, стоит обратиться за поддержкой к нашим соседям? – опрометчиво вставил Скуар Лотан. Бахорн едва не покраснел от злости.

– Какая в этом надобность, милорд, чтобы стать ещё пущим должником? – восстал против мнения Лотана Энсис Мальт. – Вам мало того, сколько вы ежегодно отдаёте в их казну?

– Эмм... – растерялся правитель Круксфорта.

– Я также склонен выступать против неуместного кровопролития! – выступил молчаливый правитель Фаралфорта, перестав о чём-то напряжённо думать. – Если армия противника превышает десяти тысяч воинов, вести боевые действия нет смысла. Мы, конечно же, победим, но где гарантии того, что победа эта не отразится не только на благополучии страны, но и на наших кошельках?!

– Следует заметить, что в случае упадка, Форлианд под-

держку нам безвозмездно оказывать не станет, – подчеркнул Мальт.

– Да что же вы так привязались к этому Форлианду! – не выдержал Лэждан Дэмор. – Точно во всех бедах он и виноват.

– Не во всех, но во многих точно, – ответил Бахорн. – Я склоняюсь к мнению, что нам подобает начать переговоры с армией Фроста, не к чему нам кровь проливать и ввязываться в чуждые конфликты.

– А вы осознаёте, чем это для страны обернётся, Ваше Величество? – запротестовал Дэллис Смаул. – Вас разве не беспокоит то, что вы наживёте себе заклятого врага? Между прочим, ваш покойный отец ни за что бы не допустил подобного...

– Мой отец мёртв! – оборвал выступающего Бахорн, раздражённым тоном.

– Но дело его всё ещё живо!

– О каком деле вы ведёте речь? Об этом гнусном союзе с Тронэрами? О пресмыкании перед их раздутым самомнением?

– Не смейте так говорить про своего отца, он был великим человеком и воином, и никто не в праве его из присутствующих здесь осуждать! – удивляя и восхищая своей прямоотой, бесстрашно выступил Дэллис Смаул.

– Это великий, как вы выразились, человек, не только плясал под унижительную дудку своих соседей, так он ещё и же-

лал расширить свои владения, уничтожением беспомощных крестьян на юге Сноуглэйд, и что-то мне подсказывает, отнюдь, не по своей воле. Может быть, говоря о величии моего отца, вы имели ввиду поразительное тщеславие и высокомерие, коим он обладал?

– А чем обладаете вы?

– Стремлением! Неугасаемым желанием отделаться от гнусной порочащей Вэтфэльд дружбы с Форлиандом, где женщины смеют нагло не подчиняться закону их мужей!

– Ваше Величество, если вы намекаете на войну с этой могущественной державой, то это безрассудство, не выгоднее ли нам...

– Оскорблением будет прощать им подобные выходки! Уговор между покойными Томадом Тронэром и моим отцом был нарушен. И нарушен он был не с нашей стороны, а это значит, что к Форлианду было утрачено доверие.

– А разве не выгоднее ли вступить в переговоры с их новым правителем? – вмешался наместник Вилдфорта.

– Вас послушать, так вы готовы и дальше жить в тени, потворствуя их воле. Неужели вам не надоело быть под каблуком у этих избалованных аристократов, которые забыли о выполнении обещаний и, может быть, даже о чести! – слова Бахорна, вызвали волнение среди господ. Одни сомнительно и неуверенно разводили руками, другие хмурили брови, категорично качая головой, а некоторые одобрительно кивали и задумчиво почёсывали бороды.

– После ваших слов, не остаётся сомнений, что в отличие от вас, Фаргос Брогур был дальновидным человеком и жаль, что его с нами не стало. Это невосполнимая утра для страны, а ваши действия приведут её к краху! – с поражающей, словно молния, прямоотой высказался Смаул. После этого он встал из-за стола переговоров и собрался уходить.

– Я не потерплю сей грязной дерзости и мерзости, но ещё больше я не потерплю измены, – сквозь зубы заявил Бахорн, – стража!

– Ваше Величество, не надо, – покачал головой Роланд Глэйд, проницательно посмотрев на короля и склонившись в его сторону.

– Хм, измены, – пробасил Дэллис, окружённый солдатами. – А знаком ли вам вообще смысл этого слова, ваше Величество, коль вы напрасно пытаетесь утопить людей в крови?

– Генерал, он бесцеремонно оскорбил и предал меня и всех присутствующих здесь, как я могу отпустить его безнаказанным?! – не мирился молодой правитель, презренным взглядом сжигая Смаула.

– Если вы его не отпустите, ваши слова, сказанные сейчас здесь, ваши убеждения были напрасными и в глазах милордов вы станете не лучше чем ваш покойный отец. Подумайте, стоит ли то, чего мы добились, бросить в яму, из-за принципов этого человека? – не отступился Глэйд, шёпнув это королю на ухо.

– Ты прав, – одумался Бахорн, на мгновение смиренно

склонив голову. – Отпустите его, пусть идёт и умрёт за свои убеждения где-нибудь в другом месте, – распорядился юный правитель. Решение далось ему нелегко, но едва он принял его, как с души, словно камень упал.

– Возможно, наш юный король прав, мы слишком долго терпели наших кощунственных соседей, так бесстыдно предавших истинных богов. Даже Сноуглэйд, который мы так долго презирали, не посмел этого сделать, – поддержал Бахорна лорд Гальбур Рэлл.

– Не каждый же день идёшь против гордости, – подметил лорд Дэмор старший. – Вашему отцу, признаться по правде, этого никогда не удавалось, возможно, именно из-за этого его политика никогда не была столь гибкой. Интересно, что нам следует ожидать от вас.

На этом совет был окончен и феодалы в скором времени разъехались по домам.

Глава 13

Солнце золотисто-янтарной рекой залило опустевшие блёклые равнины, где в унылом одиночестве попадались невзрачные нагие деревья и кустарники. Неугомонный назойливый ветер теребил их ветки, разнося печальную осеннюю песнь над просторами Форлианда. Ударили заморозки. Теперь каждым утром водная гладь покрывалась хрупкими хрустальными щитами льда, отчаянно противостоявшими ещё греющим докучливым лучам-всадникам. По холодной небесной лазури, подобно морским судам, плыли нескончаемые цепи кремово-белых облаков.

На холм, укрытый солнечным крылом, подтянулся крупный отряд элитных всадников со знаменем Вэйтстоун. В его центре двигалась королевская карета. Янтарно-золотой лучик осторожно прокрался меж занавесей в окошко и притронулся своим нежным теплом к векам Кромата Тронэра. Новоиспечённый монарх неохотно приоткрыл заспанные глаза, поёжился и отвернулся от режущего света. Однако не прошло и десяти секунду, как он взволнованно прильнул к окошку. Свет точно факелом опалил ему глаза. Кромат тут же задёрнул шторку и ворчливо потёр глаза. Затем он повторил попытку вновь, но уже с меньшим энтузиазмом. За окном, избегая неровностей холмов, величественно раскинулся Риннглэйд, северными стенами прижавшись к похо-

дившим на огромную ладонь озеру Хёстис (самому крупному в Южном Форлианде). Золотистые шпили серокаменных башен, сверкавшие в солнечном огне, словно маяки усердно зазывали к себе. Сонную голову Кромата тут же озарил восторг. Ему ещё не доводилось видеть такой поразительной красоты.

– Не поспоришь, и впрямь роскошный город... невольно чувствуется спесь зодчих и их незаурядная самоотдача. Эх, умели же раньше города строить, – унимая досадливую зависть скромной улыбкой, сдержанно восхитился Кромат.

К полудню обрамлённые чёрной каймой лазурные стяги с вздымающимся чёрным крылатым драконом, вздрагивая на стихшем ветру, встретили прибывших гостей. Стражники Риннглэйд заранее отворили ворота, заметив знак Вэйтстоун. Капитан королевской гвардии потянул за поводья, чтобы подъехать навстречу въехавшим за ворота всадникам и попросить их следовать за ним. Ралдор Кроул в окружении своей личной охраны с нетерпением ждал, когда Кромат Тронэр пересечёт мост, и они, наконец-то, познакомятся.

– Достопочтенный герцог Ралдор Кроул, рад нашему знакомству, – поприветствовал правителя Риннглэйд Кромат Тронэр, выпрыгнув из наскучившей ему повозки. Одет он был в строгий чёрный камзол с золотыми пуговицами и манжетами. Рукава, ворот и края его обрамляла аметистовая тесьма.

– Ваше Величество, – радушной улыбкой и глубоким по-

клоном встретил долгожданного гостя Ралдор Кроул. Малахитового оттенка камзол с нефритовыми пуговицами и изумрудного цвета узорами в виде плещущихся волн отлично подчёркивал доброжелательный взгляд зелёных глаз правителя Риннглэйд.

– Как дорога? – заботливо поинтересовался Ралдор, коротким жестом предлагая следовать в замок.

– Жутко утомила, – искренне признался король Вэйтстун, скрывая недовольство под натянутой улыбкой.

– Родилась весть, что вы склоняетесь к старой монархии? – ненавязчиво спросил Ралдор.

– Я намеренно полагаю, что болезненный радикализм, возникший из-за подписания Альвионского конкордата, крайне неблагоприятно сказывается на наших устоях. Он не просто ущемляет власть, но вовсе лишает её своих привилегий, – без стеснений поделился своей точкой зрения Кромат.

– Благодарю за столь развёрнутый ответ, Ваше Величество, – уважительно ответил Ралдор.

– А каких придерживаетесь взглядов вы, милорд? – пытливо спросил Кромат. Один только его тон вынуждал ответить.

– Мне ближе давно укоренившиеся социальные и религиозные доктрины. Правда, консерватизм давно уже не тот, однако сохранение традиций общества не позволяет нам уподобляться нашим южным соседям, – отрадно поделился позицией герцог Кроул.

– Хм, исчерпывающе, – подметил Кромат. Лёгкая улыбка выдала невольную похвалу короля. – Стало быть, вы находите старые традиции образцовыми? – тут же тончайше намекнул гость.

– Эм... вы о бракосочетании, полагаю? – на мгновение замялся в предположении Ралдор.

– Приятно осознавать, что наши мысли схожи, – удовлетворённо ответил Кромат.

– Поправьте меня, если я не прав, но разве абсолютный монарх нуждается в жене? – осторожно спросил герцог Кроул.

– К счастью, ваши слова не требуют исправлений, однако твёрдое соблюдение канонов поможет лучше утвердиться перед народом, – без увиливаний и уловок пояснил Кромат, рискованно обнажая свои помыслы. – Вам же известно, как переменчиво уважение толпы, – окончил фразу утверждением король.

– Да уж, порой угодить ей и вовсе невозможно, – не колеблясь, согласился Кроул.

– К счастью, неукоснительное соблюдение обычаев и данных обещаний сглаживает большинство нюансов, ведь так? – выпытываяще добавил Кромат.

– Было бы глупо спорить с этим, Ваше Величество, – немного отстраняя взгляд в сторону, сошёлся во мнении герцог. Гостю из столицы Северного Форлианда эти слова в купе с подобным жестом показались подозрительными, и он недо-

верчиво и даже с корящей обидой пробуравил собеседника.

– Надеюсь, ваше смирение вызвано не разницей в титулах? – вызывающе спросил Кромат.

– Осмелюсь заверить вас, если бы это было так, то ваш советник принёс бы от меня совершенно иной ответ, – должно парировал герцог Ралдор. Почтение к правителю Риннглэйд у Кромата Тронэра тут же возросло.

– Ценю смелые речи. Подобное не должно оставаться без внимания, – отметил уважительно гость.

– Отрадно слышать.

– Отрадно, что вы согласились принять решение о нашей встрече, я рассчитываю, что она в равной степени обойдется для нас полезной, – снова не обошёлся без намёка Кромат, не упустив возможности заглянуть Кроулу в лицо. Непроницаемо спокойное – оно не давало поводов для сомнений.

– Надеюсь, она не будет столь печальна, как наша первая и последняя полемика с покойным Томадом Тронэром, – поддержал Ралдор.

– К злополучию, он был до одержимости радикален. Он верил, будто страна нуждается в конструктивной реформе, но он напрасно заблуждался... Неудивительно, что эта идея сгубила его, – иронично умозаключил Кромат.

– Трудно признать, но, тем не менее, он был талантлив в управлении страной, чего нельзя сказать о тех же Бэллусах, кои сотни лет распространяли бесчинство и тиранию в стране.

– О, на этот счёт есть замечательная книга Дэвюа Кастэ-льо! Его крайне проникновенный труд – «Истоки политиче-ского раскола Тавринии», произвёл на меня ошеломитель-ный восторг! В ней он так точно и лаконично описывает гра-ницы политического и социального конфликта, что даже ра-боты именитого Жуля Шантэсье меркнут в сравнении! Чего стоит одно исследование Кастэльо, в ходе которого он делает выводы, будто именно Бэллусы повинны в помешательстве Тавриона Фроста. Представляете, из-за одной только ссоры их предков, где те в ходе войны за Сноулэнд не поделили замок и обширные лесистые земли, не имевшие хозяев, Бэл-лусы возненавидели своих союзников Фростов, в то время обладавших поистине огромным влиянием, – не упустил мо-мента проявить свою начитанность Кромат, на одном дыха-нии делясь впечатлениями.

– Помнится, довелось мне прикоснуться к корке этого на редкость громкого творения того времени. Его фурор про-длился достаточно долго, успев затмить популярного на тот момент Гарцио Пинэлли, – разделил восхищение собеседни-ка Кроул. Лицо Кромата озарилось широкой улыбкой. По-следующие обсуждения строилась на удивление непринуж-дённо и легко. Сначала вели разговоры преимущественно о книгах, демонстрируя свою подкованность в истории, потом беседа вылилась в припоминание известных научных и лите-ратурных рукописей, затем плавно перешли к поэзии и жи-вописи. Быстро перескочив тему музыки, добрались до теат-

ра, задержавшись на восхищении шумной сатирой и комедией.

Прогулка по окрестностям замка незапланировано затянулась. Облака сгустились, лёгкий сумрак предвещал скорый приход вечера. Желудки, назойливо тараторя, мешали продолжительной беседе строиться далее, потому решено было повременить с разговорами и безотлагательно утолить голод. Однако прежде чем, наконец, посетить пенаты и отдохнуть с дороги за праздничным столом, мужчины успели проникнуться друг к другу каким-никаким доверием, и, как следствие, заинтересоваться решением проблем своих городов, предварительно обговорив положение Форлианда, акцентируя внимание на экономическом и военном.

Когда Ралдор Кроул и его важный гость из Вэйтстоун спустились в парадный зал, где их с нетерпением ждали (заранее оповещённые стражей) уже успевшие взволноваться гости, за окнами прожорливая вечерняя мгла ретиво прогрызалась через вату темнеющих облаков. В центре просторной комнаты на белом ковре с серовато-серебристыми узорами, стоял квадратный стол с резными ножками орехового цвета. Через салатовые шторы на беломраморный пол пролились внезапно вырвавшиеся из плена уходящего хмурого дня тускнеющие солнечные полосы. Рдяные, как кровь, гранатовые лучи заката нескромно легли на лица собравшихся за столом. На серебряных люстрах золотисто-янтарный и красный свет

обнимали узорчатые каплевидные малахитовые стёклышки, отражение которых оживленно играло на белокаменных выбеленных стенах.

– Я так голоден с дороги, что кабана бы съел! – фривольно признался Кромат хозяину замка, на мгновение, позволив себе расстаться с манерами.

– Значит, слуги не зря старались, – улыбнулся Ралдор, деликатным жестом приглашая короля к столу.

– Ваше Величество, позвольте представить вам мою горячо любимую супругу – леди Анэксию, – представил жену хозяин замка, едва Кромат Тронэр приблизился к столу.

– Весьма приятно познакомиться со столь прекрасной женщиной такого неординарного человека, – обходительно поклонился зеленоглазой даме король. От смущения супруга Ралдора не знала, куда ей направить взгляд, поэтому приковала его к столовым приборам, тем не менее, неожиданно нахлынувшее волнение заставило её прикоснуться к причёске и шёлковому платью изумрудного тона.

– А вы умеете заставить женщину засмущаться, Ваше Величество, – мерно ответила герцогиня Анэксия, пытаясь избавиться от выступившего на щеках предательского румянца. Кромат едва поборол желание цинично улыбнуться.

– А это моя дочь Алидрия, – произнёс Ралдор Кроул, представив лёгким движением кисти черноволосую белолицую, словно утренний снег, красавицу с пленительными округлыми чертами лица. Один только подбородок с ямоч-

кой и слегка заостренный носик вызывали знойную зависть у многих женщин Хёствильда (герцогства, где Риннглэйд является опорным городом).

– Так вот, где спрятана будущая королева Форлианда. Не знал, что настолько очаровательная красота вообще существует на Ардоре. Признаться, с ней сравнятся только звёзды, – поцеловав руку девушки, галантно произнёс Кромат. Его мягкий приятный тенор показался Алидрии нежнейшим касанием бархата по щеке. От этого уголки её губ ненамеренно поползли вверх, а глаза тона морской бирюзы застенчиво сверкнули.

– Благодарю, Ваше Величество, но вы явно преувеличиваете, – тонким и приятным голосом, словно звуки арфы, пропела Алидрия, обронив от всё-таки вспыхнувшей искры смущения не менее обворожительную кокетливую улыбку.

– Отнюдь, – утонув, будто в море, в глубине сине-зелёных глаз юной красавицы, решительно настоял Тронэр. Тут Алидрия отбросила препирательства с собой и вовсе растаяла, одарив Его Величество ослепительной улыбкой.

– А видели бы вы, как она танцует, – отвлёк Кромата от любования своей дочерью Кроул.

– О, тогда бы я точно оказался сражён, – отшутился Тронэр, затмевая смехом гул возражающего голоду чрева.

– Думаю, печёная утка моего мужа сразит вас не меньше, – не обошлось без остроумия герцогини Анэксии.

– Чего? да вы ещё и повар?! – воскликнул изумлённо Кро-

мат.

– А ещё немного живописец, поэт и резчик по дереву, – с гордостью похвастала отцом Алидрия.

– И вы об этом умолчали?! – изображая огорчение, нахмурился Кромат. – Я огромный любитель стихов, может, прочтёте что-нибудь из своего репертуара?

– Ну же, дорогой, улади слух нашего гостя, – подтолкнула мужа Анэксия, предвкушая услышать его любимые сочинения. Подбадривания жены развеяли оторопелость Ралдора Кроула в короткой улыбке.

– Отец, прочти моё любимое! – попросила дочь, вымаливая взглядом. После недолгих раздумий герцог Кроул неожиданно для всех помрачнел и едва первые строчки сорвались с его уст, как все вздрогнули и лица, оставленные пунцом заката, погрустнели:

Увы, намёков часто мы не понимаем

И ценность дел не признаём.

Так часто в тень иллюзии сбегает,

Что часто настоящим не живём.

Мы создаём проблемы,

Чтоб жизнь была не скучной,

А после разрываемся дилеммой –

– Кому всё это нужно?

В печали мы часы проводим,
Намеренно играя драму,
А после себя и не находим,
Предавшись сладкому обману.

Повисла напряжённая тишина. Близкие, намеревавшиеся услышать нечто совершенно иное, были ошарашены и, казалось, позабыли дар речи. Сам же Ралдор Кроул почувствовал противную горечь во рту и едва справился с вожделением запить её вином. Угнетающую тишину разбили аплодисменты Кромата.

– Bravo! Достопочтенный герцог Ралдор Кроул, это было великолепно! Примите мою похвалу, не каждый день слышишь такие проникновенные стихи, – разогнал сгущающуюся тяжёлую печаль Кромат. Анэксия и Алидрия облегчённо заулыбались. Последний золотой луч заходящего солнца исчез с их лиц.

– Благодарю вас, Ваше Величество, – точно извиняясь, отчеканил Кроул, явно не обрадовавшись выбору своего сочинения. Окинув быстрым взглядом сервировку стола, герцог тут же поспешил скрыть свой конфуз: – Когда же мы приступим к трапезе?

– И то правда, наш гость верно уже изнемог от голода? – поддержала мужа Анэксия, бросив обходительную улыбку в сторону Кромата. Король, занятый красотой дочери Ралдора Кроула, не отличил натянутой вежливости, и просто скуп

улыбнулся в ответ. Откушав под ненавязчивые лёгкие песни музыкантов, вызванных хлопком в ладони хозяином замка, Кромат сел поближе к Алидрии и принялся, как паук, мило плести с ней паутину беседы. Сейчас его интересовала лишь притягательная красота невинной девы, которую он усердно стремился заполучить своим «змеиным» языком, поломавших немало женских судеб.

– Я думаю, ему не стоит доверять, особенно из-за его вшивого сладкоречия, – недоверчиво окинув взглядом короля, тихо шепнула мужу на ухо Анэксия, наблюдая с какой приторной вежливостью и подобострастием он разговаривает с её дочерью.

– Предлагаешь не выдавать за него нашу дочь? – вопросительно изогнул брови Ралдор, вынуждая жену ответить.

– Что если так? Что-то подсказывает мне, что этот человек соткан из лжи и притворства, довериться ему то же самое, что выпить чашу с ядом, – твёрдо заявила супруга.

– Я понимаю, ты взволнованна...

– Нет, не понимаешь, – перебила мужа Анэксия.

– Прекрати уже, – сердито буркнул Кроул. – Мне тоже не по себе. Непомерно тяжело расставаться с дочерью, отдать чужому человеку то, что так рьяно оберегал почти четырнадцать лет.

– Вот именно чужому! – выделила, прошипев, Анэксия.

– Супруга моя, ты, верно, торопишься с выводами, Кромат Тронэр не такой уж и подлец, как ты его описываешь, –

успокаивал жену Кроул.

– Да много ты знаешь, вы знакомы меньше дня, – настаивала на своём Анэксия.

– Успокойся, заключить столь выгодный брак, значит, обеспечить себе сильный союз, который многое предвещает! – непреложно заверил Ралдор.

– Ты так говоришь, будто бы в его силах помочь твоей сестре, – опрометчиво обронила в сердцах Анэксия.

– Осторожнее со словами, супруга моя, – помрачнел Кроул, сжав стакан так, что тот едва не лопнул. – Я больше не желаю об этом слышать, оставим этот разговор, – отпив вина, безоговорочно сказал герцог Ралдор, – тем более, что решение уже принято, – добавил он, потушив спиртным гнев.

– Как ты мог принять его без меня?! – Упорствовала Анэксия. Её обида перетекала в непомерное возмущение, но угрюмый взгляд мужа тут же пресёк неуместное упрямство жены.

– Хватит! Не мешало ещё, чтобы ты опозорила нас. Ты знаешь, как я люблю вас и на что готов пойти ради семьи, но будь добра, оставь свои капризы!

– Если мы так дороги тебе, тогда почему ты так поступаешь?

– На пороге война и это непросто слухи, этому есть множество подтверждений, поэтому отказывать ему не то чтобы глупо – опасно! – коротко объяснил Ралдор.

– Ты боишься? – удивилась Анэксия, понизив тон до чуть

слышного шёпота. Муж нахмурил брови, пронзив её трепетным взглядом.

– Разве что за вас, – взволнованно ответил он, распрямив на лбу морщины и обласкав супругу заботливым взглядом. Анэксия виновато потупила взор. Стыдясь своих мыслей, касающихся недоверия, она смиренно опустила голову мужу на плечо.

Когда ночь опустилась на Риннглэйд и потемневшие коридоры озарились свечами, Кромат Тронэр, удовлетворённый приятной беседой и ужином, настоял продолжить прерванный в саду разговор. Не меньше заинтересованный в подобной идее, Ралдор Кроул охотно согласился. Делясь забавными историями и шутками, раскрепощённые вином мужчины поднимались на верхний этаж донжона – в кабинет хозяина замка. Убедившись, что вокруг нет лишних ушей, герцог Кроул запер дверь и зажёл яркую зеленоватую лампу. Белесо-травянистый свет озарил комнату.

– Вы тоже устаёте натягивать маску фальши перед обществом? – спросил Ралдор, разливая в золочёные чарки вино из нефритового кувшина.

– Терпеть не могу эту глумливую напыщенность! – категорично заявил Кромат, подойдя к столу.

– Признаться, впервые разговариваю с королём в такой простодушной манере, – произнёс Ралдор, взмахом руки предлагая собеседнику присесть и подавая ему чарку с ви-

НОМ.

– Если всякий раз держаться за свою гордость и укрываться за титулом, можно нажать больше врагов, нежели друзей, – улыбнулся Кромат, расслабленно опустившись в кресло.

– Мой отец на этот счёт часто говорил, если будешь ото всего закрываться титулованным щитом, когда-нибудь напорешься на весьма острый неприятельский штык, – поддержал герцог Кроул, присев напротив собеседника и жадно глотнув из чарки.

– Он был определённо мудрым человеком. Что случилось с ним? – поинтересовался Кромат.

– Погиб во время беспорядков в Тамервильде, – с горьким сожалением отпустил Кроул, залив вином едва всплывшие в сознании трагичные воспоминания.

– Сочувствую вашей утрате, – подбодрил почти искренним соболезнованием Кромат.

– Благодарю, Ваше Величество, – не заподозрив подвоха, ответил герцог.

– Ох, будет вам, Ралдор, давайте уже отбросим эту ущемляющую корректность, – предложение прозвучало больше как утверждение, нежели вопрос.

– Хорошо, Кромат.

– Замечательно, так-то лучше, – непринуждённо ответил гость. – Прошу простить моё любопытство, но мне показалось, что вы с супругой о чём-то ожесточённо спорили? – вы-

пытывающе произнёс Кромат, точно им задвигали корыстные мысли.

– У нас возникли противоречия по поводу свадебного наряда. Супруга желала купить его заранее, а я убеждал её повременить, – отшутился ложью Кроул.

– Отчего же оттягивать торжество? – посерьёзnel Кромат, отпив немного вина и наслаждаясь его букетом.

– До совершеннолетия Алидрии ещё почти полгода, да и её приданное не готово.

– Вздор! Мы можем хоть сейчас решить эту проблему, в конце концов, монарх я или ручная собачонка советов?! – с неподавляемым энтузиазмом разошёлся Кромат.

– Но на подготовку свадебной церемонии, как ни крути, нужно время, – упорствовал Кроул.

– Хорошо. Я учёл ваши препирания. Вам требуется военная поддержка от Северного Форлианда, свободная торговля в пределах Вэйтстоун и его провинций? – что ж, вы это получите – не колеблясь, расщедрился на обещание Кромат. – Кстати, вино замечательное, Тамеронское красное, купажированное, ах, этот аромат и неповторимый вкус, обожаю его! Вы, несомненно, знаток, – похвалил гость хозяина замка, вжавшись в спинку кресла.

– Благодарю, Ваше... эм... Кромат, – слегка растерялся Кроул, затем он собрался с мыслями и продолжил. – Но это не совсем то, к чему я стремлюсь, да и на самом деле такие требования весьма посредственные! – осмелился бесстраш-

но возразить герцог. – Вы же не считаете меня наивным простачком? – в его словах чувствовалась обида, но в глазах отчётливо читалось возмущение.

– Дерзко! – скорчив гримасу, брезгливо отчеканил Кромат. Затем, отвлекшись на наслаждение вином, он расплылся в не лишённой лукавства улыбке, одобряя решительность собеседника: – Однако откровенно и... смело. Хорошо, я готов выслушать ваши требования, – приготовился внимать Кромат. Ралдор Кроул, подавшись вперёд, осмотрительно выдвинул своё предложение заманчивым полушёпотом:

– Весь Форлианд, от севера до юга, наслышан о давней неприязни Вэйтстоун с Фивисвэйлом, но мало кто осмелится принять ту или иную сторону – эти распри никого не волнуют.

– Хм, а вас, стало быть, эта, как вы выразились, неприязнь волнует? – отставив бокал с вином в сторону, заинтересовался Кромат, задумчиво потирая подбородок.

– Меня волнует безопасность моей семьи и процветание страны, но неприязнь, как учит история, без её решения часто выливается во вражду, а затем в открытое противостояние, что со всеми вытекающими грозит, обернувшись войной, подорвать мирное время и все скрупулезно сложенные устои, а Форлианд и так устал захлёбываться в крови. Потому было бы разумно принять одну из конфликтующих сторон, пока ещё непоздно предотвратить раздор в зачатке, – рассуждал Кроул.

– Мне нравится ход ваших мыслей, Ралдор, продолжайте, – удовлетворённо произнёс Кромат, жадно поглощая каждое слово.

– В Фивисвэйл есть крупнейший на Ардоре порт, кроме этого провинции Фивистар принадлежит немалое число рудников, однако самое важное – это морские торговые пути в Тамерон и Альтэрос.

– Завладев которыми, можно значительно поднять статус города и, как следствие, расширить его влияние, – перебив герцога, закончил король, не чуждаясь подозрений. Кроул ожидал услышать нечто подобное, потому оказался готовым незамедлительно парировать:

– Но если часть Фивистара отойдёт Вэйтрин, а бразды правления в Фивисвэйл достанутся надёжному союзнику, истово придерживающегося монархических устоев, статус Вэйтстоун взлетит неимоверно высоко, а это, несомненно, объединит разрозненный Форлианд, обеспечив ему долгий мир, – убеждал Ралдор.

– Значит, вы предъявляете свои требования на трон в Фивисвэйл, но немного ли вы просите? – усомнился в предложении собеседника Кромат.

– Но вашу же власть оспаривать никто не станет.

– А могу ли я быть в этом уверен через, предположим, десять-двадцать лет? – не уступал Кромат.

– Так брак с моей дочерью станет объединением наших домов и становлению крепкого содружества, – настойчиво

произнёс Кроул. Недоверие неярким огоньком блеснуло в глазах Кромата, и морщины заплясали на его лбу. Ралдор Кроул заметил это, но не смутился, потому осторожно спросил:

– Что же вас не устраивает?

– Ваши утаённые мотивы, – скрестив руки на груди, с осуждающей правотой пробасил Кромат, задержав на лице суровую маску. Кроул сконфуженно потупил взор. Король пристально наблюдал за каждым малейшим движением герцога, даже слушал его напряжённое сопение и дыхание.

Тишина затянулась – Ралдор Кроул тянул с ответом, а это могло стать акцентом недоверия. Тогда, чтобы не спугнуть потенциального партнёра, Кромат решительно спросил:

– Ралдор, поймите, мне нужны не просто союзники, мне нужны друзья, которые немедленно придут на крик о помощи. Мне необходимы люди, на которых я смогу опереться, а вы вынашиваете тайны, подрывающее моё спокойствие. Так скажите мне честно, готовы ли вы сейчас обрести друга, поделившись с ним своей целью?

– Если я скажу, что готов, вы пообещаете мне раскрыть свои мотивы? – не до конца уверенный, спросил Кроул.

– Что как ни мечты и цели делают нас друзьями.

– Цитируете Галберта Вильсона, – подметил герцог.

– «Философия Монарха. Том третий», – с улыбкой уточнил Кромат. Губы Кроула растянулись в ответ, правда, как-то чёрство. Затем герцог глубоко вздохнул, ладонями ото лба

к затылку взъерошил волосы и неспешно решился на полное откровение:

– Дело в том, что младший сын моего брата – Отонар, волей неволей займёт престол здесь, в Риннглэйд, если у меня не будет наследника.

– Поймите, а как же это связано с Фивисвэйлом? Да и с чего вы взяли, что у вас не будет наследника?

– Дело не в этом, а в том, что вы как монарх могли бы узаконить не только мои права на престол в Фивисвэйле, но и моей младшей дочери. – Кроул жестом попросил Кромата не перебивать и дать оправдаться. – Знаю, это повлечёт за собой массу возмущений, но несколько репрессий дадут народу знать, что власть короля непреложна. Кроме этого у меня появилась бы возможность расширить влияние гильдии купцов, открыть сухопутный и морской торговые пути в Фивисвэйл. А мои связи с Касталвэйлом обеспечили бы Вэйтстоун ещё одним влиятельным союзником, – объяснился герцог Риннглэйд. Кромат участливо его выслушал и построил свою следующую речь такими словами:

– В наше время это может звучать глупо и наивно, но именно союз, завязанный на доверии и дружбе сравнится по крепости с мечом из закалённой стали, в которую кузнец вложил душу. Я посулил вам раскрыть свои планы, если вы доверитесь мне и вот я исполняю обещанное. – Кромат выдержал паузу, собрался с мыслями и продолжил: – Моё положение на троне шаткое – кругом завистники, лицемеры и

лжецы, герцоги Форлианда разобщены, со смертью Томада Виндфэлл отказал в поддержке, графы Вэйтрин мне не доверяют, армия Фроста, движимая отчаянием, выступает на наши земли, потому я как никогда нуждаюсь в надёжном тыле. Ведь стоит мне лишить Вэйтстоун войск, чего делать я не намерен, как стяги Фивисвэйла тут же окажутся под моим окном. Поэтому единственное, что я пока могу, – искать друзей, укреплять границы и ждать, терпеливо ждать хода нашего противника, – невозмутимо и настойчиво разъяснил Кромат.

– Значит, в скором времени враг ступит на наш порог, – умозаключил Кроул, констатируя приход беды.

– По сведению моих соглядатаев, если нового правителя Старстоуна – Бахорна Брогура поддержат лорды Вэтфэльда, он, явно разделив позицию Фроста, даст его армии свободный проход через страну. Тогда его армия за зиму пересечёт Вэтфэльд и уже весной подступит к реке Фламме – назидательно предостерёг Кромат.

– Стало быть, предпринять пока ничего нельзя, значит, война неминуемо коснётся своим серпом наших границ и потечёт кровь, – встревожился Кроул, обречённо смотря на Тронэра, словно надеясь услышать от него утешающие вести. Мысли о смерти семьи повергали его в отчаяние, поэтому Ралдор всячески пытался от них избавиться.

– Думаю, вам стоит обязательно предупредить брата о надвигающемся вторжении и беречь средства для захвата Фи-

висвэйла, – подытожил Король Вэйтстоун.

– Я не ослышался? Ваше Величество, то есть, Кромат, вы принимаете мои условия? – загорелся радостью Кроул.

– Нет, Ралдор, вы не ослышались... , мне приятнее и спокойнее осознавать то, что власть достанется в руки здравомыслящего человека, нежели слепому фанатику, жаждущего видеть мою голову на пике, – мрачно усмехнулся Кромат, поднявшись с кресла и протянув собеседнику руку. Ралдор, без доли сомнений, пошёл навстречу предложению короля – начало союзу было положено крепким рукопожатием.

– Полагаю, моей дочери стоит как можно скорее выйти замуж за короля Северного Форлианда и утвердить-таки его власть в стране, – бесповоротно заявил Кроул.

– Несомненно, ваша решительность начинает меня восхищать, – сознался Кромат. Ралдор доверчиво посмотрел на короля Вэйтстоун – его глаза пылали прямодушием, а это не могло не вызвать у хозяина замка отрадной улыбки.

– Нам было бы о чём с вами поговорить, милорд, но, к сожалению, как вы уже поняли, я не располагаю временем, – досадливо развёл руки Кромат.

– Увы, – огорчённо протянул Кроул.

– Да и время уже позднее, – устало добавил гость, изо всех сил сдерживая зевок.

– Ранний подъём – понимаю, – с сочувствием сказал герцог, – позвольте сопроводить вас в ваши покои, – учтиво прибавил он. Кромат лениво кивнул и на этом переговоры

благополучно окончились – вскоре лампа погасла, и мрак поглотил комнату.

Едва ослепительные лучи солнца вынырнули из-за холмов и, скользя по замерзшей озёрной глади, прогнали тень с городских башен, поеживаясь от лёгкой морозной прохлады, к воротам замка, где неусыпно дежурила стража, вышли Ралдор Кроул и Кромат Тронэр.

– Я бы рад ещё погостить в столь приятном окружении, но, увы... , меня ждёт много дел, – огорчённо вздохнул король. В ответ хозяин замка пожелал королю удачи и, заключив его в братские объятия, шёпотом предостерёг:

– Будьте крайне бдительны и особенно осторожными в отношении Фивисвэйла, Ваше Величество. Я наслышан о том, что Бэллус связан с могущественными магами и не раз видел людей в странных одеждах, бродивших возле его замка.

– Ещё раз благодарю вас за весьма тёплый приём, – произнёс на прощание Кромат. Затем он запрыгнул в повозку и, уважительно кивнув Ралдору Кроулу, в сопровождении всадников покинул город.

Тем временем в Вэйтстоун у власти находился советник Бромар. По тайному указу Кромата он стал наместником, правда, ничегошеньки об этом документе не знал. Хоть король и доверял своему приближённому, отчасти он всё же опасался его незаурядного хитрого ума. И пока Тронэр был

в отъезде, Бромар по его поручению выслал сообщения графам Вэйтстоун, требуя немедленно прибыть в столицу. И чтобы бесцельно не дожидаться их, советник решил побеседовать с Флёр. Он не стал церемониться и нагрянул на завтрак. Вид его был отталкивающе задумчив и слегка мрачен. При появлении советника Бромара в дверях, Флёр уже передёрнуло. Желание продолжать завтрак мгновенно исчезло. Даже кусочек бекона насаженный на вилку девушка не стала доедать и дрогнувшей рукой вернула на тарелку. Отравленное печалью и переживанием лицо, лишённое улыбки, бесследно стёртой слезами раскаяния и боли за вынужденное предательство, напоминало бледную бесчувственную маску.

Жестом приказав слугам покинуть комнату, Бромар медленно приблизился к Флёр. Как только его вынуждающий хитроватый взгляд, не предвещавший ничего путного, скользнул по девушке, она ощутила дрожь в коленях. Когда Бромар присел рядом, сложив ногу на ногу, её пальцы нервно дёрнулись, будто что-то до тошноты влажное и жирное поползло по ним. Облокотившись на стол, советник как-то запугивающе взглянул на Флёр и лукаво улыбнулся. Девушке показалось, что ухмылка эта была похожа на безобразный надруб топора по сгнившему дереву. Она робела от каждого его едкого слова, слетающего с его коварных уст. Флёр боялась услышать Бромара, точно слова его неизбежно предвещали чуму, ей казалось, что едва советник разжимает губы, как из его рта начинают сыпаться мерзкие насекомые.

– Доброе утро, Ваше Сиятельство, – на удивление приветливо поздоровался Бромар. Флёр смутилась, язык пристыл к горлу. Желание ответить взаимностью подавляли память и мысли о подлости советника, завязывая всплывающие в голове буквы в тугой узел. Бромар недовольно нахмурился, давя на собеседницу тяжёлым взглядом. Девушке показалось, что на её плечи давят невидимые каменные руки. Ей тут же захотелось избавиться от этого гнетущего чувства, и она решила, пересилив себя, соблюсти нормы приличия, несмотря на отвратную для неё компанию.

– Доброе..., – голос Флёр невольно сорвался, будто её горло резала ангина. Она почувствовала лёгкую неловкость, но тут же отмахнулась от неё.

– Понимаю, вам пришлось совершить крайне нелёгкий выбор, – сочувствующе сказал Бромар. Правда, тон его был холоден.

– Как такой человек как вы, может вообще даже пытаться соперничать? – возмутилась Флёр, оскорблённая его напускной участливостью.

– Вы правы, это в мои способности не входит, – с желчной улыбкой подметил Бромар.

– Что вам нужно на сей раз, советник? Снова пришли меня запугивать и подталкивать к краю? – вопросы Флёр, подавляя холодным гневом трепет, прозвучали вызывающе и ожесточённо.

– Надо же, как грубо! Наверное, я это заслужил, – обхва-

тив ладонями правое колено в замок, безучастно отозвался Бромар. Собеседница не стала придавать значения этой издевательской насмешке, глубоко закутанной в равнодушие, что вызвало у советника небольшой конфуз, который он тотчас обратил в наступательное раздражение.

– Мы действовали исключительно в интересах государства, – без намёка на оправдание говорил Бромар, – а твоя упёртая мачеха мешала этому, вот поэтому от неё и пришлось избавиться, но ты же не встанешь на нашем пути, – больше утверждая, чем спрашивая, произнес советник. Тон его звучал угрожающе.

– Фаретра мешала отнюдь не интересам государства, а только лишь вашим, советник, – передразнивая бросила с ненавистью Флёр.

– Ха, разве здесь есть разница, – чванно усмехнулся Бромар. Девушка почувствовала себя неловко от этого жуткого высокомерного смешка, потому не нашла слов для ответа. Собеседник же продолжил:

– Фенмир Шадор – это имя вам что-нибудь говорит? – выпытываяще спросил Бромар. Флёр снова покорило, чувства тревоги наполнили её сердце, она постаралась это скрыть, но советник злокозненно победно заулыбался, ловя её опрометчивый отведённый взгляд.

– Можете не отвечать, по глазам вижу, что вы его знаете, – всматриваясь в глубину печально-беспокойных карих глаз Флёр, едко протянул советник, буравя взглядом.

– Он-то вам, чем не угодил? – волнительно спросила Флёр.

– Он ничем, а вот его отец, – сморщив безобразную гримасу, брезгливо процедил Бромар.

– Желаете сравнить сына с отцом? Неужели вам и вправду сдался этот безобидный старик, мирно доживающий свой срок, – отчаянно выпалила Флёр.

– Безобидный?! – брови Бромара изогнулись подковой, а глаза едва ли не выкатились из орбит. – Это-то Мириос Шадор безобидный?! Видели бы вы его в расцвете сил, миледи, весь Южный Форлианд чуть ли не кланялся ему при встрече, – укорительно произнёс советник, осуждая невежественность Флёр сердитым взглядом. Девушка виновато сжалась, стыдясь необдуманных обронённых из-за эмоций слов.

– Если бы вы интересовались историей, а не праздничными нарядами и шумными балами, то, наверняка, знали бы, что Шадоуривер, некогда переименованный из Ривербридж по инициативе Мириоса, издавна являлся столицей Южного Форлианда. Он был крупнейшей торговой точкой до тех пор, пока Альвионский конкордат не перевернул всё вверх дном. Когда Тронэры взяли власть в Северном Форлианде, Ривербридж резко утратил привилегии, из-за их неприязни с Бэллусами в Фивисвэйле, кои поддерживали политику Шадоров и были его союзниками, разделяя торговые пути.

– Остановитесь, советник, ваши напрасные потуги преподать мне урок истории, всё равно ничего полезного не да-

дут, – осторожно прервала Бромара Флёр. Тот нахохлился, а затем подавил вспыхнувшее возмущение желчной улыбкой:

– Вот поэтому вам и придётся потакать мне, – с обезоруживающей прямоотой заявил советник.

– А если я откажусь? – стояла на своём Флёр.

– О, это не в ваших интересах! Да и какой вообще прок в ваших капризах? Нелепые попытки доказать свою важность или обелить себя в предательстве Фаретры? – резанули слова Бромара как ножом по сердцу. В мыслях Флёр созрел очередной протест, но приказной жест Бромара перебил желание его выражать. – Не нужно оправданий! В них я нуждаюсь меньше всего. А если же вы наивно полагаете, что эти политические игры обойдут вас стороной или вовсе не касаются, то вы глубоко заблуждаетесь. Прискорбно до разочарования допускать об этом даже мысль, миледи! – порицающе сказал советник. На этот раз Флёр мирилась со всеми возмущениями, всплывавшими у неё в голове, и безукоризненно молчала, точно её наказали за какую-то провинность.

– Королевская кровь делает из вас мишень для завистников трона, так что независимо от того хотите ли вы или нет, вам придётся жить в этой липкой паутине обмана, лжи, притворства и интриг, – нескромно констатировал Бромар.

– Хотите сказать, что теперь я ваша заложница и марионетка? – обречённым тоном задалась вопросом Флёр.

– Ох, полно, мы все – безвольные инструменты в чьих-нибудь руках, особенно на сцене власти.

– Не уходите от ответа!

– Если вас это утешит, то пусть будет так, – поддакнул Бромар.

– Всё равно не ждите от беспрекословного повиновения, я поткать вам не стану! – взбунтовалась Флёр. Бромар отпустил короткую ухмылку, подтверждающую наивность собеседницы.

– А вас никто и не просит, – саркастично бросил советник.

– Замечательно, значит, вы не станете задерживать меня, если я безотлагательно покину Вэйтстоун! – неожиданно решительным тоном заявила Флёр. Бромара сказанное ничуть не удивило, а лишь вызвало чванную насмешку.

– Что же вы такое говорите, миледи! Ну, куда, куда же вы его покинете?! – с задорным глумлением изрёк советник. Решительность Флёр быстро растаяла в безмолвном смущении.

– Уж не в Шадоуривер ли вы собрались? – хмурясь, выпытывающе спросил Бромар.

– Что я забыла там? Меня там никто не ждёт, – удивилась Флёр допытываниям советника, связанных с Шадоуривером.

– А вот у меня на сей счёт совсем иное мнение! Мириос был бы счастлив заполучить вас и, используя как объект шантажа, диктовать свои условия Вэйтстоун, – объяснил Бромар.

– Да неужели? Зачем ему это? – не поверила Флёр.

– Много вы знаете о нём! Думаете, его лояльное отноше-

ние к вашей мачехе вытекает из его участливости или сочувствия? Как бы ни так! Неужели вы и впрямь поверили его поддельному сожалению о смерти вашего отца? Да он был несказанно рад, когда траур пришёл в ваш дом. Ему это горе было бы выгодно. Не удивлюсь, если он в тайном сговоре с Бэллусом. Так что в Шадоуривер с распростёртыми объятиями вас примет? Разве что в качестве пленницы, даже сын Шадора вам не поможет, он ведь тоже на его поводке.

– А с чего бы ему мне помогать?

– О, не прикидываетесь, мне всё известно, – блеснули лукавые глаза Бромара.

– Ничего вам неизвестно, советник! Фенмир мне – никто! – упорно отрицала Флёр, вновь поддавшись эмоциям.

– Я бы не назвал того, кто мне безразличен по имени, – подметил Бромар.

– Просто соблюдаю манеры! – раздражённо бросила Флёр.

– Тогда ничего страшного не случится, если он скоропостижно заболеет, или упадёт с лошади, или вдруг незаметно для всех исчезнет и...

– Можете не продолжать, я поняла, – сдалась Флёр.

– Теперь по глазам вижу, что вы его любите, – язвлено протянул Бромар.

– Хватит уже издевательств и угроз, советник, – устало попросила собеседница.

– О, нет! Я не угрожаю, но принуждаю, – поправил Бромар.

– Для вас это одно – и тоже, – подметила Флёр.

– Не суть. То есть вы готовы выслушать мои требования? – навязчиво произнёс советник. Девушка безропотно кивнула. Бромар выжидающе раздражительно замолчал, ожидая покорного вопроса от собеседницы.

– Что я должна делать? – неохотно спросила Флёр у советника, издевающегося молчанием.

– Вам нужно исключительно от своего имени пригласить Фенмира Шадора на званый ужин, думаю, предлог придумаете сами. Затем вам нужно будет намекнуть ему о предстоящем замужестве, вам следует заставить юношу убедить его отца согласиться на вашу помолвку и дать благословление. Фенмир любит вас так же сильно, как и вы его, ведь так? а для настоящей любви, как известно, преград нет, – фамильярно съехидничал Бромар.

– Хотите через меня добраться до Мириоса Шадора? – предположила Флёр, не откликаясь на издевательства собеседника.

– А вы оказывается смекалисты, когда захотите, Ваше Сиятельство, – отметил Бромар с азартом в плутовском взгляде.

– Значит, хотите моими руками избавиться от Мириоса Шадора, – выразила догадку утверждением Флёр. – А не волнуетесь, что я расскажу неприятелю о ваших коварных планах?

– Это сейчас вы пытаетесь мне угрожать? – усмехнулся

Бромар. – Думаете, стал бы я излагать свой план, не будь уверенным в том, что вы не осмелитесь пойти на предательство?

– Что мешает мне поступить так, как вы не допускаете?

– Я скажу так: если с Фенмиром что-то неладное случится, то его отец тут же отыщет обвиняемую и расправится с ней наихудшим образом, – злокозненно намекнул Бромар, обнажая зубы в запугивающей ухмылке. – А если вы вознамеритесь раскрыть мой замысел старику Мириосу, то тогда его сын познает самую горькую потерю в жизни. И предупреждаю сразу, не мыслите о побеге, иначе стража по всему городу будет тут же осведомлена о покушении на убийство короля. Могу заверить вас, что эта весть быстро разлетится по всему Вэйтрину, – предупредил советник.

– Вы обманщик, тиран, разлучник, мерзавец и трус! – порицающе процедила Флёр.

– Не вам меня судить, миледи! Я повидал такое, от чего кровь стынет в жилах, а что видели в жизни вы, кроме роскоши и банкетов? – укорил Бромар собеседницу.

– Почему сами всего не сделаете? Зачем вам это, вот зачем?! Зачем ломаете чужие жизни? – вспыхнула негодованием Флёр.

– А затем, чтобы сберечь свою, как минимум. Я пытаюсь обойтись малой кровью, малыми жертвами, если вы ещё этого не поняли! – объяснил Бромар, сорвавшись на раздражение.

– Вас только плаха спасёт, советник, – поддавшись гневу,

фривольно заявила Флёр.

– Может и так, но не сегодня. И вообще в какой-нибудь дугой раз, – отшутился Бромар. – А теперь прошу меня простить, но я вынужден покинуть вас, – прожигая взглядом собеседницу, сказал он.

– Сделайте милость, советник, – едко улыбнулась Флёр.

– О, непременно, только не забудьте о нашем уговоре, время тикает, миледи, а я обещал виконтессе Мальтье прибыть к обеду, не хотелось бы столь озабоченной готовкой хозяйке нахамить своим опозданием и неисполненным обещанием. Говорят её черничный пирог просто объедение, ну как тут не проверить слухи и не стать почётным гостем? – встав из-за стола, отшучивался Бромар, разряжая напряжение для себя и подливая масло в огонь для Флёр.

– Вижу, вы не сильно торопитесь, – подметила Флёр, – стояло бы поспешить, а то тучи дождь предвещают, ещё встанете на пол дороге, – сострила девушка.

– Остроумие – это хорошо. Оно вам понадобится. Советую как можно скорее приступить к решению поставленной задачи, пока я не взялся за неё самолично. Доброго дня, Ваше Сиятельство, – с глумливой улыбкой попрощался Бромар, поправляя ворот камзола и разглаживая складки на рукавах.

Глава 14

День близился к сумеркам. Дождь редкими тяжёлыми каплями продолжал неутомительно тревожить золотистые листья клёнов. Даридий, ведя коня под уздцы, продирался через вымокшую высокую густую траву. Разум полудемона терзали неуёмные мысли о неведомой кровожадной тёмной силе, что теперь жила внутри него. Тревога всецело овладела его душой. Дэрда сейчас ничто не заботило в этом мире, лишь то непокорное зло, которое выпросил он сам. Давно сбившись с дороги, мужчина просто шёл в никуда. Его абсолютно не волновало, что лес становился темнее и гуще, по правде сказать, он попусту не замечал этого. Дэрд так бы и продирался через лесную чащобу, погружённый в свою тревогу, если бы не надрывистый крик о помощи. Полудемон тут же оживился, оглянулся по сторонам и помчался на голос, который прозвучал вновь. Спотыкаясь о корни, скользя по мокрой листве, перемешанной с грязью, и ударяясь о ветви деревьев и кустарников, Даридий спешил на помощь, будто бы потеряв рассудок. Внезапно тропа, заслонённая корявыми шипастыми кустами, резко оборвалась. Мужчина с метровой высоты мягко приземлился в большую лужу, плотно засыпанную сгнившими листьями. Быстро поднявшись, будто бы никакого падения и не было, Дэрд про-

должил бежать на крик. На заросшей волчьей ягодой лесной тропе лежало поваленное дерево, а за ним высился небольшой утёс с чёрными валунами в виде половины короны. Полудемон оббежал его и увидел, как в шагах в двадцати от него были навалены кучки земли. Охотник, не задумываясь, поспешил к ним, но внезапно он насторожено поднял голову в сторону полуобнажённых кленовых крон и быстро выхватил из-за пояса полулунные кинжалы. На едва заметной прозрачной толстой нити к кучкам земли с одного из деревьев медленно спускалось страшное мохнатое чудовище размером с кабана похожее на паука с хвостом скорпиона. Оно гортанно нарастающее шипело, щёлкая хелицерами, с которых обильно стекала вязкая мутная жёлтая жидкость. В следующий момент подобные звуки окружили охотника, и из земляных нор, спрятанных в полёглой осенней траве, показались уродливые мерзкие паучьи морды. Их зловещие ядовито-зелёные шесть глаз враждебно впились в полудемона. Разъярённо шипя и, исходя слюной от голода, чудовища набросились на жертву, угрожающе пощёлкивая хелицерами. Не успев отступить и на пару шагов, живот Даридия оказался опутан липкой серой паутиной, до отвращения пахнувшей полынью. Она быстро твердела и сдавливала мускулы не хуже любых тисков. Не теряя ни секунды, охотник перерезал треклятую паутину и ринулся к чудовищу, что озлобленно шипело у него за спиной. Ещё бы несколько сантиметров вправо и скорпионий хвост вонзился бы в грудь, но

вместо этого, изловчившись, полудемон отсёк его ядовитую верхушку, а после вонзил полулунный клинок в жуткую паучью голову и разрезал её, как кокос. Существо в конвульсиях растянулось на земле в светлой жёлто-зелёной луже.

Два оставшихся чудовища свирепо зашипели на свою жертву и, плюясь зловонной слюной, старались ужалить её. Мутная жёлтая жидкость, попадая на кожу, вызывала болезненные жгучие язвы, из-за которых плоть трескалась, увлажняясь мелкими струйками крови. Не обращая внимания на ожоги, Дэрд продолжал избегать опасных скорпионьих хвостов, которые с каждым разом подбираясь всё ближе к телу, норовили впрыснуть парализующий размягчающий тканю яд. Подобравшись почти вплотную, чудовище получило тяжёлый удар кованым сапогом по глазам, от боли оно отползло на несколько шагов назад. В этот момент второе существо прыгнуло на Даридия, стараясь обнять его своими щетинистыми лапами с острыми шипами. Охотник метко бросил кинжал чудовищу в голову. Разрезав, словно яблоко, хрупкую паучью голову на две половинки, клинок вонзился в дерево.

– Не трогай меня, мерзкое отродье! – раздался надрывистый крик перепуганного мужчины. Даридий, перепрыгнул чудовище, незаурядным сальто, и поспешил на помощь. Едва оказавшись на краю неглубокой ямы, полудемон точно метнул кинжал в паучьи глаза. Дико зашипев от ужасной боли, причиняемой серебряным лезвием, существо, вер-

тя головой во все стороны, пыталось избавиться от зудящего клинка. Однако, кроме струй крови, хлеставших из раны, ничего добиться чудовищу так и не удалось. Вскоре оно беспомощно вжалось в угол ямы и с затихающим шипением отплёвывалось не останавливавшейся жидкой кровью. В это время Даридий вступил в схватку с последним мерзким созданием, которое умудрилось пронзить острыми, как пики, лапами своей жертве левое голенище. Взамен этого охотник крепко сдавил руками мускулистый грубый, как кора дуба, скорпионий хвост. С яростным криком полудемон согнул его и переломил. Чудовище, отпустив жертву, в панике заметалось по сторонам и начало отчаянно шипеть и щёлкать хелицерами. Тогда Даридий снял обмотанную вокруг плеча цепь с ромбовидными звеньями и одним метким броском пробил гарпунообразным лезвием паучью голову. Облегчённо вздохнув, охотник собрал поверженных существ в кучу и, вытащив из дерева кинжал, принялся срезать у них тонкую кожицу на скользком мягком брюхе.

– Кто бы ты ни был, прошу, освободи меня! – донёсся охрипший голос мужчины, что лежал с перевязанными руками и ногами на дне сырой глинистой ямы. Даридий заглянул в яму и неохотно спрыгнул в неё, выдернул кинжал из головы убитого чудовища и перерезал верёвки, что терзали бедолагу. Молодой кареглазый мужчина с большим носом и длинными чёрными волосами ниже лопаток, пропитанных грязью, потёр затёкшие запястья и внимательно посмотрел

на своего спасителя.

– Как же я тебе благодарен! – закричал растроганно он, бросаясь с объятиями.

– Не стоит, – сухо ответил Даридий, избегая телячьих нежностей вытянутой вперёд рукой. Незнакомец вздрогнул при виде кинжала, грозно воззрившегося наконечником на его горло.

– Если бы не ты, они сожрали бы меня! – воскликнул мужчина, сглотнув подступивший к горлу испуг. – Как же мне тепереча отплатить тебе, ведь у меня ничего совсем нету, ... – растеряно добавил он, точно извиняясь и стыдясь.

– Мне ничего не нужно, – отчеканил Дэрд. Услышав это, незнакомец скривил губы в некрасивой улыбке, которая, к слову, придавала его вытянутому исхудалому лицу, усыпанному угрями, ещё большую непривлекательность.

– Пошто ты энто делаешь? – помолчав какое-то жалко-короткое время, спросил любознательно незнакомец, наблюдая за тем, как его спаситель аккуратно срезает кожу с брюха чудовища.

– Эту кожу можно продать на рынке за очень хорошие деньги, – объяснил Даридий, не отвлекаясь на навязчивого мужчину.

– Выходит дело она недешёвая? – докучливо подытожил незнакомец.

– Из неё изготавливают одни из самых дорогих платьев, ценнее и дороже шёлковых. Сам я этого не видел, но пого-

варивают, что при солнечном свете они отливают ультрамарином, а в лунном сиянии светятся сизым, – объяснил Даридий.

– Эко диво! – потрясённо воскликнул незнакомец.

Бережно свернув тонкую нежную кожу чудовища в рулон, Даридий принялся разрезать верхнюю часть скорпионьего хвоста.

– А здесь что? – продолжил приставать вопросами незнакомец.

– Какое тебе дело? – раздражённо произнёс полудемон, сердито посмотрев на пытливого мужчину. – Извлекаю ядовитую железу.

– Она это... тоже ценная? – осторожно спросил собеседник.

– Нет, но заставить молчать таких болтунов как ты на несколько часов, бывает очень полезно с его помощью! – угрожающе сказал Дэрд, хмуря брови.

– А... – протянул задумчиво мужчина, вновь искривив губы в улыбке. Даридий устало покачал головой и принялся дальше разделять тушку чудовища. Разрезав его брюхо пополам, Дэрд начал что-то искать во внутренностях.

– Ну и вонь! – зажимая нос, с омерзением протянул незнакомец.

– Держи! – приказал охотник, сунув в руки мужчины скользкий пористый округлый орган. – Смотри не урони, а то без ужина останешься! – видя, как морщится незнакомец,

пригрозил Даридий. Вскоре он достал такой же орган, только чуть меньше и так же отдал собеседнику. Затем полудемон отрезал кусок паучьих черев и вскрыл их.

– Клади сюда, – сказал охотник, подставляя разрезанную кишку незнакомцу. Тот как можно скорее избавился от внутренностей и начал усердно вытирать руки о грязные потрёпанные штаны. И только мужчина вытер слизь, Дэрд, не проронив ни единого слова, всучил ему кишку и свёрток кожи, а затем выбрался из ямы.

– Дай сюда, – сказал Даридий, бросив угрюмый взгляд на остолбеневшего незнакомца. Тот покорно отдал добычу.

– Здесь есть ближайшее поселение, в которое я бы мог тебя отвести? – спросил Даридий. Мужчина расстроено покачал головой, неуклюже перешагнув через останки чудовища. Полудемон удручённо вздохнул, приступив разделявать следующий труп чудовища.

– Возьми меня с собой? – жалобно попросил незнакомец.

– Если будешь молчать, – чёрство бросил Дэрд.

– Даю слово, – не задумываясь, выпалил мужчина, покосившись на кинжал, который торчал из горла чудовища.

– Нужно поскорее убираться отсюда, скоро ночь, кто знает, сколько этих тварей в округе, – произнёс Даридий. После этого он свистнул коня и надёжно сложил добычу в чёрный мешок, привязанный к седлу. В это время незнакомец незаметно спрятал полулунный кинжал, про который Дэрд совсем позабыл; по крайней мере, он желал, чтобы незнако-

мец так мыслил.

– Прыгай в седло! – приказал полудемон. Мужчина от радости едва не побежал, всему виной оказался камень, об который он споткнулся, когда сделал несколько шагов. Дэрд иронично улыбнулся и покачал головой, прикрыв глаза ладонью, а конь фыркнул. Как только незнакомец с трудом забрался в седло, сразу было видно, что он новичок в этом деле, Даридий подал ему свой плащ, затем взял коня за узду и сквозь сгущавшуюся лесную мглу, направился подальше от опасной ямы.

Вечерний полумрак был напоен мёртвой тишиной. Дождь прекратился, тучи на небе медленно расплывались. Вскоре из-за их чёрно-угольных плеч появился матово белый лунный диск. Бледный серебристый луч коснулся лица Даридия, который всю дорогу был нем, как влажные леса Трэмедаля. Где-то вдалеке раздался протяжный волчий вой и агрессивное рычание. Незнакомца передёрнуло от жуткого звука, отбив сон. Ежась от холода, он то и дело потирал руки и размахивал голыми пятками.

– Долго ещё? – спросил мужчина, беспокойно озираясь по сторонам.

– Молчи, – угрюмо приказал Дэрд. Где-то через минут десять-пятнадцать, охотник вывел коня из мрачной глухой чащобы на небольшую, облитую лунным светом, открытую полянку с поваленным клёном.

– Слезай, здесь ночевать будем, – твёрдо сказал охотник,

развязывая мешок и вынимая из него пожитки.

– Апчхи! как же жутко здесь, – ежась от холода, произнёс незнакомец, шмыгнув заложенным носом. Вдруг он в ужасе подпрыгнул и обнял морду коня обеими руками, почувствовав, как что-то скользнуло по его ноге.

– Ха-ха это всего лишь безобидный лесной червяк, – рассмеялся Даридий.

– Я так и подумал, – осмелел мужчина, поднимая с земли уроненный плащ.

– Ну конечно, – усмехнулся охотник, занявшись хворостом. Собрав подходящую для костра кучку сырых сучков и веточек, Дэрд, втайне от незнакомца, прошептал заклинание, приложив к ней ладони. Их тыльные стороны засветились алым светом. Всего лишь биения сердца хватило, чтобы пламя заплясало на подсохшем хворосте, и в воздух взвился приятный кленовый аромат. Незнакомец тотчас поспешил к костру и начал греть замёрзшие руки и босые ноги. Дэрд в это время поставил на огонь небольшой чугунок и забросал туда паучьи лёгкие.

– А это съедобно? – удивился мужчина, воротя нос от котелка.

– Не хочешь – не ешь! – категорично заявил Даридий, швырнув кинжалом в чугунок сушёную коричневую траву, похожую на укроп. Мерзкий запах немедленно сменился пряным, сильно похожим на имбирный аромат. Пористое мясо быстро напиталось соками, набухло и разварилось.

– Готово, – сказал Дэрд, с удовольствием съев ложку похлёбки и предложив попробовать незнакомцу. От внезапно-необычного аромата у того потекли слюнки и заурчало в животе так, будто с ледяных вершин Кальдэр обрушились лавины. Во власти голода мужчина без лишних сомнений принял ложку и попробовал похлёбку. То ли от удивления, то ли от вкуса глаза у него полезли на лоб, и он с аппетитом облизнулся. Конь, учуяв аромат супа, радостно заржал и ударил копытами по трухлявому поваленному дереву.

– Ну, тихо ты, как же я могу забыть про тебя? – улыбнулся Даридий, поднеся ложку к морде верного скакуна и глядя его по холке. Конь озорно боднул хозяина в плечо. Охотник пошатнулся и рассмеялся, продолжая мохнатить густую чёрную гриву. Затем Дэрд снял с костра котелок и, достав две деревянных миски, разлил похлёбку. Конь ел прямо из чугунка, дождавшись, когда она остынет.

– Поспи, а до рассвета недолго осталось, – посоветовал Дэрд, повернувшись к тлеющим раскаленным головёшкам и накрыв ноги и половину торса мешком.

– Угу, – промямлил незнакомец, делая вид, что он ложится спать. Конь растянулся на боку напротив хозяина и, сопя, уснул.

– Стало быть, дорогая энта кожа, – меркантильно прошептал себе под нос незнакомец, обнажив кинжал и бесшумно подкрадываясь к охотнику. Конь недовольно фыркнул, предчувствуя опасность, полудемон тут же открыл глаза. И толь-

ко незнакомец хотел вонзить клинок Дэрду в шею, как тот схватил его за руку и перебросил через костёр. Негодяй, выронив оружие из рук, тяжело приземлился рёбрами на дряхлый поваленный клён.

– Вот те раз! Зарезать, значит, меня решил, подлец! – гневно возмутился Даридий, нависнув над незнакомцем.

– Эм... нету, нету что ты! – замешкался мужчина. От растерянности он сказал первое, что возникло в его голове. Он попытался подняться, но Даридий придавил его спину ногой.

– Попытаешься ещё раз встать – сломаю позвоночник! – грозно предупредил полудемон. – Предательская сволочь! Я сразу неладное в тебе заподозрил. Следовало тебя в яме оставить. Что ж более жалкого человека я не встречал, – с пренебрежением заключил Дэрд.

– Ты убьёшь меня? – испуганно спросил мужчина. Губы его дрожали, голос вибрировал от страха, на лбу засверкал пот.

– А будет ли смысл в твоей смерти? – бесцельно задался вопросом охотник, срывая свисавшую над ним ветку клёна.

– Стало быть, пощадишь? – обнадежено спросил незнакомец, вымаливающее посмотрев на Даридия.

– У тебя ещё хватает наглости просить пощады?! – в озлобленном недоумении воскликнул полудемон, замахнулся горячей ветвью клёна. Со свистом он хлестнул ею предателя по спине. Надрывистый крик взмыл к верхушкам деревьев и утонул в ночной черноте. Пронзительный вопль по-

вторился снова, потом ещё и ещё.

– Прошу, не надо больше! – взмолил предатель, корчась от боли и обливаясь слезами. Но полудемон был непреклонен. Он ударил мужчину ещё несколько раз, пока ветка не разлетелась в клочья.

– Будет с тебя, – точно вынося приговор, сурово сказал Дэрд, бросив обломок к голове предателя. Далее он поднял кинжал и с мрачным лицом сел возле тлеющих головёшек, слушая ещё какое-то время протяжные стоны незнакомца, шелест опадающей листвы и скрип раскачиваемого ветром лесного моря.

Утро выдалось хмурым и дождливым. Небо заволокли плотные серые облака, далеко с запада ползли мрачные тёмно-синие тучи. В лесу было сыро. Сильный ветер, крепчавший каждый час, гнул верхушки деревьев, безутешно срывая остатки золотой кроны. Незнакомец с трудом открыл опухшие от слёз глаза. Он дрожал как осенний лист, стуча от холода зубами и не имея сил пошевелиться из-за рубцов на исполозованной спине. Мужчина слышал, как Даридий собирается в дорогу, повернув к нему голову, он жалобно попросил:

– Прошу, не бросай меня здесь.

– А зачем ты мне нужен? чтобы снова попытаться всадить мне нож в спину? – возмутился Дэрд, привязывая собранный мешок к седлу. Конь недовольно фыркнул и покосился

на незнакомца.

– Я покажу тебе дорогу к деревне, из коей меня выкрали бандиты! – отчаянно воскликнул мужчина, ползя по промозглой земле.

– А зачем мне туда идти? – удивился охотник.

– Пособи тамошним жителям, эти пауки ихний скот убивают, тама люди голодают! – спешно объяснял предатель, морщась от боли. Его взгляд наполняла рьяная мольба.

– Ох уж эти рэдокси, – покачал головой полудемон, недоверчиво посмотрев на незнакомца, пытающегося встать на ноги. – Так и быть, поверю я тебе, – нехотя согласился Даридий, помогая подняться обессиленному мужчине. – Но заруби себе на носу, попытаешься ещё раз убить меня, и я оставлю тебя без головы, – предупредил Дэрд. Незнакомец понимающе кивнул и растёкся в благодарственной улыбке.

– Показывай дорогу, нечего время зря терять, – решительно сказал Даридий, помогая мужчине усесться в седло. Конь недовольно фыркнул, стукнул копытами по земле и обиженно махнул хвостом, пока хозяин не посмотрел ему в глаза и, успокаивая, не погладил по морде. Как только животное присмирело, Даридий взял его за уздечку и, следуя указаниям спутника, повёл за собой по отсырелой лесной земле, хлюпающей под сапогами.

– Долго ли ещё до твоей деревни? – хмуро поинтересовался полудемон, спустя несколько часов ходьбы по мокрому лесу.

– Если ступать напрямки, через топь, то аккурат к вечеру уже тама будем.

– А если не через топь? – недоверчиво взглянул на проводника Даридий.

– Ну, энто в первейшем случае завтреча только...

– У меня нет на это времени! идём через топь, – бесповоротно принял решение охотник.

– Опасное тамошнее место, дурная слава-то у него, – предупредил спутник.

– Тебе бы лучше ночи бояться, а не болот, – отпустив колкую ухмылку, ответил полудемон. Незнакомец насупился и смолчал.

День уже перевалил далеко за полдень, а лес как был завёрнут в сумрак, так и остался. Дождь зашлёпал по листьям. Дорога, петляя меж деревьев и нередко теряясь в густых зарослях, плавно уводила путников в низину. Вяз и липа исчезли из виду, замелькали ивы.

– Вона у тех деревьев топь, – оповестил Даридия проводник, указывая на густые заросли ветлы и корявых берёз, охранявших изумрудный ковёр мха.

– Слезай с коня! – приказал Дэрд. Незнакомец покорно вылез из седла, поймав короткий недружелюбный взгляд.

– Держи, пойдёшь вперёд, – заявил полудемон, протягивая мужчине сломанный тонкий ствол берёзы. Мужчина, боясь возразить, принял палку и неохотно ступил на ненадёжную землю.

– А ты ступай в обход, – сказал Даридий, погладив коня по гриве. И вот мужчины ступили на зыбкий опасный мшистый ковёр, под которым скрывалась мрачная зловонная бездна.

– Я больше не могу, – через долгое время изнурительного хождения по коварной топи, устало протянул незнакомец, из последних сил опираясь на палку.

– Можешь! – настойчиво, со скрытой угрозой, произнёс Дэрд, зачерпнув сапогом болотную жижу.

– У меня больше сил нету! – возразил мужчина, едва не выронив палку из рук.

– Иди вперёд, – раздражённо протянул полудемон.

– Нету! – упрямылся незнакомец. Тогда Дэрд слегла толкнул его ладонью. Тот разжал уставшие руки и выронил палку, оступившись, он увяз правым коленом в трясине.

– Вот и вся недолга, сгинем мы тута, ох, сгинем! – в паническом страхе запричитал незнакомец.

– Немедленно вставай и продолжай идти! – безжалостно приказал Даридий. Незнакомец, всхлипывая не то от безнадёги, не то от бессилия, опрометчиво потянулся за уроненной палкой. Потеряв равновесие, он едва не шлёпнулся в болото лицом. Охотник вовремя поймал его за ноги и потянул на себя, однако вскоре он поскользнулся и увяз по пояс в болоте, упёршись стопами в илистое глинистое дно. Предатель неуклюже поднялся, схватил другую палку и начал торопливо уходить.

– Ты ещё об этом пожалеешь, мерзавец! – бросил вслед

Даридий. Незнакомец, преисполнившись отчаяния, шёл без оглядки.

– Я до тебя ещё доберусь! – пообещал полудемон. В следующий момент громкий отчётливый свист поднялся к верхушкам деревьев и разнёсся ветром на многие вёрсты. Сразу же в ответ прозвучало грозное ржанье. Ждать Даридию долго не пришлось; вскоре над лесом взмыл чёрный, как вороново крыло, конь с огромными демоническими крыльями, отливавшими даже в слабом солнечном свете обсидианом. С ржаньем и хрипом, ломая сучья и взметая листву, животное подлетело к своему хозяину и крепко схватило ворот его плаща зубами. Однако трясина упорно не отпустила свою добычу. Тогда полудемон один конец цепи намотал на руку, а другой повязал коню на шею. Как только животное взмахнуло крыльями и начало вытягивать хозяина из болота, ромбовидные звенья цепи впились в кожу. Конь яростно захрипел, выпустив из ноздрей клубы раскаленного дыма. Даридий почувствовал, как ноги освобождаются от глины; через недолгое время охотник оказался над деревьями. Правда продлился этот полёт весьма коротко, у коня из шеи потекла кровь – его силы истощались. Животное перенесло хозяина через гиблое место и приземлилось на небольшой опушке. Полудемон исцелил раны своего верного скакуна, приложив ладони к окровавленным местам и зачитав нехитрое заклинание. Конь обессилено рухнул на землю, тяжело сомкнув веки.

– Поспи, ты это заслужил, – с утешающей заботой прошептал Даридий, нежно погладив морду животного. Сам же Дэрд забрался на скривившийся клён и начал высматривать предателя. Через полчаса пристального наблюдения наконец-то он увидел сгорбленную измученную фигуру незнакомца. Почти по пояс в болотной жиже он едва двигался. Как только предатель выбрался из топи, Даридий тотчас вышел из укрытия и предстал перед ним, словно из-под земли. Его лицо было совершенно спокойно, оно не выражало ровным счётом ничего.

– Что... как ты? – ошеломлённо выпалил незнакомец, не веря своим глазам. С каждым шагом полудемона, удивление сменялось страхом. Предатель от безысходности ринулся обратно в топь, но Даридий схватил его за ворот рубахи и с нечеловеческой силой швырнул в сторону ивняка. Дрожа от страха, мужчина поджал ноги, зажмурил глаза и прикрыл лицо руками, приготовившись к тому, что его будут бить.

– Трусливый пёс! – с презрением воскликнул Дэрд. – Тебе повезло, что я не знаю дороги в твою деревню и не хочу тратить время на её поиски, а не то я бы уже расправился с тобой! – разъярённо сказал он, толкнув предателя ногой в бок. Тот упал на землю, тихо всхлипывая, словно ребёнок, который стоя в углу уже наплакался и чувствовал лишь гложущую обиду.

– Немедленно поднимайся, – приказал Даридий. – Поднимайся, я тебе говорю, сопливая шавка! – озлобленно крик-

нул он, с жестокостью поднимая мужчину за потрёпанный воротник так, что ткань затрещала. Но незнакомец, едва стоя на ослабленных ногах, тут же шлёпнулся на задницу. Охотника разъярённо выхватил из-за пояса кинжал и приставил его кончик к горлу предателя.

– Если ты сейчас же не встанешь и не пойдёшь, клянусь, я прирежу тебя! – угрожающе пообещал Дэрд, разозлённым взглядом впившись в запуганные мечущиеся глаза мужчины.

– Не убивай, прошу, я пойду, пойду, токмо не убивай! – взмолил отчаянно незнакомец, изо всех сил стараясь встать. Но это упорство оказалось тщетным. Тогда мужчина подполз к брошенной палке и, опираясь на неё, всё-таки смог подняться. Даридий терпеливо смотрел на него, не отказываясь от мысли: какое убожество.

Ближе к вечеру, когда ветер стих и лишь лёгкая изморось докучала золотым кленовым листьям, полудемон, следуя за хромым мужчиной, вышел из леса на пустынную тропу, где мирно чернели в грязи и мутных лужах камни. Через несколько минут показались поваленные разломанные плетни, ограждавшие пастбищные поля, на которых зияли, словно язвы на теле, глубокие ямы.

– Давно эти ямы здесь? – спросил Дэрд.

– Полгода эдак, – прохрипел проводник.

– Должно быть это их норы, – предположил охотник, – радоксы, обычно, летом выкармливают потомство, которое

ютится глубоко в них. Однако странно, что они выкопали их именно здесь, – удивился Даридий.

Вскоре мужчины очутились на небольшом холме, с которого вниз к деревне, ограждённой забором из заточенных сосновых брёвен, вела извилистая дорожка. Отсюда был виден сосновый лес, ограждавший с юга и востока поселение, речка на западе, пролежавшая неподалёку под отвесным берегом в зарослях ивы. Посадки из тополя и сосен, охранявшие посевные поля, тянулись вдоль дороги к воротам. Длинный изрезанный овраг разделял деревню на две части: северную и южную.

– Да... красиво у вас здесь, живописно, – восхитился природой Даридий. – Я бы даже жить остался здесь, но, увы, ... а теперь веди меня к дому старосты, – приказал он. Незнакомец взглянул на охотника, алча что-то сказать, как восторженный взгляд резко сменился на непреклонный и мрачный, отбив всякое желание говорить.

– Ты что-то хотел? – недовольно буркнул Дэрд.

– Нету, – тяжело вздохнув, тихо ответил проводник и захромал дальше – вниз по скользкой размытой тропе. Оказавшись перед высокими закрытыми наглухо воротами, охотник внимательно осмотрелся по сторонам, оглядел стены. На них никого не пребывало, как и в округе, как будто вся деревня вымерла; даже звуков не было слышно. Полудемон пожал плечами и несколько раз ударил сапогом по воротам. Но лишь дразнящая тишина откликнулась в ответ.

– На кой чёрт они стоят, когда на них никто не дежурит? – возмутился охотник, ещё постучав ногой, но уже сильнее. Снова ничего.

– Эй! Есть кто живой?! – во всё горло закричал Даридий, барабанил руками и ногами по сырому дереву. Так усердно пытаясь дозваться жителей, он даже не заметил, как в посадке спустились с холма какие-то люди, облачённые в кожаные плащи, вооружённые луками и длинными мечами. Это были местные охотники, вернувшиеся с очередной звериной ловли. Один из них высунулся из засады и, приложив к губам указательный палец, пригрозил хромоту мужчине охотничьим ножом. Тихо шурша листвой, словно мыши, охотники направлялись в Дэрду, который настойчиво продолжая колотить по воротам, не подозревал о приближавшейся опасности. Вдруг он ощутил резкую боль в колене, от которой тут же согнул ногу. В следующий момент крепкие мускулистые руки сжали голову Даридия и треснули её о ворота.

– Брось шуметь, они не откроют чужеземцу, – прозвучал спокойный грубый голос самого старшего из охотников. Вместе с этими словами Даридий почувствовал щемящую боль в заломанной за спину руке, а у шеи холод металла. – Не вздумай геройствовать, у меня рука набита, – пригрозил коротко стриженный крепко сложенный мужчина, прижимая охотничий нож ближе к горлу. – Отвечай, кто ты такой и зачем явился сюда?

– Может, опустишь нож? я зла вам не желаю, – бесстраш-

но ответил Даридий, отплёвываясь от крови, сочившейся из разбитой губы.

– Э нет..., даже не думай!.. вдруг ты что-нибудь выкинешь... и не отходи от темы, меня это дико раздражает! – надавив ножом на кожу, сердито произнёс незнакомец.

– Будь по-твоему, – согласился Дэрд. – До меня дошёл слух, что радоксы нападают на вашу деревню, и я решил помочь.

– А тебе да оногo какое дело? Ты вон даже за себя постоять не можешь, искал бы лучше приключений на свою задницу в другом месте! – сипло рявкнул высокий рыжебородый лысый верзила, чуть ли не в упор наставив на незваного гостя зазубренную стрелу.

– Дэлвар, отойди от него! – приказал его соратник – невысокий худой мужчина с бородкой имбирного цвета и светло-русыми пакляными волосами до плеч, направив лук на незнакомца.

– Как же меня бесят такие, как он, вечно суют свой хитрый нос, куда не просят! Потом оказываются дюжинными шарлатанами и ворами... и болтаются в петле! – взбешённо выговорил верзила, прислонив кончик стрелы Даридию к виску.

– Дэлвар, тебе надобно дважды повторять, убери стрелу от его головы! – сердито гаркнул старший охотник. При этом его густые соколиные брови, изогнувшись на фоне щетины, обрамлявшей скуластое лицо, придали и без того суровому лицу довольно устрашающий вид. Увидев его, можно было с

лёгкостью сказать, что этот человек выпустит кишки и глазом не моргнёт. Наверное, поэтому он пользовался уважением среди других охотников, которые подчинялись ему и прислушивались к его советам. Лысый верзила неохотно послушался и отошёл на несколько шагов назад, продолжая держать лук в боевом положении.

– Значит, говоришь, явился помочь, – совершенно бесстрастно продолжил разговор старший охотник, – предположим, я поверю тебе, но где доказательство, что ты и вправду способен убить хотя бы одну эту тварь и не намочить в штаны? – говорил он почти без акцента, свойственному любому пришлому Форлиандцу. Подобное наталкивало Даридия на мысль, что человек этот не из здешних мест, да и язык его был не искажён крестьянской безграмотностью. Однако попытывать откуда он, полудемон не стал, вместо этого он ответил совсем иное:

– Спросите моего проводника, он всё видел.

– Кого? Этого слюнтяя? – разошёлся смехом четвёртый мужчина – широкоплечий коренастый с чёрным хвостом до половины спины, направив лук на онемевшего от страха предателя со скрещенными за головой руками. – Ты хоть знаешь кто он?

– Мне достаточно того, что я о нём знаю, – ответил Дэрд.

– А знаешь, почему он был связан и брошен в яму? – спросил худощавый мужчина.

– По его словам – он жертва похищения, – отмахнулся

Даридий. Разразился безудержный вульгарный хохот.

– Ты не первый, кого он кормит подобной ерундой, – иронично произнёс старший охотник. – Ты посмотри на него, мало того, что ему любая баба ухватом мозги вышибет, так он ещё вздумал воровать у тех, с кем делит хлеб и спит под одной крышей.

– Не для того я его спасал, терпя его нелепые выходки, чтобы меня прирезали у ворот деревни, к которой я шёл на помощь! – раздражённо бросил Даридий, без попытки оправдаться.

– У нас за помощь предателю забивают камнями, – с едкой ухмылкой сказал мужчина с чёрным хвостом.

– Молчать! – приказал старший охотник. – Эй, пёс, – обратился он к хромоту мужчине, – это правда, что он убил радоксов?

– Угу, – кивнул предатель, не поднимая взгляда от земли.

– Хм... что ж..., вынужден тебя предупредить, незнакомец, у нас в деревне пришлых не любят, так что уходи-ка ты лучше, – намекнул старший охотник, убрав нож от горла заложника и отпустив его затёкшую заломленную руку.

– А что если я не послушаюсь твоего совета? – возразил Дэрд.

– А это вовсе не совет, – угрожающе уколос взглядом, мрачно процедил старший охотник.

– Хм,... а что с ним будете делать? – выпытывающе глядя на предателя, спросил Дэрд.

– То, что должно. Человек, предавший однажды, решится на это всякий раз без колебаний, – неясно ответил старший охотник, затыкая нож за пояс.

– А что если я его заберу? – смело спросил полудемон.

– Незнакомец, не испытывай моего терпения, – раздражённо протянул старший охотник. В этот момент мужчина с чёрным хвостом нацелил стрелу на полудемона, который непримиримо смотрел на угрюмого собеседника. В это самое время на стене, будто бы из воздуха, выросла долговязая горбатая фигура стражника.

– На сей раз тебе повезло..., но заруби себе на носу, если завтра я тебя увижу, милосердия не жди! – предупредил старший охотник. – Ворота открывай, живо! А вы, бросьте это отрепье в темницу! – озлобленно распорядился он. Мужчина с чёрным хвостом сложил лук и толкнул хромого ногой в спину. Тот шлёпнулся ниц в грязь, не пытаясь подняться. Худощавый лучник взял его под руку на пару с верзилой, и они забрали обессиленное несопротивляющееся тело предателя с собой. Вскоре массивный деревянный брус загремел, и ворота отворились. Охотников встретил, несмотря на разразившийся ливень, с радушной улыбкой невысокий кряжистый мужчина с бурой бородой, закутанный в тёмно-коричневый плащ.

– Ну что, хлопцы, чем на сей раз разутешите? – незадачливо спросил он.

– Сделай одолжение, сотри ухмылку с лица и исчезни! –

огрызнулся лысый верзила, продолжая сверлить враждебным взглядом незнакомца.

– Не дождёшься! пока мой эль не будет стоять у меня на столе, я от тебя не отстану! – непринуждённо заявил весельчак

– А я говорил тебе, не играй ты в карты с этим жуликом! – задиристо рассмеялся охотник с чёрным хвостом, похлопав верзилу по плечу. Дэлвар остановился, передал тело предателя напарнику и, насупившись, достал из грудного кармашка меховой куртки несколько серебряных монет. Отсчитав их, он пробормотал себе под нос какие-то ругательства и скупо отдал их весельчаку. Уходя, верзила едва сдержался, чтобы не вдарить ухмыляющемуся довольному мужчине по зубам.

– Приходи ещё, может тебе повезёт, и ты отыграешься! – издевательски крикнул бородач вдогонку, но тут его озорной взгляд упал на мрачную фигуру Даридия, и веселье вмиг рассеялось, а язык будто бы присох к нёбу. Внезапно мужчина сильно закашлялся, изогнулся дугой, покраснев лицом ярче любого помидора, и выплюнул кровавой сгусток.

– Что с тобой? – встревожился Дэрд, наклоняясь к больному. Тот не слышал ничего из-за шума в ушах, поэтому уставился пустыми глазами на незнакомца и молчал, словно набрал в рот воды. Полудемон пристально оглядел мужчину. Внезапно тот подался вперёд и оступился. Даридий подхватил его и дождался момента, когда бородач более-менее

пришёл в себя.

– Ты чем-то болен? – вежливо поинтересовался Дэрд.

– Всё н... нормально, – закашлявшись, сухо бросил в ответ стражник, отталкивая от себя незнакомца. Его взгляд сквозил гневом и недружелюбием.

– Где дом старосты? – смолчав какое-то непродолжительное время, спросил Даридий, решив не надоедать.

– В... верх по д... дороге, дом в... возле яблонь, – запинаясь, выдавил из себя бородач, усердно борясь с кашлем.

– Тебе точно не нужна помощь? – переспросил Даридий.

– Уйди от меня! – выкрикнул мужчина и, отпрянув от незнакомца, бросился бежать. Старший охотник с подозрением посмотрел на незваного гостя.

– Проследи за ним, а потом избавься! – потребовал он от верзилы. Затем старший охотник, поёжившись от холода, провёл руками по мокрым волосами и неспешно отправился бродить по скользким, грязным улицам к трактиру, что стоял возле стены, охраняемой сосновой чащей.

– Будет сделано, – скривив губы в некрасивой улыбке, ответил, повеселев, здоровяк. Казалось, в глазах его заиграл некий огонёк безумства.

Даридий, несмотря на холодный покалывающий кожу ливень, яростно колотивший по всему, что ему попадалось на пути, старался разглядеть каждую улицу и каждый дом сквозь частую занавесь яростного дождя. Но как оказалось,

смотреть было вовсе не на что. Достаточно было взглянуть на покосившиеся сени и съехавшие крыши, чтобы понять, что здесь царит нищета. Лишь несколько домов были в хорошем состоянии; в них жили молодые и крепкие мужчины. Это объяснялось тем, что большую часть поселения составляли люди преклонного возраста, и к тому же половина из них хворых. Дэрд так увлечённо всматривался в окрестности, что не заметил, как на деревню медленно опустилась ночь. Мрак пробрался за сосновую стену и начал пожирать свет в каждом уголке поселения. Он пробирался в ветхие деревянные дома, но едва загоралась лучина, тьма жадно окутывала её и терпеливо ждала, когда она догорит.

Полудемон приблизился к деревянному дому с выцветшими резными ставнями и узорчатым покосившемся крыльцом. За этим скромным жилищем растянулся овраг. Даридий постучал в дверь. Долго ждать старосту не пришлось. Дверь со скрипом отворилась, и на пороге показался худощавый, заросший бородой и седыми волосами старик лет восьмидесяти. На самом деле ему было всего пятьдесят с небольшим. Но из-за явного недосыпа и недоедания под глазами у него чернели синяки, а на сухощавых руках выступали узловатые вены. Про таких, как этот старик, привыкли говорить «время его не пощадило».

– Простите, что потревожил в столь поздний час, я прибыл сюда, чтобы избавить вас от беды, – сказал незванный гость. Брови старика сердито изогнулись.

– Нету у нас никакой беды, уходи, чужак! – недружелюбно ответил он.

– Я знаю о пауках, которые вредят вам, уверяю, я могу избавить вас от этого лиха, – убедительно настоял Даридий. Сонные уставшие глаза старика медленно оживились, будто бы он обрёл вновь утраченную им в далёком прошлом надежду. Он немного поразмыслил, потеряв бороду и внимательно осмотрев незнакомца, после чего переменялся в лице.

– Ну что же ты стоишь, адя скорее! – гостеприимно отпустил приглашение староста. Полудемон не заставил старика долго ждать; в несколько широких шагов он оказался уже за порогом.

– Присаживайся, – обходительно произнёс староста, в спешке заваривая чай. В доме было чисто и уютно, не смотря на пустые углы. Всё, что было в доме, можно было пересчитать по пальцам: печка, пара резных скамеек и стульев, стол из липы, кровать. Места в двух больших комнатах старику вполне хватало, даже с излишком.

– Нынче много пришлых шастает по округе, что пырея на грядках развелось! – возмущено пробурчал староста. – Сплошь и рядом одни шалопаи да болтуны, стало быть, ты не один из них али брешешь? – подозрительно взглянул на незваного гостя он.

– Я не из тех, кто попусту тратит время и словами разбрасывается, – оскорблено процедил Дэрд, смело встретив

взгляд старика.

– Коли так, угощайся, – протягивая гостю деревянную кружку с ароматным чаем и свежую булку из пшеницы и ржи, сказал староста. – Небось, замёрз, вымотался с дороги? – заботливо спросил он.

– Не стоит так обо мне беспокоиться, – улыбнулся Даридий, отодвигая от себя угощение. Старик сконфуженно посмотрел на него и не знал, что ответить.

– Я пришёл не объедать вас, а помочь, – объяснил Дэрд. – Лучше расскажите мне, откуда появились эти пауки и как давно.

– Ох, тотчас и не вспомняешь..., – задумался староста, поглаживая бороду. – С прошлого лета,... помнится в конце евонном..., тогда ещё ужась как душно было. Мы тогда двух коз и телёнка не досчитались. Их опосля в чаще охотники сыскали. Ну, то, что осталось от тел ихних. Тока кожа да кости, будто ихние нутро выпили! Ужась этакая!

– Пауки эти, – Радоксы, так питаются. Сначала впрыскивают через хвост, парализующий размягчающий яд, а потом высасывают кашу из потрохов, – пояснил Даридий. Старик сморщился и поёжился от омерзения и испуга.

– Но убивать их не составляет труда, одна рана чугуном или серебром и чудовище попусту истечёт кровью. Когда-то это были просто пауки, но алхимики сотворили их для борьбы с клороглавами, однако радоксы оказались очень плодovиты и хитры. Большую их часть уничтожили, но, как по-

сле оказалось, некоторые особи, впали в спячку, когда пришли холода, и тем самым выжили. Обычно они занимают какую-нибудь область и кормятся в ней, пока пища не иссякнет. Мясо не единственное, чем он питаются. Насколько мне известно, несколько десятков вёрст к северу от этих мест, в сосновом лесу растут ра́доксовы цветы. У них большие золотистые гладкие цветки со светящимися жёлтыми язычками. Цветут эти растения с начала пахот и до конца сбора урожая, созревая, дают тёмно-сизые плоды величиной с тыкву, сок которых ядовит и имеет запах полыни, а перезревших ещё и мёда. Так вот, эти плоды для них лакомство, они даже разносят их семена по лесу на волосках и лапах. Скорее всего, там радоксы и жили, пока что-то не заставило их оттуда уйти, – задумался Даридий. Староста внимательно слушал и не думал перебивать размышления гостя.

– Они ведь напали на ваши пастбища, верно? – спросил оживлённо Дэрд.

– Всякий раз, едва мы выгоняли скот, – ответил староста. – А опосля и вовсе повадились утаскивать прямо из деревни, – грустно добавил он. – Дровосеки отнекивались от работы, а некоторые и вовсе бросили энто место. Пошто нас этак небо-то покарало, али мы лиходеи какие, али яримся друг с дружкой? – поник старик.

– Вы разве не пытались бороться с ними? – удивлённо спросил Даридий.

– Увы... – опечаленно протянул собеседник, разводя ру-

ками. – Боялися мы. Власти начхали на напасть нашеньскую. Хуже этого, псы окаянные, они последний скот у нас забрали, дескать, мы подати не платим. А чем платить-то?! За год вона как деревня опустела. Граф даже пригрозил нам, мол, сожгу тута всё, коли мы не станем работать. А как работать-то, кода смерть за околицей бродит?!

– А вот чтобы я не советовал делать, так это сжигать деревню, – твёрдо заявил Дэрд. – Яд радоксов при сжигании меняет свою форму и переходит в воздух, а после дождей уходит в землю. Так со временем образуется вредный минерал «радоксит» (чёрно-серый камень с ядовито-зелёными крапинами, на разрезе зелёный с золотыми жилками) из которого ранее алхимики получали порошок радоксидон – важный компонент для многих ассасинских ядов... его даже, кажется, применяли в изготовлении клинков ликирианцы. Но это ещё не всё, пары этого яда опасны, они вызывают мучительную болезнь, которая известна, как паучья лихорадка. Кстати, на почве, заражённой этим ядом, растут только польнь и дурман.

– Как же нам тепереча быть-то? – схватившись за голову обеими руками, отчаянно прохрипел староста.

– Уходить отсюда и как можно скорее, иначе к сходу снегов вас уже не будет в живых.

– Но куды же мы пойдём-то!? Если граф Тиднар узнает, что мы бросили деревню, он и стар и млад убьёт! – возразил староста.

– У радоксов на пастбищах есть гнездо, половину дня они спят, за это время я успею их всех перерезать. Кожа с брюха этих существ невообразимо ценна, за один её рулон, любой лорд и герцог предоставит вам кров и защиту, – успокоил старика Даридий.

– Ужели ихний выводок завсегда с нами был? – ужаснулся старейшина.

– Не берите в голову, скоро я решу вашу проблему, – прозвучали как обещание слова Дэрда.

– Ужели взамен ничего не попросишь? – с подозрением удивился староста. – Где подвох?

– Никакого подвоха тут нет, всё, что мне нужно, так это узнать кто эти четверо пришлых охотников. Говор у них не здешний, он-то мне их и выдал, – объяснил Даридий.

– Ах, вона оно что, – незатейливо протянул старейшина. – Ну, во-первых, не все пришлые они. Главный среди них – Кéлегар, «Угрюмым» кличут его, неместный он. В молодости в полку служил, а опосля – охранял поместье графа нашенского, ну, ты уразумел, Тиднар, который. Недолго, правда, ... Как семью-то евонную вырезали головорезы какие-то, с той поры-то он и живёт тут. Занимается выделкой шкур да доспехи из кожи чинит. Не поносил народ его, примерный человек, не водится за ним грешков-то.

– А кто другие трое?

– Дэлвар – верзила, тута родился да и пошёл по стопам отца-кузнеца. «Кувалдой» мы его кличем. Зол он на мир це-

лый, что купцы какие-то, мерзавцы эдакие, будь они не ладны, изнасиловали сестрицу евонную. Худощавый Аллэст, тоже тута вырос. В полку служил, луки ладил да лесорубами верховодил, покамест евонного братца тунеядца и пьянчугу редкостного деревом не притиснуло, да и убогим не сделалю. А вот Нбрус, энто у коего космы вороные, беженец с рудников Фивисвэйл. Поговаривают, дескать, до того как на него кандалы нацепили, он наёмником был. Тута на бойне работал. Таки вот всех мужей оных недужная страсть к охоте сводила.

– Странно..., уж слишком они выделяются среди остальных, да и повадки у них какие-то бандитские. Думается мне, нечисты они, скрывают что-то, – поделился предположениями Даридий.

– Да полно тебе, ты просто их не знаешь, нечего им утаивать от нас! – уверил старейшина.

– Буду надеяться, что это так, – напряжённое лицо полудемона скрасила скромная улыбка.

– Ты чаю-то попей, покамест не остыл, а я тебе на печи постелю. Негоже гостя в эдакую непогоду отпускать, – напористо сказал старейшина, засуевившись в поисках одеял.

– Не стоит, – возразил Дэрд, поднимаясь из-за стола. – Я тороплюсь, – добавил он, в спешке накинув изорванный плащ на плечи.

– Но как же... – растерялся старейшина.

– Я переночую в трактире, не беспокойтесь, – направляясь

к двери и готовясь её отворить, сказал напоследок Даридий.

– Да благословит тебя небо, – вослед гостю шепнул старик.

– В трактире значит... – протянул коварно Дэлвар, находясь под окном и подслушивая разговор чужака со старостой, – ты мне сразу не по душе пришёлся, незнакомец, – враждебно буркнул кузнец, подняв с земли дубину, усеянную гвоздями. После он незаметно последовал за своей жертвой, и как только Дэрд повернул за угол, мужчина нанёс сокрушительный удар ему по голове. Раздался ярко выраженный треск; то ли дубина сломалась, то ли череп раскололся, было не понятно. Даридий мгновенно рухнул лицом на землю без каких-либо признаков жизни. Кузнец вырвал из проломанной головы дубину и размозжил ею остатки черепа.

– Зря ты Келегара не послушал, незнакомец, – усмехнулся убийца и, закинув окровавленную дубину на плечо, бесследно исчез в потоке холодного яростного ливня.

На северной окраине деревни трактир был единственным зданием, где горел свет. Внутри, правда, было практически пусто, разве что несколько пьяных мужиков спали на столе и под ним, в луже разлитого эля. Трактирщик безразлично смотрел на них и устало протирал тарелки и кружки. Внезапно дверь открылась, и в трактир зашёл старший охотник Келегар.

– Три кружки эля, – протянул с порога гость, зашагав к дальнему столику. Увидев его недовольное хмурое лицо, трактирщик поспешил выполнить заказ.

– И свинину с чесноком, – добавил Келегар, сев за столик и сбросив промокший плащ на лавку. Как только еда и выпивка оказалась перед ним, мужчина достал из кармана горсть медяков и серебряников.

– Возьми, сколько я тебе должен, – прохрипел Келегар, пристально взглянув трактирщику в глаза и выложив монеты на стол. Хозяин, торопясь, отсчитал деньги и вернулся на прежнее место. Гость же начал есть свинину, жадно запивая её элем. Прошло чуть меньше часа, и трактир вломился запыхавшийся верзила. Окинув взглядом тускло освещённую комнату, он всё-таки быстро сориентировался и подсел за стол к измученному ожиданием и скукой Келегару.

– Я всё сделал, – торжественным шёпотом произнёс Кувалда.

– Что ж, это не может не радовать, – довольно улыбнулся собеседник. – Удалось узнать, что ему было нужно?

– Боюсь, из-за дождя я ничего толком не расслышал, но, кажется, он не врал насчёт радоксов.

– Значит и впрямь собирался их уничтожить, правда, до утра не дожид, – рассмеялся Келегар.

– Вот уж да, – подхватил верзила, схватившись за живот.

– Какая ирония, – протянул Келегар, отпив эля. Но вдруг, к его огромному удивлению, в трактир вошёл, как, ни в чём

не бывало, Даридий. Выплюнув эль, который чуть не встал поперёк горла, старший охотник в порыве ярости схватил Дэлвара за грудки.

– Какого беса?! Ты же сказал, что он труп?!

– Я... я не знаю! – выпалил ошеломлённо Кувалда, сам не веря своим глазам.

– Обмануть меня решил?! – рявкнул Келегар.

– Да что ты такое говоришь?! – возмутился Дэлвар. – Клянись тебе, я разможил ему голову, я не понимаю, как он мог выжить!

– За дурака меня держишь?! – исступлённо воззрился он на кузнеца, притронувшись к рукоятке ножа. – Тогда как объяснить это? – с яростью, перемножавшей тревогу, прикрикнул Келегар, указав рукой на незнакомца.

– Разрази меня гром, он был мёртв! Понятия не имею, как он выжил! – отчаянно оправдывался Дэлвар.

– Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он напал на радоксов,... завтра на рассвете у пастбищ, нужно во что бы то ни стало избавиться от этого незнакомца! – решительно заявил Келегар.

– Я всё понял, – насупился верзила, вставая из-за стола. В спешке он покинул трактир.

– Кто же ты такой? – задумался Келегар, продолжая сидеть за столом и чего-то ждать. Даридий, осушив кружку эля, поставил её перед трактирщиком и, окинув взглядом старшего охотника, последовал за Кувалдой.

Надоевший дождь наконец-то стих. Верзила встал возле облетевшей яблони, и только он хотел помочиться, как в этот момент Дэрд ударил его под колено и обхватил рукой шею.

– Скажи-ка мне, здоровяк, что здесь происходит?

– Да пошёл ты в задницу! – огрызнулся Дэлвар.

– Я вежливо тебя попросил, – сдавливая шею, произнёс раздражённо Даридий. Дэлвар с трудом дотянулся до ножа, спрятанного за голенищем и, вонзил его неприятелю в бок. Затем Кувалда схватил ослабевшую руку Дэрга и, поднимаясь с колен, перебросил его через себя. Кузнец, не теряя ни секунды, бросился к крыльцу трактира, где лежала его дубина. Когда он вооружился ей, Даридий был уже на ногах.

– Я убью тебя, незнакомец! – свирепо закричал верзила, устрашающе размахивая дубиной.

– Ну, попробуй, – усмехнулся противник, готовясь нанести встречный удар. И вот когда Кувалда замахнулся дубиной, чтобы снести Дэргу голову, тот вместо того, чтобы увернуться от сокрушительного удара, разбил кулаком оружие врага. В руку вонзилось три погнутых гвоздя, но полудемон из-за ярости не ощутил боли, принесённой ими. Кузнец, опешив, выронил обломок дубины и совсем забыл, что у него есть нож. В этот момент Даридий подсечкой уложил врага наземь и рукой, усеянной гвоздями, сломал ему колено. Верзила зарычал от боли и попытался подняться, однако Дэрд несколько раз ударил его по лицу, сломав нос и разбив верх-

нюю и губу левую бровь. Противник продолжал сопротивляться, и всякий раз, как он пытался подняться, полудемон бил его в грудь и челюсть. Выплюнув несколько зубов, здоровяк всё-таки сдался.

– Скажи мне, что у вас за дела в этой деревне и почему вы хотите избавиться от хромого?! – потребовал ответа Даридий, наложив большие пальцы на глаза поверженному сопернику.

– Это не твоё дело! – продолжал сопротивляться верзила.

– Может быть, когда я выдавлю тебе глаза, ты мне всё расскажешь? – раздражённо произнёс полудемон, надавив кузнецу на глазные яблоки.

– Ты всё равно не заставишь меня говорить!

– Посмотрим, – сказал хладнокровно Дэрд, почти неслышно прочитав короткое заклинание.

– Ч... что, ты делаешь? Прекрати, не надо! – закричал в ужасе верзила, ощущая нарастающий жар в черепе. – Мы снимаем с радоксов шкуру и втайне продаём её на рынке. Хромой узнал это, и нам пришлось избавиться от него!

– Зачем вам это?

– Обычная нажива, – до последнего упирался Дэлвар.

– Не ври мне?! – крикнул ожесточённо Дэрд, надавливая пальцами на глаза кузнеца.

– Рудокопы графа Тиднара из провинции «Еловые равнины» обнаружили под деревней залежи драгоценного редкостного материала! Граф продаёт его в Тамеркросс за весь-

ма крупные суммы.

– Вновь всё ради безделушек, как низко, – с омерзением протянул Даридий и отпустил противника. В то время, как полудемон был занят допросом, мимо него незаметно прошёл невысокий мужчина в кожаном плаще с капюшоном, из-под которого выглядывали рыжие вьющиеся пряди волос. Заметив дерущихся мужчин, незнакомец стал взволнованнее. Он всё время оглядывался по сторонам и ощупывал грудь, невольно привлекая к себе внимание. Зайдя в трактир, гость сел спиной к старшему охотнику, подозвал к себе трактирщика и заказал два стакана вина с жареной уткой.

– Вы принесли товар? – спросил шёпотом Келегар, повернув голову к стене.

– Неужели вы думаете, что я могу вас обмануть? – возмутился собеседник. – Всё в порядке, он со мной.

– Отлично, тогда, думаю, не стоит затягивать наши торги, – строго сказал Келегар, засунув руку под плащ. В это время в трактир забежал Даридий, яростно обнажив кинжалы.

– Я знаю о твоих тёмных делах, сдавайся или я буду вынужден вырезать твоё гнилое коварное сердце! – приказал полудемон, приближаясь к Келегару.

– Хм... слишком поздно, незнакомец, теперь меня никто не остановит! – уверенно заявил Угрюмый, одновременно бросив на пол чёрный мешочек с мелкими серыми кристалликами и на него небольшой сосуд с пурпурной жидко-

стью. Комнату тут же окутал густой непроглядный фиолетовый дым. Даридий бросился на противника, но тот, словно растворился в гуще тумана. Встревоженный крик рыжеволосого незнакомца вдруг сменился хрипом, как будто он захлебывался кровью. Келегар, словно тень, скользнул мимо полудемона, ударив его в висок чем-то тяжёлым, вроде свинцового шарика размером с кулак. Как ни странно, в голове всё закружилось, и Дэрд тут же потерял сознание, немощно рухнув под стол. Трактирщик и протрезвевшие из-за криков и жуткого шума мужики в панике помчались к выходу, ничего не видя в слепящем едком дыму. Но один за другим они, ощущая возле горла смертоносный холод острого, как бритва, лезвия охотничьего ножа, хрипя, падали на пол. Покинув трактир, Келегар вытер окровавленный нож о рукав плаща и восхищённо посмотрел на гравированный древними витиеватыми рунами округлый красный рубин, который был обмотан чёрной граненой цепочкой вокруг кисти мужчины и помещался в ладонь. В центре этого камня завораживающе переливались чёрно-фиолетовые языки пламени, от чего он весь мерцал слабым таинственным насыщенным красным светом, впитывая с поверхности кровь.

– Чёрт, проклятая нога! – раздался разозлённый голос кузнеца, ползшего по земле. – Келегар, помоги мне! – попросил верзила. Но старший охотник холодно воззрился на него, а затем ядовито улыбнулся, покачав головой в стороны.

– Помоги же мне, чего ты ждёшь?! – ошеломлённо выпал-

лил Кувалда, скрючившись от боли.

– Потерпи ещё чуть-чуть, и я избавлю тебя от мук, – ехидно усмехнулся он.

– Ч... что? Что это значит? – в ужасе воскликнул Дэлвар, задержав взгляд на мрачной физиономии товарища, не предвещавшей ничего путного.

– Ничего, – словно вынося приговор, процедил Келегар. В следующий момент он несколько раз ударил кузнеца в затылок кованым каблуком сапога. Затем старший охотник искупал рубиновый камень в крови, вытекавшей из пробитого черепа. Вдруг загадочный артефакт на несколько секунд засиял карминным светом, изливаясь алыми и чёрными языками пламени, сплетавшимися меж собой.

– О да, – упоенно протянул Келегар. В этот момент его глаза осветила то ли безудержная ярость, то ли неукротимая страсть.

Даридий очнулся только утром. Во рту был непривычный привкус железа, на волосах застыла кровь. Полудемон, словно в полусне, с трудом поднялся на ноги, опираясь о разбросанные столы и скамейки. На полу лежало несколько покойников с перерезанными горлами. Дэрда тут же охватила необузданная ярость и злоба.

– Келегар, клянусь, я найду и казню тебя за то, что ты совершил! – сквозь зубы прорычал он, сапогом разломав скамью на куски. Выйдя на улицу, полудемон закрылся от режу-

щего глаза солнечного света, продиравшегося сквозь плотные завесы серых туч. По сравнению с прошедшим вечером деревня будто бы ожила. Правда, люди вели себя очень странно. Вместо того, чтобы заниматься привычными для них делами, женщины, оббегая соседские дома со взволнованными лицами, а некоторые и даже с напуганными, разводили панику. Мужчины же пытались их либо успокоить, либо стояли возле своих плетней с пустыми глазами, совершенно ничего не понимая. Однако при виде Даридия и женщинами, и мужчинами овладел или страх, или гнев. Они, то в ужасе разбежались, то хватали в руки любое орудие труда и с угрозами и проклятиями защищали свой двор.

– Убийца! Чудовище! Изувер! Сдохни, выродок! Гореть тебе вечно в огне! – кричал взбешённый люд. Дэрд ничего не понимал.

– Почему они так говорят? ведь я же ничего плохого им не сделал и вовсе не желаю даже! Зачем они обвиняют меня в том, чего я не совершал, неужели они действительно настолько глупы! Они ничего не знают, не хотят знать, а уже вынесли мне приговор! – думал про себя Даридий, проходя мимо обезумевшего люда. Хотя обида скреблась у него на душе, для ненависти там не было места. Полудемону даже немножко было жаль этих простых смертных из-за их неведения.

– Как можно быть такими глупцами, я же не желаю вам зла! – не вытерпел Дэрд, обратившись к разъярённой толпе

людей, которая постепенно разрасталась, как туча.

– Мы накажем тебя, подонок! Ты заплатишь за смерть невинного старика! – крикнул какой-то юноша из толпы и швырнул в голову незнакомца подкову.

– Я никого не убивал! – оправдывался Даридий. Но толпа не желала его слушать, их рассудок был затуманен жадной мести.

– Неужели они обвиняют в смерти их старосты? Но ведь... проклятье! – лицо полудемона омрачилось, и он побежал к дому старика. Толпа неотступно следовала за ним. Когда Даридий достиг своей цели, перед ним были лишь обгорелые брёвна и обвалившаяся сгоревшая крыша с разломанной печью.

– Где Келегар Угрюмый?! – взбешённо спросил Дэрд толпу. В ответ полетели оскорбления и камни.

– Я повторяю, где этот сукин сын?! – чуть ли не рыча, потребовал ответа незнакомец. В этот момент видимая лишь ему одному фиолетовая дымка окутала плечи и плавно спустилась к кистям рук. Кружа листья, подул холодный обжигающий ветер. Люди резко замолчали, будто бы по команде. Гнев стёрся с их лиц, оставив только немую пустоту.

– Он всех вас обманул! Под этой деревней залежи ценных минералов, поэтому он сговорился с графом Тиндаром извести вас! Вы целый год дышите отравленным воздухом! Можете поверить мне и уходить отсюда, а можете остаться и умереть, мне наплевать, единственное, что нужно мне знать,

так это то, куда пропал Келегар Угрюмый, ибо повинен он в ваших бедах! – объяснил Даридий.

– Ранним утром я видел, как он ушёл в сторону пастбищ, – раздался голос старика из толпы. Дэрд признательно кивнул в ответ, после чего призвал своего верного скакуна. Со свистом разрезая крыльями воздух, в небо над лесом взмыл чёрный конь. Толпа застыла то ли от страха, то ли от удивления, когда невиданный зверь, гордо подняв голову и выпятив грудь, приземлился возле хозяина.

– Хотите жить, покиньте это злополучное место, – посоветовал Дэрд. Затем он запрыгнул на коня и покинул деревню.

Аллест и Норус с рассвета терпеливо ожидали Келегара. Влажная земля пастбищ пребывала в холодном утреннем сумраке.

– Странно, Келегар, что-то задерживается, на него это вообще не похоже, – сказал худощавый лучник.

– Он просто так не опаздывает, наверняка, что-нибудь случилось, – предположил охотник с чёрным хвостом.

– Смотри-ка, а вот, кажется, и он? – неуверенно сказал Аллест.

– Наконец-то! – воскликнул Норус, идя навстречу к Угрюмому. – Чёрт возьми, что у тебя с лицом?! – воскликнул мужчина, разглядев Келегара. Корни его волос побелели, вокруг глаз нарисовались тёмно-фиолетовые почти чёрные синяки, лицо побледнело, а от правого виска к подбородку отчётливо

тянулась напряжённая пульсирующая вена. Келегар, похрипывая и задыхаясь, будто его душила астма, шёл к товарищу. Его тело подёргивало, шаг сбивался.

– Чего молчишь, заболел что ли? – растерялся Норус. В следующий момент Угрюмый молниеносно выхватил из-за пояса нож и так же быстро вонзил его по рукоять в сердце товарищу. Норус не только не заметил удара, а даже не успел ничего понять, только расплывчатое лезвие мелькнуло перед его глазами.

– Холодно, – протянул охотник синеющими трясущимися губами. Келегар упоенно вдохнул воздух и медленно вынул нож, с наслаждением вертя рукоятку. Потом Угрюмый засунул руку с медальоном по кисть в кровоточащую рану на груди.

– Я чувствую, как угасает твоя жизнь, с каждым ударом сердца, – безумно улыбаясь Норусу в лицо, протянул с удовольствием убийца.

– Будь ты... – Норус не успел договорить; Келегар резко вырвал из разорванной груди руку и отбросил от себя омертвелое тело. Едва нацелив взор на Аллеста, Угрюмый тут же получил стрелу в плечо. Гортанно рассмеявшись, он с лёгкостью вытащил её из раны, которая затянулась буквально на глазах, а деревянное древко обратилось в карминную пыль и бесследно развеялось по ветру. Аллест отчаянно выпустил вторую стрелу, которая предназначалась Келегару в лоб, но тот чудом перехватил её.

– Не играй со мной! – предупредил Келегар, жаля лучника взглядом. Тот выпустил ещё одну стрелу, но противник подставил под её наконечник загадочный камень, из-за которого стрела попусту превратилась в бурую пыль. Не дожидаясь очередного выстрела, Угрюмый бросился к Аллесту, который только-только натянул тетиву и приготовился выстрелить. Но лучник не успел из-за противного ощущения, что из его бедра стремительно вытекает кровь – в ноге глубоко торчал охотничий нож. Вскоре противник оказался у самого носа. Всё было быстро: треск дерева, воинственный клич, хрип, а после тишина. Вытерев нож о рукав плаща, убийца омыл медальон вытекшей из горла кровью. Тот вновь засиял ярким карминным светом на несколько секунд и потух. Тут в небе, выскользнув из туч, появился Даридий на коне, извергавшем из ноздрей раскаленный чёрный дым. Он, словно метеорит, приземлился на землю, взметнув в воздух искры пламени и куски земли и глины.

– Я порублю тебя на куски, предательская мразь! – угрожающе закричал Даридий, выхватив из ножен Душегуб. Мелкие горячие искорки заплясали на лезвии, источая тухнувший алый свет.

– Какое громкое заявление! – с издевательской улыбкой бросил в ответ Келегар. Дэрд уверенно начал наступать, от кипевшей в его сердце ярости и злобы, сдавливая рукоять клинка. Угрюмый скривил губы в надменной дразнящей улыбке и прыгнул в вырытую радоксами нору.

– Тебе не скрыться от меня! – заявил полудемон и бросился вслед за коварным врагом.

В подземных ходах обосновалась душная сырость. Земляные стены обволакивал толстый слой паутины. Ноздри резал едкий запах пыли и гнилых внутренностей. Ноги вязли в липкой глине и какой-то слизи, вероятнее всего это были испражнения радоксов. Беспросветный мрак разгоняло огненное свечение рун на мече Даридия. В норах царило безмолвие, поэтому было отчётливо слышно хлюпанье грязи под сапогами, издаваемое убегающим врагом. Полудемон ориентировался только на них, осторожно ступая по скользкой земле. Через несколько минут блуждания во тьме, Дэрд наконец увидел вдалеке слабый голубой свет. Вскоре охотник смог разглядеть опутанные голубыми жилами большие белые кристаллы на тёмно-синих камнях, выглядывавших из земли, словно они росли из неё. Здесь всё было опутано толстым слоем затвердевшей паутины, от которой отражался матово-голубой свет. Даридий подошёл к краю вырытой норы и замер, прислушиваясь к звукам и смотря по сторонам. Впереди, к большой площадке тянулось пять освещённых земляных ходов. В их смрадной глубине слышалось едва уловимое пощёлкивание хелицер, иногда перебиваемое мерзким шипением.

– Куда же он подевался... И как только ему удалось спрыгнуть, не потревожив радоксов? – задумался Даридий, глядя под ноги. Ведь до дна площадки высота была много

больше метра. Стряхнув с лица пот, полудемон выпрыгнул из земляного прохода. Нити паутины задёргались, как струны и в глубине нор раздалось встревоженное шипение. Охотник стоял, словно на решётчатом полу; каждый его шаг, даже самый аккуратный, вызывал колебания тенёт. Запах пота дразнил чудовищ, пробуждая у них ужасный аппетит. Едва их устрашающие уродливые морды показались из земляных ходов, Даридий швырнул в них несколько огненных шаров. Пламя обожгло нежную паучью плоть на головегрудии и лишило зрения. Радоксы в панике метались по сторонам и отпрыгнули от ненавистных языков огня, свирепо шипя и щёлкая хелицерами. Однако долго пламя не могло гореть, сдерживая голодных озлобленных чудовищ. Паутина плавилась, как масло, источая противный запах горелой травы и полыни, возбуждавший у радоксов желание питаться ещё сильнее. Огненный жар стихал, ещё немного и монстры бросились бы в атаку. Тогда Дэрд сообразил направить поток пламени на потолок. Паутина начала осыпаться раскаленным дождём на яростных чудовищ, которые замешкались ещё сильнее. Вслед за расплавленными тенётами начала комьями падать земля, ревностно сдерживаемая ими. Так четыре земляных хода было засыпано – оставался только центральный, самый большой. Из него радоксы не решались показываться. Даридия это насторожило, поэтому он двигался осторожно и не торопился. Вскоре под ногами стали попадаться человеческие останки. В основном это были кости в высохшей или

обглоданной сгнившей коже.

– Неужели эти выродки кормили этих прожорливых зверюг человечиной?! – пришёл в ярость полудемон, увидев несколько подвешенных к потолку коконов. Позже он разглядел людские тела, замурованные толстым слоем паутины в стены и пол. Даридий хотел освободить одну из жертв радоксов, но только он коснулся кокона, как в голове прозвучал голос Морка.

– Оставь их, они уже все мертвы! – приказал он.

– Откуда тебе знать?! – возразил полудемон.

– Их души давно покинули тела! – твёрдо заявил Морк.

– А вдруг ты заблуждаешься?! – настаивал Даридий.

– Глупец! Твой враг уходит! – раздался надломленный крик в голове так, что заложило уши и потемнело в глазах. Дэрд отпрянул от мертвеца и вовремя замахнулся мечом, разрубив прыгнувшего на него радокса пополам. В короткое время чудовища окружили желанную добычу и бросались на неё со всех сторон. Только полудемона было не так-то и просто взять. Меч в его руках вспыхнул жарким пламенем, обжигая раскаленной рукоятью ладонь. Дэрд очертил вокруг себя огненный круг, припал на колено и воткнул клинок в землю, громко повторяя заклинание. С каждым словом языки огня поднимались всё выше и выше, пока не достигли роста заклинателя. Затем полудемон поднялся с колена, направил руку с расправленной ладонью вперёд и сквозь зубы прорычал:

– А́валэн тартус мórэ!

Стена пламени, окружавшая Даридия, вмиг приняла форму рогатого черепа с раскрытой клыкастой челюстью и, раскаленным вихрем пролетела сквозь орду чудовищ, стоявшей у неё на пути. Обугленные паучьи тела впереди устлали дорогу. Радоксы, что шипели за спиной, тщетно пытались напасть на свою жертву. Всякий раз, жая хвостом, они лишались его. Желая укусить врага, чудовище оставалось без головы. А особи, что старались в отчаянии запрыгнуть на полудемона, оказывались разорванным на кусочки его смертоносным огненным заклинанием. И вот когда путь был очищен от назойливых монстров, Дэрд пошёл дальше. Через пару сотен метров, за поворотом, охотника ждало девять разбуженных от сна, огромных, размером с быка, с голой чёрной слизистой кожей самцов радоксов. На брюшке у них был рисунок в виде бардового креста. С ужасным хриплым шипением чудовища раскрыли восьмилопастные челюсти и враждебно смотрели на незваного гостя красными, как кровь, пятью парами глаз. Даридий, не мешкая, провёл огненную стену перед собой, но это его не защитило. Не чувствуя жара, чудовища бесстрашно стали наступать, угрожающе щёлкая ядовитыми хелицерами и махая отравленным скорпионьим хвостом, жало на котором было подобно стали. Полудемон старался не подпускать разъярённых радоксов, нанося колющие удары им в глаза и отбивая их ловкие назойливые хвосты. Но всё-таки одно жало хлестнуло охотника по бедру.

Затем ещё одно полосонуло ребро, следующее задело спину, четвёртое ранило плечо. Но, даже истекая кровью, Дэрд продолжал отбивать свирепый натиск чудовищ.

С яростным рыком сделав выпад, он пронзил мечом голову чудовища по самую рукоять. Остальные радоксы набросились на открывшегося врага, взбешённо разинув пасти. В этот момент Даридий с лёгкостью вытащил Душегуб демоническими когтистыми руками из поверженного врага и резанул монстров по кругу, покрыв их безобразные морды. Оставшиеся три радокса трусливо попятнулись к гнезду. Раскалённые огоньки кружились вокруг мощных мускулистых чёрных рук с жилами в виде лавовых ручейков, а с когтей капала кипящая жёлто-изумрудная кровь. Недолго думая, Дэрд подбежал к чудовищам и начал безжалостно наносить сокрушительные удары мечом и руками. Первый радокс, корчась в предсмертных судорогах, упал на землю с пробитой головой и перерубленными передними конечностями. Второй лишился хелицер и всех глаз, истекая кровью, фонтанировавшей из вырванной глотки, он вскоре беспомощно вжался в стену и издох. А третьему монстру полудемон вонзил меч в сердце, а после разбил кулаками морду, превратив её в бесформенный фарш.

– Где ты, Келегар?! Хватит прятаться! – надломленным демоническим голосом крикнул Даридий врагу, добравшись до сердца гнезда.

– А кто тебе сказал, что я прячусь?! – надменно усмехнул-

ся Угрюмый со спины, демонстрируя магический медальон. Внезапно тот засиял ярким рубиновым светом, и от его граней поползла в воздух рваная алая дымка. Дэрд почувствовал небольшую слабость в теле, которая неумолимо росла с каждой секундой.

– Неужели ты всё это время был за моей спиной?! – гневно закричал полудемон, наступая на врага.

– Я ждал, когда ты сделаешь всю грязную работу за меня, – с издевательской улыбкой ответил Келегар.

– О чём ты? – удивился Дэрд, продолжая подходить к врагу не обращая внимания на сковывавшую его немощь.

– Знаешь, как ценны яйца радоксов на Алкандоре? За три таких яйца можно получить лучший тамошний доспех, но я здесь не за ними.

– Именно, ты здесь, чтобы я отрубил тебе башку! – сквозь зубы ненавистно протянул Дэрд, замахнувшись на врага мечом.

– Не угадал, я здесь за твоей кровью! – торжественно заявил Угрюмый, увернувшись от атаки и ударив противника медальоном по печени. Рубиновый камень засиял ещё ярче, а из его центра вырвались чёрные языки пламени, которые, словно змеи, потянулись к полудемону.

– Что это за неведомая сила? – изнеможённо произнёс Даридий, с трудом держа в трясущихся ладонях меч. Демонические черты освободили его руки, а пламя исчезло с лезвия Душегуба.

– Интересно, какой заряд энергии получит кристалл Агильгрона, напитавшись твоей кровью? – задумался Келегар, кривя губы в мерзкой ядовитой улыбке.

– За что... за что ты сжёг старика? – едва поворачивая язык, спросил Дэрд, обессилено упав на землю.

– Я думал, тебя это разозлит, и ты пойдёшь за мной... и всё получилось как нельзя лучше, – ответил, не прекращая улыбаться Угрюмый, сев на корточки перед беззащитным противником и терзая его истощающей силой медальона. Пальцы не слушались хозяина, из-за чего Даридий отпустил рукоять меча. Веки тяжелели, тело сковало так, будто каждый мускул туго перетянули конопляной верёвкой.

– Думаю, тут твой путь закончился, незнакомец, – прошептал на ухо Келегар, парализованному полудемону. После этих слов, он покрутил свой охотничий нож в руках, взглянул на своё отражение в его лезвии, и медленно разрезал Дэрду шею от уха до уха. Омытый в демонической крови медальон засиял ослепительным фиолетовым светом с чёрной рваной дымкой и пурпурными языками пламени в центре. Даридий немощно посмотрел на ненавистного врага в последний раз и сомкнул почерневшие веки, что-то невнятно прошептав синеющими губами. Бледная краска неспешно расползлась по холодеющему телу.

– Вот и всё, демон, ничего личного, я просто должен отомстить за свою жену и сына, – сказал Келегар, не отрывая восхищённо-одержимого взгляда от кристалла Агильгрона.

Когда фиолетовое сияние исчезло, и медальон вновь принял свойственный ему рубиновый цвет, Келегар решил забрать Душегуб у покойника. Но едва мужчина вложил рукоять в свою ладонь, как гарда меча подозрительно засветилась красным зернистым светом, а руны наполнились ослепительным огненным свечением. Руку начало невыносимо жечь, от чего Угрюмый швырнул его подальше от себя.

– Проклятье! – воскликнул озлобленно он. От Душегуба в этот момент в воздух начали подниматься карминные раскаленные головёшки, источая адский жар. Над трупом Даридия задрожала земля, как будто началось землетрясение. Убийца, ощущая обжигающий лицо и руки воздух, заволновался и не решился больше трогать злополучный меч. Паутина над мечом и вокруг него начала расправляться. Келегар поспешил покинуть гнездо радоксов, пока его не замурило глиной, которая начала осыпаться на плечи мелкими комочками. Как оказалось конь погибшего хозяина в дикой истерике бил огненными копытами по земле в том самом месте, где лежал труп полудемона. Вдруг от Душегуба разошлась волна палящего эфемерного зернистого света. Потом она тут же вернулась обратно к клинку, и прогремел взрыв, разрывая всё на своём пути. Ослепительный рубиновый свет вырвался из-под расколотой земли, и конь рухнул в её черствые объятия. Животное оказалось замурированным вместе со своим хозяином...